

1912.

Годъ 20.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ACTA

ET

COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).

№ 9.

ЮРЬЕВЪ

Типографія К. Маттисена.

1912.

1912.

Годъ 20.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 9.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1912.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго
Университета.

Юрьевъ, 12 октября 1912 г.

№ 2249.

Ректоръ В. Алексѣевъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Приложенія.

Стр.

Проф. Е. В. Пѣтуховъ. Русская литература, историческій обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій древняго и новаго періода	513—592
Проф. И. И. Лаппо. Великое княжество литовское во второй половинѣ XVI столѣтія	529—624
М. В. Бречкевичъ. Введеніе въ социальную исторію княжества Славін или Западнаго Поморья	193—267
Michael Krascheninnikov. Sancti Abramii Archiepiscopi Ephesii Sermones Dvo	I—XLVIII

изъ особаго рода сборниковъ, вродѣ „фацецій“ и т. п. Таковъ, напр., получившій большое распространеніе разсказъ о томъ, какъ однажды мужъ шелъ съ женою черезъ поле и замѣтилъ ей, что оно хорошо покошено; жена на это отвѣтила, что поле не покошено, а пострижено; мужъ съ этимъ не согласился, и возникъ споръ, въ результатъ котораго мужъ сбросилъ свою жену въ воду, но, утопая, жена продолжала настаивать на своемъ, дѣлая надъ водою знакъ руками на подобіе ножницъ²⁾. Популярность „Великаго Зеркала“ въ средѣ русскихъ читателей не ограничивалась значительнымъ распространеніемъ этого сборника и вліяніемъ на другія явленія русской письменности, вродѣ Синодиковъ; она получила выраженіе и въ формѣ вліянія его на народную славесность — духовные стихи, сказки и легенды³⁾.

11.

Свѣтскія повѣсти. — Римскія Дѣянія. — Исторія о семи мудрецахъ. — Апофегматы и фацеціи. — Шемякинъ Судъ.

Римскія Дѣянія. Наряду съ „Великимъ Зеркаломъ“, въ которомъ, среди массы разсказовъ духовнаго происхожденія, встрѣчаются и свѣтскіе, удовлетворенію потребности въ чтеніи этого послѣдняго характера служили, кромѣ того, и другіе сборники. Выдающееся мѣсто между ними занимаютъ „Римскія Дѣянія“, въ которыхъ свѣтскій элементъ уже весьма значительно преобладаетъ надъ духовнымъ. Эта книта, извѣстная на Западѣ подъ именемъ *Gesta Romanorum*, издавна приобрѣла тамъ характеръ народной книги; она представляетъ собою сборникъ назидательныхъ разсказовъ самаго разнообразнаго

1) Владиміровъ. Вел. Зерц., стр. 97. (*Это примѣчаніе относится къ концу предыдущей стр. 512*).

2) Пыпинъ, А. Н. Очеркъ литер. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 202. О другихъ свѣтскихъ и шуточныхъ разсказахъ въ „Великомъ Зерцалѣ“ см. у Владимірова: Дополненіе, стр. 339—344.

3) Владиміровъ. Вел. Зерц., стр. 98—104.

происхожденія. Присутствіе имени римлянъ въ заглавіи книги должно быть истолковано въ томъ смыслѣ, что сюжеты разсказовъ первоначально взяты были изъ римской исторіи и вообще изъ древняго міра, хотя въ дальнѣйшемъ, постепенно осложнявшемся, составѣ сборника такой выборъ и не былъ выдержанъ; имя римлянъ, какъ знаменитаго народа, удерживавшаго для средневѣковаго западно-европейца все свое обаяніе исторической близости, было принято, вѣроятно, первымъ редакторомъ этого сборника съ тою цѣлю, чтобы дать ему этимъ ходъ и заинтересовать читателей. Первоначально этотъ сборникъ составленъ былъ на латинскомъ языкѣ. Определить время и мѣсто происхожденія *Gesta Romanorum*, а тѣмъ болѣе личность перваго составителя этого сборника, не представляется возможнымъ съ достаточной точностью. Новѣйшій изслѣдователь этого вопроса, основываясь на указаніи одного изъ латинскихъ изводовъ даннаго памятника, XV вѣка, полагаетъ, что „окончательная кодификація“ одной изъ распространеннѣйшихъ редакцій сборника относится къ 1261 году. Первоначальной основой для него могъ служить трудъ испанскаго монаха Петра Альфонса (1062—1110) *Disciplina clericalis*, который, въ свою очередь, явился наслѣдіемъ арабской образованности подъ очевиднымъ вліяніемъ христіанской культуры. Въ этомъ сочиненіи имѣется 15 разсказовъ, почти цѣликомъ вошедшихъ въ *Gesta Romanorum*, а затѣмъ къ нему присоединялись разсказы изъ многихъ другихъ источниковъ и путемъ накопленія вокругъ первоначальнаго зерна образовали „тотъ безыменный трудъ, въ которомъ нельзя отыскать, кто его натолкнулъ, ни того, кто направилъ его по извѣстному пути, ни того, кто содѣйствовалъ его дальнѣйшему и окончательному образованію“¹⁾. Отъ латинскихъ

1) Пташицкій, С. Л. Средневѣковыя западно-европейскія повѣсти въ русской и славянскихъ литературахъ. I. Исторіи изъ Римскихъ Дѣяній. Спб. 1897, стр. 5—7.

редакцій, которыхъ имѣется нѣсколько и самая обширная изъ которыхъ, распространившаяся въ печатныхъ изданіяхъ съ 1473 года, заключаетъ въ себѣ до 181 разсказа, произошли многія редакціи на различныхъ западно-европейскихъ языкахъ; около половины XVI вѣка появился польскій переводъ „Римскихъ Дѣяній“ (Dzieje Rymskie), извѣстный до сихъ поръ однако лишь въ печатныхъ изданіяхъ XVI—XVIII вв. Польскій переводъ заключаетъ лишь около 40 разсказовъ, сходясь въ этомъ съ одной изъ древнѣйшихъ англійскихъ редакцій. Русскіе списки „Римскихъ Дѣяній“, относящіеся къ XVII—XVIII вв., не смотря на свое разнообразіе въ частностяхъ¹⁾, восходятъ, повидимому, къ одной редакціи; она является результатомъ перевода съ польскаго изданія, до сихъ еще не розысканнаго библіографами²⁾. Русскій переводъ сдѣланъ во второй половинѣ XVII вѣка; въ немъ имѣется около 40 разсказовъ. Не смотря на существованіе изданія „Римскихъ Дѣяній“ Обществомъ Любителей Древней Письменности (два выпуска: №№ V и XXXIII. Спб. 1877—1878), мы не имѣемъ до сихъ такого труда въ этомъ отношеніи, который бы вполне удовлетворялъ научнымъ требованіямъ. Хотя „Римскія Дѣянія“ усердно читались въ старину, однако какихъ-либо слѣдовъ примѣненія этого сборника къ условіямъ русской жизни незамѣтно, хотя нѣкоторые отдѣльные разсказы изъ этого сборника извѣстны были въ русской письменности еще ранѣе его появленія въ цѣломъ видѣ, будучи заимствованы изъ византійскихъ источниковъ, напр. житія Евстафія Плакиды или Алексѣя Божія чловѣка.

Вотъ, для примѣра, одинъ разсказъ изъ „Римскихъ Дѣяній“. Прикладъ о правдѣ и о любви, яко правда

1) Пыпинъ, А. Очеркъ, стр. 183—185; Пташицкій, назв. соч., стр. 41—46. 93—97.

2) Пташицкій, стр. 98.

избавляетъ отъ смерти¹⁾. Содержаніе этого разсказа таково: Былъ одинъ „цесарь“, а у него въ государствѣ два рыцаря, изъ которыхъ одинъ жилъ въ Египтѣ, а другой въ Багдадѣ. Между этими рыцарями была большая дружба и частыя сношенія черезъ пословъ, но лично они другъ друга не видали. Однажды багдадскій рыцарь рѣшилъ навѣстить своего египетскаго друга, нанялъ себѣ корабль и отправился въ Египетъ. Принятый своимъ другомъ весьма радушно, онъ увидалъ въ его домѣ одну дѣвушку чрезвычайной красоты и, влюбившись въ нее, сталъ грустить. На вопросъ друга о причинѣ этой грусти, пріѣзжій откровенно сознался, и такъ какъ онъ не зналъ имени покорившей его сердце особы, то хозяинъ показалъ ему всѣхъ дѣвушекъ своего дома, за исключеніемъ однако же одной — и именно той самой, о которой думалъ багдадскій рыцарь. Затѣмъ пришлось показать и самую эту дѣвушку, о которой египетскій рыцарь сообщилъ своему другу, что она была „отъ младыхъ лѣтъ“ предназначена ему въ жены съ огромнымъ богатствомъ, но такъ какъ багдадскій гость сказалъ ему, что безъ обладанія этой дѣвушкой онъ не можетъ жить, то великодушный другъ не задумался отдать ему и дѣвушку въ жены, и ея богатство. Багдадскій рыцарь уѣхалъ. Оставшись одинъ, египетскій рыцарь вскорѣ обѣднѣлъ и, не имѣя чѣмъ жить, рѣшилъ отправиться къ своему другу, жившему въ Багдадѣ. Пріѣхалъ онъ туда вечеромъ и, стыдясь пойти въ домъ друга въ своемъ нищенскомъ платьѣ, почелъ за лучшее ночевать въ церкви. Случилось, что какъ разъ въ эту ночь въ Багдадѣ одинъ человекъ совершилъ убійство и, спасаясь отъ правосудія, вбѣжалъ и потомъ выбѣжалъ изъ церкви, гдѣ почивалъ египетскій путникъ. Люди, преслѣдовавшіе убійцу, нашли въ церкви пріѣзжаго рыцаря и, считая его за совершившаго преступленіе, взяли, посадили въ темницу и утромъ

1) Римскія Дѣянія (Gesta Romanorum). Изд. О. Л. Д. П. Спб. 1877—1878, стр. 193—203.

повели къ судѣ. Судья присудилъ мнимаго убійцу къ повѣшенію, и когда его уже вели къ мѣсту казни, то багдадскій другъ несчастнаго увидѣлъ его на улицѣ и, помня оказанное ему благодѣяніе, заявилъ, что именно онъ убійца, желая т. о. умереть за друга. Его также повели для совершения казни. Тогда все это увидалъ настоящій виновникъ убійства и, раскаявшись въ своей душѣ, просилъ освободить обоихъ невиновныхъ людей, а его предать смерти. Всѣ три человѣка стали передъ судьей, и каждый объяснилъ причину своего признанія въ убійствѣ: пріѣзжій — вслѣдствіе нищеты („лучше ми есть умереть, нежели живу быти“), его другъ — изъ благодарности, наконецъ третій — не желая чтобы за его вину страдали невинные люди и чтобы ему не быть за это „въ вѣчномъ мученіи во адѣ“. Судья, понявъ дѣло, отпустилъ не только двухъ рыцарей, но и истиннаго убійцу на свободу ради его чистосердечнаго признанія. Толкованіе этого „приклада“ таково: цесарь — самъ Богъ, а два рыцаря — Иисусъ Христосъ и Адамъ, первый въ Египтѣ, второй въ Багдадѣ. Пріѣздъ рыцаря изъ Багдада въ Египеть означаетъ пренесеніе Адама въ „пресвѣтлый рай“, а прекрасная дѣвица — это душа, которую Господь вложилъ ему въ тѣло. Убожество египетскаго рыцаря — есть земное убожество Иисуса Христа; его вступленіе въ церковь въ Багдадѣ — означаетъ вступленіе во чрево Маріи, готовность умереть за убійцу есть желаніе принести себя въ жертву за весь родъ человѣчскій, а желаніе второго рыцаря умереть за перваго знаменуетъ дѣятельность апостоловъ; третій же человѣкъ, сознавшійся въ своемъ преступленіи — есть вообще „грѣшный человѣкъ“. Рѣшеніе „праведнаго судьи“ есть прообразъ будущаго всеобщаго суда, въ силу котораго всѣ мы должны наслѣдовать „животъ вѣчный“. — Какъ можно видѣть изъ пересказа этого „толкованія“, оно представляется чрезвычайно искусственнымъ и какъ бы уже потомъ приспособленнымъ къ разсказу.

Исторія о семи мудрецахъ. Книгой чисто свѣтскаго содержанія является „Исторія о семи мудрецахъ“. Въ числѣ т. н. странствующихъ сказаній книга эта является одной изъ самыхъ извѣстныхъ; сдѣлавшись въ полномъ смыслѣ народной, она приобрѣла міровую славу среди миллионовъ читателей въ различныхъ литературахъ востока и запада. Первоначальное происхожденіе этой повѣсти слѣдуетъ искать, повидимому, въ индійской литературѣ, въ „притчахъ“ мудреца Синдабаба, но объ индійскомъ подлинникѣ заключаютъ лишь по арабскому и персидскому переводамъ. Названіе, подъ которымъ это произведеніе сдѣлалось знаменитымъ, впервые было ему усвоено въ латинской обработкѣ „Historia septem sapientum Romae“, время возникновенія которой, подобно восточнымъ редакціямъ этой повѣсти, съ точностью опредѣлить невозможно. Ближайшей обработкой латинскаго перевода было французское стихотвореніе „Les sept sages de Rome“ Геберса или Герберта, относящееся къ XIII вѣку, за которымъ въ послѣдующіе вѣка появились многочисленныя обработки того же сюжета на другихъ западно-европейскихъ языкахъ. Въ началѣ XVI вѣка появился въ печати и польскій переводъ, сдѣланный, вѣроятно, съ латинскаго и послужившій оригиналомъ для русскаго¹⁾. Предполагаютъ, что русскій переводъ возникъ въ XVI вѣкѣ на югѣ Россіи и, б. м., черезъ Новгородъ перешелъ въ Москву и вообще въ восточную Русь, гдѣ нашелъ чрезвычайно широкое распространеніе; объ этомъ свидѣлствуютъ до 40 найденныхъ до сихъ поръ списковъ повѣсти, относящихся главнымъ образомъ къ XVII и отчасти къ XVIII в. Какъ ни разнообразны эти рукописные тексты, однако въ нихъ можно усмотрѣть единство перевода: списки повторяютъ два испорченныхъ мѣста, явившіяся результатомъ того, что переводчикъ не понялъ польскаго оригинала; несмотря на такую зависимость отъ

1) Пыпинъ, А. Очеркъ, стр. 252—254.

польскаго источника, засвидѣтельствованную, кромѣ того, многими полонизмами въ языкѣ, русскій переводчикъ и его послѣдующіе продолжители-редакторы внесли въ свои обработки повѣсти нѣкоторыя національныя черты какъ въ отношеніи языка, такъ и содержанія памятника ¹⁾. Содержаніе повѣсти таково ²⁾. Царь Еліозаръ имѣлъ сына Діоклетіана, котораго онъ отдалъ на обученіе семи мудрецамъ. Мудрецы отвели мальчика въ свою страну, а отецъ, между тѣмъ, по совѣту своихъ приближенныхъ женился на другой, молодой женѣ. Новая царица, боясь, чтобы пасынокъ не помѣшалъ ея дѣтямъ въ дѣлѣ престолонаслѣдія, рѣшилась погубить царевича, и просила царя вызвать его ко двору подъ предлогомъ материнской къ нему нѣжности. Мудрецы, получивъ повелѣніе царя, отправились съ юношей въ путь, причемъ благодаря астрологическимъ наблюденіямъ узнали, что королевичъ въ продолженіе первыхъ семи дней по прибытіи къ отцу будетъ нѣмъ, и отъ этого ему угрожаетъ большая опасность. Когда юноша прибылъ къ царю, тотъ принялъ его съ величайшей радостью, но крайне опечалился, что сынъ ничего не отвѣчалъ на его привѣтствія. Между тѣмъ мачеха прельстилась красотой пасынка и предложила ему свою любовь, отъ которой юноша съ негодованіемъ отказался; тогда она, чтобы отомстить ему, оклеветала его передъ царемъ въ томъ самомъ помышленіи, въ которомъ была сама виновата. Разгнѣванный царь отдалъ приказаніе повѣсить сына на другой день, а пока запереть въ тюрьмѣ. Тогда начинаютъ дѣйствовать мудрецы: одинъ за другимъ, въ теченіе семи дней, каждый изъ нихъ рассказываетъ царю повѣсть, смыслъ которой неизмѣнно заключается въ томъ, что

1) M. M u r k o. Die Geschichte von den Sieben Weisen bei den Slawen. Wien 1890, стр. 87—138.

2) По изданію О. Л. Д. П.: Исторія семи мудрецовъ. Текстъ съ введеніемъ О. Булгакова (№№ XXIX и XXXV), два выпуска. Спб. 1878—1880.

не слѣдуетъ полагаться на совѣты женщины, какъ существа коварнаго, эгоистичнаго и злого; за каждымъ изъ этихъ разсказовъ слѣдуетъ и разсказъ мачехи-царицы, наводящей мужа на мысль о необходимости скорѣе покончить съ царевичемъ, который злоумышляетъ противъ отца. Колеблясь между этими двумя вліяніями и выслушивая ежедневно по одному разсказу съ той и другой стороны, царь такимъ образомъ проводитъ семь дней, щадя жизнь царевича. Наконецъ, послѣдній получаетъ даръ слова, очаровываетъ отца своимъ умомъ и рассказываетъ ему сущность своихъ отношеній къ мачехѣ. Тогда царь отдаетъ приказаніе казнить царицу, а самъ черезъ нѣкоторое время умираетъ; сынъ наследуетъ его царство и пріобрѣтаетъ своимъ умомъ великую славу.

Вотъ, для примѣра, двѣ повѣсти съ той и другой стороны. Повѣсть перваго мудреца Велцеуса о цесаревѣ псѣ и о соколѣ его ¹⁾. Первый мудрецъ разсказалъ цесарю слѣдующую исторію. Жилъ въ одномъ мѣстѣ храбрый рыцарь и имѣлъ сына, еще младенца, къ которому приставилъ трехъ мамокъ: одна его кормить, другая обмываетъ, а третья въ колыбели качаетъ. У рыцаря было вѣрный песъ и соколъ, которыхъ онъ очень любилъ; песъ не уступалъ никакому звѣрю, а соколъ — никакой птицѣ. Однажды рыцарь съ женой своею отправился на пирь, а три мамки, укачавши младенца въ колыбели, также его оставили; только песъ и соколъ были на своихъ мѣстахъ въ этой же комнатѣ. И вотъ изъ-подъ лавки выползла змѣя („ужь“) и начала приближаться къ младенцу, чтобы его ужалить; тогда соколъ сталъ трепетать крыльями, чтобы разбудить пса, а песъ бросился на змѣю и вступилъ съ ней въ бой; въ концѣ концовъ онъ загрызъ змѣю, причемъ во время борьбы колыбель сорвалась съ гвоздя и упала на землю, прикрывъ собою

1) Исторія семи мудрецовъ. Изд. О. Л. Д. П. Спб. 1878—1880, стр. 25—29.

спящаго и невредимаго младенца. Черезъ нѣкоторое время прибѣжали мамки и, увидавъ комнату залитой кровью и пса лежащимъ у опрокинутой колыбели, рѣшили, что песъ заѣлъ младенца; тогда онѣ побѣжали къ своей госпожѣ, а та тотчасъ передала объ ихъ догадкѣ своему мужу. Рыцарь, въ страшномъ волненіи, отправился домой и, увидавъ ту же картину, что и мамки, и выскочившаго къ нему на встрѣчу съ радостью пса, разсѣкъ его надвое мечомъ: и только потомъ увидаль онъ спящаго подъ колыбелью младенца, мертвую змѣю возлѣ и понялъ, что песъ былъ спасителемъ его сына. И онъ началъ плакать и неутѣшно жалѣлъ объ убитомъ псѣ. — Мораль этого разсказа перваго мудреца была та, что не слѣдуетъ полагаться на слова женщины. Подъ вліяніемъ этого разсказа цесарь отмѣнилъ казнь сына. Но затѣмъ послѣдовала Повѣсть вторая цысаревы къ цысарю о дикомъ вепрѣ и о пастухѣ¹⁾. Былъ одинъ король, имѣвшій въ своемъ государствѣ огромный лѣсъ, и въ этомъ лѣсу жилъ дикій вепрь, причинявшій много вреда людямъ. Много рыцарей выходило на этого звѣря, по повелѣнію короля, но всѣ они гибли, и, будучи „въ недоумѣніи“, король объявилъ по всему своему царству, что онъ выдастъ свою единственную дочь за того, кто убьетъ вепря. Тогда, черезъ нѣкоторое время, одинъ пастухъ, имѣвшій у себя за поясомъ лишь сѣкиру, заманилъ вепря къ дереву съ „виноградными“ ягодами, самъ взлѣзъ на это дерево и сталъ кидать ягоды внизъ, а вепрь началъ ихъ поѣдать. Наѣвшись, вепрь легъ спать подъ деревомъ; тогда пастухъ, спустившись на землю, сталъ чесать звѣря и, усыпивъ его окончательно, взялъ сѣкиру и зарубилъ его на смерть. Королю пришлось отдать за пастуха свою дочь, а послѣ смерти ея отца пастухъ сдѣлался королемъ. — Жена цесаря присоединила къ этому разсказу такое толкованіе:

1) Тамъ же, стр. 29—31.

мудрецы, подобно этому догадливому пастуху, обольщать его своими „лживыми словами“ и затѣмъ, вмѣстѣ съ сыномъ, убьютъ его. Этотъ новый рассказъ поколебалъ прежнее рѣшеніе цесаря, и онъ снова отдалъ приказаніе о немедленной казни своего сына.

Значительной популярности этой повѣсти на русской почвѣ немало содѣйствовало то, что главной ея основой является мысль о женскомъ коварствѣ, нашедшая себѣ выраженіе въ многочисленныхъ произведеніяхъ древней русской письменности переводнаго и оригинальнаго происхожденія.

Апофегматы и фацеціи. На дальнѣйшемъ пути преобладанія свѣтскихъ элементовъ въ повѣствовательной литературѣ XVII в. мы встрѣчаемъ такого рода сборники, въ которыхъ назидательность еще болѣе уступаетъ мѣста забавѣ, шуткѣ и остроумію. Такого рода сборники имѣлись еще въ классической древности, а въ средніе вѣка они связаны съ популярными именами Боккачію (*De casibus virorum illustrium, De mulieribus claris*) и Петрарки (*Rerum memorandarum libri IV*); въ нихъ уже нѣтъ нравоучительныхъ выводовъ, и на мѣсто дидактическаго интереса является простое историческое любопытство. Въ XVI и XVII вв. появляются такіа произведенія и въ польской литературѣ, напр. „Апофегмата“ Рея изъ Нагловицъ, сборникъ подъ тѣмъ же именемъ Витковского и др. У насъ въ XVII в. также появляются, въ переводѣ съ польскаго, рукописные сборники подъ названіемъ „Апофегмата“, расположенныя въ четырехъ книгахъ, изъ которыхъ первая сообщаетъ изреченія знаменитыхъ философовъ, вторая „словеса царей, королевъ, князей, воеводъ, синклитикъ и инѣхъ старѣйшинъ“, третья изреченія Лакедемонянъ и четвертая „гадательства честныхъ женъ и благородныхъ дѣвъ непростыхъ“; одинъ изъ такихъ сборниковъ, составленный польскимъ писателемъ Бѣняшемъ Буднымъ, въ 1711 году былъ даже напечатанъ и затѣмъ много разъ

перепечатывался въ теченіе XVIII вѣка¹⁾. Вотъ, для примѣра, нѣсколько подобныхъ разсказовъ, въ передачѣ теперешнимъ языкомъ. Сократъ. Шелъ дорогой одинъ дуракъ и ударилъ Сократа ногой. Когда друзья мудреца стали высказывать удивленіе, что онъ стерпѣлъ такую обиду, то Сократъ спросилъ, что же онъ долженъ сдѣлать, и, получивъ отвѣтъ, что дурака нужно было позвать къ суду, возразилъ: „хорошо; но если бы меня ударилъ осель, неужели и его я долженъ привлечь къ суду?“ Философъ хотѣлъ этимъ сказать — прибавляется далѣе — что безумный мало чѣмъ разнится отъ скота, ибо какъ безсловесному животному, когда оно напираетъ, такъ и скудоумному человѣку не слѣдуетъ оказывать сопротивленія. Александръ. Когда ему принесли ящикъ, драгоценнѣе котораго ничего не было найдено въ сокровищахъ царя Дарія, и спросили, на какое употребленіе велить онъ его обратить, то Александръ отвѣтилъ: „по моему мнѣнію, всего приличнѣе хранить въ немъ Гомеровы книги“, желая этимъ показать, что ученіе и писанія мудрыхъ людей должны быть въ великой почести. Юдвига. Когда Ягелло Ольгердовичъ, князь Литовскій, вѣнчался съ дочерью польскаго короля Юдвигою (Ядвигою) на польское королевство и сталъ требовать у поляковъ подарковъ, а непослушныхъ грабить, то они съ плачемъ просили у королевы заступленія и освобожденія отъ такого ига. Ядвига объяснила это мужу, и тотъ велѣлъ возвратить подарки, но Ядвига замѣтила, что хотя подарки и возвратятся, однако нельзя возвратить обиженнымъ пролитыя ими слезы, которыя дороже всякаго вознагражденія²⁾. Въ тѣсной связи съ этими книгами находятся сборники анекдотовъ, въ которыхъ назидательный элементъ уже окончательно отходитъ на задній планъ и

1) Пыпинъ, А. Очеркъ, стр. 261—262.

2) По рукописи Моск. Синод. Библіотеки XVII в. № 362: Историческая Хрестоматія Ѳ. Буслаева. М. 1861, ст. 1387—1390.

выступаетъ, напротивъ, остроуміе и шутка, доходящая нерѣдко до совершенно неприличныхъ по теперешнимъ понятіямъ откровенностей. Въ европейскихъ литературахъ подобныя сборники извѣстны были подъ именемъ „фацецій“ (Facetiae), надъ составленіемъ которыхъ трудились даже такіе ученые люди, какъ знаменитый дѣятель итальянскаго возрожденія Поджію Брачіолини, котораго *Facetiarum liber* была издана въ 1470 году въ Венеціи и Римѣ и затѣмъ выдержала нѣсколько изданій въ XV и XVI вѣкахъ. У него было немало послѣдователей, изъ которыхъ особенную извѣстность получили Гейнрихъ Бебель, Фришлингъ, Меландеръ; къ той же категоріи относятся рассказы Іогана Паули Schimpf und Ernst и французскія *fabliaux*. Перенесенныя въ польскую литературу подъ именемъ „жартовъ“, эти рассказы перешли и на русскую почву подъ именемъ „смѣхотворныхъ повѣстей“: таковъ одинъ сборникъ въ числѣ рукописей Импер. Публ. Библіотеки, переведенный съ польскаго въ 1680 году, и др.¹⁾ Однимъ изъ самыхъ популярныхъ между ними является т. наз. „Совѣстдраль“, имѣющій родоначальникомъ польскій *Sowizdrzal* — то и другое, въ испорченномъ видѣ, отъ нѣмецкаго *Eulenspiegel*'я. Главную роль въ этихъ рассказахъ играли шуты, хвастуны, лѣкаря, недогадливые поселяне и особенно женщины, злой нравъ которыхъ находилъ себѣ обильную пищу для остроумія, насмѣшекъ и даже обличенія; элементъ сатиры также находилъ себѣ мѣсто въ этихъ сборникахъ, но преимущественно въ шутливой и непритязательной, иногда весьма фривольной формѣ. Вотъ примѣры: Одинъ странникъ былъ приглашенъ къ обѣду и когда хозяева предложили ему разрѣзать лежавшую на столѣ курицу, то голову ея онъ отдалъ хозяину, шейку хозяйкѣ, крылья дочерямъ, ноги сыновьямъ,

1) Пыпинъ, А. Очеркъ, стр. 265; Владиміровъ. Къ изслѣдованію о Великомъ Зерцалѣ, стр. 328—329.

а себѣ взялъ все остальное. — Одинъ отецъ жестоко проучилъ своего сына, который, воротившись изъ школы, утверждалъ, что знаетъ по латыни, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ умѣлъ лишь прибавлять къ каждому слову „us“. — Во время бури на морѣ плователи рѣшились выбросить за бортъ свой грузъ для облегченія корабля; при этомъ одинъ изъ нихъ выбросилъ свою жену, говоря, что тяжелѣе этого груза у него ничего не было ни дома, ни на кораблѣ. — Когда утонула одна женщина, то мужъ отправился искать ея тѣло вверхъ по рѣкѣ, а не внизъ, думая, что и въ данномъ случаѣ она не оставила привычки идти во всемъ наперекоръ ¹⁾).

Шемякинъ Судъ. Къ числу сатирическихъ рассказовъ изъ той же области анекдотовъ и „смѣхотворныхъ повѣстей“ принадлежитъ и весьма извѣстный „Шемякинъ Судъ“, имѣвшій у насъ большое распространеніе въ XVII и XVIII вв. какъ въ рукописныхъ копіяхъ, такъ въ лубочныхъ изданіяхъ и устныхъ пересказахъ.

Содержаніе его ²⁾ таково. Жили нѣкогда богатый и убогій. Убогій постоянно пользовался одолженіями богатаго; наконецъ, богатому стало это надоѣдать, и когда затѣмъ убогій попросилъ у него лошадь, чтобы съѣздить въ лѣсъ за дровами, то богатый далъ ему только лошадь, а хомута не далъ. Тогда убогій привязалъ сани къ хвосту лошади и, нагрузивши возъ дровами, пріѣхалъ домой; забывъ снять подворотню, онъ ударилъ передъ дворомъ лошадь, та изо всей мочи рванулась и оторвала свой хвостъ. Когда убогій затѣмъ привелъ лошадь обратно къ богатому, тотъ не хотѣлъ ее взять безъ хвоста и отправился бить челомъ судѣ. Убогій пошелъ съ нимъ вмѣстѣ. По до-

1) Пыпинъ, А. Очеркъ, стр. 267. 269.

2) Издано О. Л. Д. П. подъ редакціей Ф. Булгакова (№ XXXVIII), СПб. 1879; ср. М. Сухомякинъ. Повѣсть о судѣ Шемяки. Сборникъ II Отд. А. Н. Т. X (1873), № 6, стр. 8—12.

рогѣ въ городѣ, они пришли въ одно село и остановились у священника ночевать; богатый сѣлъ съ хозяиномъ ужинать за столѣ, а убогій лежалъ на полатахъ и только смотрѣлъ, но, засмотрѣвшись, нечаянно упалъ и задавилъ лежавшаго въ люлькѣ младенца. Тогда и священникъ отправился, вмѣстѣ съ богатымъ, бить челомъ къ судѣ на убогаго. На дальнѣйшемъ пути въ городѣ съ убогимъ случилось новое несчастіе: проходя по мосту, онъ упалъ внизъ, въ ровъ, и задавилъ до смерти старика, котораго сынъ везъ въ баню. Сынъ убитаго присоединился къ двумъ первымъ челобитчикамъ. Убогій, не видя себѣ спасенія, взялъ въ платокъ камень, чтобы убить судью, когда тотъ произнесетъ невыгодный для него приговоръ. Сначала сталъ передъ судьей первый челобитчикъ; выслушавъ исторію съ лошадыю, судья обратился къ подсудимому съ вопросомъ, что онъ на это скажетъ; тотъ вынулъ платокъ съ камнемъ и показалъ его судѣ въ видѣ угрозы, но судья принялъ это за денежный посулъ и разсудилъ такъ: оставить лошадь у убогаго до тѣхъ поръ, пока у нея не выростетъ хвостъ. Затѣмъ выступилъ священникъ, и судья, руководясь той же надеждой, присудилъ отдать попадыю убогому до тѣхъ поръ, пока у нея не родится новое дитя. Наконецъ, по третьему дѣлу судья рѣшилъ, чтобы убогій сталъ подъ мостомъ, а сынъ убитаго старика скакнулъ на него сверху. Когда затѣмъ убогій сталъ требовать, согласно судейскому приговору, лошадь, то богатый предпочелъ отъ него откупиться 200 рублей, чтобы удержать у себя лошадь; священникъ также откупился, давъ убогому вмѣсто попадыи 50 рублей, разнаго скота и хлѣба 40 четвертей; третій истецъ примирился съ убогимъ, давъ ему 30 рублей да лошадь съ коровой. Что же касается судьи, то тотъ, узнавъ, какая ему грозила опасность въ случаѣ иного приговора, былъ очень радъ такому исходу. Убогій также вернулся домой „радуясь и хваля Бога“.

Основа этого разсказа имѣеть весьма отдаленное происхожденіе: его слѣдуетъ искать на востокѣ; затѣмъ онъ имѣлъ большое распространеніе въ западно-европейскихъ литературахъ. Однако какъ на востокѣ, такъ и на западѣ разсказъ этотъ имѣлъ въ виду „праведнаго судью“, и въ немъ не было даже тѣни сатиры. Весьма вѣроятно, что въ Россіи этотъ разсказъ былъ усвоенъ черезъ посредство „польскихъ книгъ“, причемъ уже въ польской передачѣ имѣлся на лицо сатирической элементъ: рѣчь шла о судѣ неправедномъ¹⁾. На русской почвѣ, разсказъ о судѣ, получилъ отгѣнокъ шутиливой сатиры, примкнулъ къ историческому имени Дмитрія Шемяки, варварски ослѣпившаго Василия Темнаго и вызвавшаго своими дѣйствіями у современниковъ и потомства крайне невыгодное мнѣніе о своей личности.

12.

Рыцарскіе романы. — Бова королевичъ. — Исторія о Мелюзинѣ. —
Повѣсть о римскомъ кесарѣ Оттонѣ.

Одновременно съ духовными и свѣтскими повѣстями, третьимъ видомъ переводной литературы нашей въ XVII вѣкѣ былъ рыцарскій романъ. Являясь въ западныхъ литературахъ характернѣйшимъ выраженіемъ особаго склада жизни, въ которой средневѣковое рыцарство было одинъ изъ органическихъ и виднѣйшихъ ея элементовъ, у насъ рыцарскій романъ не могъ возбуждать такого интереса, какъ указанная ранѣе повѣсти назидательнаго или просто занимательнаго содержанія. Этого рода произведенія, въ которыхъ разсказывались похождения рыцарей и ихъ любовныя исторіи, были довольно чужды потребностямъ русскихъ читателей. Наполняющій ихъ средневѣковый культъ обожанія и любви къ женщинѣ не могъ примириться съ господство-

1) Сочиненія Н. С. Тихонова. Т. I, стр. 310—312.

вавшимъ у насъ еще въ ту пору традиціоннымъ взглядомъ на женщину какъ на олицетвореніе хитрости, злобы, обмана и соблазна; съ другой стороны, своеобразныя черты рыцарскаго обхожденія и ихъ удивительныя подвиги на войнѣ и въ мирѣ могли нравиться русскимъ читателямъ XVII вѣка лишь въ той своей части, которая выставяла на видъ ихъ физическую силу, ловкость и храбрость или страсть къ опаснымъ приключеніямъ, т. е. черты, свойственныя, хотя и въ иной бытовой обстановкѣ, дѣйствующимъ лицамъ народнаго русскаго эпоса. И тѣмъ не менѣе русской переводной литературой было усвоено немалое количество произведеній изъ области рыцарскаго романа, хотя распространеніе этихъ переводовъ въ народной средѣ было невелико, во всякомъ случаѣ значительно уступало разнаго рода духовнымъ и свѣтскимъ рассказамъ; эта популярность пришла для нихъ нѣсколько позднѣе, въ XVIII вѣкѣ, когда проводникомъ ихъ явилась лубочная литература, спустившая переводный матеріалъ XVII вѣка въ массу простаго грамотнаго люда, когда высшіе и даже средніе классы перешли уже къ иного рода литературѣ, явившейся результатомъ новыхъ литературныхъ воздѣйствій съ запада. Въ XVII же вѣкѣ переводныя произведенія, и въ томъ числѣ рыцарскіе романы, читались преимущественно въ образованномъ, по тогдашнимъ понятіямъ, кругу, попадая то, въ качествѣ „потѣшныхъ книгъ“, во дворецъ, то, въ роли назидательныхъ произведеній, въ келью ученаго монаха. Въ частности, рыцарскіе романы, бытовое и моральное содержаніе которыхъ усвоивалось лишь совершенно внѣшнимъ образомъ и весьма часто оставалось совершенно непонятнымъ¹⁾, имѣли однако же ту пользу, что, развивая вкусъ къ легкому чтенію, поддерживали литературныя интересы вообще и, т. о., содѣйствовали въ дальнѣйшемъ успѣху болѣе серьезныхъ литературныхъ начинаній.

1) Веселовскій, А. Изъ исторіи романа и повѣсти, II, стр. 3—24.

Бова-королевичъ. Однимъ изъ популярнѣйшихъ произведеній въ области переводнаго рыцарскаго романа былъ знаменитый „Бова-королевичъ“, перешедшій вполнѣ въ видѣ народной сказки, въ лубочную литературу. Появленіе этого итальянскаго романа или поэмы (*Vuovo d' Antona*) въ русскомъ переводѣ-передѣлкѣ относится, какъ уже сказано было (стр. 502), къ XVII вѣку и помѣщено въ разобранной А. Н. Веселовскимъ рукописи Познанской Библіотеки, ведущей свое происхожденіе отъ „сербскихъ книгъ“; однако популярность этого произведенія связана не съ этимъ, а съ другимъ, болѣе позднимъ, переводомъ: какимъ, съ какого языка — сказать трудно. Припомнимъ содержаніе этого романа. Въ городѣ Антонѣ царствовалъ герцогъ Гвидонъ, имѣвшій молодую супругу, которая въ русской лубочно-сказочной перелачѣ называется Милитрисой Кирбитовной. У нея родился сынъ Бова. Однако черезъ три года она послала вѣрнаго слугу Личарду къ прежнему своему возлюбленному, королю Додону, помогла ему погубить Гвидона и вышла за него замужъ. Бова, котораго мать хотѣла отравить, спасся на кораблѣ въ Арменское царство, гдѣ дочь короля Зензевея, Дружевна, вскорѣ плѣнилась его красотой. Однако на руку королевны претендовали король Маркабрукъ и рыцарь Лукаперъ, сынъ Салтана. Въ происшедшемъ сраженіи Лукаперъ побилъ войска Зензевея и Маркабрука, но затѣмъ самъ былъ побитъ и даже убитъ Бовой, который тогда освободилъ изъ плѣна Маркабрука и Зензевея. Далѣе начинаются для Бовы большія опасности. Дворецкій короля Зензевея, принявъ на себя видъ своего повелителя, посылаетъ Бову съ письмомъ къ Салтану, который хотѣлъ было сначала повѣсить убійцу своего сына, но отъ этого отговорила его дочь, королевна Мильчигрія, пожелавшая выйти за Бову замужъ. Не давшись въ руки красавицы, Бова, благодаря своей силѣ и ловкости, убѣжалъ отъ Салтана въ Маркабруково царство, гдѣ находилась и Дружевна. При ея помощи, они

оба бѣжали, но Маркабрукъ послалъ имъ въ догонку своего богатыря Полкана, который настигъ Бову, и они начали драться; Бова одержалъ побѣду. Между тѣмъ Дружевна родила ему вскорѣ двухъ сыновей. Затѣмъ отъ Додона пошла на Бову сильная рать; оставивъ Дружевну на попеченіе Полкана, съ которымъ побратался, Бова вышелъ на битву съ Додономъ и, благодаря своей хитрости, отрубилъ ему голову, которую и принесъ на блюдѣ къ своей матери. Въ это время Дружевна убѣжала, послѣ нападенія на нее двухъ львовъ, въ царство Мильчигріи, и, считая ее погибшей, Бова послалъ просить руки Мильчигріи. Та, конечно, съ радостью согласилась, но на свадебномъ пиру Бова узналъ, что Дружевна жива; Бова сталъ жить съ ней по прежнему¹⁾. Лицевой списокъ романа о Бовѣ упоминается въ числѣ дѣтскихъ книгъ царевича Алексѣя Петровича въ 1693 году²⁾.

Въ 1677 году были переведены съ польскаго два рыцарскихъ романа — о Мелюзинѣ и о кесарѣ Оттонѣ.

Исторія о Мелюзинѣ. Исторія о Мелюзинѣ, на совершенно опредѣленную дату русскаго перевода которой „съ польскаго“ указываетъ одна рукопись XVII вѣка³⁾, относится по своему содержанію къ циклу сказаній о Карлѣ Великомъ. Содержаніе ея⁴⁾ таково. Мелюзина была дочь волшебницы Персины, сама обладавшая сверхестественными знаніями и могуществомъ. За непочтеніе къ отцу Мелюзина была наказана тѣмъ, что каждую субботу должна была обращаться въ змѣю,

1) Д. Ровинскій. Русскія народныя картинки. V, стр. 110—112. По рукописи XVII в. напечатано Ѳ. Булгаковымъ въ „Пам. Др. Писм.“ 1879, вып. I, стр. 45—79.

2) И. Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царей прежняго времени. Отеч. Зап. 1854 № 12, отд. II, стр. 117.

3) Импер. Публ. Б-ки XVII. Q. 8, изъ собранія гр. Толстого: А. Пыпинъ. Очеркъ, стр. 232—233.

4) Издано О. Л. Д. П.: Исторія о Мелюзинѣ. Два выпуска (№№ XLII. LX). СПБ. 1882.

или въ получеловѣка-полузмѣю; только напедши себѣ супруга, который бы согласился примириться съ этимъ ея недостаткомъ, она могла избавиться отъ подобныхъ превращеній. Такой человѣкъ нашелся: это былъ графъ Раймундъ изъ Пуату. Онъ былъ согласенъ не видѣть Мелюзины каждую субботу, когда она должна была совершать свои таинственныя омовенія, и бракъ былъ заключенъ. Они жили счастливо; у Раймунда было уже нѣсколько сыновей, будущихъ рыцарей; при помощи волшебства Мелюзины, у него явились крѣпкіе, неприступные замки; онъ сдѣлался очень богатымъ. Но братъ Раймунда поселилъ въ немъ подозрѣнія относительно Мелюзины, и тотъ нарушилъ свое обѣщаніе не видѣть жену по субботамъ: какъ только Мелюзина замѣтила появленіе мужа въ неурочный часъ, она исчезла съ крикомъ печали и унесла съ собою всѣ удачи Раймунда. И впослѣдствіи, когда графамъ Лузиньянъ, потомкамъ Раймунда, грозила какая-либо опасность, Мелюзина каждый разъ являлась за три дня на башнѣ замка въ Пуату, построеннаго ея супругомъ¹⁾. Романъ этотъ, въ основѣ котораго лежитъ извѣстный легендарный мотивъ о связи героя съ женщиной, обращающейся въ чудовище, имѣлъ на западѣ длинную литературную исторію, начиная, повидимому, съ XIV вѣка; въ 1478 году романъ, въ переводѣ съ латинскаго, былъ напечатанъ по-французски и затѣмъ прошелъ рядъ западно-европейскихъ разноязычныхъ редакцій вплоть до чешской (1555) и польской (1569), приписываемой Мартину Сѣннику, тому самому, который имѣлъ въ 1577 году дѣло съ московскимъ первопечатникомъ Иваномъ Федоровымъ²⁾; вѣроятно, одно изъ первыхъ польскихъ изданій было 1671 года, съ котораго, повидимому, и сдѣланъ былъ русскій переводъ

1) Пыпинъ, А. Очеркъ, стр. 230—231.

2) Пташицкій, С. Средневѣковыя западно-европейскія повѣсти въ русской и славянскихъ литературахъ. II, стр. 29—30.

нѣкимъ Иваномъ Руданскимъ ¹⁾; переводъ этотъ отличается полонизмами въ языкѣ.

Повѣсть о кесарѣ Оттонѣ. Повѣсть „о преславномъ римскомъ кесарѣ Оттонѣ“ также имѣетъ свою довольно длинную литературную исторію. Начиная съ предполагаемой, но доселѣ не отысканной, латинской редакціи, повѣсть является въ XVI вѣкѣ во французской, англійской и нѣмецкой переработкахъ, за которыми слѣдуютъ датская, шведская и нидерландская; есть указаніе и на существованіе польскаго изданія 1591 года ²⁾; свѣдѣніе о переводѣ повѣсти съ польскаго на русскій языкъ въ 1677 году имѣется въ рукописи XVII в. Импер. Публ. Б-ки изъ собр. Погодина № 1771, принадлежавшей въ 1692 году монаху Чудова монастыря Марку Щербакову; о повѣсти упоминается въ 1688 году въ описи имущества князя В. В. Голицына ³⁾. Содержаніе повѣсти представляется въ слѣдующемъ видѣ. Кесарь Оттонъ (или Октавіанъ) удалилъ отъ себя и оставилъ на произволъ судьбы свою супругу Олунду, которую клевета обвиняла въ невѣрности. Несчастная мать, съ двумя малолѣтними дѣтьми-близнецами, должна была идти куда глаза глядятъ и, заснувши въ лѣсу отъ усталости, потеряла сперва одного сына, похищеннаго обезьяной, а потомъ и другого, унесеннаго львицей. Однако ни тотъ, ни другой не погибъ: первый, Флоренсъ, былъ спасенъ однимъ воиномъ, воспитанъ имъ и въ послѣдствіи, отличившись при нападеніи Египетскаго султана на Францію, былъ торжественно посвященъ въ рыцари. Что касается второго сына, Ліона, то когда львица унесла его, огромный грифъ схватилъ ее вмѣстѣ съ младенцемъ и опустилъ на дале-

1) Соболевскій, А. Переводная литература Московской Руси, стр. 42.

2) Пташицкій, назв. соч., II, стр. 35.

3) Соловьевъ, С. Исторія Россіи, изд. „Общ. Пользы“, кн. III, 1052; Розыскныя дѣла о Федорѣ Шакловитомъ, IV. 33.

комъ островѣ, гдѣ мать снова нашла своего сына, когда ей случилось плыть мимо этого острова. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ вмѣстѣ съ матерью. Во время нашествія Египетскаго султана Ліонъ успѣлъ освободить Флоренса и Оттона, захваченныхъ непріателемъ, а затѣмъ взялъ въ плѣнъ и самого султана. Далѣе слѣдуетъ общее свиданіе: Оттонъ узнаетъ дѣтей и мирится съ ихъ матерью. Наконецъ, Ліонъ женится на дочери испанскаго короля и дѣлается его наслѣдникомъ, а Флоренсъ соединяется со своей возлюбленной Маркебиллой, дочерью Египетскаго султана, принявшей вмѣстѣ съ отцомъ христіанскую вѣру, и дѣлается королемъ англійскимъ ¹⁾.

Изъ другихъ весьма популярныхъ рыцарскихъ романовъ, переведенныхъ на русскій языкъ во второй половинѣ XVII вѣка, можно тутъ назвать: „исторію о храбромъ князѣ Петрѣ Златыхъ-Ключахъ и о прекрасной королевнѣ Магиленѣ Неаполитанской“, „повѣсть о княгинѣ Альтдорфской“ ²⁾. Первая изъ нихъ также, какъ и „Бова-королевичъ“, находилась въ числѣ „потѣшныхъ“ книгъ у царевича Алексѣя Петровича въ 1693 году и попала потомъ въ лубочную литературу ³⁾.

13.

Самостоятельные опыты назидательно-повѣствовательной литературы. — Синодикъ, какъ народная книга. — Разказы о „женской злобѣ“, хмель и табакъ; шуточные разказы.

Начавшееся литературное движеніе въ новомъ вкусѣ не могло ограничиться одними переводами. Уже въ самыхъ переводахъ допускались нерѣдко передѣлки и измѣненія оригинала, т. е. главнымъ образомъ польскаго текста, въ духѣ русскихъ бытовыхъ и литературныхъ понятій, унаслѣ-

1) А. Пыпинъ. Очеркъ, стр. 237.

2) Тамъ же, стр. 233—237. 241—242.

3) Ровинскій, назв. соч., V, стр. 113—114.

дованныхъ отъ прошлаго. За переводами должны были послѣдовать и болѣе или менѣе самостоятельныя опыты — какъ въ области духовнаго, такъ и свѣтскаго повѣствованія, въ видѣ сборниковъ краткихъ произведеній на извѣстныя темы или отдѣльныхъ болѣе обширныхъ повѣстей и рассказовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній дѣлались особенно любимыми, нерѣдко украшались иллюстраціями и, въ качествѣ народной книги, попадали въ XVIII в. въ лубочную литературу.

Синодикъ, какъ народная книга. Одно изъ первыхъ мѣстъ среди такихъ народныхъ книгъ въ XVII вѣкѣ, безспорно, принадлежитъ Синодику. Эта книга, имѣвшая чрезвычайное распространеніе въ рукописныхъ копіяхъ въ XVII в. и въ лубочныхъ изданіяхъ начала XVIII вѣка, возникшая на основѣ одной изъ самыхъ дорогихъ религіозныхъ идей православнаго человѣка, въ составѣ старыхъ литературныхъ византійскихъ преданій и новыхъ элементовъ западнаго происхожденія, представляетъ собою характернѣйшее явленіе русской литературы переходнаго ея періода.

Синодикъ, какъ памятникъ литературный, есть сборникъ разсужденій и рассказовъ на тему о необходимости поминовенія усопшихъ и о состояніи души послѣ разлученія ея съ тѣломъ. Разказы и разсужденія явились первоначально какъ прибавленія къ Синодику въ смыслѣ „помянника“, т. е. книги чисто практическаго назначенія, заключавшей въ себѣ имена умершихъ для поминанія ихъ „вѣчной памяти“ въ церковномъ богослуженіи; позднѣе указанная литературная прибавленія расширились въ текстѣ, обогатились иллюстраціями и обособились отъ первоначальнаго синодичнаго текста настолько, что образовали совершенно самостоятельную книгу, независимую отъ „помянника“. Изучая эту книгу¹⁾ по многимъ спискамъ преимущественно XVII и отчасти начала XVIII вѣка, разсѣяннѣмъ въ разныхъ книго-

1) Пѣтуховъ, Е. Очерки изъ литературной исторіи Синодика (О. Л. Др. П. № CVIII). Спб. 1895.

хранилищахъ, мы можемъ прежде всего усмотрѣть три основныхъ редакціи нашего памятника, отличающіяся одна отъ другой какъ степенью распространенности, т. е. количествомъ списковъ, такъ и нѣкоторыми чертами содержанія. Не останавливаясь на этомъ вопросѣ и обращаясь къ разсмотрѣнію содержанія Синодика безъ отношенія къ его редакціямъ, существовавшимъ одновременно, мы можемъ распределить входящій въ эту книгу литературный матеріалъ на нѣсколько группъ. Во-первыхъ — статьи историческаго характера на тему о необходимости поминовенія усопшихъ. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ рассказами о дѣятельности VII Вселенскаго Собора и нѣкоторыми другими статьями, историческая цѣнность которыхъ весьма незначительна по ихъ спутанности, фактической недостоверности и полному отсутствію критики. Во-вторыхъ, теоретическія статьи, имѣющія цѣлью объяснить, почему установлено церковью поминовеніе усопшихъ вообще и въ частности — въ опредѣленные дни послѣ смерти (третій, девятый и сороковой), и вмѣстѣ съ тѣмъ побудить читателя обратиться къ дѣламъ покаянія для своего спасенія и къ молитвѣ за усопшихъ. Третьимъ элементомъ Синодика является повѣствовательный, который слѣдуетъ признать самой выдающейся и важной частью этой книги какъ по вліянію на современныхъ читателей, такъ и по своему историко-литературному интересу; основная мысль его та же, что и двухъ первыхъ синодичныхъ элементовъ, т. е. о необходимости поминовенія усопшихъ, хотя, увлекаемая легкой и популярной литературной формой, эта часть Синодика сильно расширяется въ своихъ предѣлахъ и касается такихъ вопросовъ, которые не всегда имѣли прямое отношеніе къ главной темѣ. Можно указать болѣе сотни рассказовъ изъ этой части Синодика¹⁾. Источники этихъ рассказовъ были весьма

1) См. въ нашемъ сочиненіи №№ 1. 6. 12. 15. 34. 49. 90. 97. 105, какъ болѣе характерные и интересные: стр. 137—193.

разнообразны: Прологъ, Собесѣдованія Григорія Двоеслава, Великое Зерцало, „Небо новое“ Іоанникія Голятовскаго (изд. 1665. 1677. 1699), сборникъ западно русскаго происхожденія „Звѣзда Пресвѣтлая“, „Скитскій Патерикъ“ и др.

Въ качествѣ четвертаго элемента Синодика могутъ быть выдѣлены разнаго рода мелкія статьи, выдержки и изреченія, большею частію не самостоятельныя каждая въ отдѣльности, но въ общемъ не лишенныя литературнаго интереса и характерныя по своему подбору. Въ нихъ развивается та же назидательная мысль о необходимости поминовенія усопшихъ, то же убѣжденіе въ суетности земной жизни и тотъ же призывъ къ своевременному покаянію, какъ и въ другихъ частяхъ разсматриваемой нами народной книги, и если другіе элементы Синодика дѣйствовали главнымъ образомъ на мысль читателя, то эти статьи, уклоняясь въ область болѣе общихъ религіозно-нравственныхъ тенденцій, должны были дѣйствовать на его чувство; многія изъ нихъ не лишены извѣстной аскетической мрачности. Таковы, напр., статьи, взятыя изъ Требника и посвященныя „чину погребенія“, разнаго рода вирши на тему о смерти и тщетѣ земной жизни, „видѣнія“ инока Теокиста изъ области будущей жизни, отрывки о Страшномъ Судѣ и другія подобныя статьи, обильно снабженныя соотвѣтствующими иллюстраціями. Наконецъ, изъ состава Синодика могутъ быть выдѣлены и болѣе обширныя статьи, имѣвшія нерѣдко общій характеръ и лишь весьма отдаленное отношеніе къ темѣ о покаяніи, о будущей жизни и т. п. предметахъ и попавшія въ Синодикъ, по всей вѣроятности, уже послѣ того, какъ онъ сдѣлался народной книгой съ весьма широкимъ кругомъ входившихъ въ него интересовъ. Таковы, напр., извѣстное „Прѣніе живота и смерти“, „Вопросы“ Антиоха съ отвѣтами св. Аванасія Александрійскаго, „Луцидаріусъ“, отрывки изъ Хронографа, Стословець константинопольскаго патріарха Геннадія, разныя статьи календарнаго характера, полемическія и публицисти-

ческія статьи, вродѣ сочиненія князя И. А. Хворостина „О царствіи небесномъ и воспитаніи чадъ“¹⁾, и т. п.

Многія изъ входящихъ въ Синодикъ статей всѣхъ перечисленныхъ категорій снабжены въ разныхъ экземплярахъ большимъ количествомъ иллюстрацій, отношеніе которыхъ къ тексту то является лишь служебнымъ, то, напротивъ, вырастаетъ до полнаго преобладанія надъ этимъ текстомъ, который въ такомъ случаѣ является для иллюстраціи лишь простой подписью къ картинкѣ.

Единство идеи и цѣльность Синодика, какъ народной книги, въ этомъ отношеніи очевидны. Эта идея выросла на религіозной основѣ православно-христіанскаго міросозерцанія, для котораго мысль о загробномъ существованіи имѣла самый живой интересъ и значеніе: въ такомъ случаѣ молитвы за умершія души получали практическій характеръ.

Начало возникновенія Синодика, какъ народной книги, должно быть отнесено ко времени не ранѣе второй половины XVI вѣка; главное же свое развитіе получилъ онъ въ XVII вѣкѣ, а въ началѣ XVIII вѣка вошелъ, извѣстными своими частями, путемъ печати въ лубочную литературу; но въ эту послѣдующую пору своего существованія онъ, при другомъ характерѣ и потребностяхъ литературы, уже не игралъ той своеобразной и видной роли, какъ во второй половинѣ XVII вѣка. Мѣстомъ возникновенія Синодика слѣдуетъ считать Московскую Русь, которая была вмѣстѣ съ тѣмъ и главнѣйшей ареной его распространенія: это можно усмотрѣть изъ того любопытнаго обстоятельства, что почти всѣ рукописные экземпляры Синодика отводятъ насъ именно къ средней и отчасти сѣверной полосѣ Россіи, оставляя Южную Русь въ сторонѣ. Народность Синодика

1) Издано мною въ Пам. Др. Письм. № XCIII. Спб. 1893. Ср. В. И. Савва: Сочиненія князя И. А. Хворостинина, въ сборникѣ „Вновь открытыя полемическія сочиненія XVII в. противъ еретиковъ“. Спб. 1907.

и органической характеръ его происхожденія среди литературныхъ условій Московской Руси XVII вѣка находятъ себѣ объясненіе и подтвержденіе и въ томъ, что основная идея этого памятника засвидѣтельствована однородными мотивами народной лирики и историческими свѣдѣніями о бытѣ русскихъ въ XVI и XVII вв., когда поминовленіе усопшихъ было дѣломъ особой религіозной ревности и нерѣдко соединялось съ богатыми дарами церквамъ и монастырямъ въ видѣ денежныхъ вкладовъ или земельныхъ угодій. Быть можетъ, не безъ вліянія на развитіе Синодика остались и тѣ раціоналистическія мнѣнія, которыя бродили въ русскихъ умахъ преимущественно въ XVI и XVII вв. и наталкивали особенно горячихъ сторонниковъ православія на мысль о необходимости съ особой силой утвердить идею о поминовленіи усопшихъ, ослабѣвавшую въ нѣкоторыхъ умахъ подѣйствіемъ иновѣрной, протестанской пропаганды и индифферентизма и скептицизма въ вопросахъ вѣры.

Разказы о женской злобѣ, хмель и табакъ; шуточные разказы. Если по своему общему характеру и назначенію Синодикъ можетъ быть поставленъ, среди произведеній нашей полуоригинальной литературы XVII в., въ соотвѣтствіе съ переводными повѣстями духовнаго содержанія, вроде „Великаго Зерцала“, то и свѣтскія переводныя произведенія назидательнаго, просто повѣствовательнаго или шутливаго характера имѣли въ этой полуоригинальной литературѣ свою параллель въ видѣ разказовъ о злобѣ и коварствѣ женщинъ, о происхожденіи вина и табака, о продѣлкахъ и приключеніяхъ глупыхъ людей и т. п. Не станемъ останавливаться на этихъ произведеніяхъ подробно. Тема о женщинахъ была, какъ извѣстно, одной изъ любимыхъ въ нашей старой письменности и еще въ отдаленную пору была очень удачно использована т. наз. Даніиломъ-Заточникомъ; аскетическій взглядъ на женщину обратился въ позднѣйшихъ литературныхъ произведеніяхъ на эту тему,

вплоть до XVII и даже XVIII в., въ своеобразную смѣсь порицанія женщины и шутливой насмѣшки надъ нею, часто переходившей далеко за предѣлы элементарной скромности. Таковы, напр., „Бесѣда отца съ сыномъ о женской злобѣ“, „Притча о старомъ мужѣ и о молодой дѣвицѣ“, „Сказаніе о молодцѣ и дѣвицѣ“ и др.¹⁾ Сказанія о „хмельѣ“, смѣнившемъ въ представленіяхъ позднѣйшихъ книжниковъ старинную виноградную лозу византійскихъ преданій, также были весьма многочисленны, облакаясь въ форму то „повѣсти о высокоумномъ хмельѣ“, то „повѣсти о пьянствѣ“, то „притчи о хмельѣ“, то „сказанія о винѣ и о его неистовствѣ“, въ которыхъ излагается происхожденіе этого зелья отъ дьявола или картинно рисуются гибельныя послѣдствія пьянства; при этомъ иногда вводится въ оборотъ стихотворная форма²⁾. Обличительныя повѣсти о табакѣ обязаны своимъ распространеніемъ главнымъ образомъ расколу: таково, напр., „Сказаніе отъ книги, глаголемыя Пандокъ о хранительномъ былии, мерзкомъ зелии, еже есть травѣ табацѣ, откуда бысть и како зачатся и разсѣяся по вселеннѣй и всюду бысть“³⁾. Къ шутливымъ рассказамъ, иногда съ отгѣнкомъ сатиры, могутъ быть отнесены „Судное дѣло у леца съ ершомъ“, Повѣсть о двухъ братьяхъ Ѳомѣ и Еремѣ, разнаго рода народные анекдоты и т. п.⁴⁾.

1) А. Пыпинъ. Очеркъ, стр. 270—275; Памятники старинной русской литературы, изд. Куселевымъ-Безбородко. Т. II, стр. 453—454. 461—470; Лопаревъ. Сказаніе о молодцѣ и о дѣвицѣ (Пам. Др. П. № XCIX). Спб. 1894.

2) А. Пыпинъ. Очеркъ, стр. 204—206; Е. Пѣтуховъ. Къ вопросу о Кириллахъ — авторахъ въ древней русской литературѣ, стр. 22—27. Его же. Матеріалы и замѣтки изъ исторіи древней русской письменности. Вып. II, стр. 24—30; Пам. стар. русск. лит. II, стр. 447—449.

3) Пам. стар. русск. лит. II, стр. 427—434.

4) А. Пыпинъ. Очеркъ, стр. 299—300. 301; Н. Аристовъ. Повѣсть о Ѳомѣ и Еремѣ. Древн. и Нов. Россія 1876, I, стр. 359—368; И. Шляпкинъ. Сказка о Ершѣ Ершовичѣ сынѣ Щетинниковѣ. Ж. М. Н. Пр. 1904 № 8, стр. 380—400.

14.

Начатки русской оригинальной повѣсти. — Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ. — Повѣсть о горѣ-злосчастіи. — Повѣсть о Фролѣ Скобеевѣ.

Наконецъ, къ числу полуоригинальныхъ произведеній русской повѣствовательной литературы XVII вѣка относятся и нѣсколько такихъ, въ которыхъ можно усматривать зарожденіе свѣтской русской повѣсти, получившей свое окончательное развитіе уже въ послѣдующее время. Нѣкоторыя черты оригинальности этихъ произведеній заключаются въ фабулѣ, приурочиваемой къ извѣстнымъ русскимъ событіямъ, иногда съ обозначеніемъ опредѣленной даты, и въ бытовыхъ подробностяхъ описательнаго характера; но идейная сторона имѣетъ тѣсную связь съ уже существовавшими явленіями литературы, нерѣдко имѣвшими весьма отдаленное происхожденіе и длинную исторію на самой русской почвѣ. Въ старой русской письменности видное мѣсто занимали демонологическія представленія, отводя бѣсу выдающуюся роль въ разныхъ произведеніяхъ легендарно-повѣствовательнаго и поучительнаго характера¹⁾; не менѣе видное мѣсто занимали въ той же старой письменности и „злая жена“, тема о которыхъ нашла себѣ широкое примѣненіе и въ переводной повѣствовательной литературѣ XVII вѣка; объ эти темы — объ участіи дьявола и о порочной женщинѣ, влекущихъ человѣка къ гибели — были использованы въ „Повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ“. Тотъ же сюжетъ о бѣсѣ, въ соединеніи съ темой о гибельныхъ послѣдствіяхъ пьянства и о непослушаніи родительской волѣ, даетъ основу для знаменитой полународной, изложенной въ стихотворной формѣ, „Повѣсти о горѣ и злосчастіи“. Въ кругу демонологическихъ представленій, но въ нѣкоторомъ соприкосно-

1) Нѣкоторыя изъ нихъ собраны Н. И. Костомаровымъ: Пам. стар. русск. лит. I, стр. 201—210.

веніи съ темой о несовершенныхъ судахъ, также нашедшей себѣ отраженіе въ шутливо-повѣствовательныхъ и сатирическихъ произведеніяхъ XVII в., стоитъ уже совершенно свѣтская „Исторія о російскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобеевѣ“, въ которой выводится на сцену особый типъ „плута“, живущаго „ябедой“ и устраивающаго свою судьбу благодаря ловкости и безразличному отношенію къ нравственнымъ требованіямъ. Оставляя въ сторонѣ другія подобныя произведенія, время происхожденія которыхъ въ XVII вѣкѣ представляется пока еще не доказаннымъ — напр., „Сказаніе о боярынѣ Ѳедосіи Прокопьевнѣ Морозовой“¹⁾ или отрывокъ стихотворной повѣсти о несчастной судьбѣ одной дѣвушки²⁾ — остановимся лишь на трехъ названныхъ, какъ на главнѣйшихъ проявленіяхъ стремленія у русскихъ книжниковъ XVII вѣка сочетать внѣшніе элементы русской дѣйствительности съ значимыми уже издавна литературными преданіями прошлаго.

Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ. Въ „Повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ“³⁾ рассказывается слѣдующее. Дѣйствіе происходитъ въ смутную эпоху, въ 1606 году. Въ городѣ Великомъ Устюгѣ жилъ купецъ Ѳома Грудцынъ, временно переселившійся, въ виду тяжелыхъ событій времени, въ Казань, гдѣ еще „злочестивой Литвы“ не было. Былъ у Ѳомы сынъ Савва, котораго отецъ смолоду приучалъ къ торговымъ дѣламъ, беря съ собою то въ Астрахань, то за Каспійское море въ „Шахову область“. Уѣзжая однажды въ Персію, Ѳома отправилъ сына въ самостоятельную поѣздку

1) Пыпинъ, А. Очеркъ, стр. 281.

2) Пыпинъ, А. Для любителей книжной старины. М. 1888, стр. 72—74; Сиповскій, В. Русскія повѣсти XVII—XVIII вв. Спб. 1905, стр. 45—58.

3) Напечатана нѣсколько разъ: Н. Тихонравовъ. Лѣтописи русской литер. и древности Т. II (1859), отд. 2, стр. 61—80; Н. Костомаровъ. Пам. стар. р. лит., изд. Кушелевымъ-Безбородко, I, стр. 169—190; С. Писаревъ. Пам. древней письменности. 1880, вып. 3, стр. 47—66; В. Сиповскій. Русскія повѣсти XVII—XVIII вв., стр. 22—38.

въ Соликамскъ. По дорогѣ Ѳома, который былъ въ это время еще очень юнъ, остановился въ городѣ Орловѣ, гдѣ встрѣтилъ стараго пріятеля своего отца, Бажена, женатаго третьимъ бракомъ на молодой женѣ. По дружбѣ къ Ѳомѣ Грудцыну, Бажень пригласилъ Савву жить у него въ домѣ, куда тотъ немедленно и переѣхалъ изъ гостинницы. Но тутъ его ждали искушенія дьявола. Средствомъ для достиженія своей цѣли погубить юношу дьяволъ избралъ молодую Баженову жену; Савва не устоялъ отъ „лести“, и вступилъ съ молодой женщиной въ грѣховную связь. Однако, вернувшись однажды съ Баженомъ изъ церкви, наканунѣ Вознесенія, Савва сталъ сожалѣть въ душѣ о своемъ поведеніи и нашелъ въ себѣ силу устоять отъ дальнѣйшаго соблазна. Это привело Баженову жену въ негодованіе, и она подала Саввѣ „отравнаго зелья“, чтобы снова приворожить къ себѣ юношу, въ чемъ и успѣла, а между тѣмъ сама всячески отъ него уклонялась и даже уговорила мужа выгнать Савву изъ дому; тотъ опять поселился въ гостинницѣ. Съ этого времени Савва началъ страдать и готовъ былъ на всякую жертву, лишь бы вернуть себѣ расположеніе жены Бажена. Гуляя однажды за городомъ, онъ встрѣтилъ какого-то человѣка, который ласково съ нимъ заговорилъ, предложилъ ему „названное братство“ и помощь въ любовныхъ дѣлахъ, подъ условіемъ, если Савва дастъ ему „рукописаніе“ на свою душу. Савва далъ такое рукописаніе, и они разстались. Помощь неизвѣстнаго человѣка оказалась дѣйствительной: Савва снова поселился въ домѣ Бажена и возобновилъ прежнія отношенія съ его женой. Между тѣмъ мать Саввы, живя въ Казани и узнавъ отъ людей о „непорядочномъ житіи“ сына, написала ему письмо съ приказаніемъ вернуться домой. Савва оставилъ это письмо безъ отвѣта и безъ исполненія. Въ это время его „названный братъ“ открылъ ему, что онъ сынъ нѣкоего царя и даже показалъ ему на пустомъ холмѣ дворецъ своего отца, великолѣпно украшен-

ный и наполненный множеством слугъ. Савва однако не догадался, что имѣеть дѣло съ бѣсомъ. Между тѣмъ вернулся въ Казань и отецъ Саввы и также тщетно звалъ сына домой. „Названный братъ“, видя опасность, уговорилъ юношу переселиться въ городъ Козмодемьянскъ, а оттуда въ село Павловъ-Перевозъ. Хотя здѣсь Савва получилъ отъ одного благочестиваго старца опредѣленное разъясненіе о своемъ „братѣ“, однако не могъ уже его оставить, и они отправились въ городъ Шую. Здѣсь въ это время происходилъ наборъ и обученіе солдатъ для военныхъ дѣйствій противъ Поляковъ. Савва, вмѣстѣ со своимъ „названнымъ братомъ“, записался въ солдаты къ стольнику Тимофею Воробцову, и вскорѣ они были отправлены въ Москву, „въ наученіе нѣкому нѣмецкому полковнику“. Отсюда бѣсъ увлекаетъ Савву въ Смоленскъ, куда они прибываютъ чудеснымъ образомъ „объ едину ночь“, при чемъ передъ Днѣпромъ „разступившася имъ вода, и преидоша воду“. Вскорѣ начались подъ Смоленскомъ военныя дѣйствія; русскимъ войскомъ командовалъ бояринъ Шеинъ. Савва обнаружилъ чудеса храбрости и силы, одолѣвъ въ единоборствѣ трехъ польскихъ богатырей помощью своего „брата“. Вскорѣ затѣмъ бѣсъ увлекаетъ Савву снова въ Москву, гдѣ тотъ и останавливается въ домѣ сотника Якова Шилова. Здѣсь Савва сильно заболѣлъ; сотникъ и его жена уговаривали его исповѣдаться и причаститься, но Савва не соглашался. Тѣмъ не менѣ священникъ былъ приглашенъ и когда приступилъ къ исповѣди Саввы, то его „названный братъ“, уже въ настоящемъ дьявольскомъ образѣ, сталъ въ углу и вынулъ „рукописаніе“, чтобы напомнить Саввѣ нѣкогда данное имъ обѣщаніе о своей душѣ. По уходѣ священника, бѣсъ началъ жестоко мучить Савву и душить его; объ этомъ случаѣ было доведено до свѣдѣнія царя. Наконецъ, 1 іюля къ больному явилась сама Богородица и обѣщала ему свое заступничество, назначивъ для этого день Казан-

ской Божіей Матери, 8 іюля. Въ этотъ день Савву принесли въ церковь, и, послѣ молитвы его о прощеніи передъ образомъ Богородицы, нѣкогда данное имъ „рукописаніе“ свалилось сверху; душа Саввы была освобождена. Самъ же Савва черезъ нѣкоторое время постригся въ Чудовомъ монастырѣ и, поживъ нѣсколько лѣтъ, тамъ скончался.

Какъ можно видѣть изъ содержанія этой повѣсти, главной пружиной дѣйствія въ ней является бѣсъ, побѣждаемый въ концѣ концовъ раскаяніемъ Саввы и заступничествомъ божественной силы. Мотивъ этотъ — стараго происхожденія и имѣлъ въ древней русской письменности весьма широкое распространеніе ¹⁾. Въ примѣръ можно указать на повѣсти о Евладіи и о бѣсноватой женѣ Соломоніи. Въ то время какъ первая ²⁾ рассказываетъ о событіи, бывшемъ въ Кесаріи, гдѣ одинъ богатый юноша Евладій, желая добиться расположенія прекрасной и добродѣтельной дѣвушки Керасіи, продаетъ свою душу дьяволу, но затѣмъ, путемъ раскаянія, мученій и заступничества св. Василя Великаго, получаетъ обратно свое „рукописаніе“, во второй ³⁾ дѣйствіе происходитъ уже въ русскихъ предѣлахъ, въ 1661 году: дочь попа Дмитрія изъ Устюжской области (гдѣ жилъ и отецъ Саввы Грудцына) Соломонія вышла замужъ за крестьянина Матѳея, но затѣмъ вступила въ связь съ демонами, имѣла отъ нихъ „темнозрачныхъ“ дѣтей, претерпѣла рядъ величайшихъ мученій и, наконецъ, была спасена заступничествомъ Богородицы и устюжскихъ угодниковъ Прокопія и Іоанна. Въ частности, эпизодъ съ рукописаніемъ пользовался въ старой письменности очень большою популярностью и находился уже въ весьма извѣстномъ апокрифическомъ „словѣ“ объ Адамѣ, гдѣ рассказывается о томъ, какъ Адамъ далъ дьяволу

1) О. Буслаяевъ. Мои досуги. II (М. 1886), стр. 7—13.

2) Пам. стар. русск. литер. I, стр. 191—192.

3) Тамъ же, I, стр. 153—161.

„рукописаніе“ на вѣчное рабство и работу, но затѣмъ былъ спасенъ актомъ воплощенія Сына Божія, страданіями и земной смертію.

Впрочемъ, этими указаніями еще не рѣшается вопросъ о ближайшемъ литературномъ источникѣ Повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ. По этому поводу высказано было мнѣніе¹⁾, что въ нѣкоторой идейной связи съ нашей повѣстью стоитъ переведенное чудовскимъ монахомъ Дамаскинымъ во второй половинѣ XVII в. греческое сочиненіе „Грѣшныхъ спасеніе“, оригиналъ котораго былъ изданъ въ Венеціи въ 1641 году; основная тенденція этого сборника, третья часть котораго перечисляетъ многочисленныя „чудеса“ Богородицы, заключается въ культѣ Дѣвы Маріи, имѣвшемъ, какъ извѣстно, широкое распространеніе на католическомъ западѣ и перешедшемъ къ намъ въ эпоху усиленія западно-русскихъ и польскихъ культурныхъ и литературныхъ вліяній. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ этой мысли о происхожденіи Повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ является и то, что мѣсто дѣйствія заключительнаго событія ея приурочивается къ Чудову монастырю. Однако сдѣлать тутъ какіе-либо опредѣленные выводы пока не представляется возможнымъ.

По своимъ собственно литературнымъ особенностямъ, повѣсть представляетъ собою смѣсь элементовъ духовно-книжныхъ съ народно-поэтическими. Первые нашли себѣ выраженіе не только въ основной тенденціи и приведенныхъ частностяхъ содержанія, но и въ самомъ заглавіи повѣсти, указывающемъ на ея религіозно-назидательный смыслъ. Въ однихъ спискахъ она называется „зѣло пречюдна и удивленію достойна, иже бысть грѣхъ ради нашихъ“ (по изд. Тихонравова) или „страха и ужаса исполнена и неизреченнаго удивленія достойна, како челоувѣколюбивый Богъ долготерпѣ-

1) В. Розовъ. Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ. Кіевскія Университетскія Извѣстія 1905 № 3.

ливъ сынъ, ожидая нашего обращенія и неизреченными своими судьбами всякаго человѣка приводитъ ко спасенію, еже бысть во дни сія, и являетъ человѣколюбіе свое надъ родомъ христіанскимъ“ (по изд. Костомарова). Слѣды народной поэзіи можно усмотрѣть въ той части повѣсти, гдѣ описываются богатырскіе подвиги Саввы противъ польскихъ силачей подъ Смоленскомъ. Повѣсть имѣла въ XVII и отчасти XVIII в. много читателей, на что указываетъ значительное число сохранившихся ея списковъ¹⁾.

На той же демонологической основѣ построена и „Повѣсть о горѣ и злосчастіи, како горе-злосчастіе довело молодца во иноческій чинъ“²⁾; только бѣсъ тутъ является въ качествѣ соблазнителя на пьянство и какъ бы сливается съ образомъ „горя-злосчастья“, своего рода судьбы, преслѣдующей человѣка до какого-либо опредѣленнаго конца. Содержаніе повѣсти начинается издалека, буквально отъ Адама:

Сотворилъ Богъ Адама и Евву,
Повелѣлъ имъ жити во святомъ раю,
Далъ имъ заповѣдь божественну:
Не повелѣлъ вкушати плода винограднаго,
Отъ едемскаго дерева великаго.

Однако прародители согрѣшили и дали начало „злему племени человѣческому“, которое „пошло непокорливо“ и „ко отцову ученію зазорчиво“, „прямое смиреніе отринуло“: за это Богъ навелъ на людей скорби и напасти великія, „наказуя насъ“ и „приводя насъ на спасенный путь“.

Иллюстраціей этого общаго введенія и является слѣдующій далѣе разсказъ. Былъ одинъ „молодецъ“, котораго

1) Назв. соч. В. Розова, стр. 1. Народный малорусскій пересказъ этой повѣсти см. у В. П. Горленка: Южно-русскіе очерки и портреты. Кіевъ 1898, стр. 126—127.

2) Открытая А. Н. Пыпинымъ, повѣсть эта была первоначально опубликована Н. И. Костомаровымъ въ „Современникѣ“ 1856 № 3. О другихъ ея изданіяхъ см. у П. К. Симоны: Памятники стариннаго русскаго языка и словесности XV—XVIII столѣтій. Вып. VII, 1. Повѣсть о горѣ и злосчастіи. Спб. 1907, стр. 2—12.

родители учили всему доброму: не пить много вина, не прельщаться женской красотой, не знаться съ „костарями“ (игроками въ кости) и корчемниками. Но молодець этихъ совѣтовъ не послушался и пожелалъ жить „какъ ему любо“: „наживалъ пятьдесятъ рублей и находилъ пятьдесятъ друзей“. Среди такихъ друзей нашелся одинъ „названный братъ“, который свелъ молодца въ „избу кабацкую“, поднесъ ему чару „зелена вина“ и кружку „пива пьянаго“ и сталъ давать наставленія, какъ жить:

Гдѣ пилъ, тутъ и спать ложись,
Надѣйся, надѣйся на меня, брата названого,
Я сяду стеречь и досматривать.

Началось беспросыпное пьяное житье, а за нимъ нищета: „драгіе порты“, „рубашка“ и „чулочки“ скоро оказались „слуплены“ и „ограблены“, „кирпичекъ положенъ подъ буйную голову“, да и самого „мила-друга“ названого брата не стало. Стыдно стало молодцу; къ отцу и матери идти онъ не рѣшился, а пошелъ „на чужу страну дальну-незнаему“, попалъ здѣсь на „честенъ пиръ“ и посадили его въ „мѣсто среднее“. Когда люди замѣтили, что молодець не пьетъ, не ѣстъ и ничѣмъ не хвалится, то стали спрашивать о причинѣ скорби; въ отвѣтъ молодець разсказалъ имъ, какъ ослушался отца-матери и что изъ этого вышло; въ концѣ онъ просилъ совѣта: „какъ мнѣ жить на чужой сторонѣ, въ чужихъ людяхъ и какъ залѣзти мнѣ милыхъ друзей?“ Добрые люди говорили ему:

Не буди ты спѣсивъ на чужой сторонѣ,
Покорися ты другу и недругу,
Поклонися ты стару и молоду;
А чужихъ ты дѣлъ не объявлявай,
А что слышишь или видишь — не сказывай!
Не лъсти ты межъ други и недруги,
Не имѣй ты упадки вилавья,
Не вѣйся змією лукавою,
Смиреніе ко всѣмъ имѣй
И ты кротостію держися истины съ правдою!

Запасшись этими совѣтами, молодецъ снова пошелъ на „чужую сторону“, нажилъ богатство и присмотрѣлъ себѣ невѣсту, да на честномъ пиру „по Божію попущенію, а по дѣйству дьяволю“ расхвастался. Подслушало это хвастанье „горе-злосчастіе“ и привязалось къ молодцу, какъ прежній „названный братъ“; оно убѣдило молодца отказаться отъ невѣсты и снова пуститься въ пьянство, такъ что пришлось опять надѣтъ на плечи „гунку кабацкую“. Въ дальнѣйшихъ странствованіяхъ какъ ни старался отдѣлаться молодецъ отъ своего спутника — ничего не помогало:

Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
 А горе за нимъ бѣлымъ кречатомъ;
 Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
 А горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ;
 Молодецъ пошелъ въ поле сѣрымъ волкомъ,
 А горе за нимъ съ борзыми выжлецы;
 Молодецъ сталъ въ поле ковыль-трава,
 А горе пришло съ косою острою.

Не видя спасенія, молодецъ пошелъ въ монахи:

А горе у святыхъ воротъ остается,
 Къ молодцу впредь не привяжется.

„Повѣсть о горѣ и злосчастіи“ чрезвычайно цѣнна оригинальнымъ сочетаніемъ книжнаго демонологическаго мотива съ народнымъ представленіемъ о лихой долѣ; это — книжное произведеніе XVII в., отразившее на себѣ поэтическіе образы подлинно-народной фантазіи и міросозерцанія. Изображенный тутъ „молодецъ“ не носитъ на себѣ опредѣленныхъ чертъ какой-либо эпохи, мѣстности или сословія¹⁾. Онъ — просто русскій человѣкъ, не лишенный ума, способностей и хорошихъ нравственныхъ стремленій, но слабый волей, готовый подчиниться чужому вліянію и преслѣдуемый злой долей; онъ инстинктивно ищетъ спасенія и находитъ его тамъ, куда и должна была только привести его благочести-

1) О. Буслаяевъ. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Т. I (1861), стр. 553—554.

вая мысль древне-русскаго человѣка, — въ монастырѣ. Спасеніе это достигается имъ безъ помощи божественной силы: молодець самъ „спамятуеть спасенный путь“; бѣсовская сила третируется насмѣшливо, и при такихъ условіяхъ побѣда монашескаго идеала наилучшимъ образомъ свидѣтельствуетъ о переходной эпохѣ, въ которую возникло это замѣчательное проявленіе ея творческихъ литературныхъ силъ.

Третья повѣсть, „Исторія о російскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобеевѣ“¹⁾, представляетъ собою выходъ изъ круга демонологическихъ представленій и серьезнаго назиданія въ область легкаго разсказа объ удачныхъ продѣлкахъ „ябедника“, бывшаго новгородскаго дворянина Фрола Скобеева. Въ повѣсти, дѣйствіе которой относится къ 1680 году, разсказывается о томъ, что Фролъ Скобеевъ, не смотря на свою должность, пожелалъ „возымѣть любленіе“ съ дочерью богатаго стольника, жившаго въ томъ же „Новгородскомъ уѣздѣ“, Нардина-Нащокина. Въ одинъ изъ святочныхъ дней въ домѣ стольника была устроена вечеринка для „веселости“ его дочери Аннушки; приглашено было много дѣвиць. Замысливъ овладѣть Аннушкой, Фролъ подкупилъ за пять рублей ея „мамку“, которая не только пригласила на вечеринку сестру Скобеева, но пропустила туда и его самого переодѣтымъ въ „дѣвическій уборъ“. Стараніемъ той же мамки между дѣвицами были устроены игры, такъ что, согласно порядку одной изъ нихъ, Фролу удалось остаться на продолжительное время одному съ Аннушкой. Такъ какъ, благодаря смѣлости Фрола и неопытности Аннушки, дѣло зашло у нихъ слишкомъ далеко, то Аннушкѣ оставалось лишь стать на сторону своего побѣдителя и для избѣжанія позора желать съ нимъ законнаго брака.

1) Первоначально издана была, съ пропусками, И. Купріяновымъ въ „Москвитянинѣ“ 1853, кн. 1, а затѣмъ вполнѣ В. В. Сиповскимъ: Русскія повѣсти XVII—XVIII вв., стр. 59—70.

Между тѣмъ отецъ Аннушки, будучи въ Москвѣ, вызывается туда письмомъ и свою дочь. Вслѣдъ за ней отправился въ Москву и Скобеевъ, сказавши на прощаньи своей сестрѣ: „отъ Аннушки я не отстану — или буду полковникъ, или покойникъ.“ Здѣсь онъ, поселившись недалеко отъ двора Нардина-Нащокина, поддерживалъ отношенія съ своей возлюбленной, которая, черезъ свою мамку, послала ему даже 20 рублей. У стольника имѣлась сестра монахиня, которая просила брата прислать къ ней когда-нибудь племянницу погостить. Этимъ воспользовался Скобеевъ, и однажды, когда стольника съ женою не было дома, Фроль выпросилъ у стольника Ловчикова карету съ лошадьми и, подпоивъ кучера, увезъ Аннушку и женился на ней, при чемъ былъ сдѣланъ видъ, что Аннушка поѣхала къ своей теткѣ-монахинѣ въ монастырь. Ничего не подозрѣвая, Нардинъ-Нащокинъ въ одномъ изъ разговоровъ съ сестрой, при свиданіи, спросилъ о дочери и только тутъ узналъ объ ея исчезновеніи. Фроль, между тѣмъ, не бездѣйствовалъ; онъ упросилъ стольника Ловчикова быть за него представителемъ передъ Нардинымъ-Нащокинымъ, который уже извѣстилъ о пропажѣ своей дочери царя. Невольному тестю пришлось однако же примириться со своимъ неожиданнымъ зятемъ изъ жалости и любви къ дочери; молодая чета получила не только прощеніе отъ гордаго стольника, но и изрядное имущество въ прибавку. Въ концѣ концовъ состоялось полное примиреніе, и „ябедникъ“ Фроль Скобеевъ получилъ для пропитанія себя и жены симбирскую вотчину стольника, триста рублей денегъ, а впоследствии сдѣлался наслѣдникомъ всего имѣнія Нардина-Нащокина и сталъ жить въ „великой славѣ“.

Т. о., если въ повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ главныя дѣйствующія лица принадлежатъ къ купеческому сословію, то въ исторіи о Фролѣ Скобеевѣ мы видимъ передъ собой боярство, на бытовомъ фонѣ котораго протекаетъ разсказъ о

продѣлкахъ бѣднаго дворянина, плута и по профессіи „ябедника“. Приключенія Скобеева представляютъ собою одновременно любовную исторію и рядъ неблагоприятныхъ поступковъ, направленныхъ къ пріобрѣтенію матеріальныхъ выгодъ; интересъ къ послѣднимъ преобладаетъ у автора надъ интересомъ къ первой, потому что и у самого героя „исторіи“ любовная интрига со стольничьей дочерью подчинена соображеніямъ и цѣлямъ совѣмъ другого порядка. Отношеніе автора къ продѣлкамъ „ябедника“ самое благодушное и не заключаетъ въ себѣ никакой назидательности; онъ совершенно далекъ отъ того, чтобы возмущаться поступками своего героя и внушить подобное чувство читателямъ; послѣдніе скорѣе могли вынести изъ чтенія „исторіи“ желаніе подражать такому ловкому счастливцу, какимъ изображенъ въ ней Фролъ Скобеевъ. Оба стольника остаются передъ нимъ какъ бы въ дуракахъ и вынуждены въ концѣ концовъ примириться съ тѣмъ положеніемъ, въ которое ихъ ставитъ умный и изворотливый „ябедникъ“, пользующійся явной симпатіей автора.

Въ „исторію“ введено громкое историческое имя: едвали подлежитъ сомнѣнію, что подъ стольникомъ Нардинымъ-Нащокинымъ слѣдуетъ разумѣть извѣстнаго Леанасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина (ум. 1680), ближняго боярина царя Алексѣя Михайловича и одного изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ русскихъ людей XVII вѣка, горячо сочувствовавшаго лучшимъ стремленіямъ своей эпохи. Однако историчность въ разсказѣ о Фролѣ Скобеевѣ ограничивается лишь однимъ именемъ: въ изображеніи Нардина-Нащокина нѣтъ даже и намекъ на государственную дѣятельность и воззрѣнія А. Л. Ордина-Нащокина, кромѣ развѣ указанія на его близость къ государю, которому онъ сообщаетъ объ исчезновеніи своей дочери; но подобный же случай мы видѣли и въ повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ, гдѣ о несчастіи съ героемъ сообщаетъ царю простой сотникъ

Яковъ Шиловъ. Съ другой стороны, въ дѣйствительной жизни историческаго Ордина-Нащокина¹⁾ неизвѣстны такія событія, которыя бы имѣли какое-либо соотвѣтствіе съ разсказомъ въ „Исторіи о Фролѣ Скобеевѣ“; б. м., послѣдняя построена на разсказѣ изъ семейной жизни названнаго боярина, но подтвердить или отвергнуть достовѣрность этого разсказа мы не имѣемъ достаточно данных²⁾.

Интересъ къ повѣсти о Фролѣ Скобеевѣ продолжался и въ XVIII вѣкѣ, при чемъ слѣдуетъ отмѣтить, что въ одномъ изъ списковъ герой получилъ имя „Фрола Скомрахова“³⁾; вмѣстѣ съ тѣмъ, во второй половинѣ XVIII вѣка исторія о Фролѣ Скобеевѣ послужила матеріаломъ для передѣлки Ив. Новикова „Похожденія Ивана Гостинаго сына и другія повѣсти. Двѣ части. СПб. 1785—1786“ (I. 112—152: Новгородскихъ дѣвушекъ святочный вечеръ, сыгранной въ Москвѣ сводобнымъ)⁴⁾.

Таковы попытки, сдѣланныя неизвѣстными русскими авторами XVII вѣка къ созданію оригинальной повѣсти. Наибольшей независимостью отъ старыхъ литературныхъ преданій и новизной отличается „Исторія о Фролѣ Скобеевѣ“. Конечно, въ собственно-литературномъ отношеніи эти попытки еще очень скромны: тутъ еще нѣтъ никакого художественнаго обобщенія, и поэтическіе элементы „Горя-злосчастія“ всецѣло принадлежатъ области приемовъ стараго народнаго пѣснотворчества; вообще слѣдовъ сознательнаго авторства въ этихъ повѣстяхъ не видно. Если оставить въ сторонѣ „Повѣсть о горѣ и злосчастіи“, то два другія произведенія представляютъ собою передачу единичныхъ

1) См. о немъ статью В. С. Иконникова: Ближній бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ, одинъ изъ предшественниковъ Петровской реформы. Русская Старина 1883, №№ 10—11.

2) А. Пыпинъ. Очеркъ, стр. 282—283.

3) А. Пыпинъ. Для любителей книжной старины, стр. 74.

4) В. Сиповскій. Русскія повѣсти XVII—XVIII в., стр. 73—89.

фактовъ, какъ они казались авторамъ на основаніи слышаннаго или вычитаннаго матеріала. Историческое значеніе этихъ произведеній также немаловажно: въ нихъ изображается бытъ, нравы и понятія переходной эпохи.

Изложенными фактами заканчивается, въ основныхъ чертахъ, первая половина того періода въ развитіи русской литературы, который мы назвали переходнымъ. Передъ нами стоитъ теперь вторая его половина — собственно Петровская эпоха и дальнѣйшія полтора дѣсятилѣтія XVIII в., до появленія на литературной аренѣ Ломоносова. Обѣ эти половины, представляя собою въ совокупности чрезвычайно важный моментъ въ ходѣ русской литературной жизни, подготовившій наступленіе ея „новаго“ періода, обнаруживаютъ между собою и немаловажное различіе. Основной особенностью первой половины, укладывающейся въ послѣднія двѣ четверти XVII вѣка, является сближеніе съ Западомъ: усвоена была московской литературой огромная масса литературныхъ произведеній западнаго происхожденія, преимущественно въ области повѣствовательной; особенной новостью было силлабическое стихотворство и театръ. Но это западное вліяніе сопряжено было съ глубокими движеніями народнаго духа. Западъ и его посредница Польша были для русскаго человѣка XVII вѣка носителями не только иной культуры, но и иной вѣры — преимущественно католической: отсюда явилась борьба сначала въ Юго-западной Руси, а потомъ и въ Московской, возникавшая по поводу разныхъ вѣроисповѣдныхъ и богословскихъ вопросовъ, но имѣвшая гораздо болѣе широкій общественный характеръ; это была борьба двухъ началъ, западнаго и восточнаго, поступательнаго и консервативнаго; изъ нихъ которое-нибудь одно должно было получить преобладаніе. Въ этомъ харак-

терѣ борьбы заключается и весь смыслъ раскола, поскольку онъ долженъ занимать свое мѣсто въ изложеніи фактовъ литературы XVII вѣка ¹⁾. Побѣда, какъ извѣстно, осталась за западнымъ теченіемъ; восточное принуждено было отступить, но, уходя въ прошлое, оно дѣлало это съ большимъ напряженіемъ боевыхъ силъ, чрезвычайно осложнявшимъ болѣзненный переходъ отъ стараго къ новому. И это новое явилось прежде всего въ лицѣ Петра Великаго, олицетворившаго собою и характеромъ своей дѣятельности вторую половину переходной эпохи. Тутъ мы имѣемъ дѣло уже съ болѣе непосредственнымъ прикосновеніемъ къ Западу и его литературнымъ источникамъ. Это время, подобно XVII вѣку, также характеризуется идейной борьбой, принимающей нерѣдко весьма острый характеръ, но въ общемъ преобладаютъ уже факты положительныхъ пріобрѣтеній русской литературы; являются писатели не только съ яркой индивидуальностью, но и съ наличностью духовнаго или свѣтскаго образованія, съ научнымъ и философскимъ складомъ ума, съ извѣстнымъ литературнымъ навыкомъ въ новомъ духѣ, владѣющіе отчасти новыми формами литературнаго выраженія: словомъ, мы встрѣчаемся тутъ съ продуктами той работы и съ результатами тѣхъ культурныхъ и общественныхъ успѣй въ области литературы, для которыхъ въ XVII вѣкѣ лишь расчищался путь, подготавливалась почва и настроеніе.

1) Развитію этой мысли посвящено замѣчательное изслѣдованіе В. О. К л ю ч е в с к а г о: Западное вліяніе въ Россіи XVII вѣка. Историко-психологическій очеркъ. Вопросы философіи и психологіи, кн. 36. 38. 39 (1897).

В. Литературныя явленія Петровской эпохи.

1.

Петровская эпоха въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. — Петръ Великій, какъ историческая личность; характеръ его преобразовательной дѣятельности; отношеніе къ нему современниковъ и потомства. — Отношеніе Петра къ литературѣ и просвѣщенію. — Заботы о переводѣ книгъ; личное участіе въ этомъ дѣлѣ. — Начало періодической печати въ Россіи.

Хотя, какъ было уже указано, культурно-историческое и литературное содержаніе эпохи Петра Великаго, замыкающей въ хронологическія рамки послѣднихъ годовъ XVII и первой четверти XVIII вѣка, находится въ самой тѣсной связи со второй половиной XVII вѣка, тѣмъ не менѣе невозможно отрицать извѣстнаго впечатлѣнія новизны многихъ явленій этого царствованія. Такое впечатлѣніе создаетъ прежде всего сама личность Петра Великаго — безспорно колоссальной исторической фигуры, имѣвшей огромное личное вліяніе на ходъ событій русской исторіи; тутъ мы имѣемъ дѣло съ дѣйствительно великимъ человѣкомъ въ рамкахъ не одной только нашей, но и всемірной исторіи.

Для личности и дѣятельности Петра Великаго уже вполне наступила возможность спокойнаго историческаго освѣщенія, но освѣщеніе это до сихъ поръ носитъ характеръ двойственности, положительнаго или отрицательнаго къ нему отношенія. Петръ Великій принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ лицъ нашего историческаго прошлаго, противъ которыхъ бессильно время: онъ не старѣетъ и остается совершенно живымъ лицомъ, жизненное значеніе котораго вытекаетъ не только изъ исключительной его индивидуальности, но также изъ характера и объема его дѣятельности, изъ важности историческаго момента ея проявленія, изъ многочисленности и значительности ея результатовъ для русской жизни. Противоположность взглядовъ на Петра и его

творческую работу нашла себѣ яркое выраженіе еще при его жизни (въ этомъ отношеніи достаточно извѣстны заявленія Стефана Яворскаго, Теофана Прокоповича, Посошкова и др.), и исторія этихъ взглядовъ въ теченіе почти цѣлыхъ двухъ столѣтій¹⁾ съ несомнѣнностью указываетъ на то, что въ вопросѣ о Петрѣ совмѣщался вопросъ не только русской жизни въ ея современности къ великому преобразователю, но и въ ея прошломъ и даже будущемъ. Это и понятно, если принять во вниманіе, что созидательныя стремленія Петра вытекали изъ безповоротно рѣшеннаго имъ вопроса объ источникѣ дальнѣйшаго русскаго просвѣщенія, который онъ усмотрѣлъ на Западѣ. Хотя такое рѣшеніе даннаго вопроса, какъ и самая его постановка не были новы и унаслѣдованы Петромъ отъ самой русской жизни XVII вѣка, однако ему первому выпало на долю фактически осуществить это рѣшеніе, вывести его изъ области идей и робкихъ попытокъ въ кругъ явленій дѣйствительной жизни. Уже изъ современниковъ Петра одни примкнули къ его мысли о Западѣ, какъ источникѣ истиннаго просвѣщенія, а другіе видѣли этотъ источникъ въ прошломъ самой русской дѣйствительности, забывая при этомъ, что идеалы послѣдней даже въ самомъ отдаленномъ прошломъ не обладали ни безусловной цѣльностью, ни свободой отъ чужеземныхъ вліяній; но таковъ былъ глубоко-жизненный характеръ этого вопроса, что черезъ полтора столѣтія В. И. Кирѣевскій (въ 1852 году) писалъ: „Мало вопросовъ, которые въ настоящее время были бы важнѣе вопроса объ отношеніи русскаго просвѣщенія къ западному. Отъ того, какъ онъ разрѣшается въ умахъ нашихъ, зависитъ не только господствующее направленіе нашей литературы, но, быть можетъ, и направленіе всей нашей умственной дѣятельности, и смыслъ нашей частной

1) Е. Ф. Шмурло. Петръ Великій въ русской литературѣ. Ж. М. Н. Пр. 1889 №№ 7—8 и отд. Спб. 1889.

жизни, и характеръ общежительныхъ отношеній (Соч. II, стр. 229). Въ настоящее время вопросъ этотъ потерялъ, конечно практическую остроту, но онъ удерживаетъ за собою все свое первостепенное историческое значеніе.

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на выраженіяхъ того одобренія и восторга, которыя обращены были какъ къ самому Петру, такъ и къ его дѣятельности: эти голоса сторонниковъ великаго преобразователя явились подкладкой многихъ литературныхъ произведеній XVIII вѣка. Менѣе громки были выраженія противниковъ Петра Великаго; большею частію они оставались въ пору своего возникновенія подъ спудомъ, и лишь въ XIX вѣкѣ, когда оказалось возможнымъ историческое отношеніе къ эпохѣ, стали болѣе свободно формулироваться тѣ обвиненія противъ Петра, которыя уже давно накапливались въ отрывочныхъ заявленіяхъ и сужденіяхъ частнаго характера. Къ какимъ же основнымъ положеніямъ могутъ быть сведены въ настоящее время эти обвиненія противъ Петра, какъ носителя западнаго идеала? Во 1-хъ, Петръ недостаточно высоко оцѣнилъ явленія древне-русской жизни и ошибочно рѣшилъ замѣнить старые порядки новыми, взятыми съ запада; во 2-хъ, на многихъ его дѣлахъ лежитъ печать поспѣшности и насилія; въ 3-хъ, преобразованія его были чисто внѣшнія, не могли затронуть глубины старой жизни и дали ей лишь ненужный, смѣшной лоскъ европеизма. Т. о., Петръ неправильно избралъ путь обновленія русской жизни, примѣняя дурные способы его прохожденія, и результаты его работы были отрицательные. По поводу этихъ обвиненій можно сказать, оставаясь на исторической точкѣ зрѣнія, слѣдующее. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя отрицать, что, увлекаемый преобразовательными идеями, Петръ иногда безъ разбору ломалъ все, въ томъ числѣ и хорошее, въ старой русской жизни; но объясненіемъ этого служить необычайно стремительный характеръ всей его реформаторской дѣятель-

ности, поставленной въ необыкновенныя условія совокупностью сложившихся обстоятельствъ; не смотря на извѣстную подготовку нѣкоторой части русскихъ умовъ къ преобразованіямъ, проведеніе послѣднихъ было все-таки одной изъ самыхъ бурныхъ революцій, произведенныхъ сверху. Въ основѣ многихъ разрушительныхъ дѣйствій Петра лежала великая идея созиданія, и потому съ ними мирились даже такіе исконно-русскіе люди, какъ Посошковъ: „не токмо — говорилъ онъ — суда весьма застарѣлаго не рассыпавъ его и подробну не разсмотря не исправить, но и хоромины ветхія, не рассыпавъ всея и не разсмотря всякаго бревна, всея гнилости изъ нея не очистити“ (Соч. 1, стр. 96). Выборъ источника просвѣщенія на западѣ вовсе не былъ личнымъ дѣломъ Петра: онъ былъ съ достаточной ясностью указанъ его предками и самой силою вещей, потому что другого живого источника не было; старыя византійскія преданія уже значительно потеряли свой авторитетъ даже въ глазахъ консервативной части русскаго общества, а послѣднее, какъ сравнительно молодой государственно-общественный организмъ, нуждалось въ живомъ матеріалѣ для дальнѣйшаго поступательнаго движенія, искало новыхъ идей и надежнаго пути для своего развитія; все это было только на западѣ, и соприкосновеніе послѣдняго съ Русью было неизбѣжной исторической необходимостью. Т. о., Петръ не могъ тутъ дѣлать никакого выбора. Но замѣчательно, что, заимствуя европейское просвѣщеніе, Петръ всегда имѣлъ въ виду національныя выгоды Россіи; онъ вездѣ, гдѣ это было возможно, выдвигалъ русскихъ людей на службу родинѣ: въ президенты коллегій онъ всегда назначалъ природныхъ русскихъ, а иностранцы могли быть лишь вице-президентами; чинъ 1 класса не былъ также доступенъ иностранцамъ и т. д.; вообще, онъ смотрѣлъ на призывъ въ Россію иностранцевъ лишь какъ на временную, но необходимую мѣру; въ природныя способности русскаго

народа онъ вѣрилъ безгранично, иначе — его дѣятельность, рассчитанная по широкому плану, не имѣла бы для него самого внутренней опоры. Далѣе, Петру ставятъ въ вину поспѣшность и насиліе. Но поспѣшность вытекала у него изъ страстной преданности его идеѣ предпринятаго имъ преобразованія Россіи: разъ онъ увѣровалъ въ необходимость этого дѣла, поспѣшность являлась уже дѣломъ его кипучаго темперамента, его стремленія сдѣлать какъ можно больше и скорѣе. Онъ весь былъ охвачемъ своимъ планомъ обновленія Россіи; онъ боялся, что его жизни не хватитъ на это дѣло, и, весьма естественно, желалъ видѣть уже плоды своей дѣятельности; надо помнить, кромѣ того, что онъ былъ окруженъ антагонистами своего дѣла дома, не имѣлъ прямыхъ преемниковъ себѣ по духу и, предвидя если не разрушеніе, то равнодушіе къ начатому имъ дѣлу, онъ спѣшилъ сдѣлать по возможности все самолично. Отсюда происходили и нерѣдкіе случаи принужденія, принимавшіе иногда дѣйствительно рѣзкія формы. Но не надо забывать, что, съ одной стороны, Петръ, при всей исключительности его натуры, былъ все-таки человѣкомъ своего времени, не отличавшагося особенной мягкостью въ нравахъ и въ дѣлѣ общественныхъ мѣропріятій, а съ другой стороны — преобразованія Петра вызывали въ массѣ русскаго народа постоянное и упорное несочувствіе, которое слагалось въ могущественную партію, стоящую за старину. Тутъ опять умѣстно вспомнить извѣстное сужденіе Посошкова: „онъ (Петръ) на гору еще и самъ-десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ, то какъ дѣло его споро будетъ?“ (Соч. I, стр. 95). Добиться согласія этихъ милліоновъ путемъ убѣжденія не было возможности; надо было или отказаться отъ самаго дѣла, или идти, какъ говорится, на проломъ: представленіе объ абсолютной волѣ монарха и глубокая вѣра въ необходимость преобразованій рѣшили вопросъ въ пользу принужденій. Самъ Петръ, имѣя въ виду это еще при его жизни

предъявлявшееся ему обвиненіе, пытался на него отвѣтить. Въ указѣ о введеніи китоваго промысла онъ говоритъ: „когда въ томъ старомъ и заобыкломъ государствѣ (т. е. въ Голландіи) принужденіе чинится, то кольми паче у насъ надобно принужденіе въ томъ, яко у новыхъ людей во всемъ“; по другому поводу, въ указѣ объ умноженіи мануфактуръ въ Россіи, мы читаемъ: „нашъ народъ, яко дѣти неученія ради, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, что ясно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ: но все ль неволею сдѣлано, и уже за многое благодареніе слышится, отъ чего уже плодъ произошелъ“. Наконецъ, что касается обвиненія Петра въ поверхностномъ характерѣ его преобразованій, то оно, прежде всего, становится въ противорѣчіе съ тѣмъ мнѣніемъ, будто старыя устои русской жизни были замѣнены безъ достаточнаго основанія новыми: если преобразованія были только внѣшними, то нельзя говорить о фактическомъ поворотѣ русской жизни на новый путь, потому что при поверхностномъ воздѣйствіи старыя основы жизни пострадать не могли. Но, конечно, такое указаніе прямо не вѣрно: напротивъ, глубина захвата русской жизни преобразованіями Петра была изумительна, и многое изъ начатаго Петромъ пришлось додѣлывать цѣлому ряду его преемниковъ, особенно Екатеринѣ II. Если же преобразованія Петра и породили дѣйствительно нѣкоторыя уродливыя проявленія въ русской жизни, обличающія недостаточное воспріятіе культурныхъ даровъ реформы, то это является обычнымъ послѣдствіемъ подобнаго рода процессовъ; для большей глубины воспріятія нужно было время, не говоря уже о томъ, что самъ преобразователь не можетъ быть всецѣло отвѣтственъ за послѣдствія своихъ начинаній, рассчитанныхъ на многія поколѣнія русскаго общества, которое само должно было переработать и осуществить брошенныя въ него идеи и зачатки новой культурной жизни.

Этими возраженіями противъ Петра Великаго и приведенными отвѣтными соображеніями, конечно, далеко не исчертываются всѣ спорные пункты вопроса о немъ, поднятые въ научной и публицистической литературѣ¹⁾. Какъ антагонисты, такъ и защитники Петра сходны однако же въ томъ, что это былъ одинъ изъ самыхъ гениальныхъ умовъ своей эпохи, одаренный неутолимой жаждой къ просвѣщенію и безгранично настойчивый въ усвоеніи плодовъ этого просвѣщенія Россіи въ концѣ XVII и первой четверти XVIII вѣка. Въ этихъ широкихъ просвѣтительныхъ замыслахъ и огромной работѣ ихъ проведенія въ дѣйствительную жизнь и заключается основная сущность исторической роли Петра Великаго.

Вліяніе Петра въ собственно литературной области было весьма значительно. Петръ очень хорошо понималъ и высоко ставилъ силу печатнаго слова и, желая пересадить на русскую почву какъ можно больше необходимыхъ знаній, энергично заботился о составленіи и изданіи въ свѣтъ многихъ переводныхъ книгъ. Приказанія Петра о переводахъ начинаются очень рано, почти съ дѣтскаго возраста; напр., извѣстна рукопись „Художества огненная и разныя воинскія орудія, ко всякимъ городовымъ приступамъ и ко оборонѣ приличныя, издателемъ Іосифомъ Бойлотомъ Лангрини изобрѣтенныя“; изъ надписи на этой рукописи видно, что она была переведена „съ французскаго и нѣмецкаго на русскій языкъ“ по указу „великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича“ въ 1685 году²⁾. Особенно частыми являются приказанія Петра о переводѣ книгъ съ 1708 года, когда введенъ былъ, по личному почину царя, выработанный при его дѣятельномъ участіи гражданскій шрифтъ. Правой

1) См. объ этомъ подробнѣе въ рѣчи акад. Я. Грота: Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи. Спб. 1872, стр. 13—25.

2) Пекарскій, П. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великому, I, стр. 220.

рукой Петра въ дѣлѣ переводовъ былъ начальникъ монастырскаго приказа Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, переписка котораго съ царемъ по книжнымъ дѣламъ представляетъ любопытнѣйшій документъ своего времени. Такъ, въ октябрѣ 1708 года Петръ приказываетъ Мусину-Пушкину, а тотъ сообщаетъ директору московской типографіи Ѡ. Поликарпову, чтобы найти нѣмецкій календарь и перевести его какъ можно скорѣе, а также чтобы исправить переводъ Исторіи Курція объ Александрѣ; въ 1713 году государь передаетъ Мусину-Пушкину исторію о Кромвелѣ на латинскомъ языкѣ для отсылки въ Москву и перевода; въ 1715 году Мусинъ-Пушкинъ передаетъ Поликарпову приказаніе царя, „дабы трудились нелѣпно въ переводѣ книгъ съ латинскаго ректоръ (Московской Славяно-греко-латинской Академіи) Лопатинскій и директоръ Поликарповъ“. 21 сентября 1718 года Мусинъ-Пушкинъ пишетъ Поликарпову о своемъ разговорѣ съ царемъ на свадьбѣ у князя Голицына: „Да для чего, придалъ государь, по сю пору не переведена книга Виргилія Урбина о началѣ всякихъ изобрѣтеній — книга не большая, а такъ мѣшкаете? Отпиши о семъ Лопатинскому“. Въ другомъ письмѣ: „Отцу Лопатинскому скажи, чтобъ перевелъ книги, которыя къ нему посланы. А великій Государь часто изволитъ напоминать, для чего долго не присылаются, и что бы не навелъ гнѣву . . .“ Въ третьемъ письмѣ: „Писалъ я къ тебѣ многожды о переводѣ книгъ и чтобы говорилъ ты отцу Лопатинскому, дабы скорѣе переводилъ, а нынѣ великій государь приказалъ, ежели не переведутъ книгъ лексикона и прочихъ, до того времени жалованья не выдавать, пока не переведутъ“¹⁾. Порученія о переводахъ книгъ занимали вниманіе Петра до послѣднихъ лѣтъ его жизни, причемъ не было мѣста и обстоятельствъ, которыя бы могли ограничить эти его книжныя заботы. Въ

1) Пекарскій, I, стр. 210—211.

1722 году, по возвращеніи изъ персидскаго похода, царь на одномъ праздникѣ заводитъ рѣчь о языческой религіи и, узнавъ, что объ этомъ имѣется сочиненіе Аполлодора, поручаетъ Синоду перевести его на русскій языкъ; это было исполнено типографскимъ справщикомъ А. Барсовымъ, и книга напечатана въ 1725 году. Въ 1723 году царь поручилъ новгородскому архіепископу Θεодосію распорядиться о переводѣ съ нѣмецкаго сельско-хозяйственнаго сочиненія В. Г. Гохберга, вышедшаго въ подлинникъ въ Нюрнбергѣ въ 1716 году, въ 3-хъ томахъ. За это дѣло принялся извѣстный тогдашній знатокъ нѣмецкаго языка между духовными русскими Θεофилъ Кроликъ, въ сотрудничествѣ съ переводчиками Синода Розенблутомъ и Василіемъ Козловскимъ. Когда въ 1724 году царю представлена была часть перевода, то онъ самъ занялся его просмотромъ и исправленіемъ, и возвратилъ рукопись переводчикамъ со слѣдующимъ замѣчательнымъ и характернымъ наставленіемъ, писаннымъ его собственной рукой: „Понеже нѣмцы обыкли многими разсказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались, чего, кромѣ самого дѣла и краткаго передъ всякой вещью разговора, переводить не надлежитъ; но и вышереченный разговоръ, чтобы не праздною ради красоты и для вразумленія и наставленія о томъ чтущему было, чего ради о хлѣбопашествѣ трактатъ выправилъ (вычерня негодное) и для примѣра посылаю, дабы по сему книги переложены были безъ излишнихъ разсказовъ, которые время только тратятъ и чтущимъ охоту отъемлютъ“. Переводъ этотъ оконченъ былъ лишь въ 1730 году и остался не напечатаннымъ¹⁾. Петръ былъ врагъ всякой растянутости и многословія въ рѣчи, поэтому требовалъ отъ переводовъ прежде всего ясности и удобопонятности, хотя бы при этомъ приходилось жертвовать точностью передачи подлинника:

1) Пекарскій, I, стр. 213—214.

„надлежитъ — писалъ онъ Ив. Зотову — въ той книжкѣ, которую нынѣ переводите, остерегаться въ томъ, дабы внятнѣе перевести, и не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ, но точію сіи выразумѣвъ, на свой языкъ ужь такъ писать, какъ внятнѣ“¹⁾. Еще менѣе былъ равнодушенъ Петръ къ содержанію переводовъ. Въ этомъ отношеніи довольно привести одинъ, весьма любопытный, примѣръ. Префектъ училищъ Гавріиль Бужинскій сдѣлалъ, по порученію Петра, переводъ знаменитаго сочиненія Самуила Пуффендорфа „Введеніе въ исторію европейскую“. Такъ какъ въ одной главѣ этого сочиненія, посвященной „Московіи“, оказались мѣста, которыя могли бы быть оскорбительны русскому читателю по рѣзкимъ и невыгоднымъ отзывамъ въ нихъ о русскихъ, то переводчикъ опустилъ эти мѣста и въ такомъ видѣ представилъ свой переводъ государю; но послѣдній прежде всего обратилъ вниманіе именно на эти мѣста и, не найдя ихъ въ переводѣ, жестоко разбранилъ переводчика, приказавъ при этомъ перевести книгу совершенно точно и согласно съ подлинникомъ²⁾; въ этомъ видѣ она и была напечатана въ 1718 году.

Петръ искалъ и находилъ переводчиковъ вездѣ, гдѣ это было по обстоятельствамъ возможно. Главнымъ центромъ, въ которомъ совершались переводы по заказамъ царя, была Московская Академія. Когда былъ учрежденъ Синодъ, Петръ дѣлалъ очень часто черезъ него порученія о переводахъ: напр., будучи въ засѣданіи Синода 19 ноября 1721 года, онъ приказалъ тамъ перевести „на словенскій діалектъ“ трудъ Пуффендорфа *De officiis hominis et civis*; переводъ былъ исполненъ въ 1724 году справщикомъ Іосифомъ Кречетовскимъ и просмотрѣнъ упомянутымъ Гавріиломъ Бужинскимъ, но напечатанъ былъ уже послѣ смерти Петра.

1) Тамъ же, I, стр. 227.

2) Пекарскій, I, стр. 326.

Весьма важнымъ центромъ переводческой дѣятельности былъ Посольскій приказъ, приемы котораго, въ отношеніи простоты языка, встрѣчали особенное сочувствіе Петра; такъ, Мусинъ-Пушкинъ, руководясь наставленіями государя, писалъ, при возвращеніи Поликарпову переведенной имъ „Географіи“, что эта книга „переведена гораздо плохо“: „того ради исправь хорошенько, не высокими словами словенскими, но простымъ русскимъ языкомъ, такожь и лексиконы. Со всѣмъ усердіемъ явися и высокихъ словъ словенскихъ класть не надобеть, но посольскаго приказу употреби слова“¹⁾. Нѣкоторые переводы совершены были, по порученію царя, также въ Кіевѣ и Новгородѣ, даже за границей, гдѣ переводами занимались проживавшіе тамъ русскіе, напр. кн. Долгорукій и Петръ Толстой въ Венеціи²⁾. Наконецъ, переводчиковъ искалъ Петръ и среди иностранцевъ-славянъ, особенно чеховъ. Такъ, въ 1715 году онъ писалъ русскому повѣренному въ дѣлахъ въ Вѣнѣ, чтобы тотъ отыскалъ „Лексиконъ универсалисъ“ нѣмецкаго и англійскаго изданій, а также „книгу юриспруденцію“: „И какъ ихъ сыщешь, тогда надобно тебѣ съѣздить въ Прагу и тамъ въ езуицкихъ школахъ учителемъ говорить, чтобы они помянутыя книги перевели на словенскій языкъ, и о томъ съ ними договоритесь, почемъ они возмутъ за работу отъ книги, и о томъ намъ пишите жъ. И понеже нѣкоторыя рѣчи ихъ не сходны съ нашимъ словенскимъ языкомъ, и для того можемъ къ нимъ прислать русскихъ нѣсколько человекъ, которые знаютъ по латини и лучше могутъ несходныя рѣчи на нашемъ языкѣ изъяснить. Въ семъ гораздо постарайся, понеже намъ сіе гораздо нужно“³⁾. Придавая весьма важное значеніе вопросу о переводчикахъ, Петръ въ

1) Соловьевъ, С. М. Исторія Россіи, изд. „Общественной Пользы“, кн. IV. 242.

2) Пекарскій, I, стр. 214. 216. 220.

3) Пекарскій, I, стр. 231.

послѣдній годъ своего царствованія издалъ даже о нихъ особый указъ: „Для перевода книгъ — говорится тамъ — зѣло нужны переводчики, а особливо для художественныхъ, понеже никакой переводчикъ, не умѣя того художества, о которомъ переводить, перевести то не можетъ. Того ради заранѣе сіе надобно дѣлать такимъ образомъ: которые умѣютъ языки, а художествъ не умѣютъ, тѣхъ отдать учиться художествамъ; а которые умѣютъ художества, а языку не умѣютъ, тѣхъ послать учиться языкамъ, и чтобъ всѣ изъ русскихъ или иноземцевъ, кои или здѣсь родились, или зѣло малы прѣехали и нашъ языкъ какъ природный знаютъ, понеже на свой языкъ всегда легче переводить, нежели съ своего на чужой“ 1).

Языками, съ которыхъ дѣлались при Петрѣ русскіе переводы, были не только латинскій и отчасти польскій, употребительные для этой цѣли въ XVII вѣкѣ, но также нѣмецкій, французскій, голландскій, итальянскій. Въ то время, какъ прежде переводы возникали на Руси совершенно случайно, при Петрѣ они велись систематически, въ соображеніи съ потребностями практической жизни; при этомъ однако же было бы несправедливо утверждать; что этотъ практицизмъ имѣлъ исключительно узкій характеръ; государственныя и общественныя потребности своей эпохи по книжной части Петръ понималъ очень широко: при немъ и по его порученію появилось много переводовъ не только по военному и морскому дѣлу, математикѣ и разнаго рода техническимъ вопросамъ, но и по исторіи, географіи, политикѣ, юриспруденціи, богословію, искусству, мифологіи, изъ нихъ немалое количество сочиненій энциклопедическихъ и вообще съ широкимъ содержаніемъ 2). Въ вопросахъ книжныхъ великій преобразователь отнюдь не былъ

1) П. С. З., VII № 4438 : Пекарскій, I, стр. 243.

2) Весь объемъ книжной дѣятельности при Петрѣ Великомъ представленъ у Пекарскаго: Наука и литература, II, стр. 1—632.

сторонникомъ однихъ узко-утилитарныхъ воззрѣній; ему близки были интересы историческіе, философскіе и вообще гуманитарные, за которыми онъ со свойственной ему про- ницательностью также усматривалъ великую пользу для русскаго народа, рассчитанную на обширный масштабъ дѣйствія и продолжительное время въ будущемъ.

Петръ любилъ и цѣнилъ книгу не только по ея содер- жанію, но и по внѣшности; онъ равнодушенъ былъ къ шрифту и переплету. Первой напечатанной гражданскимъ шрифтомъ книгой была „Геометрія“; она была отпечатана въ Москвѣ (1708) голландскими мастерами, вызванными изъ Амстердама, по рукописи, правленной самимъ царемъ и присланной имъ въ 1707 году „изъ военнаго похода“¹⁾. Въ 1709 году Петръ такъ писалъ Мусину-Пушкину о ново- напечатанныхъ гражданскимъ шрифтомъ книгахъ: „Печать во оныхъ книгахъ зѣло предъ прежней худа, нечиста и толста, въ чемъ вамъ надлежитъ посмотрѣть гораздо, чтобы такъ хорошо печатали, какъ прежнія, а именно противъ кумплементальной и слюзной²⁾); тако жъ и переплетъ противъ оныхъ же, ибо нынѣшней присылки переплетъ очень дуренъ отъ того, что въ коренѣ гораздо узко вяжетъ; отчего книги таращатся, и надлежитъ гораздо слабо и просторно въ коренѣ дѣлать . . . Азбуку вели одну новоисправленную прислать . . . литеру буки, также и покой вели переправить — зѣло дурно сдѣланы, почеркомъ также толсты и, напечатавъ новою съ азбукою что малое, паки къ намъ пришли, а штемпели вырѣзать вели отвѣдать саксонцу, который на денежномъ дворѣ у адмирала рѣжетъ штемпели для моне- ты“³⁾.

1) Пекарскій, II, стр. 179.

2) Имѣются въ виду книги „Приклады, како пишутся комплементы“ и „О способахъ, творящихъ восхождение рѣкъ свободное“, напечатанныя въ 1708 году (Пекарскій, II, стр. 180. 182).

3) Пекарскій, II, стр. 648—649.

Но всего очевиднѣе проявилось личное участіе Петра Великаго въ литературномъ движеніи своего времени въ изданіи „Вѣдомостей“. Первая русская газета есть всецѣло его созданіе. Высоко цѣня значеніе періодической печати за границей и понимая, какое содѣйствіе она могла бы оказать его начинаніямъ въ Россіи, Петръ издалъ 16 декабря 1702 года указъ о печатаніи „вѣдомостей“, въ которыхъ должны были сообщаться свѣдѣнія „о воинскихъ и о всякихъ дѣлахъ, которыя подлежатъ для объявленія Московскаго и окрестнаго государства людямъ“. Первый номеръ „Вѣдомостей“ вышелъ 2 января 1703 года, въ Москвѣ. Петръ самъ былъ дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ и вкладчикомъ въ это дорогое для него литературное предпріятіе. Многіе номера прокорректированы имъ собственноручно; немало извѣстій о побѣдахъ надъ непріателемъ и о другихъ вещахъ и событіяхъ были посланы имъ для напечатанія въ газетѣ; тамъ помѣщено также нѣсколько собственноручныхъ его писемъ, напр. въ № 6 за 1708 годъ цѣлыхъ три. Успѣхъ „Вѣдомостей“ въ Россіи не вполне соответствовалъ ожиданіямъ Петра, и были годы, напр. 1717—1718, когда газета почти совсѣмъ замирала, но Петръ неоднократно подталкивалъ ее своимъ могучимъ вліяніемъ и личной помощью; было даже время, когда Петръ, отчаявшись въ возможности правильной постановки періодическаго изданія въ Россіи, хотѣлъ издавать русскую газету за границей, о чемъ и писалъ въ декабрѣ 1713 года князю Куракину ¹⁾.

1) Пекарскій, II, стр. 313. См. Балицкій, Г. В. Зарожденіе періодической печати въ Россіи. Ж. М. Н. Пр. 1908 № 9, стр. 7. 12. 27. Новое изданіе „Вѣдомостей времянь Петра Великаго“: I. М. 1903. II. М. 1906.

2.

Старыя литературныя формы съ новымъ содержаніемъ. — Путешествія русскіхъ людей въ чужія земли при Петрѣ Великомъ; описанія этихъ путешествій. — Дневникъ П. А. Толстого. — Записная книжка неизвѣстной особы. — Записки гр. А. А. Матвѣева. — Общее значеніе и характеръ этихъ произведеній.

При всей новизнѣ своего содержанія, самостоятельныя литературныя произведенія эпохи Петра Великаго остаются еще при старыхъ литературныхъ формахъ: тутъ мы видимъ описанія путешествій въ чужія земли, проповѣдь, повѣсти, публицистическіе и ученые трактаты, драму. Произведенія эти, съ одной стороны, не привязаны или весьма слабо привязаны къ тѣмъ или инымъ авторскимъ именамъ и являются почти исключительно выраженіемъ общихъ вкусовъ и настроеній: таковы — повѣсти, описанія путешествій, драма; съ другой же стороны, проповѣдь и публицистика тѣсно связаны съ опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ отдѣльныхъ авторовъ, вродѣ Яворскаго, Посошкова, Теофана Прокоповича или Татищева. Это обстоятельство, немаловажное въ оцѣнкѣ литературныхъ явленій разсматриваемой эпохи, побуждаетъ насъ разсмотрѣть сначала произведенія съ слабой наличностью литературнаго сознанія, а потомъ уже обратиться къ болѣе виднымъ литературнымъ индивидуальностямъ, при чемъ относительно послѣднихъ придется, считаясь не только съ литературной, но и съ біографической стороной дѣла, нѣсколько раздвинуть впередъ хронологическія рамки изложенія.

Описанія путешествій въ чужія земли, какъ и самыя путешествія, имѣли мѣсто, какъ извѣстно, и въ старую эпоху нашей литературы и жизни. Но тогда путешествовали почти исключительно въ святыя земли, съ цѣлію поклоненія святынямъ Іерусалима и Царьграда; естественно, что и описанія такихъ путешествій получали по преимуще-

ству церковно-религіозный характеръ. Такого рода путешествія продолжались еще и при Петрѣ Великомъ ¹⁾, но главнымъ образомъ стали теперь ѣздить уже на западъ, по царскому приказу и съ цѣлю учиться; путешествія получили государственно-просвѣтительный характеръ.

Поѣздки русскихъ людей на западъ до Петра Великаго были явленіемъ чрезвычайно рѣдкимъ и случайнымъ. Тутъ можно вспомнить въ особенности о молодыхъ людяхъ, посланныхъ въ 1602 году Борисомъ Годуновымъ въ Англію „для науки разныхъ языковъ и грамотъ“; это были дворяне Микифоръ Олферьевъ сынъ Григорьевъ, Сафонъ Михайловъ сынъ Кожуховъ, Казаринъ Давыдовъ и Ѳедька Костомаровъ, которые однако же, по разнымъ и не вполне выясненнымъ причинамъ, не вернулись потомъ въ свое отечество, не смотря на старанія о томъ русскаго правительства ²⁾. Петръ Великій, убѣжденный въ необходимости личнаго общенія русскихъ людей съ западомъ въ интересахъ просвѣщенія, далъ этому дѣлу опредѣленную организацію. На первый разъ было послано царемъ въ началѣ 1697 года 50 человекъ для обученія морскому дѣлу: изъ нихъ 28 въ Италію и 22 въ Англію и Голландію. Лица эти были выбраны изъ царскихъ стольниковъ и спальниковъ и состояли какъ изъ молодыхъ, такъ и пожилыхъ уже людей — большею частію знатныхъ фамилій: тутъ были Куракинъ, Долгорукій, Голицыны, Толстой, Хилковъ, Лопухинъ, Владиміръ и Василій Шереметевы, Трубецкой, Оболенскій, Шаховской и др. Въ нѣкоторыхъ иностранныхъ источникахъ сохранились до насъ кое-какія, впрочемъ весьма скудныя, извѣстія

1) Паломники-писатели петровскаго и послѣ-петровскаго времени, или путники во св. градъ Іерусалимъ. Съ объяснительными примѣчаніями арх. Леоніда. Чтенія Общ. Ист. и Др. Росс. 1873, кн. 3 и отд. М. 1874.

2) Арсеньевъ, А. В. Исторія послышки первыхъ русскихъ студентовъ за границу при Борисѣ Годуновѣ. Спб. 1887.

о жизни этихъ первыхъ учениковъ „навигационной науки“ за границей: иные изъ нихъ, по непривычкѣ къ тяжелой работѣ на верфяхъ, жаловались на боль въ рукахъ, но потомъ привыкли; другіе принуждены были, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, раньше опредѣленнаго срока вернуться домой: иные, напротивъ, очень хорошо приспособлялись къ новой обстановкѣ и чувствовали себя прекрасно¹⁾. Болѣе извѣстій сохранилось о послѣдующихъ посылкахъ русскихъ „навигаторовъ“ за границу. Такъ, въ 1711 году князь Михаилъ Голицынъ писалъ на родину: „О житіѣ моемъ возвращаю — житіе мнѣ пришло самое бѣдственное и трудное. Первое — что нищета, паче же разлученіе. Наука опредѣлена самая премудрая: хотя мнѣ всѣ дни живота своего на той наукѣ себя трудить, а не принять будетъ, для того — незнамо учиться языка, незнамо науки. Видимъ то, которые наши братья пріѣхали для обученія къ той наукѣ и ни одинаго не было, чтобы безъ латинскаго языка, да и тѣ въ три года ни одинъ человѣкъ ни половины окончить не можетъ. А про меня вы сами можете знать, что кромѣ природнаго языка никакого не могу знать, да и лѣта уже мои ушли отъ науки, а паче всего въ томъ моя тягость, что на морѣ некоторыми мѣрами мнѣ быть невозможно, того ради что весьма боленъ . . ., а въ пунктахъ или статьяхъ написано г. комиссару князю Львову о всей компаніи: которые опредѣлены въ навигацкую науку, т. е. мореходства, чтобы были на сухомъ пути, обучались чертежамъ зимніе четыре мѣсяца, а восемь мѣсяцевъ всегда бы были непрестанно на кораблѣ; а ежели кто сего дѣла не обучить, и за то будетъ безъ всякія пощады превеликое бѣдство, отъ чего Боже сохрани! и тотъ прѣстрашный гнѣвъ въ тѣхъ пунктахъ написанъ рукою самого монарха, и про тотъ гнѣвъ подъ великимъ запрещеніемъ г. комиссару не велѣно никому

1) Пекарскій, I, стр. 140—141.

сказывать, однако же мнѣ по любви своей открылъ. И я, видя ту ярость, въ себѣ весьма вижу, что сего положеннаго дѣла не управить, паче же натура моя не можетъ снести мореходства, и отъ того пришелъ въ великую печаль и сомнѣніе, и не знаю како быть“. Бывали случаи, что иные русскіе предавались за границей — то съ отчаянія, то по старой привычкѣ — пьянству и неумѣренному мотовству. Упомянутый комиссаръ князь Львовъ, жившій въ Голландіи для надзора за учившимися тамъ русскими „навигаторами“, просилъ въ томъ же 1711 году не посылать ихъ далѣе въ Англію, „для того что и старые тамъ научились больше пить и деньги тратить; не могу ихъ оплатить, а нынѣ пишутъ, что хотятъ въ тюрьмы сажать за долги“; далѣе онъ доноситъ: „изсушили навигаторы не только кровь, но уже все сердце мое; я бы радъ, чтобы они тамъ меня убили до смерти, нежели бы мнѣ такое злостраданіе имѣть и несносныя тягости“. Русский посолъ въ Англіи гр. Литта, въ свою очередь, писалъ: „тщался я ублажить одного англичанина, которому одинъ изъ московскихъ глазъ вышибъ, но онъ 500 фунтовъ запросилъ“. Василий Головинъ, посланный вмѣстѣ съ другими молодыми дворянами въ 1712 году въ Голландію, писалъ въ своей „Запискѣ бѣдной и суетной жизни человѣческой“: „И я грѣшникъ въ первое несчастіе опредѣленъ . . . Въ Сардамъ и во Роттердамъ учился языку голландскому и ариѳметикѣ и навигаціи“; „навигационной наукѣ и солдатскому артикулу“ продолжалъ онъ учиться и по возвращеніи въ Россію, хотя уже былъ тогда женатъ¹⁾.

Въ ряду этихъ поѣздокъ русскихъ людей за границу должно быть отмѣчено и т. наз. „великое посольство“ 1697—1698 годовъ, предпринятое согласно царскому указу отъ 6 декабря 1696 года. Во главѣ его стояли генераль-адмиралъ Ф. Я. Лефортъ, генераль-комиссаръ Ѳ. А. Головинъ и дум-

1) Пекарскій, I, стр. 141—143.

ный дьякъ П. Б. Возницынъ; при этихъ лицахъ состояла свита изъ 26 человекъ московскихъ дворянъ, 35 солдатъ Преображенскаго полка въ качествѣ волонтеровъ, для обученія военному дѣлу, 62 солдатъ для караула подъ начальствомъ майора Смита, священника, дьякона, лѣкаря, переводчиковъ, приказныхъ подъячихъ и разнаго рода прислуги — всего около 200 человекъ. Посольство имѣло исполнѣ официальный, дипломатическій характеръ, для посѣщенія Вѣны, Англіи, Даніи, Голландіи, Бранденбурга, Рима и Венеціи. Цѣлю его было установить новыя и укрѣпить старыя дружественныя отношенія Московскаго государства съ названными странами. Въ числѣ членовъ этого посольства принималъ участіе и самъ Петръ Великій, подъ именемъ „десятника Петра Михайлова“, находя такое incognito самымъ удобнымъ для себя средствомъ наилучшимъ образомъ воспользоваться реальными выгодами пребыванія за границей для блага отечества ¹⁾).

Нѣкоторые изъ участниковъ этихъ поѣздокъ за границу оставили намъ описанія своихъ путешествій, представляющія немалый литературный интересъ.

Дневникъ П. А. Толстого. Одно изъ видныхъ мѣстъ среди нихъ занимаетъ Путевой дневникъ Петра Андреевича Толстого, участвовавшаго въ отправкѣ русскихъ людей за границу для „навигацкой науки“ въ 1697 году. Отправившись изъ Москвы 26 февраля 1697 года, Толстой проѣхалъ польскія и бѣлорусскія земли, Силезію, Австрію, Италію, славянское Адриатическое побережье, Сицилію и черезъ Вѣну вернулся въ Москву 27 января 1699 года. П. А. Толстой (впослѣдствіи графъ), знаменитый дипломатъ своего времени,

1) Официальныя данныя объ этомъ посольствѣ нашли себѣ мѣсто въ статейныхъ спискахъ Посольскаго приказа, напечатанныхъ въ VIII и IX томахъ „Памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными“ (Спб. 1867—1868). См. также сочиненіе М. А. Веневитинова: Русскіе въ Голландіи. Великое посольство 1697—1698. М. 1897.

принимавшій извѣстное участіе въ судьбѣ царевича Алексѣя Петровича, отправился за границу уже въ немолодые годы, въ возрастѣ 52 лѣтъ, обнаруживъ тѣмъ значительную силу воли и глубокую вѣру въ сущность предпринятыхъ Петромъ преобразованій. Описаніе его путешествія¹⁾ носитъ къ себѣ однако же всѣ черты свѣжей непосредственности и изобилуетъ многими подробностями, интересными и по своему фактическому содержанію, и въ особенности по настроенію и міровоззрѣнію самого автора-путешественника.

Толстой пріѣхалъ въ Польшу въ любопытное время избранія новаго короля, но политическими событіями особенно не заинтересовался, а лишь отмѣтилъ: „Есть [въ Варшавѣ] одна палата великая, которую поляки называютъ изба сенаторская; въ той палатѣ бываетъ у поляковъ сеймъ, у которой палаты окна великія; окончины были стекольчатая, всѣ повыломаны, и окна разбиты отъ нестройнаго совѣта и отъ несогласія во всѣхъ дѣлахъ пьяныхъ поляковъ . . . Для елекціи черезъ рѣку Вислу сдѣланъ былъ мостъ на судахъ, и по тому мосту стоялъ карауль, потому что во время елекціи между поляковъ бываютъ многія ссоры . . ., а больше на мосту дерутся за ссоры и за пьянство, и всегда у нихъ между собою мало бываетъ согласія, въ чемъ они много государства своего растеряли“. Больше всего привлекли его вниманіе въ Польшѣ церкви и монастыри съ ихъ „законниками“, монахами разныхъ орденовъ. Изъ польской жизни онъ отмѣтилъ, кромѣ того: „въ лавкахъ за всякими товарами сидятъ мѣщане и жены и дочери-дѣвицы въ богатыхъ уборахъ и въ зазоръ себѣ того не ставятъ; по городу и въ маетности ѣздятъ сенаторы и жены ихъ дочери-дѣвицы въ каретахъ и въ зазоръ себѣ того не ставятъ“²⁾.

1) Первоначально было опубликовано въ отрывкахъ Н. А. Поповымъ въ „Атенеѣ“ 1859 № 7 и 8, а потомъ въ цѣломъ видѣ графомъ Д. А. Толстымъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1888, №№ 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8.

2) Р. А. 1888 № 2, стр. 191—193.

Въ Моравіи путешественника поразили городъ Ольмюнецъ, „великій каменный и зѣло изрядной крѣпостью построенъ“, съ его монастырями, церквами и домами „изряднаго строенія“. Особенно обратили на себя его вниманіе часы на „воротахъ“ ратуши: „Тѣ часы бьютъ перечестье мусикійскимъ согласіемъ, и какъ тѣ часы стануть бить перечестье, въ то время видимо, что люди, вырѣзанные изъ дерева, бьютъ въ колокола руками; ниже того сдѣланы два человѣка рѣзные изъ дерева и учнутъ въ то же время трубить на трубахъ; и съ одной стороны у тѣхъ часовъ выходятъ люди пѣшіе разные же изъ дерева, и съ другой стороны тѣхъ же часовъ выѣзжаютъ на лошадахъ люди, вырѣзанные изъ дерева такъ же, что и вышепомяненные пѣшіе изъ за стѣны; сдѣланы всѣ тѣ люди изрядною работою“. Въ монастырѣ этого города путешественникъ отмѣтилъ „академіи изрядныхъ высокихъ наукъ“ и „студентовъ зѣло много, которые учатся разнымъ наукамъ“¹⁾.

Затѣмъ онъ прибылъ въ Вѣну и здѣсь увидѣлъ много замѣчательныхъ вещей: высокіе дома, сады, церкви, монастыри, госпиталь. Въ церкви св. Стефана онъ видѣлъ церковную процессію, съ участіемъ самого цесаря и его сыновей, причемъ обратилъ вниманіе на то, что „подъ руки цесаря никто не вель“; церковная музыка ему не понравилась и, показалась слишкомъ шумной; отмѣтилъ существованіе на улицахъ фонарей: „и отъ тѣхъ фонарей въ Вѣнѣ по вся ночи бываетъ по улицамъ и переулкамъ великая свѣтлость“. Наконецъ, черезъ 15 недѣль пути онъ доѣхалъ до Венеціи. Тутъ для него все было поразительно; водяныя улицы, отсутствіе каретъ и телѣгъ, великолѣпные дворцы, особенно дворецъ дожей. О венеціанской жизни онъ дѣлаетъ такія замѣчанія: „Венеціане люди умные, политичные и ученыхъ людей зело много; однако жъ нравы имѣютъ видомъ не-

1) Р. А. 1888 № 3, стр. 321.

ласковые, а къ прїѣзжимъ иноземцамъ зело прїемны; между собою не любятъ веселиться, и въ дома другъ къ другу на обѣды и на вечера не съѣзжаются, и народъ самый трезвый; никакого человѣка нигдѣ отнюдь никогда пьянаго не увидишь . . . Народъ женскій въ Венеціи зело благообразенъ, и строенъ и политиченъ, тонокъ и во всемъ изряденъ, а къ ручному дѣлу не очень охочъ, больше заживаютъ въ прохладахъ, всегда любятъ гулять и быть въ забавахъ . . . Все время карнавала ходятъ всѣ въ машкарахъ, мушоны и жены и дѣвицы, и гуляютъ всѣ невозбранно, кто гдѣ захочетъ, и никто никого не знаетъ. И такъ всегда въ Венеціи увеселяются и никогда не хотятъ быть безъ увеселенія, въ которыхъ своихъ веселостяхъ и грѣшатъ много. И когда сойдутся въ машкарахъ на площадь къ соборному костелу св. Марка, тогда многія дѣвицы въ машкарахъ берутъ за руки иноземцевъ прїѣзжихъ и гуляютъ съ ними и забавляются безъ стыда. Также въ то время по многимъ мѣстамъ на площадяхъ бываетъ музыка и танцуютъ по-итальянски, а танцы итальянскіе не зело стройны: стануть одинъ противъ другого вокругъ, а за руки не берутъ другъ друга. Также многіе забавляются, травятъ меделянскими собаками великихъ быковъ и иныя всякія потѣхи чинятъ и по морю ѣздятъ въ гондолахъ и баркахъ съ музыкою, и всегда веселятся и ни въ чемъ другъ друга не зазираютъ, и ни отъ кого ни въ чемъ никакого страху никто не имѣетъ, всякій дѣлаетъ по своей волѣ кто что захочетъ: та вольность въ Венеціи и всегда бываетъ. И живутъ венеціане всегда во всякомъ покоѣ, безъ страху и безъ обиды и безъ тягостныхъ податей“. Воздухъ въ Венеціи показался путешественнику „тягостенъ“: „бываетъ духъ зѣло грубый отъ морской воды“¹⁾.

Другіе города Италіи также произвели на путешественника немалое впечатлѣніе своими достопримѣчательно-

1) Р. А. 1888 № 3, стр. 340—344; № 4, стр. 547—548.

стями: Падуа, Верона, Миланъ. О соборѣ въ послѣднемъ городѣ онъ говорить, что „такого костела во всемъ свѣтѣ нѣтъ, кромѣ римскаго соборнаго, а богатства въ немъ пречуднаго неудобъ казаемо множество“. Принявшись за изученіе мореходства, Толстой плавалъ по Адриатическому морю, выходя то на итальянскій берегъ, то на далматинскій. Видѣлъ городъ Зару и Дубровникъ, встрѣчалъ много сербовъ, которые смотрѣли на него не только какъ на знатнаго иностранца-путешественника, но и какъ на славянина, принадлежащаго къ родственной имъ русской народности: „Села Ризы [гдѣ жили сербы „греческаго закона“] жители приняли меня съ любовію и съ великимъ почтеніемъ и, какъ изъ того села поѣхалъ, проводили меня до моей лодки великимъ многолюдствомъ. Въ той помянутой греческой церкви имѣютъ нѣкоторыя церковныя книги и московской печати, также есть и святыя иконы московскихъ писемъ штилистовыхъ, а завозятъ туда иконы и книги съ Москвы греки“. Около Катарро живутъ черногорцы: „тѣ люди суть вѣры христіанской, языка славянскаго, и есть ихъ немалое число, никому не служатъ, [временемъ войну точать съ турками, а временемъ воюются съ венецами“.

Подробно описаны также Неаполь, Флоренція, Римъ и о. Мальта. Вернулся Толстой въ Москву, „въ домъ свой въ добромъ здоровьи, за что благодарилъ Семилюбовъшаго Господа Бога и Пресвятую Богородицу и угодниковъ Божіихъ, что изъ такъ далекихъ краевъ и изъ нужнаго странствія волею божескою возвратился во отечество“¹⁾.

Записная книжка неизвѣстной особы. Весьма интереснымъ является также Дневникъ путешествія неизвѣстнаго лица, бывшаго въ Голландіи, Германіи и Италіи въ 1697—1698 годахъ. Онъ былъ напечатанъ еще въ XVIII в. подъ именемъ „Записной книжки любопытныхъ замѣчаній великой

1) Р. А. 1888 № 8, стр. 400.

особы, странствовавшей подъ именемъ дворянина россійскаго посольства въ 1697 и 98 годахъ“ (Спб. 1788). Изъ приведеннаго заглавія видно, что дневникъ приписывается самому Петру, который дѣйствительно принималъ участіе въ „великомъ посольствѣ“, какъ объ этомъ упомянуто выше (стр. 573). Однако это предположеніе ничѣмъ не можетъ быть оправдано. Маршрутъ неизвѣстнаго путешественника былъ нѣсколько иной, чѣмъ у „великаго посольства“: въ то время какъ посольство, отправившееся изъ Москвы 9 марта 1697 ѣхало черезъ Ригу, Митаву, Берлинъ и Гамбургъ до Голландіи, неизвѣстный выѣхалъ изъ Москвы 11 мая 1697 черезъ Клинь, Торжокъ, Новгородъ и Нарву, откуда моремъ отправился въ Любекъ, Гамбургъ, Амстердамъ; въ Гаагѣ онъ встрѣтился въ сентябрѣ съ посольствомъ и участвовалъ въ его торжественномъ въѣздѣ въ этотъ городъ, а затѣмъ вернулся въ Амстердамъ, гдѣ 28 октября 1697 видѣлъ торжество объявленія Рейсвикскаго мира; въ Англіи неизвѣстный путешественникъ не былъ, и еще 1 апрѣля 1698, гораздо ранѣе возвращенія Петра изъ Англіи, выѣхалъ изъ Роттердама, черезъ Кельнъ и Тироль, въ Венецію; посѣтивъ многіе итальянскіе города (Феррару, Болонью, Флоренцію, Римъ, Геную, Миланъ и др.), онъ снова вернулся въ Венецію и затѣмъ, 18 октября 1698, предпринялъ оттуда обратный путь въ Россію, пріѣхалъ черезъ Кенигсбергъ и Ригу въ Москву 27 февраля 1699 года. Позднѣе дѣлались предположенія о принадлежности этого дневника графу Б. П. Шереметеву¹⁾ или князю Б. И. Куракину²⁾, но первому изъ нихъ принадлежитъ особое описаніе путешествія, совершеннаго въ тѣ же годы, напечатанное еще въ 1773 году, а Куракинъ ѣздилъ за границу нѣсколько позднѣе, въ 1705—1708 годахъ, и сдѣ-

1) Отечественныя Записки 1846 № 8.

2) Русская Старина 1879 № 5, въ новомъ изданіи этого путешествія, сдѣланномъ И. Ѳ. Горбуновымъ.

ланное имъ описаніе своего путешествія также составляетъ особое, вполне самостоятельное произведеніе ¹⁾. Кромѣ того, самое изложеніе дневника мало напоминаетъ собою своеобразный и энергичный стиль Петра Великаго, извѣстный изъ его писемъ. Т. о., въ настоящее время нѣтъ никакихъ данныхъ для опредѣленія даже предположительно автора этого произведенія, весьма любопытнаго по своему содержанию.

Подобно дневнику Толстого, это сочиненіе имѣетъ также форму дневныхъ записокъ о видѣнномъ за границей; но въ то время какъ у Толстого можно замѣтить нѣкоторый внутренній распорядокъ, стремленіе группировать полученныя впечатлѣнія, сопровождать ихъ тѣми или иными объясненіями, и вообще видна извѣстная литературная обработка первоначальныхъ путевыхъ записей, у неизвѣстнаго автора мы видимъ, напротивъ, полное отсутствіе такой обработки: въ его произведеніи мы, вѣроятно, имѣемъ передъ собою черновой матеріалъ подлинныхъ дорожныхъ дневниковъ; на это указываетъ въ особенности неупорядоченность фактическаго содержанія, когда авторъ говоритъ о самыхъ различныхъ вещахъ на одной и той же страницѣ, располагая свой рассказъ въ механическомъ и случайномъ порядкѣ видѣннаго; отъ этого рассказъ много теряетъ въ литературномъ отношеніи, но удерживаетъ всю занимательность непосредственныхъ наблюденій любознательнаго автора. Вотъ нѣсколько примѣровъ. „Въ Амстердамѣ видѣлъ въ домѣ собраны золотыя и серебряныя и всякія руды; и какъ роятся алмазы, изумруды и коральки и всякіе каменья; золото течетъ изъ земли отъ великаго жару, и всякія морскія вещи видѣлъ. Младенца видѣлъ женскаго пола, полутора году, мохната всего сплошь и толста гораздо, лице поперегъ полторы четверти, привезена была на ярмонку. Видѣлъ тутъ же слона великаго,

1) Напечатано въ „Архивѣ князя Ѳ. А. Куракина“ (Спб. 1890), стр. 101—240.

который игралъ миноветы, трубилъ по-турецки, по-черкасски, стрѣлялъ изъ мушкетанта и многія дѣлалъ забавы . . . На ярмонкѣ видѣлъ металлика, который, чрезъ трехъ человѣкъ перескоча, на лету обернется головою внизъ и станетъ на ногахъ. Видѣлъ у доктора анатомію: кости, жилы, мозгъ человѣческой, тѣlesa младенческія и како зачнетъ во чревѣ и родится. Видѣлъ сердце человѣческое, легкое, почки, и какъ въ почкахъ родится камень; и вся внутренняя рознета разна и жила, на которой печень живетъ, подобно какъ тряпица старая; жилы тѣ, которыя въ мозгу живутъ, какъ нитки. Видѣлъ 50 тѣлесъ младенческихъ въ спиртахъ отъ многихъ лѣтъ нетлѣнны . . . Видѣлъ кожу человѣческую, выдѣлана толще бараньей кожи, которая на мозгу у человѣка живетъ: вся въ жилахъ, косточки маленькія, будто молоточки, которые въ ушахъ живутъ“¹⁾. „Въ Остродамѣ (Amsterdam) былъ, гдѣ собираются дважды въ недѣлю ученые люди и допытываются промежъ собою о разныхъ вещахъ богословскихъ и философскихъ. Видѣлъ въ Остродамѣ рыбу, у которой пила на носу, величиною съ бѣлугу; видѣлъ рыбку, которая корабль останавливаетъ, маленькая, прилипаютъ ко дну множество, оттого останавливается. Рыбу видѣлъ живую предивную, называютъ морскимъ теленкомъ, гораздо темна да коротка, губы превеликія висятъ“²⁾. Этимъ же своеобразнымъ стилемъ описываетъ путешественникъ произведенія искусства и нравы чужеземной жизни. Вотъ какъ описанъ фонтанъ въ Генуѣ, знаменитое произведеніе Буонаротти: „Тутъ же былъ въ саду у князя при домѣ, что построень у моря; смотрѣлъ фонтаны; три лошади есть превеликія, на нихъ мужикъ стоитъ; у той, что на середкѣ лошади, изъ языка, а у крайнихъ коней изъ ноздрей вода течеть. Кругомъ тѣхъ лошадей ребята изъ мрамора сидятъ, воду пьютъ; пониже ихъ двѣнадцать орловъ

1) Русская Старина 1879 № 5, стр. 107.

2) Тамъ же, стр. 113.

каменные, въ ногахъ у нихъ птицы и животныя; изъ нихъ вода течеть“¹⁾. О венеціанской жизни: „Въ Венеціи сенаторы и жены ихъ ѣздятъ въ гундалахъ, покрыты сукномъ чернымъ, стекла хрустальныя въ окончинахъ, т. е. на лодкахъ; а гребутъ стоя нарядны гребцы, въ бархатныхъ кафтанахъ; а у пословъ и посланниковъ разныхъ государствъ гундалы разныя вызолоченныя на красномъ бархатомъ, а гребцы въ золотыхъ кафтанахъ . . . И смотрѣлъ я въ Венеціи, какъ играютъ сенаторы мячемъ кожанымъ; надутъ духомъ, гораздо бьютъ руками, а на рукахъ у ихъ, кто играетъ въ то время, инструментъ точеной, деревянной, будто лукошко . . . Юля 24 числа въ Венеціи поставили одного человѣка изъ простыхъ въ шляхту, взяли въ казну съ него 100,000 дукатовъ. Въ тотъ день природныя шляхти надѣваютъ женское платье да хари (maschera), а жены мужское и харю. Воля такая: какое хочють платье надѣваютъ и приходятъ къ тому, кто чинъ получилъ, во весь день танцуютъ, и туда всѣмъ вольно приходитъ въ тотъ домъ, и я въ дому томъ былъ. Похочешъ чинъ принять, повиненъ дать то жъ деньги и, поставя въ тотъ чинъ, приводятъ ко кресту; и есть чинъ по 50, по 30 и по 20 тысячъ дукатовъ . . . Въ Венеціи наказаніе было одному человѣку: руки заверня назадъ, поднимали вверхъ и опускаютъ внизъ трижды, до земли недостаетъ съ поларшина, а вверхъ три сажени“²⁾. Немало поразили русскаго путешественника и музыкальныя дарованія итальянцевъ³⁾. Возвращаясь на родину и проѣзжая черезъ Берлинъ, путешественникъ дѣлаетъ такую замѣтку о пребываніи своемъ въ этомъ городѣ: „Сей городъ великъ, столица курфирста Бранденбургскаго. Былъ въ домѣ у его: ходилъ во всѣхъ палатахъ и жену видѣлъ. И въ спаль-

1) Тамъ же, стр. 127.

2) Тамъ же, стр. 120. 129. 130.

3) Тамъ же, стр. 118. 129.

ныхъ палатахъ его былъ и дочь видѣлъ дѣвицу, а сыну его 9 лѣтъ; говоритъ латинскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ. Палаты убраны хорошо; двѣ шпалерами, третья червленымъ бархатомъ съ кружевами золотыми; много яшмы, золота, алмазовъ и прочихъ каменьевъ довольно. Посла его палаты убраны письмомъ изряднымъ. Еще палата есть, въ которой стоятъ поставцы: одинъ съ хрустальными судами, другой со стеклянными, третій съ янмовыми, 4 золотыхъ, многіе съ алмазами. Еще палата есть, въ которой стоитъ персона изъ воска, сдѣлана въ мѣру его, такъ жива, что не подобно повѣрить, чтобы человѣкъ работалъ; сидитъ въ креслахъ; что ближе смотришь, то больше кажетъ живъ. Посуда серебряная, стулья серебряные, паникадила серебряные; звѣрей много, зубра видѣлъ, великъ, на человѣка кидается“¹⁾.

Записки гр. А. А. Матвѣва. Болѣе серьезнымъ характеромъ отличаются записки графа А. А. Матвѣва, ѣздившаго для заключенія коммерческаго договора съ Людовикомъ XIV въ 1705 году. Авторъ обнаружилъ большую наблюдательность и умѣнье выдѣлить изъ состава своихъ наблюденій преимущественно то, что касалось науки, политики и внутренней культурности западно-европейской жизни. Въ Антверпенѣ, въ монастырѣ, его вниманіе обратили на себя двѣ бібліотеки и работы болландистовъ надъ изданіемъ Житій Святыхъ. Во Франціи Матвѣевъ присматривался очень внимательно къ состоянію „поселянства“ и „шляхетства“, причемъ сочувственно отмѣтилъ среди послѣдняго обычай майората. О королѣ, вельможахъ и управленіи онъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія: „Въ томъ государствѣ лучшее всѣхъ основаніе есть, что не властвуетъ тамъ зависть; къ тому же король самъ веселится о томъ состояніи честныхъ своихъ подданныхъ, и никто изъ вельможъ ни малѣйшей причины, ни

1) Тамъ же, стр. 131.

способа не имѣеть даже послѣднему въ томъ королевствѣ учинить какова озлобленія или нанести обиду. Всякой изъ вельможъ смотрѣть себя долженъ и свою отправлять должность, не вступая до того, въ чемъ надлежитъ державѣ королевской. Ни король, кромѣ общихъ податей, хотя самодержавный государь, никакихъ насилуваній не можетъ, особливо же ни съ кого взять ничего, развѣ по самой винѣ, свидѣтельствованной противъ его особы въ погрѣшеніи смертномъ, по истинѣ разсужденной отъ парламента; тогда уже по праву народному, не указомъ королевскимъ, конфискаціи или описи пожитки его подлежатъ будутъ. Принцы же и вельможи ни малой причины до народа не имѣють, и въ народныя дѣла не вмѣшиваются, и оттого никакую тѣсноту собою чинить николи никому не могутъ“. Особенно поразили Матвѣева культурныя формы французскаго общежитія и стремленіе къ образованію. Ему очень понравились предупредительность и тонкость въ обращеніи со стороны французскихъ женщинъ „со всякимъ сладкимъ и человѣколюбнымъ приѣмствомъ“; онъ съ одобреніемъ отмѣтилъ, что французскіе юноши и дѣвушки состоятельныхъ фамилій обучаются „всѣ безъ изъятія“ разнымъ наукамъ, при чемъ въ обращеніи съ дѣтьми „нѣтъ ни малѣйшей косности, ни ожесточенія отъ своихъ родителей, ни отъ учителей“, и что дѣти „отъ наказанія словеснаго паче, нежели отъ побоевъ, въ прямой волѣ и смѣлости воспитываются“¹⁾.

Не входя въ дальнѣйшія подробности названныхъ описаній путешествій и не касаясь другихъ подобныхъ же литературныхъ произведеній Петровской эпохи, можно изъ приведеннаго достаточно видѣть ихъ немаловажный интересъ и историческое значеніе. На первомъ мѣстѣ въ нихъ стоятъ, конечно, вышніе факты и обстановка заграничной жизни, поражавшая

1) Первоначально изложено было Пекарскимъ въ „Современникъ“ 1856, отд. 2, стр. 39—66: см. его „Наука и литература“ I, стр. 154—155.

русскихъ людей своимъ разнообразіемъ и необычностью сравнительно съ тѣмъ, что имѣлось дома; наши путешественники впервые познакомились со сложной городской жизнью, богатствомъ и благоустроенностью частныхъ и общественныхъ зданій, улицъ, школъ, монастырей, библиотекъ, музеевъ, госпиталей; наблюдали новыя для нихъ формы общежитія, воспитанія, государственнаго устройства, политическихъ отношеній; видѣли множество разнообразныхъ развлеченій, насмотрѣлись всякихъ диковинокъ и явленій искусства въ области зодчества, живописи, скульптуры; наконецъ, ихъ глазамъ представилась пышная красота природы, которая, впрочемъ, вызвала сравнительно очень мало отмѣтокъ въ дневникахъ русскихъ путешественниковъ. Все это было для московскихъ людей конца XVII и начала XVIII в. совершенной новостью, производило глубокое впечатлѣніе и неизбежно наталкивало на сравненіе видѣннаго со своимъ, чужеземнаго съ русскимъ. Нѣкоторыя указанія въ особенности подчеркиваютъ заграницей существованіе того, чего у насъ не было, обнаруживая не только отрицательныя особенности русской дѣйствительности, но и самое отношеніе къ этому русскихъ наблюдателей. Это внутреннее настроеніе авторовъ путевыхъ записокъ и ихъ сужденія о видѣнномъ составляютъ также очень важную сторону данныхъ литературныхъ произведеній. Въ общемъ, отношеніе русскихъ путешественниковъ къ заграничной жизни сложилось рѣшительно въ пользу послѣдней. Застарѣлый антагонизмъ между востокомъ и западомъ долженъ былъ подвергнуться въ умахъ русскихъ путешественниковъ глубокому испытанію, и даже въ самой чувствительной области — религіозной — неизбежно должно было происходить смягченіе: этому содѣйствовали не только многіе акты христіанскаго милосердія на западѣ, напр. монастырскія больницы и богадѣльни, но и огромное количество католическихъ святынь, отчасти близкихъ и православному человѣку, какъ мощи

Николая Чудотворца въ Барахъ или многія реликвіи въ Римѣ изъ прошлыхъ вѣковъ христіанства. Не подлежитъ сомнѣнію, что подобныя впечатлѣнія дѣйствовали на психологію русскихъ путешественниковъ въ смыслѣ, выгодномъ для запада; удивленіе передъ новизной нерѣдко приводило къ признанію и уваженію, и много нѣкогда принятыхъ на вѣру понятій должно было поколебаться или видоизмѣниться. Въ этомъ смыслѣ путешественники имѣли не одинъ только практически-дѣловой, но и общій культурный характеръ и значеніе. Точно опредѣлить размѣры этого культурнаго вліянія очень трудно, но нѣкоторые частные случаи несомнѣнно указываютъ на глубину этого вліянія: напр., князь Б. И. Куракинъ самъ свидѣтельствуетъ, что, насмотрѣвшись иноземныхъ обычаевъ, онъ засадилъ своихъ дѣтей съ малыхъ лѣтъ учиться языкамъ и танцамъ. Конечно, были при этомъ и очень многіе случаи лишь чисто внѣшняго воспріятія чужеземнаго порядка жизни, находившіе себѣ комическое выраженіе на русской почвѣ. Такъ упомянутый уже В. В. Головинъ рассказываетъ, какъ онъ устроилъ свою жизнь въ деревнѣ послѣ совершеннаго путешествія за границу. У Головина было заведено, чтобы ежедневно являлись съ докладомъ всѣ деревенскія власти, которыхъ по особой командѣ впускала и выпускала горничная. Каждый разъ эта горничная приходившимъ властямъ произносила такую рѣчь: „входите — смотрите — тихо, бережно и опасно, съ чистотою и молитвою, съ докладами и приказами къ барину нашему государю; кланяйтесь низко его боярской милости и помните же — смотрите — накрѣпко“. Затѣмъ начинались поочередно донесенія. Вотъ, напр., докладъ выборнаго: „Во всю ночь, государь нашъ, вокругъ вашего боярскаго дому ходили, въ колотушки стучали, въ трещотки трещали, въ ясакъ звенѣли и въ доску гремѣли; въ рожокъ, сударь, по очереди трубили и всѣ четверо между собою громко говорили. Ночныя птицы не летали, страннымъ голосомъ не

кричали, молодыхъ господъ не пугали и барской замазки не клевали, на крышѣ не сажались и на чердакѣ не возились“. Староста такъ оканчивалъ свой рапортъ: „во всѣхъ четырехъ деревняхъ, милостью Божіею, все состоитъ благополучно и здорово: крестьяне ваши господскіе богатѣютъ, скотина ихъ здоровѣетъ, четвероногія животныя пасутся, домашнія птицы несутся, на землѣ трясенія не слышали и небеснаго явленія не видали“¹⁾).

Изложеніе этихъ описаній также весьма интересно по своеобразной смѣси самыхъ разнородныхъ предметовъ; конечно, отчасти это объясняется самой формой путевыхъ записокъ, но въ извѣстной степени является также результатомъ беспорядочнаго наблюденія и непосредственно-наивнаго отношенія къ видѣнному. Столь же неупорядоченнымъ является и самый языкъ описаній — смѣсь элементовъ славянскихъ и русскихъ, съ большимъ количествомъ иностранныхъ словъ, съ синтаксисомъ самымъ оригинальнымъ. Въ этомъ сказался тотъ же переломъ, тотъ же процессъ перехода отъ стараго къ новому, какъ и въ самыхъ понятіяхъ авторовъ.

3.

Повѣсти. — Связь повѣстей Петровскаго времени съ повѣствовательными произведеніями XVII вѣка. — Исторія о російскомъ матросѣ Василии Каріотскомъ и о королевиѣ Иракліи. — Исторія объ Александрѣ, дворянинѣ російскомъ. — Исторія о російскомъ купцѣ Іоаннѣ и о прекрасной дѣвицѣ Элеонорѣ. — Степень и признаки самостоятельности этихъ повѣстей на русской почвѣ. — Черты русскихъ понятій и жизни, отразившіяся въ повѣстяхъ. — Форма изложенія и языкъ.

Повѣсти Петровскаго времени находятся въ самой тѣсной связи съ повѣствовательной литературой XVII вѣка. Подобно послѣдней, онѣ являются главнымъ образомъ переводными и только въ самой незначительной степени обна-

1) Пекарскій, I, стр. 142—143.

руживаютъ признаки русскаго происхожденія — однако же съ явными слѣдами подражанія иноземнымъ образцамъ. А. Н. Пыпинъ, которому принадлежитъ главная заслуга въ изученіи этой доселѣ мало изслѣдованной области, имѣя въ виду всю первую половину XVII вѣка, насчитываетъ болѣе ста названій отдѣльныхъ повѣстей, переводныхъ и оригинальныхъ ¹⁾. Содержаніе этихъ произведеній весьма разнообразно. Оставляя въ сторонѣ немногіе самостоятельные опыты, о которыхъ рѣчь будетъ особо, мы видимъ, что въ главной массѣ переводныхъ произведеній господствуютъ мотивы рыцарскаго романа: кромѣ извѣстныхъ ранѣе „Бовы-королевича“, „Брунцвика“, „Петра-Златыхъ ключей“ и пр., тутъ является множество другихъ, какъ „Евдонъ и Берѳа“, „Альфонсъ Рамиръ“, „Францель Венціанъ“, „Египетскій царевичъ Полиціонъ“, и т. п., заключающія въ себѣ рассказы о западно-европейскихъ или восточныхъ рыцаряхъ, кавалерахъ и принцахъ. Рядомъ съ этимъ появляются произведенія съ преимущественно романтическими или сантиментально-нравоучительными сюжетами: „Азіатская Баниза“, „Калеандръ“, „Алкменесь“, „Гисторія Жанетты“, „Карлъ Орлеанскій“. Наконецъ, тутъ же мы видимъ и переводы нѣкоторыхъ знаменитыхъ произведеній европейской литературы, вродѣ „Телемака“ (переведеннаго въ 1724 году), сочиненій Мильтона, Эразма Роттердамскаго, Попа ²⁾. Выдѣлить изъ этихъ произведеній такіа, которыхъ русскій переводъ можно было бы съ извѣстной увѣренностью отнести къ собственно Петровской эпохѣ, въ узкомъ смыслѣ этого слова, очень трудно по отсутствію на этотъ счетъ прямыхъ указаній. Съ одной стороны, при Петрѣ продолжаютъ жить въ извѣстной средѣ невзыскательныхъ читателей ли-

1) Для любителей книжной старины. Библиографическій списокъ рукописныхъ романовъ, повѣстей, сказокъ, поэмъ и пр., въ особенности изъ первой половины XVIII вѣка. М. 1888, стр. III.

2) Пыпинъ, назв. соч., стр. V.

тературные вкусы XVII вѣка, поддерживая интересъ къ популярной письменности разнаго рода повѣстей и сказаній, нравоучительныхъ или смѣхотворныхъ; съ другой стороны, многія печатныя произведенія второй половины XVIII вѣка отводятъ насъ своимъ сюжетомъ къ переводнымъ повѣстямъ и романамъ первой четверти этого столѣтія: т. о., получается длинная, проходящая почти черезъ все столѣтіе цѣпь литературной преемственности, въ отдѣльных звеньяхъ которой повторяются одни и тѣ же литературныя явленія то въ рукописной копіи, то въ печатномъ изданіи. Положеніе наблюдателя этой литературы затрудняется еще и тѣмъ, что многія произведенія, попавшія въ печать въ 1760—80-ые годы, продолжали въ то же время расходиться въ спискахъ, обличая старыя наклонности любителей рукописной книги, унаслѣдованныя отъ XVII столѣтія. Конечно, въ болѣе образованныхъ слояхъ читателей, успѣвшихъ образовать свой вкусъ на ложно-классическихъ литературныхъ образцахъ второй половины XVIII вѣка, старыя произведенія разсматриваемой нами теперь переходной эпохи вызывали отпоръ, критическое отношеніе или насмѣшку. Въ журналѣ 1769 года „И то и сіо“ издатель юмористически подшучиваетъ надъ „весьма славными“ сочиненіями, „подъ которыми господа авторы для вѣчной и безсмертной славы не ставили своихъ имянь“, и приводитъ въ примѣръ „Повѣсть о Фролѣ Скобеевѣ“ и „Азіатскую Банизу“; тутъ же рассказываетъ исторія одного господина, „который по прекращеніи приказной службы кормить голову свою переписываніемъ разныхъ исторій“, продаваемыхъ потомъ на рынкѣ, какъ-то Бовы-королевича, о Французѣ Венеціанинѣ, о Евдонѣ и Берѣѣ и т. п. О „Бовѣ“ и „Петрѣ-Златыхъ ключахъ“ презрительно упоминаетъ и Сумароковъ въ своей „Епистолѣ о русскомъ языкѣ“.

Произведенія эти переводились съ нѣмецкаго, французскаго, англійскаго, итальянскаго, польскаго; но указанія

на подлинникъ вообще весьма рѣдки, напр. „Дежоръ и Шехарисъ“ переведена съ нѣмецкаго языка, „Гендрикъ и Меленда“ — съ польскаго ¹⁾. Судя по надписямъ на рукописяхъ, повѣсти вращались въ самой разнообразной средѣ: гвардейскихъ и армейскихъ офицеровъ, чиновниковъ, купцовъ, посадскихъ людей, даже крестьянъ. Любопытнѣйшій матеріаль для наблюдений даетъ языкъ переводовъ, свидѣтельствующій, по мнѣнію Пыпина ²⁾, что „многіе изъ этихъ переводовъ должны относиться къ Петровской эпохѣ“; особенно бросается въ глаза словарный элементъ, представляющій собою множество иностранныхъ словъ, только что вошедшихъ въ употребленіе, напр. „ассамблея“, „банкетъ“, „волунтеръ“, „драбантъ“, „кавалеръ“, „куранты“, „презентъ“, „сикурсъ“ и т. п. Будучи несамостоятельной, эта переводная повѣствовательная литература имѣла однако же большое культурное значеніе: она воспитывала вкусы, создавала настроенія и подготовляла русскаго читателя первой половины XVIII вѣка къ воспріятію болѣе утонченныхъ литературныхъ явленій въ трудахъ первыхъ представителей русскаго ложноклассицизма.

Изъ опытовъ русской повѣсти, относящихся предположительно къ Петровской эпохѣ, здѣсь слѣдуетъ остановиться на трехъ. Ихъ русское происхожденіе можетъ усматриваться главнымъ образомъ изъ того, что дѣйствующими лицами въ нихъ являются русскіе люди, хотя мѣсто дѣйствія происходитъ почти исключительно за границей.

Первая повѣсть — „Гисторія о россійскомъ матросѣ Василии Каріотскомъ и о прекрасной королеви Иракліи Флоренской земли“ ³⁾. Содержаніе ея таково. Жилъ „въ

1) Пыпинъ, стр. 13. 16.

2) стр. VII.

3) Первоначально напечатана Л. Н. Майковымъ въ Ж. М. Н. Пр. 1880 № 10 и въ книгѣ: „Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій“, стр. 165—190; потомъ В. В. Сиповскимъ: Русскія повѣсти XVII—XVIII вв., стр. 108—123.

Россійскихъ Европіяхъ“ дворянинъ Іоаннъ Каріотской, имѣвшій сына Василя. Когда средства отца оскудѣли, Василій пожелалъ поступить на службу и записался въ матросы. Вскорѣ вышелъ указъ „маршировать за моря въ Голландію для наукъ арихметическихъ и разныхъ языковъ“; въ числѣ отправленныхъ изъ Кронштадта матросовъ оказался и Василій. Въ Голландіи онъ поселился у одного богатаго и знатнаго „гостя“, отъ котораго въ короткое время приобрѣлъ неограниченное довѣріе благодаря честности и остротѣ ума. Ѣздилъ онъ съ товарами своего хозяина въ Англію и Францію, каждый разъ возвращаясь съ „великимъ прибыткомъ“, но затѣмъ онъ пожелалъ съѣздить для свиданія съ отцомъ, въ Россію; голландскій купецъ неохотно отпустилъ его, далъ ему однако же три корабля товаровъ и большую сумму денегъ. По дорогѣ корабли потерпѣли крушеніе, и изъ людей спасся только одинъ Василій, съ тысячею червонцевъ, зашитыхъ предусмотрительно въ полу кафтана. Его прибило на обломкѣ корабля къ какому-то невѣдомому острову, на которомъ, какъ оказалось, жили разбойники. Ради спасенія жизни, пришлось къ нимъ присоединиться и взять на себя также разбойничью роль. Путемъ хитрости, выходя будто бы одинъ на разбой, а на самомъ дѣлѣ добывая деньги изъ числа зашитыхъ въ платье червонцевъ, Василій быстро приобрѣлъ такое довѣріе разбойниковъ, что избранъ былъ въ атаманы. Располагая въ этой роли полной свободой дѣйствій, онъ остался однажды одинъ въ своемъ разбойничьемъ станѣ и, вошедъ въ потайной „чуланъ“, увидалъ тамъ необыкновенную красавицу, оказавшуюся дочерью Флоренскаго короля Иракліей, похищенной разбойниками. Василій рѣшился бѣжать съ королевной, задумавъ спасти себя и ее; бѣглецамъ послужили въ помощь рыбаки и почтовые „буера“. Вскорѣ они прибыли моремъ въ „Цесарію“; Василій нанялъ тамъ „нѣкоторой министерской домъ зѣло украшень“ и поселился въ немъ съ Иракліей. Любовь ихъ

была нѣжная, но платоническая; на пути къ окончательному соединенію передъ ними лежали еще многія опасности, которыя надо было преодолѣть. Въ Цесарію пріѣхалъ на корабляхъ флоренскій адмиралъ, которому было поручено отыскать Ираклію, и за это обѣщана ея рука. Узнавъ отъ цесаря, съ которымъ прибывшіе бѣглецы вошли въ самыя дружескія отношенія, о пребываніи Иракліи въ его столицѣ, адмиралъ хитростью заманилъ на свои корабли королевну и Василия, велѣлъ бросить послѣдняго въ море, а съ Иракліей отправился во Флоренцію, чтобы предъявить тамъ ея отцу свои права на обѣщанную руку королевны и почести. Но судьба, охранявшая Василия, дала ему возможность спастись отъ почти неминуемой гибели и прибыть во Флоренцію даже ранѣе адмирала и Иракліи. Когда уже свадебный поѣздъ его возлюбленной съ обманщикомъ-адмираломъ двигался къ церкви, Василій заигралъ на арфѣ и запѣлъ „арію“, благодаря чему далъ возможность Иракліи узнать о его присутствіи. Затѣмъ слѣдуетъ нѣжное свиданіе, обличеніе и казнь адмирала, свадьба Василия съ королевной, а въ дальнѣйшемъ — счастливая жизнь и королевская корона, увѣнчивающая умнаго и доблестнаго русскаго матроса.

Вторая повѣсть — „Исторія объ Александрѣ, россійскомъ дворянинѣ (или въ другихъ спискахъ: кавалерѣ)“¹⁾. Жилъ въ Москвѣ одинъ дворянинъ, именемъ Димитрій, имѣвшій прекраснаго наружностью сына Александра. Мальчикъ одаренъ былъ большими способностями и еще „въ маломъ возрастѣ“ достигъ познанія „философій и протчихъ наукъ“, а когда ему пошелъ двѣнадцатый годъ, то онъ явился къ своему отцу со слѣдующей просьбой: „Любез-

1) Пересказъ содержанія, съ приведеніемъ нѣкоторыхъ выдержекъ, сдѣланъ былъ первоначально М. И. Сухомятинымъ въ „Библиотекѣ для Чтенія“ 1858 № 12, а въ цѣломъ видѣ повѣсть напечатана у В. В. Сиповскаго: Русскія повѣсти XVII—XVIII вв., стр. 129—179.

нѣйшій и дражайшій отче! Желаніе мое нестерпимо мучить мя, еже бы отъ васъ милости испросити, и конечно безсовѣстная моя была бы дерзость, ежели бы не образцы многіе тому свидѣтельствовались. Понеже во всемъ свѣтѣ до одинаго обычай имѣють чадъ своихъ обучати и потомъ въ чуждыя государства для обрѣтенія вящей чести и славы отпускають, того ради и я, вашъ рабъ, взялъ намѣреніе вначалѣ благословеніе и къ путешествованію позволеніе у васъ испросити. Знаю, государи, что горячность и отеческая любовь ваша къ разлукѣ конечно совѣтовать не будетъ, однако жъ покорнѣйше прошу — учините мя равно съ подобными мнѣ, ибо чрезъ удержаніе свое можете мнѣ вѣчное поношеніе учинити, и како могу назватися и чѣмъ похваляюся? не токмо похвалитися, но и дворяниномъ назватися не буду достоинъ. Сотворите милость, не допустите до вѣчнаго позору!“ Получивъ согласіе родителей, Ал. беретъ съ собой раба Евпла и отправляется въ путь. Они пріѣзжаютъ въ Парижъ, а потомъ въ Лилль, гдѣ Ал., пораженный красотой города, пожелалъ остаться надолго. Жители Лилля также заинтересовались Александромъ и оказывали ему всевозможное вниманіе; но, не смотря на это, его скоро стала мучить тоска, подъ вліяніемъ которой онъ однажды вечеромъ сталъ играть на флейтѣ и разбудилъ своей игрой сосѣдку, дочь пастора Элеонору. Элеонора послала свою служанку Акиллію узнать, кто играетъ, а сама сѣла у окна и слушала „со умиленіемъ“. Узнавъ о цѣли посольства, Ал. самъ пошелъ посмотрѣть на сосѣдку и вернулся влюбленнымъ. Посредствомъ значительнаго подарка онъ нашелъ себѣ въ Акилліи усердную помощницу, которая посоветовала ему написать Элеонорѣ слѣдующее письмо: „Дражайшая Элеонора, моя государыня! Коль велию печаль и безпокойство вчерашній вашъ вопросъ во мнѣ умножилъ, и дивлюсь, какъ возмогла такое великое пламя горячности съ высоты во утробу мою вложить, которая меня столько

Но былъ одинъ обширный повѣтъ Княжества, который нѣкоторое время не признавалъ надъ собою компетенціи Литовско-Русскаго трибунала, а стало быть, и не принималъ участія въ избраніи его членовъ, т. е. не собирался на громничные сеймики. Этимъ повѣтомъ была Жомойть. При учрежденіи въ 1581 году трибунала Великаго Княжества Литовскаго „земля Жомойтская, ижъ свои волности и звычай особливые мають, тогда они особливе въ земли Жомойтской, если похочуть, певную личбу особъ на отправованье тыхъ судовъ головныхъ себе обрати мають и тымъ же порядкомъ суды свои головные у Жомойти на мѣстцу певномъ у мѣстѣ Росейняхъ, албо гдѣ ся зезволятъ, отправовати будутъ“¹⁾. Такимъ образомъ, земля Жомойтская сохранила въ 1581 году за собою право устроить у себя особый Жомойтскій трибуналъ, который бы вѣдалъ для Жомойти тѣ дѣла, которыя учрежденный въ этомъ году Литовско-Русскій трибуналъ бралъ на себя для всѣхъ остальныхъ повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго. Въ этомъ непризнаніи Жомойтскою землею общаго для всѣхъ остальныхъ земель Княжества высшаго апелляціоннаго судилища, конечно, имѣемъ выраженіе взгляда шляхты этой земли на болѣе или менѣе самостоятельное значеніе „речи посполитой“ Жомойтской въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, который мы видѣли уже выше²⁾ и который признается верховною властью Княжества, какъ это видно и изъ приведенныхъ сейчасъ словъ „Способа правъ трибунальскихъ“.

Однако земля Жомойтская, обезпечивъ себѣ право создать

Метр. $\frac{II A}{61}$ л. л. 213—215 („Декретъ Андрею Сулпстровскому з Геліяшомъ Корсакомъ о недопущене чинить отправки водле декрету трибунальского за суму всказаную, за што того Геліяша Корсака выволано“ — этотъ декретъ выданъ судомъ короля съ панами-радою 9 мая 1584 года въ Городнѣ, а дѣло разсматривалось трибуналомъ 16 сентября 1583 года), *ibidem* л. л. 242—243 („Отложено на ившій часъ sprawy земеняна Полоцкого Павла Шишчинича зъ Юремъ Котовицкимъ о упрошене подъ нимъ отчизны его въ повете Полоцкомъ“ — актъ суда пановъ-рады Княжества, которые смотрѣли дѣло „за росказаньемъ“ короля, „заседшы на прослуханье справъ“; дата акта — Городна, 15 мая 1584 года; въ актѣ упоминается трибунальскій декретъ).

1) Артикуль „Способъ обиранья судей“ (стр. 5 въ изданіи XXV-ой книги Временника).

2) Стр. 90—91. Ср. стр. 77, прим. 2.

своей особой трибуналъ, не воспользовалась этимъ правомъ, и Жомойтскому трибуналу такъ и не удалось возникнуть. Жомойть по прежнему и послѣ учрежденія трибунала Великаго Княжества Литовскаго обращалась къ господарю съ тѣми дѣлами, которыя онъ въ 1581 году передалъ этому высшему Литовско-Русскому судилищу. Акты знаютъ примѣры такихъ обращеній, которыя создавали неудобства для господарскаго суда, освободившагося уже, какъ казалось, отъ подобныхъ дѣлъ, и нарушали систему раздѣленія судебныхъ дѣлъ, которая налаживалась съ учрежденіемъ трибунала. Или присоединеніе Жомойтской земли къ трибуналу Великаго Княжества Литовскаго, или учрежденіе ею особаго трибунала для Жомойти ожидалось съ году на годъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, ожидалось и начало въ ней сеймика для выбора „судей головныхъ, трибунальскихъ“. До того или иного разрѣшенія Жомойтскою землею этого вопроса о трибуналѣ господарскій судъ долженъ былъ встрѣчаться съ дѣлами, которыя вносились въ него изъ Жомойти, и, не считая себя въ правѣ вторгаться въ кругъ дѣлъ, отмежеванныхъ въ 1581 году для трибунала, высказываться лишь отчасти по нимъ, откладывая „светую справедливость“ въ такихъ „справахъ“ до разрѣшенія вопроса о Жомойтскомъ трибуналѣ, хотя и не скрывая своего нетерпѣнія по этому поводу¹⁾.

1) Какъ образецъ актовъ такого содержанія можетъ быть приведенъ слѣдующій документъ. — „Стефанъ, Божью милостью король Польскій, [великій князь Литовскій]. Слухали есмо sprawy съ паны радами нашими, на тотъ часъ при насъ г[о]с[по]д[а]ри будучими. Жаловали съ позву земяне наши земли Жомойтское Миколай а Янъ Петровичы Довькяловича на врадниковъ нашихъ судовыхъ земьскихъ земли Жомойтское, на Казимера Яновича Орвида — судью, на Кришштофа Яновича Белевича — подсудька, на Адама Рустейковича — писара, такъ тежъ на маршалька нашего, тивуна въ земли Жомойтской Ретовьского, урожоного Марка Внучька о томъ, ижъ дей тотъ судъ нашъ земьскій, еще почавшы отъ року тисеча пятьсотъ семьдесятъ четвертого, за позвы земьскими Жомойтскими з маршалька нашего, тивуна въ земли Жомойтской Ретовьского Марка Внучька о имение, у волости Крожской лежачое, названое Покрожонты, о челядь неволную, о люди тягьлые и давньики и до того часу справедливости имъ не чынить, якожъ дей и въ року теперешнемъ осмьдесятъ четвертомъ о Светой Тройцы, святе Рымьскомъ, кды имъ рокъ за позвы земьскими з Маркомъ Внучькомъ

Но прошли цѣлыхъ семь лѣтъ, пока вопросъ о трибуналѣ для Жомойти получилъ свое окончательное разрѣшеніе. Можно предположить, что на направленіе, въ которомъ послѣдовало его разрѣшеніе, повліяли какъ сознаніе труд-

передъ судъ ихъ припадалъ, отъ початя роковъ пятого дня водлугъ реестру, м[е]с[е]ца іюня первого дня, коли они Марка Внучька до права волали, судъ дей земьскій Жомойтскій, за нестаньемъ Марка Внучька выслухавъшы всее sprawy ихъ по достатъку, до дня завѣтрешняго, суботы м[е]с[е]ца іюня второго дня на вырокъ себе взяли; то пакъ дей, по выслуханью оное sprawy ихъ и отъложеною ее до завѣтрея того жъ дня, кгда Марко Внучокъ пріехалъ, они повторе ихъ ку справе прыступовати примусили, менучы бытъ пятый день роковъ за третій. Которая то жалоба ихъ ширей на позве описана и доложона естъ. На которую жалобу ихъ врадъ нашъ судовый земьли Жомойтское черезъ умоцованого своего Рафала Заневьского, а маршалокъ нашъ, урожонный Марекъ Вьнучокъ самъ особю своею, отказъ чынечы, тотъ рокъ и позовъ бурыли, поведаючы, ижъ они на тотъ позовъ нашъ дворный отказать не естъ повинни, кгдажъ дей мы г[о]с[по]д[а]рѣ, вси таковыя sprawy зложывъшы зъ себе и на судъ головный трибуналскій отославъшы, по всихъ воеводствахъ и поветахъ въ панѣвствѣ нашомъ, Великомъ Князствѣ Литовьскомъ, объявили, же такіе sprawy не за дворомъ нашимъ, до суду головного ити мають, што показывалъ, ижъ въ трибунале естъ описано и рокъ земли Жомойтской ку отъправованью судовъ головныхъ трибуналскихъ естъ помененъ. Сторона поведовая на то поведила, же еще и до того часу, якъ се тые суды трибуналскіе у Великомъ Князствѣ Литовьскомъ зачали, въ земли Жомойтской николіи сужоны не были и съ тыхъ прычынъ, не могучы себе зъ судомъ земскимъ Жомойтскимъ справедливости довести, за дворомъ нашимъ позвати мусели, и просили, абы тая справа на дворе нашомъ была сужона. Мы, г[о]с[по]д[а]рѣ, выслухавъшы мовенья обудьвухъ сторонъ и намовивъшыся въ томъ съ паны радами нашими, а хотяжъ бачили есмо то, же справедливость светая яко естъ речъ передъ Богомъ вдячная, такъ тежъ каждому мела быти безотъволочне чинена, але, ижъ за прозбою всихъ становъ Великого Князства Литовьского, зложившы мы г[о]с[по]д[а]рѣ з особы наше, таковыя суды на трибуналъ есмо вложили и сеймовоу уфалоу ствердили, про то и тую справу, на сесь часъ не конъчечы ее на дворе нашомъ, одослали есмо до трибуналу, ведже подъ тымъ способомъ, ижъ, если бы обыватели земли Жомойтское на Громъницы близко пришълые въ року осмъдесять пятомъ и на тотъ четвертый рокъ судей головныхъ на трибуналъ не обрали и водлугъ науки, въ трибунале описаное, въ томъ не заховали се, яко то по тые три годы учинили, тогда вжо такъ тая справа, яко и вси инъшіе на дворе нашомъ за позвы дворными и за апеляциями отъ судовъ кгородскихъ, земьскихъ и подкоморскихъ рокъ и роки мети будуть, и мы, г[о]с[по]д[а]рѣ, съ паны радами нашими таковыя суды и sprawy на

ности организаціи особаго трибунала для Жомойти, который потребовалъ бы значительнаго числа трибуналистовъ отъ одной земли и кромѣ того особаго состава канцеляріи для нихъ, такъ и пережитое послѣ смерти Стефана Баторія безкорольеве, показавшее значеніе единства всего Великаго Княжества Литовскаго, въ его организаціи какъ сплоченнаго „панства“, для достиженія исполненія его государственныхъ требованій въ соединенномъ Унію Польско-Литовскомъ государствѣ¹⁾. Создавать новый оплотъ сепаратизма для „речи посполитой“ Жомойти отъ „речи посполитой“ всего Великаго Княжества Литовскаго, каковымъ явился бы особый Жомойтскій трибуналъ, при такихъ условіяхъ было невыгодно. Къ началу царствованія Сигизмунда III-го земля Жомойтская рѣшила присоединиться къ общему для всего Великаго Княжества Литовскаго трибуналу, и это присоединеніе было утверждено Сигизмундомъ III-мъ на коронаціонномъ сеймѣ. Въ текстѣ листа, даннаго Сигизмундомъ III-мъ 1 февраля 1588 года на коронаціонномъ сеймѣ въ Краковѣ, читаемъ: „а ижъ земля Жомойтская, которая была одержала особные суды трибунальскіе, але ихъ до того часу не уживала, тогда до трибуналу Великаго Княжества

дворе нашомъ судить и отъправоватъ будемъ, забегаячы тому, абы люди укривъжонные конецъ справедливости светое безогъволючне мети могли. А ижъ умоцованый суду земьского, такъ же и сторона, урожонный Марко Внучько, домавъляли се винь, въ статуте и въ трибунале описаныхъ, тогды мы, бачечы, же Миколай а Янъ Довъгяловичы, маючы такъ долгую проволоку у справедливости и не могучы где инъ-дей позвати, кдыжъ трибуналу въ земли Жомойтской и до сего часу не было и теперъ нетъ, до насъ, г[о]с[по]д[а]ра, позвать мусели, тогды есмо то вырокомъ нашимъ нашъли и сказали, же они подь тые вины, въ статуте и въ трибунале описаные, не подлежатъ и стороны позваные тыхъ винъ на нихъ такъ въ праве земскомъ, яко тежъ и въ трибуналу доходить и поискивати не мають. Што есть для памяти до книгъ нашихъ г[о]с[по]д[а]рскихъ канцлерейскихъ записано. Писанъ у Городне, лета отъ Нароженья Сына Божого тисеча пятсотъ осмьдесятъ четвертого, м[е]с[я]ца ноябра двадцать четвертого дня. Левъ Сапега, писар[ь]“. Лит. Метр. $\frac{I A}{68}$ л. л. 351 об. — 352 об. („Отослане до трибуналу sprawy земянъ Жомойтскихъ Довгяловичовъ з Маркомъ Внучкомъ о имене Покрожонты“). Тотъ же документъ — Лит. Метр. $\frac{II A}{61}$ л. л. 330 об. — 332.

1) Ср. выше, стр. 258—259.

Литовского приступила, и мы имъ того позволяемъ, и вѣо депутаты, которихъ они прикладомъ иншихъ воеводствъ по три на каждый годъ обрати мають, споломъ з другими завжды заседати и суды вси порядкомъ своимъ [судити] и отправовати мають“¹⁾. Этотъ листъ Сигизмунда Вазы, представляющій собою подтвержденіе исполненія требованій, предъявленныхъ ему Великимъ Княжествомъ Литовскимъ при его коронованіи, полагалъ, такимъ образомъ, начало и громничному сеймику въ землѣ Жомойтской, которая на общихъ для всѣхъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ основаніяхъ стала выбирать своихъ членовъ трибунала Великаго Княжества Литовскаго, какъ она стала вносить теперь и свои „справы“ въ это высшее судилище Литовско-Русскаго „панства“²⁾.

Итакъ, съ начала царствованія Сигизмунда Вазы свои громничные сеймики отбывали уже всѣ безъ исключенія

1) Этотъ документъ — Лит. Метр. $\frac{I}{65}$ л. л. 277 об. — 278 об. Настоящій листъ Сигизмунда III-го изданъ въ VIII-омъ томѣ Актовъ, издаваемыхъ Виленскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ (стр. 262—263) по тексту записи его въ Виленскія гродскія книги, сдѣланной 8 августа 1593 года. Въ книги эти онъ былъ представленъ въ видѣ „видимуса“ изъ канцелярейскихъ книгъ за печатью Великаго Княжества Литовскаго и за подписью подканцлера (панъ Габріель Война) отъ имени земскаго подскарбія Княжества, пана Деметра Халецкаго съ Хальча, его служебникомъ, паномъ Яномъ Зерчинскимъ. Самый „видимусъ“ во вступленіи своемъ (передъ текстомъ самаго листа) говоритъ, что выдачею его исполняется просьба земскаго подскарбія Халецкаго „о выданье ему видимусу съ книгъ канцеляріи“ Сигизмунда III-го „привилею потверженья отъ“ него „постановенья становъ Великаго Княжества Литовскаго, на шасливой коронаціи“ его „даного“. Выданъ Халецкому этотъ „видимусъ съ книгъ канцелярійскихъ“ былъ 10 мая 1593 года. Въ этомъ же листѣ Сигизмунда III-го находится и утвержденіе измѣненія распорядка сессій Литовско-Русскаго трибунала. Тотъ же документъ изданъ въ IV-мъ томѣ Актовъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи (№ 3). Одновременно съ присоединеніемъ къ трибуналу Великаго Княжества Литовскаго Жомойтская земля получила отъ Сигизмунда III-го и подтвержденіе нѣкоторыхъ правъ, гарантирующихъ ей отдѣльныя стороны ея особаго положенія въ Княжествѣ (А. З. Р. IV, № 2).

2) Примѣры указаній источниковъ на обращенія къ трибуналу Великаго Княжества Литовскаго со стороны земли Жомойтской — Описъ док. Вилен. Ц. Арх. др. акт. кн. II, стр. 35 (№ 268) — 25 июня 1588 года (апелляція); *ibidem*, стр. 44 (№ 115) — 29 мая 1589 года (передача трибунальскихъ позвовъ); *ibidem*, стр. 74 (№ 438) — 8 іюля 1589 года (апелляція); и рядъ другихъ въ томъ же и слѣдующихъ выпускахъ Описи.

повѣты Великаго Княжества Литовскаго. Но этими сеймиками, какъ и другими своими собраніями¹⁾, повѣтовая шляхта пользовалась и для цѣлей, не имѣвшихъ ничего общаго съ тою главною цѣлью, ради которой они созывались, т. е. съ выборомъ членовъ трибунала. Такъ, шляхта Волковыйскаго повѣта составила на своемъ громничномъ сеймикѣ 1586 года такого содержания листъ къ двумъ другимъ повѣтамъ своего Новгородскаго воеводства: „Велможные а наймилостивые панове, урядники земскіе и кгородскіе, рыцарство все, обыватели воеводства Новгородскаго и повету Слонимскаго! Паномъ а брати нашой милостиве ласкавымъ. Ознаймуемы вашимъ милостямъ и до ведомости доносимъ о припадку, который се сталъ де у насъ въ повете Волковыскомъ, намъ усимъ барзо жалоснымъ, ижъ Сила Михайловичъ Скроботъ з многими помочниками своими и немалымъ оршакомъ татаръ Новгородскихъ, з п[е]н[е]зи нанятыхъ, наехавши мощно квалтомъ на домъ шляхтица, въ повете Волковыскомъ оселого, именемъ пана Миколая Кременскаго, самого, соломою въ дому обволокну, запалилъ и мощю его добылъ, а, добывши, ганебне зранивши, змордовавши и звезавши, з собою его взялъ и сына его летъ недорослого, именемъ Миколая, а внука своего, также звезавши, з собою взялъ и не ведати где того пана Кременскаго з сыномъ его поделъ; а жону пана Кременскаго и матку его, съ того дому ихъ обобравши и зелживость имъ учинивши, з дому выгналъ и маетность всю пана Кременскаго на возы, которіи зъ собою колкодесять возъ тотъ Сила Скроботъ собивши, въ тотъ часъ забралъ. А ижъ тотъ Сила Скроботъ не пооднокротъ наезды на дома шляхецкіе чинить и на иншихъ братю нашу еще похваляеть, будучи человекомъ неоселымъ, держемы то о ласце и милости в[ашихъ] м[и]л[о]стей], нашихъ милостивыхъ пановъ и брати, ижъ в[аши] м[и]л[о]сти], посполу того з нами жалуючы, тому забеганью обмышляти будете рачили, яко бы се такое своволенство и морды погамовать могли, а злочинцы караны были“²⁾.

1) См. ниже, главы X и XI.

2) Вил. Центр. Архивъ, № 7866 (Слонимскаго гродскаго суда 1583—1586 г. г.), л. л. 364 об. — 365. Вслѣдъ за приведенными нами въ текстъ словами въ книгѣ стоитъ: „зачимъ бы каждый з насъ здорова

Приведенный сейчас документъ показываетъ, какъ пользовалась повѣтовая шляхта громничнымъ сеймикомъ для своихъ коллективныхъ выступленій отъ имени повѣта, не имѣющихъ ничего общаго съ выборомъ трибуналистовъ. Но сохранились документы, рисующіе и пользованіе верховною властью этимъ сеймикомъ, ежегодно въ опредѣленное время отбывавшимся Литовско-Русскою шляхтою, для сношеній съ повѣтами Княжества, обыватели которыхъ собрались на день Громницъ для выбора своихъ депутатовъ въ трибуналъ. Примѣръ такихъ документовъ мы можемъ, однако, привести лишь изъ актовъ XVII столѣтія. Въ актовыхъ книгахъ Берестейскаго земскаго суда за 1634 годъ встрѣчаемъ „листъ згодного постановенья отъ ихъ милостей пановъ сенаторовъ, дигнитаровъ, урядниковъ и всего рицества, обывателей воеводства Берестейскаго, на соймику теперешнемъ громничномъ стальной“¹⁾. Изъ этого „листа“ узнаемъ, что, когда повѣтовые обыватели Берестейскаго повѣта собрались 2 февраля 1634 года на свой громничный сеймикъ для выбора судей трибунала, на этотъ же сеймикъ прибылъ и королевскій посолъ, который по данной ему инструкціи „*negotia Reipublicae, sobie od iego królewskiey mości commissa, dosć luculenter retulit et omnes Reipublicae necessitates enumeravit*“. Государскій посолъ принесъ отъ короля приказаніе избрать повѣтовыхъ пословъ на созываемый на 2 марта 1634 года съѣздъ въ Вильнѣ „*ad capescenda consilia*“. Въ исполненіе этого приказанія Берестейскій громничный сеймикъ избралъ двухъ своихъ пословъ²⁾ и далъ имъ „*plenam et absolutam potestatem*“, разрѣшилъ „*ex nunc*“ три побора, выбралъ повѣтоваго поборцу³⁾ для ихъ сбора и на-

своего“. Этими словами оканчивается оборотъ листа 364. Слѣдующій, т. е. 365-й, листъ книги сильно ислѣзъ. Приводимъ конецъ документа, обозначая точками ислѣзшія мѣста: „дан з Волковыска раню судей головныхъ трибунальскихъ, м[e]с[е]ца февраля . . . тисеча пятьсотъ осмьдесятъ шостого . . . печатей притисненыхъ обывателей повету Волковыскаго . . . нныхъ тридцатъ шесть а подписъ рукъ подписаныхъ ихъ . . . писмомъ полскимъ девет а другимъ писмомъ тры тыми . . . саны“. Далѣе слѣдуютъ подписи.

1) А. Вил. II. Стр. 169—171.

2) Городенскій подкоморій, князь Григорій Масальскій и панъ Еронимъ Еленскій.

3) Подсудокъ Берестейскій, панъ Теодоръ Станиславъ Букраба.

значиль день для ихъ уплаты. Если потребуется, то Берестейскій сеймикъ согласенъ еще на другіе выборы, въ случаѣ желанія предстоящаго Виленскаго съѣзда ихъ установить, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы назначеніе поборцевъ не было сдѣлано на съѣздѣ, но было бы оставлено до реляційнаго, т. е. посѣздоваго сеймика. Заканчивается это постановленіе Берестейскаго громничнаго сеймика 1634 года порученіемъ двумъ его участникамъ представить къ внесенію въ земскія Берестейскія книги настоящее постановленіе вмѣстѣ съ именами трибуналистовъ, избранныхъ тѣмъ же сеймикомъ¹⁾. Такимъ образомъ, громничныи сеймикъ поручилъ двумъ лицамъ изъ среды сеймикующихъ представить на одномъ листѣ въ земскія книги и свои постановленія, сдѣланныя въ отвѣтъ на сообщенное сеймику господарскимъ посломъ, и актъ избранія своихъ трибуналистовъ. Это указаніе на внесеніе въ повѣтовья книги именъ лицъ, избранныхъ сеймикомъ въ составъ судей трибунала, надо думать, должно быть принято и для болѣе ранняго времени — внесеніе въ книги земскаго или городскаго повѣтоваго уряда было обычнымъ способомъ, который примѣнялся для сохраненія всякаго документа въ эпоху послѣ введенія повѣтовыхъ судовъ съ ихъ книгами, имѣвшими и судебное, и нотаріальное значеніе²⁾.

Въ приведенномъ сейчасъ примѣрѣ мы имѣемъ образецъ пользованія громничнымъ сеймикомъ верховною властью для сообщенія повѣтовой шляхтѣ дѣлъ предстоящаго съѣзда Великаго Княжества Литовскаго. Регулярность созывовъ громничныхъ сеймиковъ дѣлала удобнымъ пользованіе ими для того, чтобы, не созывая особыхъ собраній

1) „Zatem te zgodnie i jednostayne postanowienie nasze zamykając, użyliśmy s kofa naszego jegomość pana Jarosza Skindera i jegomość pana Jana Roszetarskiego, aby ichmościowie nasi tak tę zgodę naszą, iako też i to, żeśmy na sądy główne trybunalne iego królewskiey mości kniazia Jana Szuyskiego, chorążego Brzeskiego, i jegomość pana Maхymiliiana Kaleczyckiego na rok terazniejszy tysiąc sześćset trzydziesty czwarty obrali, do xiąg ziemskich Brzeskich donieść raczyli“. Далѣ слѣдуютъ дата и подписи. Инструкція посламъ Берестейскаго громничнаго сеймика на Виленскій съѣздъ внесена въ ту же земскую книгу Берестейскаго повѣта двадцатью листами выше и напечатана въ томъ же II-мъ томѣ Актонъ, издаваемыхъ Виленскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ (стр. 167—169).

2) См. выше, стр. 114—115.

Литовско-Русской повѣтовой шляхты, входитъ съ нею въ сношенія именно на этихъ сеймикахъ. Можно предположить и возможность сознательнаго выбора верховною властью въ приведенномъ выше примѣрѣ дня для Виленскаго сѣзда съ такимъ расчетомъ, чтобы для подготовки этого сѣзда можно было воспользоваться громничными сеймиками Великаго Княжества Литовскаго. Такимъ образомъ, въ данномъ примѣрѣ мы имѣемъ случай совпаденія съ громничнымъ сеймикомъ сеймика предсѣздоваго. Но громничные сеймики могли совпадать и съ сеймиками предсеймовыми, въ тѣхъ случаяхъ, когда вальные сеймы были созываемы на первые числа марта и предсеймовые сеймики, въ силу требованія Литовско-Русскаго закона предваряющіе ихъ четыремя недѣлями, должны были отбываться въ первыхъ числахъ февраля. Примѣръ такого совпаденія имѣемъ въ 1590 году, когда вальный сеймъ былъ созванъ на 8 марта¹⁾. Повѣтовые сеймики Великаго Княжества Литовскаго были созваны на 1 февраля и совпали, такимъ образомъ, съ сеймиками громничными. Полоцкій сеймикъ этого созыва продолжался четыре дня, т. е. 1-го, 2-го, 3-го и 4-го февраля²⁾, Минскій — не менѣе трехъ дней³⁾; сеймики другихъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ также, конечно, не окончили въ одинъ день своего дѣла по подготовкѣ предстоящаго сейма и слились, слѣдовательно, съ сеймиками громничными, которые, согласно „Способу правъ трибунальскихъ“, должны были открываться 2 февраля каждаго года. Изъ одного документа, имѣющаго отношеніе къ Полоцкому сеймику этого созыва⁴⁾, узнаемъ, что на этомъ сеймикѣ, въ продолженіе

1) „Proinde rex postquam Revalia rediit comitia pro 8 martii anni 1590 indixerat, et literis ad particulares conventus omnes cives et subditos ad ferendam opem et consilio juvandum patriam invitabat“. Reinholdi Heidensteinii secretarii regii Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti libri XII. Francofurti ad Moenum MDCLXXII. P. 289 (liber nonus). Конституція этого сейма датирована 19-мъ апрѣля — *Volumina Legum*, tom II (Petersburg 1859), str. 319. О Польскихъ сеймикахъ послѣ этого сейма см. Adolf Pawiński, *Rządy Sejmikowe*, str. 351.

2) См. ниже, примѣчаніе 4 къ настоящей страницѣ.

3) См. ниже, примѣчаніе 1 къ стр. 540.

4) „Року [15]90, м[е]с[е]ца февраля 10 дня. Писалъ и присылалъ до владу крродского замку г[о]с[по]д[а]рьского Менского, до мене, Яна Петрашковича, подстаростего Менского, земеннъ г[о]с[по]д[а]рьскій вое-

трехъ дней, господарскій Полоцкій землянинъ и шафаръ Полоцкаго повѣта, панъ Ярошъ Остафьевичъ Корсакъ „упоминалъ се“ у земскаго поборцы Полоцкаго воеводства, пана Романа Реута, чтобы послѣдній на настоящемъ

водства Полоцкаго, панъ Ярошъ Остафьевичъ Корсакъ, оповедаючи передо мною на враде тыми словами, ижъ дей въ року теперь идучомъ тисеча пятсотъ девятдесятомъ, по соймку и зъезде всехъ обывателей воеводства Полоцкаго, который соймикъ отъ его королевское милости былъ зложонъ м[е]с[е]ца февраля первого дня, я передъ его милостью ясневелможнымъ паномъ, паномъ Миколаемъ Монвидомъ Дорогостайскимъ, воеводою Полоцкимъ, а передъ дыкнитарни, вранники земскими, черезъ тотъ увесь соймикъ, почавшы второго, третьего, четвертого дня того м[е]с[е]ца февраля упоминалъ се еси въ пана поборцы земскаго воеводства Полоцкаго, пана Романа Реута, абы онъ на томъ соймку, который былъ теперь передъ соймомъ валнымъ отъ его к[о]р[олевское] милости зложонъ, зъ выбранныхъ поборовъ личбу достаточную учинилъ и мне, шафарови того воеводства Полоцкаго, п[е]нези поборовые вси отдалъ и ведомымъ мене въ томъ учинилъ, если онъ самъ поборца водле универсалу заховалъ въ подаваню на спозыване до враду тыхъ недбалыхъ, которые побору, на сойме уфаленного, до него не отдали; такъ же и самъ суму, которая мне отъ пана поборцы по Светомъ Михайле, Римскомъ святе, у чотыры недели была дана, ознаймить еси былъ готовъ; нижли панъ поборца черезъ вси тые тры дни личбы достаточное не учинилъ, одно, показавшы реестру первой по Михайле Светомъ въ чотыры недели до мене отъ него передъ вранниками земскими отданое сумы, тотъ реестръ съ квитами, которые отъ пановъ шляхты пры взято побору себе даные маеть, корыктовалъ, которы реестръ съ тыми квитами не естъ зггодны, а надъ то ни якой личбы од одобраныхъ поборовъ не чинилъ и мене, шафарови того воеводства Полоцкаго, ни якое ведомости не далъ, если ему вси обыватели тотъ поборъ, на сойме уфалены, отдали, чы ли за неотданемъ побору недбалого водле универсалу соймоваго до враду на спозыване отдалъ, зачымъ я, не маючи ведомости о томъ отъ пана поборцы земскаго, пана Романа Реута, пыталомъ враду кгородского Полоцкаго — пана Якуба Семашка намесника Полоцкаго а пана Павла Кгодачевского суди, пана Миколая Подборского писара, вранниковъ судовыхъ кгородскихъ Полоцкихъ, — абы мене о томъ, если кого изъ обывателей-шляхты воеводства Полоцкаго, маючи отъ пана поборцы себе на врадъ на спозыване отданныхъ, о не отданныхъ побор[ахъ] позывали; нижли и вранники кгородскіе на тотъ часъ мене ведомымъ въ томъ учинить не хотели, поведаючи то, ижъ мы того чинить тебе не повинни — пытай себе поборцы земскаго, пана Романа Реута. Затымъ я, обавяючи се, абыхъ самъ вины, въ универсале соймовомъ описаной, не подлегалъ съ тое прычины, ижъ, не маючи отъ пана поборцы земскаго, пана Романа Реута, ведомости — хто вжо до него тотъ поборъ отдалъ, кого не далъ, такъ же отъ враду — кого бы врадъ кгородскій о поборъ за отдаванемъ на спозыване отъ по-

сеймикъ далъ отчетъ въ выбранныхъ поборахъ и передалъ собранныя деньги Корсаку, какъ шафару Полоцкаго воеводства, а также далъ бы свѣдѣнія о томъ, соблюдалъ ли онъ требованія побороваго универсала о взысканіи этого побора. При этомъ самъ Корсакъ выражалъ готовность объявить ту сумму, которая была передана ему Реутомъ черезъ четыре недѣли послѣ дня св. Михаила. Однако Реуть въ продолженіе трехъ дней сеймика отчета не далъ, а лишь показалъ реестръ суммы, переданной имъ Корсаку передъ Полоцкими земскими урядниками черезъ четыре недѣли послѣ дня св. Михаила. Но этотъ реестръ оказался расходящимся съ „квитами“ отдѣльныхъ шляхтичей при внесеніи ими побора. Кромѣ реестра Реуть не представилъ Корсаку никакого отчета и не сообщилъ ему: 1) всѣ ли Полоцкіе обыватели выдали ему постановленный сеймомъ поборъ и 2) какъ онъ передалъ не выплатившихъ этого побора повѣтовому уряду для вызова ихъ передъ него къ отвѣту, чего требуетъ универсалъ сеймовый. Не получивъ всѣхъ этихъ свѣдѣній отъ поборцы, Корсакъ запросилъ Полоцкихъ градскихъ урядниковъ, т. е. намѣстника воеводы и градскихъ судью и писаря, о выдачѣ ему свѣдѣній о томъ, кого изъ шляхты Реуть передалъ Полоцкому градскому уряду для вызова передъ него и для взысканія побора. Однако и градскіе урядники отказали ему

борцы о поборъ позывалъ, а кого не позывалъ, ихъ самихъ, то есть поборцы и владу кгородского, до трибуналу позывать не могутъ. А кгда се соймикъ докончылъ, я тое оповедане мое на пана поборцы земского, пана Романа Реута, и на владъ кгородскій Полоцкій вжо по соймику томъ заразъ, того жъ м[е]с[я]ца февраля пятого дня, передъ его милостью ясноведможнымъ паномъ Миколаемъ Монвидомъ Дорогостайскимъ, воеводою Полоцкимъ, самъ черезъ себе чынилъ и просиломъ его милости пана воеводы того дня пятого, а потомъ и шостого и семого дня м[е]с[я]ца февраля, абы тое оповедане мое до книгъ кгородскихъ записать росказать рачылъ; нижли его милость оповеданя моего прынять и до книгъ записать росказать не рачылъ. Про то дей я съ тымъ оповеданемъ моимъ тугъ до вашей милости, владу кгородского воеводства Менского, посыламъ и прошу, абы тое оповедане мое до книгъ кгородскихъ Менскихъ записано было. Што есть записано и выписъ выданъ“. Вил. Центр. Арх. № 11765. Л. л. 438 об. — 439 об. Ср. „Warunek wybierania poborow“ въ поборовомъ универсалѣ 1589 года — *Volumina Legum, tom II* (Petersburg 1859), str. 302—303. Имена поборцевъ и шафаровъ этого побора — *ibidem*, str. 303—304.

въ просимыхъ имъ свѣдѣнiяхъ, заявляя, что они не должны ему ихъ давать, — пусть онъ спрашиваетъ самого поборцу Реута. Корсакъ, въ виду всего этого боясь попасть подъ наказанiе, которымъ грозитъ сеймовый универсалъ назначеннымъ сеймомъ сборщикамъ этого побора и его шафарамъ въ случаѣ ихъ неисправности, сразу послѣ окончанiя сеймика сдѣлалъ Полоцкому воеводѣ заявленiе, направленное противъ Реута и Полоцкаго гродскаго уряда, и просилъ воеводу цѣлыхъ три дня (5-го, 6-го и 7-го февраля), чтобы онъ приказалъ это изложенное нами его заявленiе внести въ книги своего уряда. Воевода Полоцкiй, однако, отказалъ Корсаку въ его просьбѣ, почему онъ и долженъ былъ обратиться съ нею къ гродскому уряду сосѣдняго Минскаго воеводства, который и внесъ это заявленiе въ свои книги, а также выдалъ ему и выписъ его.

Пересказанный документъ говоритъ не только о совпадении громничнаго сеймика съ сеймикомъ предсеймовымъ, но и о пользованii имъ повѣтовымъ шафаромъ для того, чтобы на немъ, предъ собравшеюся шляхтою повѣта и его урядниками, поднять дѣло объ уплатѣ побора, наложеннаго на повѣтъ предшествующимъ сеймомъ, а также чтобы заявить о представляющихся ему неправильными дѣйствiяхъ, въ данномъ случаѣ поборцы, назначеннаго сеймомъ. Появленiе на повѣтовыхъ сеймикахъ дѣлъ по сбору податковъ и жалобъ на дѣйствiя оффиціальныхъ лицъ повѣта было обычнымъ явленiемъ вообще на сеймикахъ Великаго Княжества Литовскаго; на этомъ намъ еще придется остановиться ниже, при изученii организацiи повѣтоваго сеймика.

Подобно Полоцкому февральскому сеймику 1590 года, и другiе одновременно съ нимъ собравшiеся повѣтовые сеймики Литовско-Русскiе имѣли дѣло съ вопросами по сбору побора, установленнаго Варшавскимъ сеймомъ 1589 года. Въ источникахъ намъ удалось встрѣтить указанiе на поднятiе этихъ вопросовъ на сеймикѣ Минскомъ¹⁾. На этотъ

1) „Лета отъ Нароженъя Сына Божьего тисеча пятьсотъ девятдесятого м[е]с[я]ца февраля третего дня. На рочкохъ судовыхъ кгродскихъ Менскихъ февралевыхъ, передъ нами, Яномъ Петрашковичомъ — подстаростимъ, Шыманомъ Матеевичомъ — судьбою, а Александромъ Мацкевичомъ — писаромъ, врадниками кгродскими Менскими, будущимъ отъ велможного пана его милости, пана Дмитра Скумина Тишкевича,

сеймикъ явился шафаръ Минскаго воеводства, князь Янъ Горскій, чтобы вмѣстѣ съ Минскими урядниками выслушать отчетъ поборцевъ Минскаго, Мозырскаго и Рѣчицкаго повѣтовъ. Шафаръ имѣлъ въ виду кромѣ того сообщить

маршалка его к[о]р[олевское] милости, старосты Менскаго, писара староствъ и волостей украинныхъ Рускихъ, становечы се очевисто, его м[и]л[ость] князь Янъ Горскій, шафаръ его королевское милости п[е]н[е]зей поборовыхъ, зъ сойму теперешнего прошлого Варшавскаго у воеводстве Менскомъ установленымъ универсаломъ сеймовымъ упевненный, оповедалъ тымъ способомъ, ижъ дей я, заховуючы се водлугъ науки, въ универсале описаное, приехали тутъ до замьку г[о]с[по]д[а]р[ского] Менскаго на сеймикъ, который есть черезъ листъ его королевское милости зложонъ на день сегоднешній, первый м[е]с[е]ца февраля въ року теперешнемъ деведьдесятомъ, для слуханя личбы зъ ихъ милостыями паны дыкгнитары воеводства тутошнаго Менскаго пановъ поборцовъ, зъ сейму теперъ прошлого Варшавскаго установленныхъ, меновите — у воеводстве Менскомъ пана Григоря Макаровича. — у повете Мозырскомъ пана Стефана Ловейка, — у повете Речыцскомъ пана Александра Юдрыцкаго, и хотечи то ихъ милостыямъ паномъ дыкгнитаромъ оповедати, якъ много мне отъ пановъ поборцовъ на рокохъ, въ универсале описаныхъ, тыхъ п[е]н[е]зей поборовыхъ дошло водлугъ квитовъ, отъ нихъ даныхъ. Которые тые квиты передъ нами на враде за печатями пановъ поборцовъ и съ подписомъ рукъ ихъ показывалъ, въ которыхъ квитехъ кождый панъ поборца ознаймуеть, якъ много на которомъ року тыхъ п[е]н[е]зей до его милости пана шафара отъдали, то есть меновите показовалъ квитъ поборцы воеводства пана Григоря Макаровича за печатью и съ подписомъ руки его, подъ датою року осмьдесять деведьдесятого м[е]с[е]ца окътебра осмого дня, ижъ на томъ первомъ року водлугъ универсалу отъдалъ до его милости пана шафара п[е]н[е]зей поборовыхъ з воеводства Менскаго всего сумою тисечу копъ, сто копъ и осмьдесять копъ грошей и грошей шестнадцать и п[е]н[е]зи два; другій квитъ — поборцы повету Речыцкаго, пана Александра Юдрыцкаго, подъ датою року осмьдесять деведьдесятого м[е]с[е]ца ноября двадцать шостого дня, въ которомъ ознаймуеть, ижъ на первомъ року водлугъ универсалу отдалъ до его милости князя Яна Горскаго, шафара его королевское милости, п[е]н[е]зей поборовыхъ съ повету Речыцкаго всего сумою шестсотъ копъ грошей личбы и монеты литовское; третій квитъ — поборцы Мозырскаго, пана Стефана Ловейка, въ которомъ ознаймуеть, ижъ на тотъ же часъ на первомъ року водлугъ универсалу отдалъ до его милости пана шафара съ поборовъ Мозырскихъ, то есть всего сумою чотырыста копъ и осмьдесять копъ грошей; четвертый квитъ — пана Григоря Макаровича, поборцы воеводства Менскаго, подъ датою року деведьдесятого м[е]с[е]ца февраля третего дня, ижъ на другомъ року водлугъ универсалу отдалъ до его милости пана шафара съ поборовъ воеводства Менскаго всего сумою тисечу копъ грошей и сто копъ грошей личбы литовское; квитъ пана Александра Юдрыц-

урядникамъ, сколько онъ получилъ поборовыхъ денегъ отъ поборцевъ повѣтовъ Минскаго воеводства. Но часть земскихъ урядниковъ Минскаго воеводства на сеймикъ не пріѣхала; тѣ же, которые пріѣхали, отказались слушать отчетъ о сборѣ побора поборцами, хотя шафаръ и ожидалъ въ продолженіе всѣхъ трехъ дней сеймика. Въ концѣ концовъ онъ долженъ былъ ограничиться только внесеніемъ въ гродскія Минскія книги заявленія объ этомъ вмѣстѣ съ итогами собраннаго поборцами.

Пересказанные документы говорятъ какъ о соединеніи съ громничнымъ сеймикомъ сеймиковъ другого назначенія, такъ и о введеніи въ кругъ его занятій предметовъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ цѣли его собранія. Но это послѣднее было обычнымъ явленіемъ при сеймикованьѣ вообще, и намъ еще придется остановиться на немъ подробнѣе ниже¹⁾.

ского, поборцы повету Речыцскаго, ижъ на другомъ року водлугъ универсалу отдалъ съ поборовъ повету Речыцскаго до его милости пана шафара осмьдесятъ копъ и чотыры копы грошей и грошей двадцать деветь, п[е]н[е]зи два. На которомъ томъ помененомъ соймику его милость князь Янъ Горскій, шафаръ его к[о]р[олевское] милости, дня первшого, другого и третего становитъ и пилность черезъ весь сеймикъ чынить, нижли ихъ милость панове дыкгнитары на тотъ сеймикъ все не з[ѣ]хали се, а хотя жъ некоторые и прыбыли, нижли помененыхъ поборцовъ слухать въ чыненю личбы не хотели. И просилъ его милость князь Янъ Горскій, абы тое оповедане его и пилность его до книгъ к[о]гродскихъ Менскихъ записано было, што есть записано“. Вил. Центр. Архивъ, № 11765. Л. л. 474 об. — 475 об. Ср. поборовый универсаль Варшавскаго сейма 1589 года. Volumina Legum. Tom II (Petersburg 1859). Str. 296—304.

1) Глава X.

Глава X.

Внутренняя организація Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика.

Составъ сеймикующихъ. Необходимость принадлежности къ повѣтовому шляхетству для права участія въ занятіяхъ соотвѣтствующаго сеймика. Вопросъ объ участіи въ сеймикованьѣ повѣтовыхъ шляхтичей, принадлежавшихъ къ „стану духовному“. Должностныя лица въ составѣ сеймикующихъ. Отношеніе привилеевъ на уряды къ участію въ сеймикованьѣ должностныхъ лицъ, которымъ они выдавались. Участіе соотвѣствующихъ должностныхъ лицъ на сеймикахъ ихъ и другихъ повѣтовъ. Мѣсто сеймикованья. Помѣщенія, въ которыхъ повѣтовые сеймики собирались. Сеймикованье не повѣтами, а воеводствами. Предсѣдатель повѣтоваго сеймика и его секретари. Сеймиковая „згода“. Значеніе во время сеймикованья отдѣльныхъ группъ сеймикующихъ: паны-рада, прочія должностныя лица и не-должностная шляхта. Продолжительность повѣтовыхъ сеймиковъ. Ихъ компетенція и соединеніе различныхъ дѣлъ на сеймикахъ опредѣленнаго назначенія. Повѣтовый сеймикъ и не-шляхетское населеніе. Города и повѣтовый сеймикъ.

Мы рассмотрѣли четыре вида повѣтовыхъ сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго, которые были признаны Литовско-Русскимъ закономъ въ значеніи собраній шляхты, выражавшихъ ея волю и желанія и производившихъ выборы должностныхъ лицъ повѣтовъ и судей трибунала. Передъ нами теперь стоитъ задача изученія внутренней организаціи повѣтоваго сеймика Княжества. Собиравшіеся для различныхъ цѣлей сеймики Литовско-Русскихъ повѣтовъ выливались въ опредѣленную форму собраній народа-шляхты Великаго Княжества Литовскаго, и эта форма должна была получить извѣстное единство, несмотря на различіе цѣлей, ради которыхъ повѣтовая шляхта собиралась на тотъ или другой сеймикъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ основу компе-

тенці всѣхъ видовъ повѣтовыхъ сеймиковъ ложилась одна и та же идея, идея политическихъ правъ шляхты, какъ „народа“ Великаго Княжества Литовскаго, который составляется изъ шляхетскихъ корпорацій его повѣтовъ. Такимъ образомъ, если въ отдѣльныхъ видахъ повѣтовыхъ Литовско-Русскихъ сеймиковъ мы имѣемъ извѣстную модификацію, вносимую различіемъ цѣлей ихъ созывовъ и вызываемыми этимъ различіемъ соотвѣтствующими особенностями того или другого вида сеймиковъ, то, несмотря на это, основныя черты повѣтоваго сеймика, какъ собранія шляхетской корпораціи повѣта, должны были вылиться въ опредѣленныя формы его внутренней организаціи, общія для всѣхъ его видовъ. Къ изученію этой внутренней организаціи Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика и обратимся.

Статуть 1566 года опредѣлили слѣдующимъ образомъ кругъ лицъ, составляющихъ повѣтовый сеймикъ и имѣющихъ на него доступъ: „на которые соймйки мають зѣжджати ся и бивати тые воеводове и каштелянове, вриадники земскіе, по тому жъ князове, панове, шляхта того жъ повѣту и воеводства“¹⁾. Такой же составъ сеймикующихъ опредѣляетъ и привилей Сигизмунда Августа отъ 30 декабря 1565 года, вводящій повѣтовые сеймики въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ²⁾. Этотъ привилей лишь дополняетъ перечень участниковъ сеймиковъ урядниками дворными³⁾, право присутствія которыхъ на соотвѣтствующихъ сеймикахъ по ихъ осѣлостямъ уже заключается и въ словахъ II-го статута: дворные урядники были также осѣлыми шляхтичами, а стало быть, какъ таковые входили въ составъ „шляхты того жъ повѣту и воеводства“, о которой говоритъ статуть. Болѣе подробно перечисляетъ составъ сеймикующихъ статуть 1588 года. По его словамъ на „соймики мають зѣжджати ся и бивати тые особы: бискупове, воеводове, кашталіани и вриадники земскіе, князи, панове и шляхта, кождый у своемъ воеводстве або повете; а въ земли Жомойтской — бискупъ, староста Жомойтскій, кашталіанъ, тивунове и иные вриадники земскіе и рицер-

1) II ст., III, 5. Ср. выше, стр. 287.

2) А. З. Р. III. № 38.

3) Ср. выше, стр. 290.

ство-шляхта¹⁾. Такимъ образомъ, III статься болѣе отчетливо и подробно обозначаетъ составъ повѣтовыхъ сеймиковъ, чѣмъ это дѣлаетъ предшествующій кодексъ, но въ обоихъ кодексахъ одинаково мы имѣемъ раздѣленіе участниковъ повѣтовыхъ сеймиковъ на двѣ основныя группы: 1) должностныя лица и 2) не-должностная повѣтовая шляхта, съ массой которой сливаются и князья и паны, войдя въ ея составъ со времени повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ²⁾. Остановимся сначала на второй изъ этихъ группъ.

Правомъ доступа на повѣтовый сеймикъ пользовалась только шляхта, притомъ владѣвшая осѣлостями именно въ данномъ повѣтѣ³⁾. Вотъ почему источники отмѣчаютъ рядъ случаевъ поднятія именно на сеймикахъ вопроса о принадлежности того или другого лица къ шляхетству или объ его повѣтовой осѣлости⁴⁾. Соответствующіе документы прямо указываютъ на то, что подозрѣнія въ не-шляхетствѣ иногда высказывались на сеймикахъ при столкновеніи отдѣльныхъ ихъ участниковъ, когда они имѣли одинъ съ другимъ „розмову“⁵⁾.

1) III ст., III, 6.

2) См. выше, стр. 55, 203—204 и 220—221.

3) См. выше, стр. 57, 104, 119, 223, 226, 315 и сл.

4) См., нпр., А. Вил. XXIV, № № 104 и 247.

5) „Лета Бож[его] Нарож[енья] 1569, м[е]с[я]ца ген[вара] 11 дня. Г[о]с[по]д[а]рь король его милость и великій князь Жыкгимонтъ Августъ рачылъ росказати до книгъ его милости господарскихъ кацлярейскихъ записати. — Што перво сего, будучы на соймику поветовомъ въ Троцкахъ о Светомъ Мартине, минуломъ святе, воевода Троцкій, князь Стефанъ Збаразскій, тамъ же земляне повету Троцкого Михайло Богушевичъ Ворона а Станиславъ Кгабрыяловичъ Бурба, маючы передъ его милостью розмову зъ судьей крощимъ Троцкимъ Радивономъ Толоконьскимъ, ку почѣстности ему прыганили, менечые быти не шляхтичомъ. Якожъ Радивонъ Толоконьскій, хотечы шляхетство свое оказати, просилъ, абы то на судъ его королевскій милости было отослано. А такъ его милость князь воевода Троцкій зложылъ имъ, обема сторонамъ, рокъ ку той справе передъ его королевскою милостью стати: отъ того дня, яко ся ихъ милость панове рада Великого Князства Литовского и вси станы, сойму належачые, до Войня зежъчати почали, въ чотырохъ неделяхъ. Который рокъ здеся въ Люблине м[е]с[я]ца ген[вара] пятого дня кгда прыпалъ, ино Радивонъ Толоконьскій передъ его королевскою милостью становилъ и черезъ часъ немалый пыльность чынилъ, а тые земляне вышъшей мененые сами не стали и никого з моцью отъ себе не присылали. А ижъ тежъ его королевская милость инъшыми великоважными справы его

Такъ, въ обстановкѣ личныхъ или партійныхъ столкновеній во время сеймикованья особенно легко и удобно поднимался вопросъ о правѣ участія противника въ сеймиковыхъ „обрадахъ“, которое основывалось на повѣтовомъ шляхетствѣ и которое не провѣрялось передъ открытiемъ сеймиковъ для ихъ участниковъ.

Но при томъ происхожденiи и способахъ образованiя Литовско-Русскаго повѣтоваго шляхетства, которые мы видѣли выше ¹⁾, слишкомъ строгое примѣненiе требованiя „урожданаго почтимаго шляхетства“ не всегда могло оказываться возможнымъ, по крайней мѣрѣ въ XVI столѣтiи. Въ самомъ дѣлѣ, акты изрѣдка говорятъ о присутствiи и „боярина“ на сеймикѣ въ ту эпоху, когда общимъ и обычнымъ обозначенiемъ принадлежавшихъ къ составу повѣтовой шляхты было слово „земянинъ“, или слово „панъ“ ²⁾. Такъ, въ одной записи Жомойтскихъ земскихъ книгъ 1590 года читаемъ заявленiе боярина Станислава Юревича о нападенiи на него въ то время, когда онъ возвращался въ свою „господу“ изъ Россiенскаго костела „зъ соймику“ ³⁾. Если идея шляхетскаго повѣта сталкивалась, какъ мы это видѣли выше ⁴⁾, съ сословной организацiей до-реформеннаго времени и не такъ легко и просто съ нею примирялась, то пережитки

милости г[о]с[по]д[а]рскими и земскими соймовыми забавень, тогда, тое речы сморети доспешонъ не будучы, рачылъ тую справу переложыти по прѣханью его милости г[о]с[по]д[а]рскомъ з сойму теперешнего Любельскаго въ границы Великаго Князства Литовскаго за чотыры недели; на который рокъ оные земляне Михайло Богушевичъ Ворона а Станиславъ Бурба передъ его королевскою милостью стати и въ томъ, што на Толоконскаго менили, росправу з нимъ прыняти мають. А естлибы въ томъ часе, нижли они з собою въ томъ росправу прымуть, онога Радивона Толоконскаго, з Божего допущеня, часть смертельный зашоль, тогда оная прымовка доброй славе и почъстивости его самого, детей и потомьковъ его ничого шкодити не маеть и не будетъ. Што про памяти до книгъ его королевское милости канцлярейскихъ записано, чога и выписъ съ книгъ Радивону Толоконскому естъ данъ. Писанъ въ Люблине“. Лит. Метр. $\frac{II}{51}$ л. л. 152—152 об. („Отложено справы Радивону Толоконскому з Михайломъ Вороною а Станиславомъ Бурбою о прымовку подствивости его“).

1) Глава III.

2) См. выше, стр. 196 и 204.

3) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II. Стр. 75 (№ 449).

4) Глава III.

этого болѣе ранняго времени не могли не отражаться и на составѣ повѣтоваго сеймика, по крайней мѣрѣ въ первыя десятилѣтія его существованія и въ отдѣльныхъ повѣтахъ, или въ единичныхъ случаяхъ.

Вся шляхта, осѣлая въ повѣтѣ, должна быть признана имѣющею право участія въ его сеймикѣ. Лишь утрата шляхетства или повѣтовой осѣлости закрывала шляхтичу доступъ на повѣтовый сеймикъ. Отсюда слѣдуетъ, что и свѣтскія, и духовныя лица одинаково могли быть участниками повѣтовыхъ сеймиковъ, если они были шляхтичами, осѣлыми въ соответствующихъ повѣтахъ. Однако, мы не рѣшились бы утверждать, что шляхтичи, посвященные въ духовные саны, въ дѣйствительности были обычными участниками сеймиковыхъ собраній шляхетскихъ повѣтовъ. Въ извѣстныхъ намъ источникахъ, относящихся къ дѣятельности Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ сеймиковъ XVI столѣтія намъ удалось встрѣтить только два указанія на присутствіе духовнаго лица, не соединявшаго своего сана съ сенаторскимъ кресломъ. Послѣднее соединеніе имѣемъ въ значеніи католическихъ бискуповъ, которые, будучи радными панями Великаго Княжества Литовскаго, получали свое опредѣленное мѣсто и на соответствующихъ повѣтовыхъ сеймикахъ, какъ это увидимъ ниже. Два же указанія источниковъ, которыя мы имѣемъ въ виду, говорятъ о присутствіи на сеймикахъ владыки Берестейскаго и Владимірскаго. Первое изъ этихъ указаній говоритъ, что на Владимірскомъ сеймикѣ, собравшемся въ 1568 году во Владимірскомъ замкѣ для избранія кандидатовъ на урядъ повѣтоваго земскаго подсудка, находился и Θεодосій, владыка Владимірскій и Берестейскій ¹⁾. Другое говоритъ объ участіи Владимірскаго владыки Ипатія ²⁾ въ занятіяхъ Берестейскаго предсеймоваго сеймика, собравшагося въ исходѣ декабря 1596 года ³⁾. Но по отношенію къ этому второму указанію источниковъ не-

1) См. выше, стр. 509, прим. 1.

2) Т. е. извѣстнаго Ипатія Потѣя, получившаго санъ епископа Владиміро-Вольнскаго и Берестейскаго въ 1593 году. Ср. митр. Макаріи, Исторія Русской Церкви, томъ IX (СПБ. 1879), стр. 535—536 и прим. 515.

3) См. его подпись на составленной этимъ сеймикомъ инструкціи посламъ на сеймъ — А. Впл. II, стр. 154. Ср. выше, стр. 474.

обходимо не забывать того, что 1) до своего назначенія на Владимірскую и Берестейскую кафедру епископъ Ипатій, называвшійся тогда еще Адамомъ Потѣемъ, былъ каштеляномъ того самаго Берестейскаго воеводства¹⁾, на сеймикѣ центрального повѣта котораго онъ присутствовалъ въ 1596 году, и 2) въ 1595 году онъ уже принялъ церковную унію съ Римомъ и могъ считать себя стоящимъ по значенію рядомъ съ католическими бискупами, хотя послѣдніе имѣли свое мѣсто на сеймикахъ не по своему церковно-іерархическому значенію, а по значенію членовъ господарской рады или сената Великаго Княжества Литовскаго. Такимъ образомъ, мы не имѣемъ въ концѣ концовъ надежныхъ данныхъ, чтобы признать духовныхъ шляхтичей фактически широко пользующимися правомъ участія въ сеймикованьѣ, хотя они обладали „уроженнымъ шляхетствомъ“ и особлостью въ отдѣльныхъ повѣтахъ²⁾.

Кромѣ не-должностной шляхты на повѣтовыхъ сеймикахъ присутствуютъ должностныя лица. Одни изъ нихъ по своему положенію входили въ составъ „стана“ сенаторскаго, другія — въ составъ „стана“ рыцарскаго, шляхетскаго³⁾. Статутъ 1566 года перечисляетъ ихъ въ рядахъ сеймикующихъ довольно кратко; статутъ 1588 года нѣсколько распространяетъ это перечисленіе⁴⁾. Но вопросомъ о должностныхъ лицахъ, которыя входятъ въ составъ сеймикующихъ, великій князь и вальный сеймъ Великаго Княжества Литовскаго должны были заняться, конечно, еще въ ближайшіе годы къ учрежденію Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика, когда разрѣшались вообще вопросы, связанные съ осуществленіемъ реформъ 1565—1566 годовъ, а стало быть, и вопросы только что введеннаго повѣтоваго сеймикованья. Дѣйствительно, рецессомъ Городенскаго сейма 1566—1567 годовъ было постановлено: „князь бискупъ, панъ воевода и панъ каштелянъ на соймикахъ мають бывати

1) См., нпр., А. З. Р. IV, № 44.

2) Сеймиковые акты позднѣйшаго времени лишь изрѣдка называютъ духовныхъ лицъ въ составѣ сеймикующихъ — нпр., А. Виц. IV, стр. 45 (1669 г.) или А. Виц. VIII, стр. 340 (1671 г.).

3) См. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 266—440 и 564—670.

4) См. выше, стр. 544—545.

каждый у своемъ у воеводстве и на враде — Виленскіе у Вильни, Троцкіе у Трокахъ и также и иные вси владники каждый у своемъ вrade и повете“¹⁾. На томъ же сеймѣ были опредѣлены и мѣста на сеймикахъ для должностныхъ лицъ, на нихъ присутствующихъ: „а местца на соймкахъ владники земскіе давные, яко маршалки, тивуны и ишіе всѣ, местецъ своихъ старыхъ уживати мають; а поветовые мають местца мети тымъ порядкомъ — подкоморій, хоружій, войскій, судья, подсудокъ, писарь“²⁾. Тотъ же сеймъ назначилъ и штрафъ за неприбытіе должностныхъ лицъ на сеймикъ: съ радныхъ пановъ по пяти копъ грошей, а съ урядниковъ земскихъ и повѣтовыхъ по двѣ копы³⁾. Наконецъ, III статутъ далъ еще болѣе подробное опредѣленіе мѣста на повѣтовыхъ сеймикахъ для должностныхъ лицъ, на немъ присутствующихъ. Онъ постановилъ: „а местца и порадокъ засѣданья и вотъ на зъездехъ и соймикохъ тымъ обычаемъ маеть быти — воевода, кашталянъ, а гдѣ кашталяна нетъ, маршалокъ оного повету, подкоморій, хоружій, судья, подъсудокъ, войскій, стольникъ, подъстолій, писарь земскій, за тымъ владники кгородскіе, панове и иншая шляхта“⁴⁾.

Обращаясь къ господарскимъ привилеямъ на уряды, выданнымъ въ ближайшее время къ учрежденію повѣтоваго сеймика, мы не находимъ въ нихъ упоминаній о мѣстѣ соотвѣтствующаго должностнаго лица на сеймикѣ, сколько можемъ судить по извѣстнымъ намъ образцамъ документовъ этого рода. Какъ примѣры привилеевъ, выданныхъ Сигизмундомъ Августомъ на воеводскіе уряды сразу послѣ повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ, могутъ быть указаны „Привилей князю Стефану Збаражскому на воеводство Троцкое“ отъ 18 марта 1566 года⁵⁾ и „Привилей князю Роману Санкгушку на воеводство Браславское и Веницкое“, данный въ томъ же году⁶⁾. Въ первомъ изъ

1) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. Томъ I. Стр. 451.

2) Н. А. Максимова. Сеймы Л.-Р. государства. Приложенія. Стр. 176.

3) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. Томъ I. Стр. 450—451.

4) III ст., III, 6.

5) Лит. Метр. $\frac{1A}{49}$ л. л. 1—1 об.

6) Ibidem. Л. л. 3 об.—4 об.

этихъ привилеевъ права вновь назначеннаго Троцкаго воеводы опредѣляются слѣдующимъ образомъ отъ имени Сигизмунда Августа: „дали есмо его милости воеводство Троцкое зо всимъ достоенствомъ и владностью того воеводства, яко и передъ нимъ будучіе воеводове держали и вживали, — маеть князь Стефанъ Збаражскій, тое воеводство Троцкое держачи, местца, звыклого воеводамъ Троцкимъ въ лавицы радъ нашихъ, и всякого достоенства и владности того воеводства вживати и пожитки, съ того воеводства приходячіе, на себе брати и тежъ судити и радити и всякіе sprawy, што владу его милости, воеводству Троцкому, належыть, справовати, яко и продкове его милости, панове воеводове Троцкіе, до сего часу уживали и справовали“¹⁾. Привилей князю Сангушку говоритъ объ его воеводскомъ урядѣ такъ: „предречоному князю Роману Сонкгушковичу, старосте Житомирському, даемъ въ той земли нашей Подольской Великого Князтва Литовского воеводство Браславское и Веницкое, который местце въ лавицы радъ нашихъ заседати, всякое учтивости, владности и моцы и тежъ пожитковъ воеводства оного Браславского и Веницкого, отъ насъ наданыхъ, уживати и во всемъ радити и справовати маеть, яко належыть ему, раде нашей, воеводе оное земли Браславское и Веницкое, яко въ статуте права земского есть описано; ведже, за примноженьемъ такового достоенства воеводского въ земли оной, права и волности вси оное земли при моцы заховываемъ“²⁾. Привилей князю Збаражскому говоритъ о Троцкомъ воеводскомъ урядѣ, существовавшемъ еще съ 1413 года; привилей князю Сангушку — о только что въ 1566 году учрежденномъ урядѣ воеводы Браслава и Вѣницы, и этою новизною его вызваны слова

1) Далѣ привилей отъ имени господаря продолжаетъ: „а мы его милость маемъ на томъ воеводстве со всякою учтивостью, владу и достоенству его милости належачою, заховати до его милости живота, альбо до опатренья иншого вышшимъ местцомъ и достоенствомъ. И на то даемъ его милости сесь листь нашъ, до которого на твердость того и печать нашу приложити есмо казали“.

2) Далѣ документъ отъ имени великаго князя продолжаетъ: „для чого, подписавши сесь листь рукою нашею г[о]с[п]од[а]р[ск]ою, и на утверженье тыхъ всихъ речей, верху описаныхъ, печать нашу къ нему привесити есмо казали“.

привилея о сохраненіи въ неприкосновенности правъ Подольской земли, которыя не уменьшаются созданиемъ не существовавшей въ ней до этого времени должности воеводы¹⁾. Но о мѣстѣ воеводы на повѣтовыхъ сеймикахъ молчатъ оба привилея. Второй изъ нихъ лишь ссылается на статутъ права земскаго, т. е. на статутъ 1566 года, въ которомъ нужно искать опредѣленіе компетенціи воеводскаго уряда. Въ этомъ кодексѣ, въ артикулѣ „О соймикохъ повѣтовыхъ“²⁾, и найдемъ уже извѣстное намъ опредѣленіе состава сеймикующихъ съ воеводами и каштелянами во главѣ³⁾.

Иное отношеніе къ участию радныхъ пановъ воеводствъ въ повѣтовомъ сеймикованьѣ встрѣчаемъ въ привилеяхъ, выдаваемыхъ на уряды воеводъ и каштеляновъ въ послѣдующее время. Эти привилеи уже говорятъ о мѣстѣ получающихъ ихъ лицъ на соответствующихъ повѣтовыхъ сеймикахъ. Такъ, въ привилеѣ, выданномъ въ 1576 году Стефаномъ Баторіемъ пану Габріелю Горностаю на Берестейское воеводство⁴⁾, читаемъ: „маеть его милость панъ Кгабріель Горностай, воевода Берестейскій, тое воеводство Берестейское держати ажъ до живота своего албо до большого вывышышенья и опатренья нашего г[о]с[по]д[а]р[с]кого, ужываючы на немъ всякое учтивости такъ на соймехъ вальныхъ панствъ нашихъ, въ Коруне Польской и Великомъ Князстве Литовскомъ, на мѣстцу своемъ, правомъ посполитымъ упрывильеванымъ, въ раде нашой заседати, такъ тежъ на соймикохъ, на зъездехъ поветовыхъ у воеводствѣ своемъ и в ыньшыхъ воеводствахъ Короны Полское и Великого Князства Литовского, где бы ся трафило, радити и вотовати съ прысеги и водле наболшое умеетности своее“⁵⁾.

1) См. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 589.

2) II ст., III, 5.

3) См. выше, стр. 544.

4) Лит. Метр. $\frac{IA}{58}$ л. л. 1—1 об. („Привилей пану Габрилу Горностаю на воеводство Берестейское“. Дата: Варшава, 6 іюля 1576 года).

5) Далѣ привилей продолжаетъ: „такъ тежъ ужываючы всякихъ пожитковъ, которые бы на тое воеводство здавна прыналежали, по тому, яко первый воевода Берестейскій, староста Вольковскийскій, панъ Юрей Васплевичъ Тышъкевича Логойскій держаль. И на то дали есмо его

То же упоминаніе о мѣстѣ воеводы на сеймикахъ встрѣчаемъ и въ привилеѣ, выданномъ въ томъ же 1576 году Стефаномъ Баторіемъ на воеводство Полоцкое пану Николаю Дорогостайскому¹⁾. Привилеи, выданные Сигизмундомъ III-мъ на сенаторскіе уряды воеводствъ, также говорятъ объ участіи этихъ урядниковъ въ сеймкованьѣ. Такъ, привилеи этого короля пану Малхеру Завишѣ на Витебское каштелянство гласить: „маеть“ свой каштелянскій урядъ занимать до своей смерти или до назначенія его господаремъ на высшую должность и „уживати на немъ всякое учтивости, такъ на соймехъ валныхъ²⁾ панствъ нашихъ, въ Короне Польской и у Великомъ Князстве Литовскомъ, на мѣстцу своемъ, правомъ посполитымъ упривилеваномъ, заседати, такъ тежъ

милости сесь нашъ листъ съ подписомъ руки властное наше г[о]с[по]д[а]рское, до которого на твердость тое речы и печатъ нашу привести есмо рассказали“. Тотъ же привилеи — Лит. Метр. $\frac{1A}{56}$ л. л. 41 об.—42 об. („Привилеи пану Кгабриелю Горностаю на воеводство Берестейское“).

1) „ . . . дали есмо и симъ листомъ нашимъ даемъ его милости воеводство Полоцкое з всякою владою того достоенства и што кольвекъ здавна ку нему прислухастъ, съ тымъ еще докладомъ, ижъ, где бы Панъ Богъ, з милосердыя Своего Бозского возревшы на справедливость нашу и все речы посполитое, рачиль намъ помочы дойти замку Полоцкого и всихъ земель и волостей Полоцкихъ, которые непрятельская рука, посягнувши, несправедливе держить, тогда то все по давному обычаю маеть панъ Миколай Дорогостайскій, воевода Полоцкій, держати зо всякими на воеводство тое пожитками и з доходами, якимъ кольвекъ именовъ назваными, здавна прислухаючыми, ни въ чомъ ихъ не змнейшываючы, одно яко и первые воеводове Полоцкіе держали, ужываючы на немъ до живота своего альбо до вышшого и пожиточнейшого опатрена нашего г[о]с[по]д[а]рского всякое учтивости, такъ на соймехъ валныхъ панствъ нашихъ, въ Короне Польской и у Великомъ Князстве Литовскомъ, на мѣстцу своемъ, правомъ посполитымъ упривилеванымъ, въ раде нашей заседаючы, яко тежъ на соймкохъ, на зъездехъ поветовыхъ въ воеводствѣ своемъ и в ыншыхъ воеводствахъ Короны Польское и Великого Князства Литовского, где бы ся трафило радити и вотовати, съ присяги и водле наибольшое умеетности своее. И на то дали есмо его милости сесь нашъ листъ съ подписомъ властное руки наше г[о]с[по]д[а]рское, до которого на твердость тое речы и печатъ нашу привести есмо рассказали“. Заголовокъ документа въ книгѣ Литовской Метрики: „Привилеи пану Николаю Дорогостайскому на воеводство Полоцкое“ (дата: Варшава, 7 июля 1576 года). Лит. Метр. $\frac{1A}{58}$ л. л. 2—3. Тотъ же привилеи — Лит. Метр. $\frac{1A}{56}$ л. л. 44—45.

2) Слово „валныхъ“ въ оригиналѣ излишне повторено.

на соймагохъ и везде на зъездехъ всякихъ посполитыхъ радити и вотовати съ присеги и водле наболшое уметности своее“ 1).

Сличеніе приведенныхъ мѣстъ привилеевъ времени Стефана Баторія и Сигизмунда III-го, въ которыхъ говорится объ участіи радныхъ пановъ воеводствъ въ вальныхъ сеймахъ и сеймикахъ и съѣздахъ повѣтовыхъ, самую тождественностью ихъ выражений даетъ основаніе признать, что упоминаніе объ этомъ участіи вошло въ форму господарскихъ привилеевъ на воеводскіе и каштелянскіе уряды, которая была выработана государственною канцелярією Великаго Княжества Литовскаго уже въ семидесятыхъ годахъ XVI столѣтія. Новый характеръ вальныхъ сеймовъ, ставшихъ послѣ Люблинской Уніи спольными съ Польшею, имѣетъ свое отраженіе въ этой формѣ привилеевъ; но не менѣе въ ней выступаетъ и признаніе значенія повѣтовыхъ сеймиковъ и съѣздовъ въ Литовско-Русской государственной жизни. Простая ссылка на статутъ, которую мы видѣли въ привилеѣ на воеводство, выданномъ въ 1566 году, замѣнилась особымъ упоминаніемъ объ участіи воеводъ и каштеляновъ въ сеймованьи и сеймикованьи, при чемъ лишь эту сторону значенія этихъ урядниковъ привилеи на ихъ должности выдѣляютъ особымъ обозначеніемъ, во всемъ остальномъ ограничиваясь общими словами о прежнихъ правахъ и значеніи жалуемыхъ урядовъ.

Переходя отъ привилеевъ на уряды воеводскіе и каштелянскіе къ привилеямъ на другіе уряды, приходится отмѣтить въ однихъ изъ нихъ молчаніе объ участіи соответствующихъ должностныхъ лицъ на сеймикахъ, рядомъ съ упоминаніемъ о немъ въ другихъ. Это замѣчаніе имѣетъ свою силу какъ по отношенію къ привилеямъ на уряды высшіе центральные, такъ и по отношенію къ привилеямъ

1) Далѣе привилей продолжаетъ: „такъ тежъ уживаючи всякихъ пожитковъ, которіе бы здавна на тую кашталянею належали, по тому, яко и первий кашталянъ Витебскій держаль. И на то дали есмо его милости пану Малхеру Завиши сесь нашъ листъ съ подписомъ руки нашею, до котораго и печать нашу привесити есмо велели“. Дата: Краковъ, 6 февраля 1588 года. Заголовокъ въ книгѣ Метрики: „Привилей его милости пану Малхеру Завиши на кашталянею Витебскую“. Лит. Метр. ^{I A} 65 л. л. 277—277 об.

на уряды повѣтовые. Такъ, привилей, данный Стефаномъ Баторіемъ въ Варшавѣ 6 іюля 1576 года пану Феодору Скумину на урядъ дворнаго подскарбія¹⁾, говоритъ, что панъ Скуминъ „маеть“ этотъ урядъ, „подъскарбство дворное держати, учтивости, месца на соймехъ и соймкахъ, такъ тежъ владзы и пожытковъ, на тотъ врадъ здавна належачихъ, уживати . . .“ Говоритъ о мѣстѣ на сеймикахъ и привилей, данный тѣмъ же королемъ 22 іюля 1576 года въ Тыкотинѣ на урядъ Минскаго войскаго Стефану Юрьевичу Ванькевичу²⁾. Въ этомъ привилеѣ отъ имени короля говорится: „маеть онъ тотъ врадъ, войское земли Менское, до живота своего альбо до лепшого опатренья нашего держати, учтивости всякое и месца на соймикохъ, такъ тежъ владзы, пожитковъ, на тотъ врадъ належачихъ, уживати . . .“ Но рядомъ съ этими упоминаніями о мѣстѣ на сеймикахъ соотвѣтствующихъ должностныхъ лицъ встрѣчаемъ отсутствіе указаній на это мѣсто въ привилеяхъ не только на такіе уряды, какъ земское подскарбство³⁾ или подстольство⁴⁾ Великаго Княжества Литовскаго, но и на должности повѣтовыхъ маршалковъ⁵⁾, хоружихъ⁶⁾ и подкоморіевъ⁷⁾. Приви-

1) „Привилей пану Федору Скумину на подскарбство дворное“. Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. л. 42 об. — 43 об. Тотъ же привилей — Лит. Метр. $\frac{I A}{58}$ л. л. 1 об. — 2.

2) „Стефану Ванькевичу на войское Менское“. Лит. Метр. $\frac{I A}{58}$ л. л. 16—16 об.

3) „Пану Лаврину Войне на подскарбство земское В[еликого] Кн[язства] Лит[овско]го“. Ibidem, л. л. 18—22. Дата: Варшава, 30 іюля 1576 года.

4) „Привилей пану Яну Яновичу Зеновичу на подстольство Великого Княжества Литовскаго“. Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. л. 51—51 об. Дата: Тыкотинь, 18 іюля 1576 года.

5) „Листъ на маршалковство Гор[од]ен[ское]“, данный Стефаномъ Баторіемъ князю Феодору Ивановичу Масальскому въ Городнѣ 28 іюня 1582 года. Этотъ привилей жалуетъ князю Масальскому „врадъ маршалковскій, который на тотъ часъ ваковаль по небожчику пану Ивану Воловичу“. Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. 158.

6) „Привилей Василю Корсаку на хоружство повету Мозырскаго“. Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. л. 85—85 об. Дата: Торунь, сеймъ вальный, 6 декабря 1576 года.

7) „Богушу Олексеевичу на подкоморство Новгородское“. Лит.

лей Сигизмунда Августа, выданные въ 1568 и 1570 годахъ на урядъ Берестейскаго войскаго¹⁾, опускають слова о мѣстѣ этого урядника на сеймикахъ, которыя мы видѣли выше внесенными въ привилей Баторія, выданный въ 1576 году на войское Минское. Отсутствие указанія на это мѣсто встрѣчаемъ въ привилеяхъ Сигизмунда Августа и его преемниковъ и на другіе уряды²⁾.

Наблюденія надъ привилеями на уряды приводитъ къ выводу, что государственная канцелярія Великаго Княжества Литовскаго не выработала общей формы ихъ по отношенію къ обозначенію или необозначенію мѣста на сеймикахъ для должностныхъ лицъ и, включая указаніе на сеймики и повѣтовые сѣзды въ одни привилеи, опускала его въ другихъ. Но въ привилеяхъ на уряды радныхъ пановъ воеводствъ, т. е. воеводъ и каштеляновъ, тенденція къ введенію упоминанія объ участіи этихъ сановниковъ въ сеймикованьѣ обнаруживается яснѣе въ ту эпоху, когда повѣтовые сеймики успѣли уже показать свое значеніе въ государственной жизни Великаго Княжества Литовскаго, въ годы послѣ смерти послѣдняго Ягеллона. Конечно, большой нужды во внесеніи особыхъ указаній на мѣсто должностныхъ лицъ въ повѣтовыхъ собраніяхъ шляхты и не было, такъ какъ статутъ совершенно ясно говоритъ объ участіи радныхъ пановъ и урядниковъ въ сеймикованьѣ³⁾, и лишь признаніе особой

Метр. $\frac{I A}{58}$ л. л. 108 об. — 109 об. (дата: Торунь, 30 ноября 1576 года). „Привилей Каспору Чеховичу Кочарзе на подкоморство Вилкомирское“.

(дата: Торунь, 3 декабря 1576 года). Лит. Метр. $\frac{I A}{63}$ л. л. 89 об. — 90.

1) „Привилей Рафалу Прокулею на войское Берестейское“. Лит.

Метр. $\frac{I A}{49}$ л. 11 (дата: Кнышинъ, 13 апрѣля 1568 года). „Привилей Григорию Сатановскому на войское Берестейское“. Ibidem, л. л. 76—76 об. (дата: Варшава, 31 юля 1570 года).

2) Нпр., „Привилей на конюшество Витебское Анѣдрею Сивицкому“, данный въ Варшавѣ 29 мая 1572 года (Лит. Метр. $\frac{I A}{49}$ — послѣдній документъ книги), или „Привилей Василю Рагозе на хоружство дворное“, данный въ Люблинѣ 30 марта 1566 года (ibidem, л. 6 об.), или „Привилей пану Станиславу Шемету на врьдъ кухмистровство Вел[икого] Кн[яз]ства Литовскаго“, данный въ Кнышинѣ 25 юля 1576 года (Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. л. 52 об. — 53). Ср. привилей на земскіе судебные уряды, указанные выше — стр. 508, прим. 1.

3) См. выше, стр. 544.

„учтивости“ для нихъ на повѣтовыхъ сѣздахъ и сеймикахъ могло имѣть дѣйствительную цѣну въ глазахъ обладателей урядовъ.

Мы видѣли выше ¹⁾, что законодательнымъ путемъ были опредѣлены обязанность должностныхъ лицъ присутствовать на повѣтовыхъ сеймикахъ и ихъ мѣсто въ этихъ собраніяхъ повѣтовой шляхты. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы должностныя лица обязательно бывали именно на тѣхъ сеймикахъ, съ повѣтами которыхъ они были связаны своими урядами. Такъ, на Берестейскомъ предсеймовомъ сеймикѣ 1596 года находился и Витебскій воевода, панъ Миколай Сапега ²⁾, который, такимъ образомъ, предпочелъ этотъ сеймикъ сеймику центрального повѣта своего Витебскаго воеводства, выбиравшему своихъ сеймовыхъ пословъ и составлявшему для нихъ инструкцію безъ своего воеводы. Сеймиковые документы послѣдующаго времени даютъ длинный рядъ примѣровъ присутствія должностныхъ лицъ на сеймикахъ не тѣхъ повѣтовъ, къ которымъ они принадлежали по своимъ урядамъ ³⁾. Имѣя ослѣлость въ различныхъ повѣтахъ, лицо, занимавшее урядъ, приуроченный къ какому-либо одному воеводству или повѣту, имѣло и право участія на повѣтовыхъ сеймикахъ тѣхъ повѣтовъ, въ которыхъ оно было ослѣлымъ шляхтичемъ, а личные его интересы или интересы его партіи, или, наконецъ, случайное пребываніе его не въ повѣтѣ, на сеймикѣ котораго оно должно было присутствовать по своему уряду, могли заставлятъ его предпочесть этому сеймику другой. Такимъ образомъ, шляхетскіе повѣты сплошь и рядомъ должны были сеймиковать безъ того или другаго числа своихъ должностныхъ лицъ, что въ извѣстной степени нарушало цѣльность шляхетскаго повѣта въ собраніи его членовъ.

Наиболѣе богатымъ присутствіемъ радныхъ пановъ и должностныхъ лицъ, естественно, долженъ былъ быть сеймикъ Виленскаго повѣта. Значеніе Вильны, какъ „столечнаго мѣста“ Великаго Княжества Литовскаго, должно было

1) Стр. 548—549.

2) А. Вил. II. Стр. 154.

3) Нпр., А. Вил. I, стр. 176, 186, 188; II, стр. 154, 168, 170; III, стр. 339, 369, 392, 397; IV, стр. 45, 74 и др.; VIII, стр. 340, 345.

притягивать и къ Виленскому повѣтовому сеймику, собиравшемуся въ этомъ городѣ, большое число различныхъ урядниковъ разныхъ повѣтовъ и воеводствъ, если они имѣли право присутствовать на этомъ сеймикѣ¹⁾. Не могло не имѣть тутъ вліянія и то, что на Виленскомъ сеймикѣ предполагалось присутствіе трехъ первыхъ по мѣсту въ ряду радныхъ пановъ Княжества сенаторовъ, т. е. Виленскихъ бискупа, воеводы и каштеляна, изъ которыхъ два послѣднихъ обычно соединяли со своими сенаторскими урядами Виленскаго воеводства другія наиболѣе вліятельныя должности Литовско-Русскаго „панства“²⁾. Авторитетность Виленскаго сеймика въ ряду остальныхъ повѣтовыхъ сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго и личныя связи или зависимость отъ Виленскихъ радныхъ пановъ не могли не вызывать желанія и у рядовыхъ и у должностныхъ шляхтичей, присутствовать именно на этомъ сеймикѣ, если только они имѣли право и возможность это дѣлать. Сеймики остальныхъ повѣтовъ должны были имѣть въ своемъ составѣ меньше сенаторовъ и урядниковъ Литовско-Русскихъ. При этомъ сеймики повѣтовъ не-центральныхъ въ воеводствахъ могли имѣть въ своемъ составѣ радныхъ пановъ лишь случайно, такъ какъ въ числѣ должностныхъ лицъ ихъ повѣтовъ не было ни одного, которое принадлежало къ „стану сенаторскому“. Это различіе состава повѣтовыхъ сеймиковъ отражается какъ на актахъ ихъ созыва, такъ и на документахъ, отъ нихъ выходившихъ. Универсалы, созывающіе сеймики центральныхъ повѣтовъ воеводствъ Литовско-Русскихъ, обращаются къ ихъ сенаторамъ, урядникамъ и обывателямъ³⁾; универсалы, созывающіе сеймики остальныхъ повѣтовъ, — лишь къ ихъ урядникамъ и обывателямъ⁴⁾. Равнымъ образомъ и повѣтовые сеймики

1) Нпр., на Виленскомъ сеймикѣ, собравшемся 26 мая 1671 года, присутствовали кромѣ Виленскаго воеводы (Михаиль Паць, великій гетманъ Княжества) воевода Смоленскій (Григорій Подберезскій), земскій подскарбій Великаго Княжества Литовскаго (Еронимъ Криспинъ Киршенштейнъ) и рядъ должностныхъ лицъ различныхъ воеводствъ и повѣтовъ. А. Вил. VIII. Стр. 340.

2) См. Józef Wolff, Senatorowie i Dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 73 i 79—80.

3) Приложенія. Стр. 15, 30, 64, 97, 123.

4) Приложенія. Стр. 119.

въ актахъ своей дѣятельности, давая общее перечисленіе группъ своего состава, или говорятъ о присутствіи на нихъ радныхъ пановъ, или нѣтъ. Въ однихъ случаяхъ соотвѣтствующіе документы начинаются словами: „мы, рады, урядники, рыцерство-шляхта, обыватели того или другого повѣта“¹⁾; въ другихъ слово „рады“ бываетъ опущено²⁾.

При нормальномъ теченіи жизни повѣта его сеймикъ долженъ собираться въ центральномъ его пунктѣ, гдѣ пребываютъ повѣтовые административные органы и земскій судъ. Статутъ 1566 года, говоря о предсеймовомъ сеймикѣ, даже подчеркиваетъ это значеніе земскаго суда для повѣта: по два сеймовыхъ посла избираются „отъ каждого суда земскаго“³⁾. Сеймикъ для выбора членовъ земскаго суда долженъ по тому же статуту имѣть мѣстомъ своего собранія „дворъ, которій на посродку того повѣту будетъ“⁴⁾. Замокъ же или дворъ господарскій въ повѣтѣ является мѣстомъ сеймиковыхъ собраній и по статуту 1588 года⁵⁾. Это — мѣсто „звычайное“ для сеймиковъ, какъ выражаются иногда источники⁶⁾. Помѣщеніями, въ которыхъ сеймиковали въ Польшѣ, обычно были фарные, т. е. приходскіе костелы⁷⁾. Размѣры ихъ зданій дѣлали возможнымъ собраніе въ нихъ иногда очень большого числа сеймикующихъ, а та связь, которая съ дѣтства и изстари существовала у Польскихъ шляхтичей съ ихъ приходскимъ храмомъ въ эпоху возникновенія сеймиковъ Польши, роднила ихъ съ этими зданіями. Въ повѣтахъ Великаго Княжества Литовскаго должно было быть нѣсколько иначе, по крайней мѣрѣ въ значительномъ числѣ ихъ. Католическая религія была религіею къ серединѣ XVI столѣтія лишь меньшинства земель, составившихъ къ этому времени Литовско-Русское государство. Большинство

1) Нпр., А. Вил. II, стр. 149.

2) Нпр., Ист.-Юр. Матеріалы, XXVI, стр. 292.

3) II ст., III, 5. Ср. III ст., III, 6. Ср. выше, стр. 288.

4) II ст., IV, 1. Ср. выше, стр. 499.

5) III ст., IV, 1.

6) Нпр., Приложенія, стр. 36.

7) См., нпр., A d o l f P a w i ń s k i, Rządy Sejmikowe w Polsce, str. 11 или J ó s e f S i e m i e ń s k i, Organizacya sejmiku Ziemi Dobrzyńskiej (Rozprawę Akademii Umiejętności. Wydział Hist.-Filoz. Serya II. Tom XXIII), str. 306.

земель этого государства были землями русскими¹⁾, религіей которыхъ было православіе. Кромѣ того, въ моментъ учрежденія повѣтоваго сеймика въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ широкою волною по землямъ его разливалось разновѣріе, внесенное реформаціоннымъ движеніемъ. Такимъ образомъ, въ однихъ Литовско-Русскихъ повѣтахъ не могло возникнуть традиціи сеймикования въ костелахъ еще въ эпоху нераздѣльнаго господства католической религіи надъ ихъ шляхтою, а въ другихъ никакихъ связей съ католическими храмами громаднаго большинства шляхты не существовало вовсе. Самыхъ костеловъ могло и не быть во многихъ повѣтовыхъ центрахъ Великаго Княжества Литовскаго. Но въ нѣкоторыхъ повѣтахъ Княжества сеймики отбывались дѣйствительно въ костелахъ. Для XVI столѣтія мы можемъ привести указанія Жомойтскихъ земскихъ книгъ на то, что сеймикъ Жомойти собирался въ Россіенскомъ костелѣ²⁾. Акты Берестейскаго сеймика позднѣйшаго времени называютъ бернардинскій костелъ въ Берестѣ мѣстомъ сеймикования Берестейскаго повѣта³⁾. Въ большинствѣ Литовско-Русскихъ повѣтовъ сеймики собирались, конечно, въ „избахъ судовыхъ“, которыя находились въ повѣтовыхъ центрахъ. Прямое указаніе на это для Троцкаго повѣта имѣемъ въ одномъ документѣ, вышедшемъ съ апрѣльскаго Троцкаго сеймика 1647 года⁴⁾. Изъ этого документа почерпаемъ свѣ-

1) О національныхъ отношеніяхъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ см. А. І. Вольдемаръ, Національная борьба въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ въ XV и XVI вѣкахъ — Извѣстія Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ, томъ XIV, кн. 3, стр. 160—198.

2) См., напр., Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II, стр. 75 (№№ 449 и 452).

3) А. Вил. III. Стр. 368 (№ 195).

4) „Лета отъ Нароженья Сына Божого тисеча шесть сотъ сорокъ сегого, м[е]с[я]ца апреля дванадцатого дня. На враде г[о]с[по]д[а]рскомъ к[г]родскомъ Троцкомъ, передо мною Каспромъ Александромъ Швабомъ, старостю Шмелтинскимъ, подъвоеводимъ Троцкимъ, оповедаль и ку актыкованью подалъ до книгъ к[г]родскихъ Троцкихъ земенинъ г[о]с[по]д[а]рскій воеводства Троцкаго, панъ Андрей Ясудовичъ протестацію отъ обывателей воеводства Троцкаго, ниже и именами на подписахъ выраженныхъ, просилъ, абы тая протестація до книгъ к[г]родскихъ Троцкихъ была уписана. Которую уписуючы у книги отъ слова

дѣнія о томъ, что часть сеймикуюющихъ находилась во время сеймикованья въ „судовой избѣ“ Троцкаго повѣта, а остальные размѣстились на ея дворѣ, въ ней не помѣщаясь. Часть

до слова, такъ се въ себе маеть: „My, dygnitarze, urzędnicy ziemscy grodzcy, obywatele, rycerstwo y szlachta woiewodztwa Trockiego, wszyscy iednostaynie soleniter protestuujemy sie na iasniewielmoznego iego msc pana Alexandra Oginskiego, woiewode Minskiego, y na iego msc pana Dmitra Bychowca, podsędka Trockiego, o to, iz w roku teraznieyszym tysiąc szescset czterdziestym siedmym mscą apryla iednastego dnia, gdysmy sie ziachali na seymik do Trok za uniwersalami, od iego krolewskiej msci pana naszego miłosciwego wyniesionemi, dla obierania poslow na seym trzyniedzielny constytucyą seymową naznaczonym y na mieyscu zwyczajnym, gdzie sie seymiki z dawnych czasow w zamku Trockim odprawuia, prezentowawszy, chcelismy more solito dyrektora spoyszrodka siebie obierac, iego msc pan woiewoda Minski, uczyniwszy znaczną fakcyą z iego mscm panem Dmitrem Bychowcem, podsędkiem Trockim, chcąc oba ich msc panow synow swoich — iego msc pan woiewoda iego msc pana Bohdana Oginskiego, chorążego nadwornego Wielkiego Xięstwa Litewskiego, a iego msc pan podsędek iego msc pana Jana Bychowca — mimo wola y intencyą wszytkich nas, obywatelow woiewodztwa Trockiego, na poselstwo promowowac, naprzod w uporze stanowszy, aby per uota dyrektora, czego sie wszyscy bracia iednostaynie pilno domawiali, nie podawano, bronili y, wielkie aklamatyє strony zwey uczyniwszy, kilka godzin na tym strawiwszy, mimą yntencyą praw dyrektorem został, ogłaszaiąc to, iz we zwyczaju tego nigdy nie bywało y nigdzie nie masz per uota dyrektora obierac y, poki zyw będe, w tey izbie będe zasiadał, nie dam sobie zgarsci dyrekey zadnemu wydrzbo y nikomu tego ustąpić nie myszle. A gdy takowym sposobem dyrektorem niemal per forcą został, ze za zgromodzeniem niemalym szlachta w yzbie zmiescic sie nie mogła, wszyscy unanimiter, aby na podworze iego msc pan woiewoda dla rozdania głosow wyszedł, upraszali, przy swym zawziętym uporze stanowszy, na to zadno miaro pozwolic nie chciał z wielką szlachty braci młodszey oppressyą, która podolinami tułąc sie musiała. A co więtsza, dawszy tylko głos tey braci y obywatelom, ktorzy poki stołu stawało siedzieli y onemu applawdawali, wszytkim inszym obywatelom woiewodztwa Trockiego, ktorzy wota swoje w sprawach rzeczy pospolitey powazne, do instrukcyey sie stosuiać, do obrania poslow należące, podawac chcieli, głosu dac nie chciał. A gdy po kilkakrotnie bracia wszyscy iednostaynie powstawszy summa cum submissyone iego msc pana woiewode upraszali, aby im głosow wolnych według zwyczaju dawnego nie bronil, zadno miaro y prozby nie dawszy mieysca, czego s prawa bronie nie mógł, summo cum praeiudicią iurium legum na to pozwolic nie chciał, postrzekszy to barzo dobrze, ze ani iego msc pan syn iego msci, ani iego msc pan Bychowiec, syn iego msci pana podsędka Trockiego, posłami z miłosci braterskiej stanąć by nie mogli. Za czym widząc przez iego msc pana woiewode oppressyanem summam stanu szlacheckiemu, my wszyscy, głosow naszych nie daiąc do instrukcyey, iego krolewskiej msci pana naszego miłosciwego

находившихся въ избѣ сидѣла вокругъ стола. Другимъ около этого стола мѣста не хватало. При этомъ документъ называетъ мѣсто собранія апрѣльскаго Троцкаго сеймика 1647 года мѣстомъ „zwuczauum“, т. е. обычнымъ. Необходимо думать, что именно въ „судовыхъ избахъ“ отбывало свои сеймики большинство Литовско-Русскихъ шляхетскихъ повѣтовъ и во вторую половину XVI столѣтія, пользуясь и самими избами, и ихъ дворами.

Въ повѣтовыхъ центрахъ, какъ мы уже отмѣтили выше, сеймики отбывались при нормальномъ теченіи жизни повѣтовъ. Когда оно нарушалось, могло дѣлаться невозможнымъ собраніе шляхты въ повѣтовомъ центрѣ. Примѣры такого положенія дѣлѣ имѣемъ въ собраніяхъ повѣтовыхъ сеймиковъ во время повѣтрія, когда съѣздъ обывателей въ зараженный эпидеміей центръ повѣта становился опаснымъ для ихъ жизни. Когда въ началѣ семидесятыхъ годовъ XVI столѣтія во многихъ повѣтахъ Великаго Княжества свирѣпствовало повѣтріе, ихъ сеймики собирались внѣ повѣтовыхъ центровъ. Такъ, Новгородскій повѣтъ сеймиковалъ въ срединѣ сентября 1572 года не въ Новгородкѣ, а въ

nie pozymawiając, posłów nie obirając, na iego mści pana woiewode Minskiego o tak wielkie bezprawie y uymie wolności naszych szlacheckich, przez odcięte głosy stałe, protestowawszy się, z zamku Trockiego odezliśmy. A iego mści pan woiewoda Minski po odeyscu naszym, zostawszy z iego mscą panom podsędkiem Trockim w yzbie, ich mscow panow synow swoich sługami swemi, w niebytności nas, wszystkich obywatelow, za posłów obrali, ktorych my za posłów nie mamy y mieć nie chcemy. W czym sobie my, obywatele, za takowym iego mści pana woiewody Minskiego postępkim, s prawem pospolitym nie zgodnym, wolnościom szlacheckim przeciwnym y szkodliwym, wielko oppressyją praw y swiebod naszych odnosząc, te protestacyą naszą do xiąg grodzkich Trockich donosimy s podpisem rąk y pieczęciami naszymi, nizey wyrazonemi“. Далѣ слѣдуетъ болѣе семидесяти подписей, изъ которыхъ семь сдѣланы русскими буквами. При передачѣ этого документа въ изданіи мы старались передать его совершенно точно, не исправляя ошибокъ его польскаго языка, такъ какъ эти ошибки являются обычными въ составляемыхъ на польскомъ языкѣ актахъ Литовско-Русскихъ сеймиковъ. Обычныя сокращенія („o“ наверху въ значеніи „go“ и т. п.) польскихъ рукописей мы восполняли, какъ раскрывали и обычныя сокращенія латинскихъ словъ. Сокращеніе слова „miłosc“ („mśc“) оставляли не раскрытымъ. Документъ находится въ книгѣ № $\frac{1}{A}$ Троцкаго гродскаго суда (Виленскій Центральный Архивъ, № 5955), л. л. 262—263 об.

Мошевичахъ, потому что „з Божьего допущенья у Новгородку на тотъ часъ поветрее“ было „не малое“¹⁾. Сеймики конца 1571 года, созванные Сигизмундомъ Августомъ передъ Варшавскимъ сеймомъ 1572 года, также собирались въ части Литовско-Русскихъ повѣтовъ во время повѣтрія. „Отписъ“ Сигизмунда Августа къ Виленскимъ воеводѣ (онъ же и канцлеръ) и каштеляну, Троцкому каштеляну (онъ же подканцлеръ) и Жомойтскому старостѣ (онъ же маршалокъ земскій) такъ говоритъ объ этихъ сеймикахъ: „Въ тыхъ часехъ данъ есть намъ листъ отъ ваше милости, пановъ радъ нашихъ, которимъ ознаймуете ваша милость намъ казнь Божью отъ поветрія, мало не по всехъ сторонахъ въ панѣстве нашомъ, Великомъ Князстве Литовскомъ и въ земли Жомойтской. А ижъ вжо листы соймовые и ведомость о сойме вашу милость дошла, про то, чинечи досыть воли и росказанью нашому, абы соймики поветовые могли дойти где на мествцу здоровомъ, якохмо о томъ до ваше милости писати велели, на часъ, въ листехъ соймовыхъ описаный, зложили есте ваша милость мествца сеймикомъ, то есть Виленьскому и поветовъ, ку нему належачимъ, — у Волькиникахъ, Троцкому — у Сомилишкахъ, Новгородскому — у Слониме, а Жомойтскій соймикъ твоя милость, пане старосто Жомойтскій, хочешъ зложити хотя где въ полю, кгдажъ не только въ мествечкахъ, але и въ домехъ шляхетскихъ тая казнь Божая розмножилася и з великою небезпечностью прійдетъ мествца тые переждчати, где поветрее пануетъ. Одножъ доведуете ся ваша милость писаньемъ своимъ, науки наше досегаючы, если бы съ причинъ тое казни Божое, которая и въ Коруне Польской розширилася такъ же мало не по всехъ кутехъ, мель быти сеймъ на иный дальшій часъ по Трехъ Кроলেখъ помкненъ, абыхмо отписомъ нашимъ вашу милость ведомыхъ учынили, жебы есте, такъ же не сквапяючися и не зводечи братьи своее шляхты на тотъ день, соймикомъ зложонный, въ безпечности здоровье свое и ихъ заховати могли; а где бы съемъ не былъ помъкненъ, тогды, не спущаючися на то, хочете ваша милость предъ ся на соймики на день девятый декабра ехати. Нижли обавляетеся ваша

1) А. Вил. XXXI. № 26.

милость неякое трудности на сойме, же вашу милость слухи дошли отъ некоторое шляхты о две речи новые, то есть о з[ъ]еханье на одно местцо, каждому повету до своего воеводства, а другая около запечатованья листовъ сеймовыхъ не звыклою печатю Великого Князства Литовского. И подаете намъ раду и зданье свое, если бы ся тежь то намъ видело, абы ся листы соймовые переписали а звыклою печатю Великого Князства Литовского запечатаны. И вы стерегаются, ваша милость, того, ижь бы въ затрудненьи неякомъ для тое речи на сойме у пановъ Поляковъ вси Литовчичи не были виновани, а у насъ г[о]с[по]д[а]ра никоторого мниманья за то не понесли. Якохмо то ширей з листу ваше милости вырозумели и вдячне то отъ ваше милости, пановъ радъ нашихъ, пріймуемъ, же въ речахъ нашихъ г[о]с[по]д[а]рскихъ и земскихъ такъ дбале и охотъне поступаете, а, прихилияючися и згожаючися з росказаньемъ нашимъ, соймичи на тотъ часъ, отъ насъ зложонный, девятого дня декабра мети хочете, ознаймивши то князю бискупу Виленскому, до которого твоя милость, пане воевода Виленский, з листы нашими послалъ, кабы вси поветы, въ своихъ воеводствахъ на одно местцо, гдесте ваша милость зложили, зъехавшисе на соймичи, пословъ обрали. Але о помъкненьи¹⁾ сойму на дальший часъ по Трохъ Кроলেখъ, о томъ ни отъ кого съ пановъ радъ нашихъ Корунныхъ до насъ не писано. Намъ тежь самымъ откладати нельзя, на што ся ваша милость, вси панове рады наши, первой зезволили, хйба если бы, чого Боже вховай, былъ квалтъ а казнь Божая ширплася, для которое бы трудно сеймовати, — тогды роскажемъ вашей милости ознаймити о всемъ достаточне, если ся съемъ далей помъкнути мусить; а соймичи на положонный часъ предъ ся кгда дойдуть и послы ся оберуть, ино тымъ ся ничего не затруднить, але то ещо лепей, же готови будутъ ехати на съемъ, хотя жъ бы ся и преложилъ на дальший часъ“²⁾.

1) Въ оригиналѣ: „томъкненьи“.

2) Въ оригиналѣ дальше стоитъ знакъ, обозначающій etc. Заголовокъ въ книгѣ Метрики и окончаніе этого документа см. И. И. Лапио, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 88, прим. 2 (слова „што ся дотычетъ“ слѣдуютъ сряду за словами „на дальший часъ“). Этотъ „отпись“ обращается отъ имени Сигизмунда Августа къ „воеводе Виленъ-

Приведенная выписка изъ „отписа“ Сигизмунда Августа къ четыремъ раднымъ панамъ Княжества ярко рисуетъ размѣры повѣтрія въ предѣлахъ Виленскаго и Троцкаго воеводствъ и Жомойтской земли. Виленскій и Троцкій воеводскіе сеймики, какъ узнаемъ изъ этого документа, были назначены въ Волкникахъ и Сомилишкахъ, т. е. даже не въ повѣтовыхъ центрахъ, а въ простыхъ мѣстечкахъ, а Жомойтскій староста предполагалъ созвать сеймикъ Жомойти просто въ полѣ, несмотря на зимнее время. Что касается Новгородскаго воеводскаго сеймика, то въ исходѣ 1571 года онъ былъ назначенъ въ Слонимѣ, т. е. въ одномъ изъ трехъ повѣтовыхъ центровъ Новгородскаго воеводства¹⁾. Сеймики этого созыва во всемъ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ созывались не по повѣтамъ, какъ этого требовалъ статутъ, а по воеводствамъ: всѣ повѣты того или другого воеводства должны были сеймиковать вмѣстѣ на одномъ общемъ сеймикѣ²⁾. „Отпись“ Сигизмунда Августа, выписка изъ котораго приведена нами, даетъ знать, что Литовско-Русская шляхта усматривала въ такомъ способѣ сеймикованья новшество и высказывала недовольство имъ, какъ и необычнымъ способомъ „запечетованья листовъ сеймовыхъ“, на которыхъ она видѣла государственную печать Великаго Княжества Литовскаго замѣненной „сигнетомъ“, т. е. перстнемъ господаря. Въ этомъ недовольствѣ нужно видѣть выраженіе боязни шляхты какого-либо ущерба правамъ Литовско-Русскаго „панства“ и его шляхетскаго народа, который такъ ревниво охраняло Великое Княжество Литовское послѣ Люблинской Уніи³⁾. Но самая идея сеймикованья не повѣтами, а воеводствами не была новою въ 1571 году. Всего тремя годами раньше, на Городенскомъ сеймѣ 1568 года, же-

скому, канцлеру нашему Великаго Князства Литовскаго, старосте Мозырскому, державцу Борисовскому, пану Миколаю Юрѣвичу Радивилу; пану Виленскому, гетьману нашему навшышному Великаго Князства Литовскаго; пану Троцкому; старосте Жомойтскому, маршалку земьскому Великаго Князства Литовскаго“. Лит. Метр. $\frac{1A}{56}$ л. л. 5 об. — 7. Дата: Варшава, 25 ноября 1571 года.

1) Новгородокъ, Слонимъ и Волковыйскъ.

2) Приложенія. Стр. 35.

3) Изложеніе этого дѣла о „сыгнетовой“ печати — И. И. Л а п о, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 88—90.

ланіе замѣнить повѣтовые сеймики сеймиками воеводскими было высказано шляхтою Виленскою и Волынскойю. Виленское воеводство просило на этомъ сеймѣ Сигизмунда Августа о томъ, чтобы „для болшого оздобы и учтивости того воеводства Виленского, столицы его милости господарское, и для лепшого и способнейшого обмышляня на соймикохъ въ потребахъ земскихъ а для пораднейшого обирая и выправованя посломъ на соймы великіе вальныи“ обыватели Опменскаго, Лидскаго, Вилькомирскаго и Браславскаго повѣтовъ сеймиковали въ Вильнѣ вмѣстѣ съ повѣтомъ Виленскимъ, съ сохраненіемъ, однако, самостоятельнаго значенія этихъ повѣтовъ и съ выборомъ отъ каждаго изъ нихъ по два сеймовыхъ посла, хотя они и сеймиковали бы на одномъ сеймикѣ¹⁾. Земля Волынская на томъ же Городенскомъ сеймѣ 1568 года просила, чтобы „у-въ оной земли Волынской соймики поветовые порозну отправованы не были, то есть у Володимеру [и] у Кременцу“, но чтобы всѣ Волынскіе обыватели съѣзжались „ку соймику на одно местце до места столечного въ той земли, до Луцка“, или же съѣзжались бы поочередно, „разъ на одинъ соймикъ до Луцка, а на другій до Володимера, а на третій до Кременца“²⁾. Обѣ эти просьбы были удовлетворены Сигизмундомъ Августомъ только для одного созыва предсеймовыхъ сеймиковъ, а именно ближайшихъ послѣ Городенскаго сейма 1568 года сеймиковъ того же года, которые должны были выбрать пословъ на спольный съ Поляками сеймъ для заключенія Уніи.

Въ просьбѣ земли Волынской объ общемъ сеймикованѣ, представленной ею въ 1568 году, нужно видѣть выраженіе сознанія единства этой земли, бывшее результатомъ ея предшествующей исторіи и жизни. Это единство требовало и одного сеймика для обсуждения нуждъ и дѣлъ „речи посполитой“ земли Волынской. Что касается аналогичной и представленной тогда же просьбы Виленскаго воеводства, то ее можно считать вызванною сознаніемъ значенія Виленскаго сеймика въ ряду другихъ повѣтовыхъ сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго вообще и въ

1) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I. Стр. 485.

2) Ibidem. Стр. 487.

данное время въ особенности. Виленскій сеймикъ, какъ мы уже отмѣтили выше¹⁾, имѣлъ въ своемъ составѣ наиболѣе крупныхъ сановниковъ и вліятельныхъ лицъ Литовско-Русскаго „панства“. Это придавало его голосу большую авторитетность, которая усиливалась „столечнымъ“ значеніемъ города, въ которомъ онъ собирался, и въ эпоху обсуждения условій соединенія Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею было желательно еще болѣе увеличить значеніе этого центрального сеймика Литовско-Русскаго государства, поставивъ его въ значеніи сеймика цѣлаго Виленскаго воеводства во главѣ сеймиковъ повѣтовыхъ. Къ тому же во главѣ Виленскаго воеводства стояли въ это время Миколай Юрьевичъ Радивиль, въ значеніи его воеводы, и Григорій Александровичъ Ходкевичъ, въ значеніи его каштеляна, бывшіе тогда вмѣстѣ съ Яномъ Еронимовичемъ Ходкевичемъ наиболѣе вліятельными лицами въ Литовско-Русскомъ государствѣ²⁾. При этомъ Янъ Ходкевичъ, какъ земскій маршалокъ Княжества, по значенію этого своего уряда также естественно могъ предпочесть присутствіе на сеймикѣ въ Вильнѣ присутствію на сеймикѣ земли Жомойтской, старостою которой онъ былъ также. Виленскій сеймикъ при такихъ условіяхъ долженъ былъ стать несомнѣннымъ руководителемъ всего Великаго Княжества Литовскаго. Но можно видѣть въ просьбѣ объ общемъ сеймикованіи всѣхъ пяти повѣтовъ Виленскаго воеводства и сознаніе того, что этотъ сеймикъ притягивалъ къ себѣ изъ сосѣднихъ съ Виленскимъ повѣтовъ шляхту послѣднихъ, имѣвшую какое либо право на немъ присутствовать. Необходимость этого привлеченія въ Вильну на сеймикъ должностныхъ лицъ и шляхтичей изъ другихъ повѣтовъ, гдѣ первымъ было естественноѣ находиться на сеймикѣ по ихъ урядамъ, а вторымъ — по размѣрамъ и значенію ихъ имѣній-осѣлостей, уже отмѣчена нами выше³⁾. Естественно, что сила притяженія Виленскаго сеймика должна была чувствоваться особенно въ ближайшихъ къ Виленскому повѣтахъ, и это могло быть причиною желанія слить эти ближайшіе повѣты, т. е. повѣты Виленскаго воеводства, въ одномъ сеймикѣ.

1) Стр. 556—557.

2) См. И. И. Лаппо, *op. cit.*, стр. 682.

3) Стр. 556—557.

Сеймикованье по воеводствамъ, а не по повѣтамъ, въ исходѣ 1571 года вызвало рядъ вопросовъ и затрудненій. Мы уже видѣли, что собравшаяся тогда на воеводскіе сеймики шляхта отказывалась складываться „на страву“ сеймовымъ посламъ и что потребовался созывъ новыхъ сеймиковъ, опять по повѣтамъ и на мѣстахъ „звыклыхъ“, какъ для постановленій о „стравныхъ“ деньгахъ, такъ и для утвержденія инструкцій посламъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ на Варшавскій сеймъ 1572 года ¹⁾). Конечно, причина, официально выставляемая для объясненія созыва этихъ новыхъ сеймиковъ, т. е. малый съѣздъ на нихъ шляхты въ виду повѣтрія ²⁾, имѣла свое дѣйствительное значеніе. Но рядомъ съ нею позволительно предположить для этого созыва и причину другую. Назначеніе Сигизмундомъ Августомъ въ дополненіе къ сеймикамъ исхода 1571 года новаго съѣзда шляхты „на мѣсто звykle“, несмотря на повѣтріе, говоритъ о томъ, что Литовско-Русскіе повѣты уже привыкли къ тому, чтобы ихъ сеймики отбывались въ повѣтовыхъ центрахъ, и что, такимъ образомъ, создавалась традиція по отношенію къ мѣсту сеймикованья, пріобрѣтавшая своего рода значеніе закона. Конечно, чрезвычайныя обстоятельства могли заставлятъ переносить мѣсто собранія повѣтоваго сеймика изъ центра повѣта — это могло быть во время эпидемій, вторженія внѣшняго врага, или другихъ чрезвычайныхъ осложненій повѣтовой жизни, — но при нормальномъ ея теченіи сеймикъ долженъ былъ собираться на мѣстѣ „звыкломъ“, въ повѣтовомъ центрѣ.

Повѣтовый сеймикъ, какъ собраніе повѣтовой шляхетской корпораціи, долженъ былъ имѣть своего предѣдателя въ значеніи руководителя занятій и „обмовъ“ сеймикующихъ. Сеймики въ Польшѣ открывались старшимъ изъ сенаторовъ, присутствовавшихъ на сеймикѣ ³⁾). Въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, какъ мы это уже видѣли выше, далеко не всѣ повѣтовые сеймики имѣли въ своемъ составѣ лицъ „стана сенаторскаго“ ⁴⁾). Если въ Польшѣ, въ

1) Стр. 445.

2) Приложенія. Стр. 36.

3) Ср. A d o l f P a w i ń s k i, Rzady Sejmikowe, str. 18.

4) Маршалки Литовско-Русскихъ повѣтовъ, соотвѣтствующіе мень-

случаѣ отсутствія сенаторовъ на сеймикѣ, его открываль старшій изъ должностныхъ лицъ¹⁾, то тѣмъ обычаѣ это должно было быть въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ ни одного опредѣленнаго указанія источниковъ на то, какъ и кѣмъ открывались занятія Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ сеймиковъ изучаемаго времени, и должны основываться лишь на соображеніяхъ необходимости какого-либо момента, съ котораго собравшаяся шляхта признавалась сеймикомъ, и естественности, что этотъ моментъ создавался заявленіемъ объ открытіи сеймикованья старшимъ изъ находившихся на сеймикѣ должностныхъ членовъ сеймикующаго шляхетскаго повѣта. Но лицо, открывавшее сеймикъ, далеко не всегда, по крайней мѣрѣ въ болѣе позднее время, получало значеніе предсѣдателя сеймика въ его занятіяхъ. Съ теченіемъ времени Литовско-Русскій повѣтовый сеймикъ сталъ избирать для руководства своими занятіями изъ состава сеймикующихъ директора или маршалка сеймика, какъ это дѣлалъ и сеймикъ Польскій. Представленія объ этомъ директорѣ или маршалкѣ повѣтоваго сеймика Великаго Княжества Литовскаго, существующія въ исторической литературѣ, не могутъ ни въ какомъ случаѣ быть признаны правильными. Ленгнихъ и Скржетускій, писавшіе свои труды еще въ XVIII столѣтіи, отрицали наличность выборнаго маршалка въ сеймикованьѣ Великаго Княжества Литовскаго. Ленгнихъ, говоря о сеймикахъ соединенной Речи Посполитой, писалъ: „praeses conuentuum Mareschalcus vocatur, qui pluralitate suffragiorum ex numero nobilium eligitur, quemque possessiones in illo palatinatu aut terra habere oportet: nisi quod in Lituania Mareschalci terrestres sui tractus conuentibus praesident“²⁾. Что касается Скржетускаго, то онъ называетъ предсѣдателемъ

шимъ каштелянамъ Польши, не были признаны сенаторами. Ср. выше, стр. 456, прим. 2.

1) Ср. X. Wincenty Skrzetuski, Prawo Polityczne Nar. Polsk., tom I, str. 233.

2) Gotfridi Lengnich Jus Publicum Regni Poloni. Tomus II. Gedani 1766. P. 324—325. Ср. ibidem, p. 321 („Mareschalci electi conuentuum Praesides, in Lituania Mareschalci terrestres“). Слово „tractus“ въ выпискѣ, приведенной нами въ текстѣ, употреблено, конечно, въ значеніи слова „повѣтъ“. См. выше, стр. 50, прим. 2.

Литовско-Русскаго сеймика старшаго сенатора или урядника въ воеводскихъ повѣтахъ и повѣтоваго маршалка въ остальныхъ ¹⁾. Въ дальнѣйшей разработкѣ исторіи и исторіи права соединеннаго государства мы не имѣемъ попытокъ изученія Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика и его организациі на основѣ актовъ его дѣятельности, и высказанное о предсѣдателѣ сеймика Княжества Ленгнихомъ и Скржетускимъ повторялось безъ всякой провѣрки ²⁾. Дѣло осложнилось еще тѣмъ, что въ переводѣ труда Ленгниха на польскій языкъ, вышедшемъ въ Краковѣ въ 1836 году, приведенныя нами выше слова его о значеніи маршалка на сеймикѣ были неправильно переведены: слово „terrestres“ было переведено словомъ „ziemscy“ ³⁾. Это повлекло за собою смѣшеніе повѣтоваго маршалка съ земскимъ маршалкомъ Великаго Княжества Литовскаго, который былъ одинъ на все Литовско-Русское „панство“ и былъ однимъ изъ крупнѣйшихъ членовъ его сенаторскаго „стана“ ⁴⁾. Такимъ образомъ, къ представленію Ленгниха и Скржетускаго о сеймиковомъ маршалкѣ Литовско-Русскихъ повѣтовъ, которое, какъ увидимъ ниже, даже можетъ быть принято съ извѣстнымъ ограниченіемъ времени для его значенія и грѣшитъ лишь слишкомъ широкимъ обобщеніемъ, присоединилась прямая ошибка, требующая кореннаго исправленія ⁵⁾.

1) X. Wincenty Skrzetuski. Op. cit. Str. 233.

2) См., напр., Jan Wincenty Bandtkie-Stężyński, *Historya Prawa Polskiego* (Warszawa 1850), str. 612; *Starożytności Polskie*, tom II (Poznań 1852), str. 434; Adam Szelański, *Wzrost Państwa Polskiego w XV i XVI w.* Polska na przelomie wieków średnich i nowych (Lwów 1904), str. 285.

3) „W Litwie Marszałkowie Ziemiańscy na sejmikach przewodzą“. G. Lengnich, *Prawo Pospolite Królestwa Polskiego* (Wydanie nowe, w poprawném tłumaczeniu obadwa łacińskie połączone, ogłoszone za sprawą i nakładem redakcyi Kwartalnika Naukowego. Kraków 1836), str. 337.

4) См. И. И. Лаппо, *Великое Княжество Литовское*, томъ I, стр. 637—642.

5) Нужно пожалѣть, что эта ошибка польской исторической литературы безъ всякихъ оговорокъ дается и въ русскомъ переводѣ труда по исторіи Польши Влад. Грабенскаго (Влад. Грабенскій, *Исторія Польскаго народа*. СПб. 1910), предназначенномъ для широкаго круга читателей и сдѣланномъ подъ редакціей прив.-доц. С.-Петербургскаго Университета Н. Ястребова. Н. В. Ястребовъ, повидимому, отчасти знакомъ и съ русскими изслѣдованіями по исторіи Великаго Княжества Литовскаго (см. его Предисловіе къ русскому переводу труда

Литовско-Русскій повѣтовый сеймикъ, какъ и сеймикъ Коронный, избиралъ своего маршалка или директора уже къ серединѣ XVII столѣтія. Приведенный нами выше документъ¹⁾, вышедшій въ 1647 году съ Трощкаго сеймика, говоритъ, что Трощкая шляхта, собравшись на этотъ сеймикъ, хотѣла выбирать „more solito“ своего директора. Правда, что находившійся въ составѣ сеймикующихъ Минскій воевода, панъ Александръ Огинскій заявлялъ, что никогда и нигдѣ не бывало того, чтобы сеймиковаго директора избирали „per vota“; но даже, если признать долю правды въ этомъ заявленіи желавшаго во что бы то ни стало стать директоромъ этого сеймика Огинскаго, то во всякомъ случаѣ указаніе на переходъ Литовско-Русскихъ сеймиковъ къ избранію своихъ предсѣдателей въ данномъ документѣ мы констатировать должны. Нужно думать, что своихъ сеймиковыхъ маршалковъ, или директоровъ, Литовско-Русскіе повѣты начинали избирать около середины XVII столѣтія. При этомъ мы не рѣшились бы сказать, что все они стали это дѣлать въ одно и то же время. Быть можетъ этимъ различіемъ времени начала введенія избираемаго сеймиковаго маршалка въ различныхъ повѣтахъ Великаго Княжества Литовскаго и нужно объяснять возможность совершенно противоположнаго отношенія къ вопросу о выборѣ директора на Трощкомъ сеймикѣ 1647 года: Минскій воевода вмѣстѣ со своими „пріятелями“ этотъ выборъ отрицалъ, большинство Трощкой шляхты его признавало. Акты Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ сеймиковъ называютъ, начиная съ сере-

д-ра Станислава Кутшебы — Очеркъ исторіи общественно-государственнаго строя Польши. СПб. 1907). Тѣмъ естественнѣе было бы ожидать отъ него соответствующихъ исправленій промаховъ г. Грабенскаго въ примѣчаніяхъ къ его тексту. Ошибки переведеннаго труда г. Грабенскаго въ тѣхъ частяхъ, гдѣ онъ говоритъ о Литвѣ, не исчерпываются смѣшеніемъ маршалка земскаго съ маршалками повѣтовыми (стр. 144 и 149). Этотъ трудъ въ переводѣ совершенно неправильно говоритъ на рядѣ страницъ о Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, нпр., стр. 143 („на Литвѣ въ повѣтѣ было три земскихъ судьи и подсудокъ; предсѣдатель назывался земскимъ президентомъ“), стр. 144 (объ урядахъ Литовскихъ) и др. Странно читать и недосмотръ на стр. 123, благодаря которому оказывается, что Стефанъ Баторій былъ избранъ Польскимъ королемъ „на поляхъ Волги“.

1) Стр. 560—561, примѣчаніе.

дины XVII столѣтія маршалковъ или директоровъ на сеймикахъ различныхъ повѣтовъ. Такъ, директоромъ Берестейскаго сеймика, собравшагося въ іюнѣ 1632 года, былъ Левъ Сапега, воевода Виленскій, великій гетманъ Великаго Княжества Литовскаго¹⁾; директоромъ августовскаго сеймика того же повѣта въ 1632 же году былъ Александръ Людвикъ Радивиль, воевода Берестейскій²⁾; директоромъ Берестейскаго же громничнаго сеймика въ 1634 году былъ Андрей Масальскій, каштелянъ Берестейскій³⁾; директоромъ Городенскаго сеймика, собравшагося въ іюнѣ 1649 года, былъ Янъ Казимиръ Ходкевичъ, каштелянъ Виленскій⁴⁾; директоромъ Новгородскаго сеймика, собравшагося въ декабрѣ 1658 года — Криштофъ Володковичъ, воевода Новгородскій⁵⁾; директоромъ Минскаго іюньскаго сеймика въ 1659 году — Теодоръ Володкевичъ, войскій и судья гродскій⁶⁾; директоромъ Пинскаго іюньскаго сеймика въ 1666 году — Янъ Кароль Млоцкій, староста Пинскій⁷⁾; маршалкомъ Виленскаго майскаго сеймика въ 1671 году — Михаилъ Паць, воевода Виленскій, великій гетманъ Великаго Княжества Литовскаго⁸⁾; и т. д.⁹⁾.

Такимъ образомъ, со времени середины XVII столѣтія мы имѣемъ постоянныя упоминанія актовъ Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ сеймиковъ о сеймиковыхъ маршалкахъ или директорахъ. Что касается необходимости въ предсѣдателѣ собраній шляхты, то она, конечно, ясно чувствовалась Литовско-Русскими повѣтовыми сеймиками и въ XVI столѣтіи. Руководителемъ своихъ преній шляхта избираетъ какое-либо

1) А. Вил. III. Стр. 338.

2) Ibidem. Стр. 339.

3) А. Вил. II. Стр. 168.

4) А. Вил. I. Стр. 186.

5) Рук. Имп. Публ. Библ. Польская F, II, № 20. Л. 3 („Laudum Woiewodztwa Nowogrodzkiego“).

6) Ibidem. Л. 5 („Sejmik Relatywny Minski“).

7) Виленскій Центр. Архивъ. № 13018 (Пинскаго гродскаго суда № 31). Л. 695.

8) А. Вил. VIII. Стр. 340.

9) Другіе примѣры: А. Вил. III, стр. 369 (Берестейскій сеймикъ 1661 года; ср. выше, стр. 491), или Ист.-Юрид. Матеріалы XXVI, стр. 299 (директоромъ Оршанскаго сеймика, собравшагося 15 октября 1668 года, былъ Самуиль Кмитиць, хоружій Оршанскій).

лицо изъ состава собравшихся на то или другое, имѣющее серьезное значеніе и многочисленный составъ, совѣщаніе, конечно, и въ это уже время. Такъ, при началѣ извѣстнаго засѣданія православнаго собора 6 октября 1596 года по вопросу о заключенной съ Римомъ церковной уніи, которое имѣло мѣсто въ домѣ пана Райскаго въ Берестѣѣ, свѣтское коло участниковъ этого собора избираетъ изъ своей среды маршалкомъ Демьяна Гулевича, Волынскаго посла¹⁾. Но начала избранія большинствомъ голосовъ руководителя своихъ сеймиковыхъ собраній въ XVI столѣтіи повѣтовая шляхта еще очевидно не выработала. Въ эту эпоху она не избирала большинствомъ голосовъ, а признавала вся предсѣдателемъ своихъ сеймиковъ тѣхъ изъ сенаторовъ и должностныхъ лицъ, находившихся въ составѣ сеймикующихъ, которые были старшими по своему рангу. Но быть можетъ, что въ словахъ Ленгниха о значеніи повѣтовыхъ маршалковъ какъ предсѣдателей сеймиковъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ мы имѣемъ отраженіе порядка дѣйствительно существовавшего въ XVI столѣтіи въ не-воеводскихъ повѣтахъ Великаго Княжества Литовскаго²⁾. Повѣтовый маршалокъ стоялъ во главѣ повѣта, какъ отряда земскаго войска, а шляхетскіе повѣты были корпораціями рыцарства-шляхты, объединявшимися подъ своими хоругвями около хоружихъ и стоявшихъ надъ ними маршалковъ. Если въ центральныхъ повѣтахъ значеніе военачальника повѣтоваго рыцарства держалъ въ своихъ рукахъ каштелянъ, то, несмотря на свою принадлежность къ сенаторскому „стану“, онъ терялъ въ своемъ авторитетѣ рядомъ съ воеводою, стоявшимъ во главѣ земскаго войска всѣхъ повѣтовъ его

1) Ср. м и т р. М а к а р і й, Исторія Русской Церкви, томъ IX (СПб. 1879), стр. 659—660.

2) Надо думать, что Ленгнихъ имѣлъ какое-нибудь основаніе для того, чтобы написать свои слова о повѣтовыхъ маршалкахъ Княжества, какъ предсѣдателей его сеймиковъ. Основательность его труда не позволяетъ полагать иначе. Но Польша всегда плохо знала Великое Княжество Литовское; примѣры этого увидимъ еще ниже. Возможно, что Ленгнихъ писалъ о сеймикѣ Великаго Княжества Литовскаго на основаніи рассказовъ о немъ, шедшихъ еще отъ XVI столѣтія, или на основаніи документовъ и свидѣтельствъ, относящихся именно къ этому времени.

воеводства. Такимъ образомъ, при своемъ значеніи въ повѣтъ маршалокъ являлся и наиболѣе естественнымъ предсѣдателемъ во время сеймикованья его повѣтоваго шляхетскаго полка, если не было въ числѣ сеймикующихъ кого-либо изъ радныхъ пановъ Княжества, которымъ принадлежало высшее мѣсто на сеймикѣ, какъ входившимъ въ составъ „стана сенаторскаго“, а не просто „шляхетскаго“.

Подводя итогъ нашего изученія вопроса о предсѣдательствѣ на Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ сеймикахъ, мы должны установить слѣдующее: XVI столѣтіе еще не знаетъ избранія сеймиковыхъ предсѣдателей сеймикующими, это избраніе большинствомъ голосовъ установилось лишь въ XVII вѣкѣ. Повѣтовый сеймикъ Великаго Княжества Литовскаго не избиралъ своего предсѣдателя, а признавалъ его въ лицѣ старшаго должностного лица, на сеймикѣ присутствовавшего. Но постоянныхъ, обязательно по своему уряду должностующихъ являться для предсѣдательства на сеймикахъ лицъ мы не встрѣчаемъ въ Литовско-Русскомъ сеймикованьѣ XVI столѣтія. Каждый сеймикъ имѣлъ руководителемъ своихъ „обрадованій“ то или другое должностное лицо, въ зависимости отъ своего состава. Такъ, и въ XVI столѣтіи въ концѣ концовъ мы имѣемъ лишь предсѣдателей отдѣльныхъ сеймиковъ, а не постоянное предсѣдательство въ сеймикованьѣ того или другого изъ повѣтовъ, хотя Литовско-Русскій законъ, какъ мы это видѣли, какъ будто бы намѣчалъ послѣднее, дѣлая свои постановленія о мѣстахъ на сеймикахъ для радныхъ пановъ и урядниковъ и предоставляя одному изъ нихъ первое мѣсто. Середина XVII столѣтія, введя избраніе сеймикующею шляхтою ея сеймиковыхъ предсѣдателей „per vota“, приносила этимъ съ собою новый успѣхъ идеи шляхетскаго равенства. Каждый сеймикъ голосами братіи-шляхты сталъ выбирать своего директора¹⁾. Быть можетъ въ этомъ можно видѣть и другую сторону: слабую тенденцію къ введенію въ „обрадованьяхъ“ принципа большинства голосовъ рядомъ

1) Акты иногда подчеркиваютъ это значеніе директора только для одного сеймика, нпр.: „Łukasz Harbowski, skarbnik Czernihowski, iako dyrektor na ten czas koła rycerskiego wojewodztwa Brzeskiego“ (А. Вил. III, стр. 389—1662 годъ).

съ принципомъ „згоды“, т. е. единогласія, тенденцію, которой не суждено было, однако, исполнѣ окрѣпнуть.

Кромѣ предсѣдателя повѣтовый сеймикъ долженъ былъ имѣть лицъ, которыя исполняли на немъ секретарскія обязанности. И составленіе инструкцій сеймовымъ посламъ, и составленіе актовъ постановленій или избраній, дѣлаемыхъ сеймиками, требовали того, чтобы во время сеймикованья кто-либо изъ сеймикующихъ писалъ соотвѣтствующій актъ и вносилъ въ него то, что постановлялъ сеймикъ¹⁾. Для этой цѣли Польскіе сеймики выбирали изъ своего состава ассессоровъ²⁾. Акты Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ сеймиковъ не знаютъ выборныхъ ассессоровъ не только для XVI столѣтія, но и для послѣдующаго времени. Скржетускій утверждаетъ, что въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ обязанности сеймиковыхъ ассессоровъ исполняли четыре изъ присутствовавшихъ на сеймикѣ урядниковъ³⁾. Это, конечно, исполнѣ естественно, но необходимо имѣть въ виду возможность случаевъ и недостатка числа присутствовавшихъ урядниковъ для несенія ассессорскихъ обязанностей. Едва ли правильно будетъ полагать, что одни только урядники помогали предсѣдателю сеймика во время сеймикованья, и едва ли можно согласиться съ тѣмъ, что всегда одно и то же число лицъ записывало сеймиковыя „справы“. Это дѣлали, надо думать, обыкновенно урядники потому, что они были людьми грамотными и притомъ опытными въ официальномъ письмоводствѣ. Къ тому же для того, чтобы участвовать въ составленіи и редактированіи документовъ, выходявшихъ отъ сеймиковъ, нужно было умѣть писать по-польски или, по крайней мѣрѣ, владѣть умѣньемъ писать латинскими буквами, ибо сеймиковыя инструкціи и „лявдумы“ уже въ XVI столѣтіи писались не русскими буквами, а мы уже видѣли

1) Ср. „вота“, о которыхъ говоритъ статутъ (III ст., III, 6) и которыя подаютъ сеймикующіе для внесенія ихъ въ инструкцію. См. выше, стр. 560, примѣчаніе.

2) См., напр., X. Wincenty Skrzetuski, op. cit., str. 233, или Jan Wincenty Bandtkie-Stężyński, *Historya Prawa Polskiego*, str. 611—612, или Adolf Pawiński, *Rzady Sejmikowe*, str. 20.

3) X. Wincenty Skrzetuski. Op. cit. Str. 233. Въ концѣ XVIII столѣтія иногда и акты Литовско-Русскихъ сеймиковъ упоминаютъ объ избраніи ассессоровъ. Нпр., А. Вил. II, стр. 194 (1792 г.).

выше¹⁾, что этимъ умѣньемъ обладала въ изучаемое время далеко не вся повѣтовая шляхта Великаго Княжества Литовскаго. Поэтому совершенно естественно, что имѣвшія соотвѣтствующіе опытъ и знанія должностныя лица и были обычными секретарями Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ сеймиковъ. Но мы не думаемъ, чтобы была закрыта возможность исполненія секретарскихъ обязанностей на сеймикахъ Княжества и для не-должностныхъ шляхтичей, если они обладали соотвѣтствующими качествами, необходимыми для этого дѣла, особенно въ случаѣ недостатка должностныхъ лицъ въ составѣ сеймикующихъ.

Повѣтовый сеймикъ былъ братскимъ „обрадованьемъ“ шляхетскаго повѣта. Его рѣшенія сеймикующіе вырабатываютъ, „зволнвшися вси одностайнымъ зданьемъ“²⁾, и эти рѣшенія являются ихъ общею „згодою“³⁾. Идея сеймика предполагаетъ „милость братерскую“ въ средѣ сеймикующихъ повѣтовъ и „милость“ къ господарю и государству. Она предполагаетъ, такимъ образомъ, наличность „милости“-любви къ общему благу, которая должна обезпечивать сеймикамъ „едностайность“, во время сеймикованья. „Згода“, т. е. общее согласіе, и должна гарантироваться наличностью этой „милости“ къ отчизнѣ и къ братіи-шляхтѣ. Извѣстная идеализація вмѣстѣ со слѣдами старой патріархальности нѣсколько чувствуется въ этой идеѣ повѣтоваго сеймика. Но, высказывая эту идею, Литовско-Русская верховная власть хорошо знаетъ возможность „приводить“ сеймикующихъ къ этой „згодѣ“ вліяніемъ, или мнѣніемъ-„зданьемъ“ вліятельныхъ участниковъ сеймиковъ⁴⁾. Разслоеніе повѣтовой шляхты на группы съ не совсѣмъ совпадающими интересами, наличность среди нея противоположныхъ мнѣній, вліяніе на нее отдѣльныхъ лицъ и, наконецъ, группировка ея на основѣ всего этого на партіи хорошо, конечно, были извѣстны верховной власти Великаго Княжества Литовскаго. Безъ сомнѣнія не менѣе ясно все это сознавалось и самою шляхтою. Конечно, въ различное время и въ различныхъ

1) Стр. 452.

2) II ст., III, 5.

3) Ср. А. Вил. III, стр. 337, 339 и др.

4) См. выше, стр. 443 и прим. 2.

повѣтахъ Великаго Княжества Литовскаго эта группировка шляхты должна была слагаться неодинаково. У насъ нѣтъ возможности, по недостатку матеріала, прослѣдить настроенія Литовско-Русскихъ повѣтовъ во второй половинѣ XVI столѣтія. Но мы должны, изучая повѣтовый сеймикъ, какъ общій институтъ государственной жизни Великаго Княжества Литовскаго въ эту эпоху, остановиться на значеніи въ его дѣятельности отдѣльныхъ группъ его участниковъ, дѣлая это путемъ общаго опредѣленія условій, создававшихъ вліяніе ихъ представителей, а не путемъ изученія роли отдѣльныхъ личностей или группировки опредѣленныхъ лицъ.

Литовско-Русскій законъ, какъ мы видѣли выше ¹⁾, въ составѣ повѣтовыхъ сеймиковъ различаетъ радныхъ пановъ ²⁾, должностныхъ лицъ, князей, пановъ и рядовую шляхту повѣтовъ. То же самое дѣлаютъ и акты, относящіеся къ повѣтовымъ сеймикамъ Великаго Княжества Литовскаго ³⁾. Значеніе представителей этихъ группъ не могло быть одно и то же во время сеймикованья. Паны-рада должны были прежде всего обладать большею освѣдомленностью по сравненію съ остальными участниками сеймиковъ. Самый созывъ предсеймовыхъ сеймиковъ и сеймовъ долженъ былъ дѣлаться господаремъ не иначе, какъ съ ихъ вѣдома, и паны-рада участвовали не только въ выборѣ времени и мѣста для сеймовъ, но и въ обсужденіи вопросовъ и дѣлъ, на сеймы вносимыхъ ⁴⁾. Кромѣ того передъ предсеймовыми сеймиками радные паны получали особые листы отъ господара, освѣдомлявшіе ихъ въ большей степени, чѣмъ освѣдомлялись остальные участники сеймиковъ господарскими универсалами и листами, адресованными къ княжатамъ, панятамъ и части урядниковъ. Такимъ образомъ, на предсеймовые сеймики паны-рада являлись съ гораздо лучшимъ и полнымъ знаніемъ дѣлъ, подлежащихъ сеймовымъ

1) Стр. 544—545.

2) II статутъ называетъ воеводъ и каштеляновъ (II ст., III, 5); статутъ 1588 года къ нимъ прибавляетъ бискуповъ (III ст., III, 6). Но, конечно, на сеймикахъ бывали и паны-рада, не занимавшіе воеводскихъ или каштелянскихъ урядовъ.

3) См. выше, стр. 557—558.

4) См. И. И. Л а п о, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 711.

„обмовамъ“, чѣмъ остальные повѣтовые обыватели, при чемъ это знаніе господарь давать имъ былъ обязанъ. Но кромѣ того они приносили съ собою на сеймикъ и ту освѣдомленность, которая доставлялась имъ ихъ связями и не всегда подлежала оглашенію въ официальныхъ документахъ, или даже въ перепискѣ съ ними господаря. Панъ-рада на сеймикѣ въ силу всего этого не только имѣлъ возможность вліять на сеймикующихъ тѣми или другими доводами, въ которыхъ онъ приводилъ факты, неизвѣстные остальнымъ сеймикующимъ, но онъ могъ оказывать вліяніе и просто своимъ мнѣніемъ, за которымъ сеймикъ искалъ основаній достаточно сильныхъ, но скрытыхъ отъ сеймикующихъ. На сеймикахъ не предсеймовыхъ радные паны также сохраняли это преимущество большей освѣдомленности, хотя господарь и не обязанъ былъ имъ ее доставлять: ихъ положеніе, какъ членовъ сената, и ихъ связи и безъ того вооружали ихъ достаточнымъ знаніемъ вопросовъ государственной жизни, а также тѣхъ теченій и вліяній, съ которыми нужно было считаться въ сеймикованьѣ.

Къ большей освѣдомленности радныхъ пановъ присоединялось ихъ значеніе по урядамъ, которые они занимали, соединяя ихъ съ мѣстомъ въ „лавицѣ“ радъ господарскихъ. Каждый сенаторскій урядъ давалъ его обладателю ту или иную отрасль управленія, центрального или областного. Кромѣ того радные паны обычно надѣлялись староствами, какъ судовыми, такъ и несудовыми¹⁾. Такимъ образомъ, радный панъ выступалъ на повѣтовомъ сеймикѣ вооруженнымъ властью, отъ которой такъ или иначе зависѣла значительная часть сеймикующихъ, правда внѣ сеймика и лишь отдѣльными сторонами, которыми она соприкасалась съ нимъ, какъ должностнымъ лицомъ. Наконецъ, панъ-рада долженъ былъ выдѣляться и тѣмъ значеніемъ, которое давали ему его матеріальныя средства. Радные паны, за немногими исключеніями, были очень крупными землевладѣльцами. Это глубокое различіе размѣровъ земельныхъ владѣній пановъ-рады и остальныхъ „сыновъ земскихъ“²⁾ Великаго Княжества Литовскаго отчетливо иллю-

1) Ср. выше, стр. 132 и сл.

2) См. это выраженіе на стр. 135 Приложеній.

стрируется сравненіемъ цифръ ратниковъ, выставляемыхъ ими и шляхтою въ сборахъ земскаго войска. „Попись“ 1567 года подсчитываетъ 4890 конниковъ и 2471 пѣшаго драба въ „почтахъ“ Литовско-Русскихъ радныхъ пановъ¹⁾. Между тѣмъ цѣлые шляхетскіе повѣты дали въ этомъ „Пописѣ“ лишь слѣдующія цифры: Виленскій повѣтъ — 508 коней и 80 драбовъ, Опшменскій — 686 коней, 10 пѣшихъ шляхтичей и 79 драбовъ, Вилькомирскій — 650 коней, 3 пѣшихъ шляхтича и 51 драбъ, повѣтъ Браславля Литовскаго — 81 конь и 14 драбовъ, Троцкій повѣтъ — 591 конь, 23 пѣшихъ и 25 драбовъ, Городенскій — 685 коней, 29 пѣшихъ шляхтичей и 29 драбовъ, Лидскій — 798 коней, 48 пѣшихъ шляхтичей и 41 драбъ, Ковенскій — 694 коня и 34 драба, Упитскій — 358 коней и 50 драбовъ, Новгородскій — 449 коней, 16 пѣшихъ шляхтичей и 54 драба, Волковыскій — пѣшихъ и конниковъ 357 и 30 драбовъ, Слонимскій — 247 коней, 28 пѣшихъ шляхтичей и 28 драбовъ, Берестейскій — 420 коней и пѣшихъ и 52 драба, Пинскій — 234 коня и 23 драба, Дорогицкій — 3752 коня, 949 пѣшихъ шляхтичей и 111 драбовъ, Бѣльскій — 3568 коней, 438 пѣшихъ шляхтичей и 21 драбъ, Минскій — 221 конь и 45 драбовъ, Рѣчицкій — 44 коня и 5 драбовъ, Оршанскій — 7 коней и 2 драба, Мозырскій — 24 коня и 6 драбовъ, земля Волынская — 697 коней и 228 драбовъ, земля Жомойтская — 2873 коня, 14 пѣшихъ и 185 драбовъ²⁾. Такимъ образомъ, всѣ повѣты Великаго Княжества Литовскаго, обозначенные „Пописомъ“ 1567 года, выставили 19502 коней и пѣшихъ шляхтичей и 1193 драбовъ. Если даже принять въ соображеніе то, что повѣтовая шляхта неполно явилась къ исполненію своихъ обязанностей земскихъ воиновъ³⁾, что иногда отмѣчается и текстомъ самого „Пописа“ 1567 года⁴⁾, то и въ такомъ слу-

1) Л. 16 (ст. 454 изданія) или л. 856.

2) Итоги выставленныхъ повѣтами военныхъ силъ даны не только въ концѣ „пописа“ каждаго повѣта, но и въ заключительной части рукописной книги, на л. л. 857—859. Эти послѣдніе итоги не всегда сходятся съ итогами, данными въ концѣ „пописа“ каждаго повѣта, по которымъ мы ихъ и исправляли.

3) См. выше, стр. 60—62.

4) Нпр., о повѣтѣ Оршанскомъ въ „Пописѣ“ 1567 года замѣчено: „было шесть пріехало, а иная шляхта осталася на замку тамошнемъ“

чаѣ цифры „почтовъ“ пановъ-рады представляются внушительными рядомъ съ цифрами повѣтовыхъ отрядовъ¹⁾. Но эти цифры „почтовъ пановъ радъ ихъ милости Великого Князьства Литовскаго“ приобрѣтаютъ еще бѣльшую внушительность, если мы не будемъ забывать, что они выставлены только тридцатью лицами. Размѣры „почтовъ“ отдѣльныхъ радныхъ пановъ опредѣлены „Пописомъ“ 1567 года слѣдующимъ образомъ: 1) панъ Григорій Александровичъ Ходкевичъ, панъ Виленскій, гетманъ наивысшій Великаго Князьства Литовскаго, староста Городенскій, державца Могилевскій — 407 коней и 200 драбовъ²⁾; 2) панъ Юрій Васильевичъ Тишкевичъ, воевода Берестейскій — 62 коня и 24 драба; 3) князь Андрей Тимоѣевичъ Капуста, каштелянъ Браславскій, староста Овручскій — 105 коней и 22 драба; 4) панъ Григорій Есифовичъ Тризна, каштелянъ Подляшскій — 22 коня и 11 драбовъ; 5) панъ Василій Тишкевичъ, воевода Подляшскій — 66 коней и 33 драба; 6) панъ Янъ Гайко, каштелянъ Берестейскій, державца Трабскій и Красносельскій — 48 коней и 23 драба; 7) панъ Юрій Зеновьевичъ, каштелянъ Полоцкій, державца Лепельскій, Чичерскій и Пропойскій — 47 коней и 24 драба; 8) Валеріанъ, князь бискупъ Виленскій — 100 коней и 50 драбовъ; 9) князь Александръ Чорторыйскій, воевода Волынскій — 100 коней и 50 драбовъ; 10) панъ Юрій Александровичъ Ходкевичъ, каштелянъ Троцкій, староста Бѣльскій — 180 коней и 102 драба; 11) панъ Ольбрихтъ Ласскій, воевода Сирацкій („съ Полеки“), съ имѣній своей жены, княгини Біаты Ильиной Острожской — 203 коня и 40 драбовъ; 12) панъ Михайло Козинскій, каштелянъ Луцкій — 40 коней и 18 драбовъ; 13) князь Стефанъ Збаражскій, воевода Троцкій — 173 коня и 84 драба; 14) панъ Юрій Остикъ, воевода Мстиславскій, староста Браславскій — 141 конь и 35 драбовъ; 15) панъ Янъ Еронимовичъ Ходке-

украинномъ, на Орши“ (л. 859); или о повѣтъ Мозырскомъ: „повѣту Мозырского не выехало болшен, одно коней 24“ (ibidem).

1) Общая цифра „почтовъ“ урядниковъ земскихъ и дворныхъ и повѣтовыхъ маршалковъ — 880 коней и 435 драбовъ, княжатъ — 1410 коней и 533 драба, паняты 1659 коней и 909 драбовъ. См. итоги на л. л. 856—856 об. рукописи „Пописа“ 1567 года.

2) Со своихъ имѣній, съ опекаемыхъ имъ имѣній сыновей князя Януша Кузменича Жеславскаго и съ Супрасльскаго монастыря.

вичъ, староста Жомойтскій, маршалокъ земскій Великаго Княжества Литовскаго, администраторъ и гетманъ земли Инфлянтской, державца Плотельскій и Тельшовскій — 360 коней и 240 драбовъ; 16) панъ Остафій Воловичъ, подканцлеръ Великаго Княжества Литовскаго, маршалокъ дворный, староста Берестейскій и Кобринскій — 254 коня и 71 драбъ; 17) панъ Григорій Воловичъ, каштелянъ Новгородскій, староста Слонимскій — 35 коней и 2 драба; 18) панъ Миколай Тальвошъ, каштелянъ Минскій, староста Дынебургскій — 37 коней и 10 драбовъ; 19) панъ Гаврило Ивановичъ Горностаѣ, воевода Минскій, державца Каменецкій — 49 коней и 44 янычара и драба; 20) панъ Мальхеръ Шеметь, каштелянъ земли Жомойтской — 67 коней и 34 драба; 21) пани Станиславовая Кищиная, воеводиня Витебская, пани Анна Радивиловна — 407 коней и 160 драбовъ; 22) панъ Миколай Радивиль, воевода Виленскій, канцлеръ Великаго Княжества Литовскаго, староста Мозырскій, державца Борисовскій и Лидскій — 400 коней и 200 драбовъ; 23) князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, воевода Кіевскій, маршалокъ Волынской земли, староста Владимірсскій — 200 коней и 100 драбовъ; 24) князь Юрій Юрьевичъ Слуцкій — 478 коней и 300 драбовъ; 25) панъ Павелъ Ивановичъ Сопега, воевода Новгородскій — 120 коней и 124 драба; 26) князь Романъ Сангушковичъ, воевода Браславскій, гетманъ дворный, староста Житомирскій — 100 коней и 50 драбовъ; 27) панъ Миколай Нарушевичъ, подскарбій земскій Великаго Княжества Литовскаго, писарь господарскій, державца Марковскій, Мядельскій, Ушпольскій и Пенянскій — 100 коней и 40 драбовъ; 28) панъ Миколай Криштофъ Радивиль, „з Олыки и Несвижа, кграбя на Шидловъцу“ — 539 коней и 386 драбовъ; 29) Миколай Паць, князь бискупъ Кіевскій — 20 коней и 10 драбовъ; 30) панъ Павелъ Паць, каштелянъ Витебскій — 50 коней и 20 драбовъ.

Присматриваясь къ этому списку, замѣчаемъ, что число воиновъ, выставленныхъ нѣкоторыми изъ радныхъ пановъ, превышаетъ число ратниковъ, выставленныхъ рядомъ цѣлыхъ шляхетскихъ повѣтовъ. Самую крупную цифру даетъ „Попись“ 1567 года для „почта“ пана Миколая Криштофа Радивила, а именно 925 воиновъ. Если присоединить къ числу воиновъ, выставленныхъ этимъ паномъ, число воиновъ,

выставленныхъ представителями той же фамиліи, т. е. паномъ Николаемъ (600) и пани Анною (567), то получится цифра въ 2092 человекъ. Размѣры имѣній Радивиловъ¹⁾ создаютъ и соответствующіе имъ громадныя размѣры ихъ „почтовъ“, какъ по ихъ обязанности, такъ и на „ласку“ господаря. Конечно рядомъ съ крупными цифрами „почтовъ“ отдѣльныхъ радныхъ пановъ (князя Слуцкаго, князя Острожскаго, Ходкевичей и др.) встрѣчаемъ и цифры болѣе мелкія, но по сравненію съ числомъ воиновъ, выставляемыхъ отдѣльными шляхтичами и онѣ должны быть признаны очень значительными.

Размѣрамъ земельныхъ имуществъ большинства радныхъ пановъ соответствовали и ихъ денежныя средства. Эти послѣднія получались ими не только какъ доходы съ ихъ собственности, но и какъ доходы со староствъ и державъ, даваемыхъ господаремъ въ управленіе каждому пану-радѣ, какъ и каждому лицу, занимающему сколько-нибудь крупныя центральныя и дворныя уряды. Размѣры оборотныхъ капиталовъ многихъ радныхъ пановъ видны изъ размѣровъ ссудъ, которыя они могли дѣлать земскому скарбу, когда онѣ нуждался въ деньгахъ: тысячи копѣ грошей сплошь и рядомъ ссужались панами-радою подъ залогъ столовыхъ имѣній²⁾. Матеріальнымъ средствамъ радныхъ пановъ соответствовала обстановка ихъ жизни, въ которой традиціи старыхъ владѣтельныхъ панскихъ и княжескихъ домовъ, стоявшихъ раньше рядомъ съ господаремъ надъ старымъ боярствомъ-шляхтою, переплетались съ новою роскошью, шедшею съ Запада, и подражаніемъ двору великаго князя и чужеземныхъ властителей. Тѣ паны-рада, которыхъ матеріальныя средства не были слишкомъ велики, тянулись за болѣе счастливыми въ этомъ отношеніи своими товарищами по „лавицѣ“ радъ господарскихъ, прибѣгая къ кредиту, широко доступному для сенатора.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вліянію отдѣльныхъ

1) Ср., нпр., о Биржахъ, принадлежавшихъ Радвиламъ, работу Е. Тышкевича *Eustachy Tyszkiewicz, Birże. Rzut oka na przeszłość miasta, zamku i ordynacyi. St.-Petersburg 1869.* Ср. актъ раздѣла имѣній Радивиловъ въ 1520 году — *Вил. Арх. Сб. VII, № 9.*

2) См. И. И. Лаппо, *Великое Княжество Литовское*, томъ I, стр. 269 и сл.

радныхъ пановъ на повѣтовые сеймики было открыто много путей. Шляхта должна была имѣть извѣстный пietetъ по отношенію къ радному пану, который можетъ „контрадыковати“¹⁾ самому господарю, „не стоечи, але седечи при его королевской милости“²⁾, и который входитъ въ составъ рады Великаго Княжества Литовскаго, стоящей во главѣ Литовско-Русскаго „панства“, а при избирательности великаго князя и соединеніи съ Польшею въ эпоху послѣ Люблинской Уніи пріобрѣвшей особенное значеніе, взявъ на себя часть значенія, прежде принадлежавшаго исключительно господарю³⁾. Но рядомъ съ этимъ пietetомъ, который часто усиливался личнымъ обаяніемъ того или другого пана-рады, передъ сеймикующими должна была стоять его „можность“, т. е. сила, какъ должностного лица и обладателя крупныхъ матеріальныхъ средствъ. Возможность отблагодарить своихъ „пріятелей“ ходатайствомъ за нихъ, быть за нихъ „у причинѣ“ при какомъ-либо пожалованіи отъ господаря, соединялась для раднаго пана съ возможностью и отдарить ихъ за услугу деньгами или кускомъ земли изъ своихъ обширныхъ владѣній⁴⁾. Кромѣ того, крупные паны имѣли въ составѣ слугъ повѣтовыхъ шляхтичей⁵⁾ и могли опираться на ихъ голоса въ сеймикованьѣ еще больше, чѣмъ на голоса своихъ „пріятелей“, а обладаніе земельными имѣніями въ границахъ того или другого повѣта открывало этимъ панамъ возможность надѣлять своихъ слугъ-шляхтичей осѣлостями въ соответствующихъ повѣтахъ и тѣмъ дѣлать ихъ полноправными участниками того или другого повѣтоваго сеймика, какъ мы уже отмѣтили выше⁶⁾.

Паны-рада выступали и посредниками между господаремъ и повѣтовыми сеймиками въ тѣхъ случаяхъ, когда сеймикованье почему-либо осложнялось и требовалось до-

1) А. Вил. VI. Стр. 207.

2) Вил. Арх. Сб. I. № 45. Ср. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 713, прим. 3.

3) См. И. И. Лаппо, *op. cit.*, стр. 683—736.

4) См. *ibidem*, стр. 441 и сл.

5) См. выше, стр. 243 и сл.

6) См. выше, стр. 246—247.

ведение объ этомъ до свѣдѣнія великаго князя¹⁾. Наконецъ къ нимъ же обращается и господарь съ просьбами объ оказаніи вліянія на сеймикъ въ желательномъ для господаря направленіи²⁾. Такимъ образомъ, значеніе радныхъ пановъ на повѣтовыхъ сеймикахъ и ихъ вліяніе на сеймикующихъ должны быть признаны крупными. Но отъ этого признанія далеко до того, чтобы можно было согласиться съ отрицаніемъ всякой самостоятельности повѣтовой шляхты на сеймикахъ и съ утвержденіемъ, что Литовско-Русскій повѣтовый сеймикъ былъ лишь исполнителемъ желаній пановъ-рады Княжества, которыя мы находимъ въ исторической литературѣ.

И въ трудахъ болѣе ранняго времени, и въ трудахъ времени новѣйшаго встрѣчаемъ утвержденіе, что на повѣтовыхъ сеймикахъ Великаго Княжества Литовскаго до Люблинской Уніи 1569 года шляхта не имѣла никакого значенія. Основаніемъ для этого утвержденія являются

1) См. выше, стр. 443 и прим. 2. Ср. И. И. Лаппо, *op. cit.*, стр. 88—90, прим. 2 и 3 къ стр. 88. Какъ образецъ документовъ такого содержанія можетъ быть приведенъ также слѣдующій „Отпись“ Сигизмунда Августа: „Жикгимонтъ Августъ. Воеводе Виленскому, канцлеру Великаго Князства Литовскаго, старосте Мозырскому и Лидьскому, державцы Борисовскому, пану Николаю Юревичу Радивилу. Выrozumели есмо достаточне з листу твоее милости, которій намъ въ тыхъ часехъ отъ твоее милости данъ, ижъ соймикъ земли воеводства Виленскаго, на часъ зложоный з одного зо всихъ поветовъ, ку воеводству Виленскому прислухаючихъ, за пильнымъ стараньемъ твоее милости у Волкиникахъ вжо дошоль, ачь з великою небезпечностью отъ поветрея и при маломъ собранью шляхты. Ино мы то отъ твое милости, яко великое и верное рады наше, вдячне пріймемъ, же за таковымъ дбалымъ стараньемъ твоее милости потребамъ речи посполитое досыть ся стало. А што въ ономъ же листе своемъ пишешъ твоя милость, жедаючи насъ г[о]с[по]д[а]ра, абы послове, на съемъ обраные, за неборздымъ своимъ ку сойму прѣханьемъ съ причинъ, намъ отъ твоее милости ознайменыхъ, отъ насъ г[о]с[по]д[а]ра виновани не были, альбо абыхмо сойму далей помкнули, а такъ, ижъ вжо перво сего съ певныхъ причинъ тотъ съемъ ажъ до Громницъ есть помкненъ, о чомъ твоей милости з листу нашего, въ той речи ку твоей милости, яко и иньшымъ паномъ радамъ нашимъ, писаного до того часу, вжо ведомость дойти могла, — тогда ваша милость, панове рады, такъ же и послы поветовые ку выправе на съемъ часу досыть мають“. Дата документа: Варшава, 31 декабря 1571 года. Лит. Метр. $\frac{I A}{56}$ л. л. 8 об. —9. Заголовокъ въ книгѣ Метрики: „Отпись въ той же речи соймовой до пана воеводы Виленскаго“.

2) См., нпр., выше, стр. 400, 404, 406 и 440, прим. 1.

слова, сказанныя на Люблинскомъ сеймѣ Дорогицкимъ хоружимъ, подстаростою Брянскимъ Николаемъ Буйно и маршалкомъ Польскихъ пословъ на этомъ сеймѣ Чарнковскимъ¹⁾. Буйно говорилъ 15 апрѣля 1569 года о сеймикахъ Княжества слѣдующее: „Что же касается до того, чтобы Литовцамъ созывать сеймики, то противъ этого я скажу, что тамъ вовсе не было сеймиковъ со времени Парчевскаго сейма. Сеймики тамъ отбываются иначе, чѣмъ у васъ, г. г. Тамъ приѣзжаютъ на сеймикъ только воевода, староста, да хоружій; напишутъ что имъ вздумается и пошлютъ къ землянину на домъ, чтобы подписалъ. Если онъ не подпишетъ, то они отдуютъ его палками. Поэтому не понимаю, какая тамъ могла бы быть надобность въ сеймикахъ? Тамъ шляхта не участвуетъ ни въ какихъ совѣщаніяхъ; тамъ сенаторы дѣлаютъ что хотятъ. Если вы назначите имъ сеймики, то развѣ для того, чтобы протянуть имъ время, и они тамъ еще напишутъ, что даютъ посламъ ограниченную власть, чего безъ сеймиковъ не сдѣлали бы, а вы, г. г., будете здѣсь даромъ жить. Они того лишь и добиваются, какъ бы выторговать у васъ назадъ Волынь и Подляшье. Ради Бога, не дайте имъ обмануть васъ“²⁾.

Передъ нами тотъ моментъ Люблинскаго сейма, когда рѣшался вопросъ о созывѣ повѣтовыхъ сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго для возстановленія Литовско-Русскаго представительства на сеймѣ, уничтоженнаго отъѣздомъ съ него радныхъ пановъ и повѣтовыхъ пословъ

1) См., нпр., Jędrzej Moraczewski, Polska w złotym wieku, przedstawiona wyimkami z dziejów Rzeczypospolitej Polskiej (Poznań 1851), str. 212—213 („sejmiki litewskie nie odbywały się jednakże w duchu wolności polskiej, sprzeciwiali im się książęta i możni panowie, a na sejmie ostatecznej unii r. 1569 zachodziły skargi, że zjeżdża tylko wojewoda, starosta i chorąży, spiszą co im potrzeba i obselają po domach szlachcie do przyłożenia pieczęci, a takiemu coby się od tego wylaamywał, nawet i kijami zagrażają“). Ср. О. И. Леонтовичъ, Вѣча, сеймы и сеймики въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ — Журн. Мин. Нар. Пр. 1910, II, стр. 261—262 (и цитируемое имъ во 2-мъ примѣчаніи къ стр. 261 мѣсто извѣстнаго труда Ярошевича *Obraz Litwy*).

2) Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года. Соединеніе Великаго Княжества Литовскаго съ Королевствомъ Польскимъ. СПб. 1869. Стр. 290. Цитируемъ въ текстъ по переводу М. О. Кояловича, замѣняя слово „хорунжій“ словомъ „хоружій“ и слово „Подлѣсье“ словомъ „Подляшье“.

Княжества ¹⁾. Должностное лицо Подляшья и горячій сторонникъ его „втѣленія“ въ Польшу, Буйно боится пересмотра вопроса объ отторженіи Подляшской земли отъ Великаго Княжества Литовскаго, и эта боязнь ясно обнаруживается въ концѣ приведенныхъ нами его словъ. Какъ Подляшскій шляхтичъ, притомъ хоружій, онъ, конечно, отлично зналъ объ учрежденіи въ исходѣ 1565 года повѣтоваго Литовско-Русскаго сеймика, какъ зналъ и о томъ, что съ 1566 года этотъ сеймикъ выслушивалъ передъ сеймами господарскихъ пословъ и избиралъ своихъ сеймовыхъ представителей, а также выбиралъ кандидатовъ на земскіе судебные уряды. Но мы уже знаемъ то недовольство Подляшской шляхты, которое было вызвано въ концѣ шестидесятихъ годовъ обнаруженнымъ Литовско-Русскимъ сеймомъ стремленіемъ къ большому сплоченію Подляшья съ остальными землями Великаго Княжества Литовскаго во имя идеи его государственнаго единства ²⁾. Отказъ въ признаніи польскаго языка языкомъ Подляшья въ государственныхъ дѣлахъ и актахъ, его касающихся, и желаніе болѣе сплотить Подляшскіе повѣты съ остальными повѣтами Литовско-Русскаго государства не могли не вызывать недовольства въ значительномъ числѣ Подляшской шляхты, привыкшей къ извѣстному сепаратизму и чувствовавшей для себя болѣе родными Поляковъ, чѣмъ Литовцевъ и Русскихъ. Это настроеніе и принесъ съ собою Дорогицкій хоружій Миколай Буйно. Выражая его въ своей рѣчи, Буйно не безъ искусства внесъ въ приведенныя выше его слова именно то, что должно было способствовать цѣли его выступленія, т. е. отклоненію Польскою частью Люблинскаго сейма созыва новыхъ Литовско-Русскихъ сеймиковъ, отъ которыхъ онъ опасался требованія пересмотра вопроса о присоединеніи къ Польшѣ Подляшья. Парчовскій сеймъ 1564 года, на которомъ велись переговоры объ Уніи, не привелъ, какъ извѣстно, къ опредѣленнымъ результатамъ въ выработкѣ условій соединенія Польши и Великаго Княжества Литовскаго. На слѣдующемъ Польскомъ сеймѣ, собравшемся въ Петровѣ въ 1565 году, дѣло было представлено такъ, что Литовско-

1) См. И. И. Лапко, *op. cit.*, стр. 27 и сл.

2) Стр. 171—173.

Русская шляхта въ Парчовѣ соглашалась на условія Уніи, предложенныя Поляками, и только „потентаты“ Княжества помѣшали успѣху дѣла¹⁾. Теперь, на Люблинскомъ сеймѣ дѣло Уніи почти погибло, опять-таки главнымъ образомъ благодаря энергичной защитѣ самостоятельности Литовско-Русскаго государства тѣми же „потентатами“, т. е. крупнѣйшими радными панами Великаго Княжества Литовскаго. Лишній разъ бросить камень въ этихъ „потентатовъ“, настаивавшихъ притомъ на созывѣ новыхъ сеймиковъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ, должно было входить въ планы Дорогицкаго хоружія тѣмъ болѣе, что у Подляшанъ накопилось много съ ними счетовъ за предшествующее время²⁾. Ударъ еще болѣе удачнымъ долженъ былъ представляться и потому, что онъ совпадалъ съ враждебнымъ настроеніемъ къ „можновладству“ Польскихъ пословъ Люблинскаго сейма, въ то время, когда идеи экзекутистовъ такъ широко захватили Польскую шляхту. Увлеченный своимъ настроеніемъ Буйно притомъ забылъ, что сеймики Великаго Княжества Литовскаго отправляли свои собранія, „не ждучи неприбылыхъ“³⁾, что уничтожало всякую надобность въ разсылкѣ ихъ постановленій на утвержденіе оставшейся дома шляхты.

Итакъ, въ словахъ Дорогицкаго хоружія Буйна на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года, которыя обыкновенно кладутся въ основу представленій о значеніи радныхъ пановъ на повѣтовыхъ сеймикахъ Великаго Княжества Литовскаго, мы не можемъ признать указанія, имѣющаго какое-либо значеніе для изученія Литовско-Русскаго сеймика этой эпохи. Эти слова для историка могутъ имѣть значеніе лишь какъ иллюстрація настроенія представителя Подляшья на Люблинскомъ сеймѣ.

Обратимся теперь къ оцѣнкѣ свидѣтельства другого

1) М. К. Любавскій. Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 677. Ф. И. Леонтовичъ полагаетъ, что до Люблинской Уніи „на мѣстныхъ сеймикахъ Литвы-Руси шляхтѣ принадлежала лишь чисто пассивная роль“, такъ какъ „на дѣлѣ всѣмъ заправляли мѣстные воеводы, кастеляны, старосты и вообще крупная знать“. (Ф. И. Леонтовичъ, *op. cit.*, стр. 261). Основанія, на которыхъ построенъ этотъ взглядъ, уже указаны нами выше.

2) См. выше, стр. 157 и сл.

3) См. выше, стр. 317, 499 и др.

участника того же сейма, которое также сыграло свою роль въ созданіи представленій о повѣтовыхъ сеймикахъ Княжества. Станиславъ Чарнковскій, Коронный референдарій и маршалокъ посольской избы Люблинскаго сейма, 18 апрѣля 1569 года, между прочимъ, сказалъ слѣдующее о повѣтовыхъ сеймикахъ Великаго Княжества Литовскаго: „тамъ шляхта не ѣздитъ на сеймики, какъ у насъ, а пріѣдутъ — воевода, кастелянъ, староста и пошлютъ потомъ къ шляхтѣ постановленное ими для подписи и приложенія печати, и если кто не приложитъ печати, то погрозятъ палкой“¹⁾. Въ этихъ словахъ Чарнковскаго нельзя не видѣть вліянія того, что всего тремя днями раньше сказалъ о сеймикахъ Княжества Буйно и что, очевидно, произвело достаточно сильное впечатлѣніе на членовъ Польской посольской избы Люблинскаго сейма. Вліяніе словъ Буйно особенно ясно чувствуется въ этомъ упоминаніи о палкахъ, при помощи которыхъ Литовско-Русскіе „потентаты“ заставляютъ шляхту исполнять свою волю. Это рѣзкое выраженіе, конечно, запомнилось и было ходячимъ словомъ въ разговорахъ Польскихъ шляхтичей, засѣдавшихъ на сеймѣ въ Люблинѣ. Естественно, что Чарнковскій, настаивая на томъ, чтобы не было созыва Литовско-Русскихъ сеймиковъ, противъ котораго ратовалъ раньше и Буйно, обращаясь съ рѣчью къ сенаторамъ, требовавшимъ этого созыва, высказалъ ставшимъ популярнымъ въ посольской избѣ изображеніе сеймика Княжества, сдѣланное недавнимъ подданнымъ Литовско-Русскаго государства, хотя и враждебнымъ ему Подляшскимъ шляхтичемъ. Польша плохо знала Великое Княжество Литовское, хотя и считала его присоединеннымъ къ себѣ еще въ XIV столѣтіи. Дѣйствительное его положеніе знали Польскіе сенаторы, близкіе къ королю и встрѣчавшіеся съ его Литовско-Русскими подданными во время своихъ поѣздокъ въ Литовско-Русское государство къ нему или съ нимъ, а также видѣвшіе ихъ во время ихъ пріѣздовъ къ нему, какъ своему великому князю, въ Польшу; этому знанію Литовско-Русскаго государства въ средѣ Польскаго сената благопріятствовали и брачныя связи отдѣльныхъ круп-

1) Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года (СПБ. 1869). Стр. 308. Въ текстѣ цитируемъ по переводу М. О. Кояловича.

ныхъ Польскихъ и Литовско-Русскихъ фамилій, а также постоянные переговоры объ Уніи въ началѣ второй половины XVI вѣка. Быть можетъ этимъ и нужно объяснять ббльшую уступчивость Литовско-Русскимъ требованіямъ на Люблинскомъ сеймѣ со стороны сената, чѣмъ со стороны посольской избы Польши. Шляхетская масса Польши, за исключеніемъ отдѣльныхъ ея представителей, внѣ всякаго сомнѣнія, Великаго Княжества Литовскаго почти совсѣмъ не знала. Хорошей иллюстраціей этого незнанія Поляками Княжества и строя его жизни является Описаніе Польши, посвященное Яномъ Красинскимъ 20 мая 1574 года королю Генриху¹⁾, въ которомъ помѣщены рассказы о томъ, что въ Литвѣ не пользуются монетою²⁾, что въ Литвѣ мало городовъ³⁾ и т. п.

Итакъ, рѣшеніе вопроса о значеніи приведенныхъ нами словъ Чарнковскаго для изученія Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика можетъ быть только отрицательное. Такимъ образомъ, оба основанія, которыя принимаются въ исторической литературѣ для представленій о повѣтовомъ сеймикѣ Княжества кануна Люблинской Уніи, какъ о всецѣло находившимся въ рукахъ воеводъ и каштеляновъ, должны быть отвергнуты. Думать о такомъ отношеніи сеймикующей шляхты къ раднымъ панамъ въ дѣйствительности едва ли возможно. Десятки лѣтъ Литовско-Русская шляхта штурмовала исключительное положеніе панскаго класса Великаго Княжества Литовскаго и за нѣсколько уже лѣтъ до Люблинской Уніи вошла наконецъ въ цитадель исключительныхъ правъ и преимуществъ панства съ Бѣльскимъ привилеемъ 1564 года и реформами 1565—1566 годовъ въ рукахъ. Традиціи, выработанныя этою борьбою, не могли умереть, и, имѣя ихъ передъ собою, шляхта Литовско-Русскихъ повѣтовъ не могла быть простымъ стадомъ, покорно стоящимъ на сеймикахъ передъ радными панами, какъ своими пастырями. Вліяніе радныхъ пановъ на сеймикахъ должно было

1) J a n a K r a s i ń s k i e g o , Polska czyli opisanie topograficzno-polityczne Polski w wieku XVI, oraz materiały do panowania Henryka Walezyusza, przetłumaczone, zebrane i objaśnione przez Stanisława Budzińskiego. Warszawa 1852.

2) Op. cit. Str. 98—99.

3) Ibidem. Str. 102—103.

быть крупнымъ, и мы уже видѣли для него основанія. Но отсюда еще далеко до ихъ безусловнаго господства надъ повѣтовою шляхтою во время сеймиковастья, и мы уже видѣли выше примѣръ отказа Владимірской шляхты явиться по призыву своего воеводы въ 1568 году на сеймикъ для выбора кандидатовъ на урядъ земскаго подсудка, несмотря на то, что воевода нѣсколько разъ ее „листомъ своимъ обьсылалъ“, приглашая на сеймикъ ¹⁾.

Что касается до Литовско-Русскаго сеймиковастья XVI столѣтія въ годы послѣ Люблинской Уніи, то мы имѣемъ прямыя указанія источниковъ на столкновенія шляхтичей съ радными панами во время самыхъ „обрадованій“ повѣтовыхъ сеймиковъ. Такъ, на Волковыйскомъ съѣздѣ 1577 года Полоцкій воевода ²⁾ заявилъ, что, когда онъ, „за листы его королевское милости соймикъ поветовый въ земли воеводства Полоцкаго зложывшы, тамъ зъехати рачыль, тогда панове шляхѣта, обыватели земли Полоцкое, до его милости зпедшыся, всказанья и листовъ его королевское милости выслужавшы, некоторые съ нихъ для якихъсѣ намовъ отъ его милости отошли а тамъ, одъшедшы и посла его королевское милости до себе везавшы, . . . словы обелжыли и, съ паномъ воеводою соймику порадне не отъправуючы, прочъ ся розехали“. Представитель Полоцкой шляхты на Волковыйскомъ съѣздѣ, панъ Дмитръ Корсакъ обьяснилъ, что Полоцкіе обыватели „для якихъсѣ волностей своихъ пану воеводе Полоцкому соймику отъправовати не допустили“. Выяснивъ это, Волковыйскій съѣздъ постановилъ: „которые розницы и неснаски ижъ ся подъ бокомъ непрятельскимъ деють, то его кор[олевской] милости предложыти, жебы панове шляхѣта земли Полоцкое таковыхъ розтырковъ противко пану воеводе не чынили, але, водле прыстойности, статочне ся въ повинностяхъ своихъ заховали“ ³⁾.

Кромѣ вліянія голосовъ радныхъ пановъ, во время повѣтоваго сеймиковастья должно было замѣчаться и вліяніе

1) См. выше, стр. 509, прим. 1.

2) Т. е. панъ Миколай Миколаевичъ Дорогостайскій, воевода Полоцкій и стольникъ Великаго Княжества Литовскаго.

3) Приложенія. Стр. 84—85.

голосовъ урядниковъ. Урядники земскіе, дворные и повѣтовые стояли надъ рядовою шляхтою, благодаря и своему должностному положенію, и своимъ связямъ, и своей большей матеріальной обезпеченности. Въ числѣ должностныхъ лицъ, занимавшихъ центральные земскіе и дворные, а также нѣкоторые повѣтовые уряды, особенно маршалковъ и подкоморіевъ, можно было встрѣтить и представителей довольно крупныхъ панскихъ и княжескихъ фамилій¹⁾. Конечно и къ ихъ голосамъ прислушивалась сеймикующая шляхта, если и не такъ внимательно, какъ къ голосамъ пановъ-рады, и имъ, такъ же, какъ послѣднимъ представлялось много возможностей образовывать около себя на сеймикахъ достаточно сильныя партіи, опираясь на свое значеніе и на своихъ служилыхъ шляхтичей и „пріятелей“. Значеніе старость и державцевъ, которое имѣло большое число изъ нихъ, также, конечно, увеличивало ихъ авторитетъ во время сеймикованья.

Что касается не-должностной шляхты, среди которой было много представителей и старыхъ панскихъ или княжескихъ фамилій („князатъ и панятъ“), то и въ ея средѣ существовало отмѣченное уже нами выше расслоеніе²⁾, которое вызывало и различіе степени авторитетности того или другого шляхтича во время сеймикованья. Можно думать, что далеко не вся повѣтовая шляхта пользовалась своимъ правомъ сеймикованья, отвлекаемая отъ него условіями своей жизни и обстановкою своего быта, которыхъ тяжесть и скудость едва ли позволяли требующія расходовъ и отвлекающія отъ работы поѣздки на сеймики. Рядомъ съ шляхтичами, старавшимися принимать участіе въ сеймикованьѣ нѣсколькихъ повѣтовъ, въ границахъ которыхъ лежали ихъ осѣлости, несомнѣнно было большое число и такихъ, которые уклонялись отъ сеймикованья даже въ одномъ, гдѣ они имѣли кусокъ земли, составлявшій ихъ скудное „господарство“, и

1) О должностныхъ лицахъ Великаго Княжества Литовскаго, не принадлежавшихъ къ „стану сенаторскому“, см. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 266—420. „Попись“ 1567 года для почтовъ, которые выставили „врядники короля его милости земскіе и дворные и тежъ маршалки и писары“, даетъ 880 копей и 435 драбовъ (л. 25, ст. 467 изданія).

2) Стр. 279—285.

число сеймикующихъ въ обычное, не исключительное время въ Литовско-Русскихъ повѣтахъ было не больше, а вѣроятно меньше, той цифры въ 700 человекъ, которая принимается для средняго числа участниковъ сеймиковъ Коронныхъ¹⁾.

Продолжительность отдѣльныхъ сеймиковъ, конечно, не была одна и та же. Она зависѣла отъ количества и важности дѣлъ и вопросовъ, съ одной стороны, и отъ настроенія сеймикующихъ, съ другой. При учрежденіи повѣтоваго сеймика вопросъ объ его продолжительности не остановилъ на себѣ вниманія законодательства, и II статься не говоритъ о ней ни слова, ни въ артикулѣ „О соймикохъ повѣтовыхъ“²⁾, ни въ артикулѣ „О выбираиью судей въ повѣтѣ“³⁾. Это совершенно понятно: учрежденіе повѣтовыхъ сеймиковъ не сопровождалось точной регламентаціей ихъ дѣятельности, и ихъ организація во многомъ представлялась самой жизни⁴⁾. Но уже собраніе первыхъ предсеймовыхъ сеймиковъ поставило вопросъ объ опредѣленіи времени, въ продолженіе котораго сеймикъ долженъ покончить свои занятія, и господарскіе универсалы, созывающіе предсеймовые сеймики на 3 ноября 1566 года, предписываютъ покончить на нихъ съ выборомъ сеймовыхъ пословъ и составленіемъ для нихъ „моцы“ въ одинъ день, „а надалей другого на[за]втрее“⁵⁾. Однако, если практика сеймикованья сразу, при первомъ же созывѣ предсеймовыхъ сеймиковъ, поставила вопросъ объ ограниченіи времени ихъ продолжительности, то слишкомъ рѣшительное сокращеніе его оказалось, очевидно, неисполнимымъ, такъ какъ тотъ самый сеймъ, передъ которымъ собирались ноябрьскіе сеймики 1566 года, счелъ необходимымъ признать увеличеніе времени сеймикованья. Городенскій сеймъ 1566—1567 годовъ постановилъ: „а соймикъ далей стояти и справа на немъ ити не маеть, только три дни“⁶⁾. Послѣдующее время обнаружало недостаточность и трехдневнаго срока для

1) Ср. Adolf Pawiński, Rzady Sejmikowe, str. 6—7.

2) II ст., III, 5.

3) II ст., IV, 1.

4) См. выше, глава IV.

5) См. выше, стр. 317.

6) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. Томъ I. Стр. 451.

того, чтобы сеймикъ могъ управиться со своими занятіями, и статуть 1588 года увеличилъ этотъ срокъ еще однимъ днемъ, оговоривъ, однако, чтобы начиналось сеймикование уже въ первый день, на который сеймикъ созывался: „а соймикъ далей стояти и справа на немъ ити не маеть, только надалей черезъ чотыри дни, але пріеждчати вси на соймикъ винъни будутъ першого дня“¹⁾. Такимъ образомъ совершилось окончательное опредѣленіе времени продолжительности того вида сеймиковъ, задержки въ дѣятельности котораго были особенно неудобны, такъ какъ онѣ отзывались и на началѣ занятій вальныхъ сеймовъ, а съ введеніемъ предсеймовыхъ сѣздовъ Великаго Княжества Литовскаго, и на открытіи послѣднихъ. Для продолжительности „намовъ“ остальныхъ видовъ повѣтовыхъ сеймиковъ Литовско-Русскій законъ не далъ своего опредѣленія, но надо думать, что въ исключительныхъ случаяхъ и предсеймовые сеймики не всегда ограничивались временемъ, предоставленнымъ имъ закономъ.

Переходя къ вопросу о компетенціи повѣтоваго сеймика, нужно отмѣтить, что она нелегко поддается точному опредѣленію. Самъ Литовско-Русскій законъ отказывается отъ попытки его сдѣлать. Говоря о предсеймовомъ повѣтовомъ сеймикѣ, статуть 1566 года признаетъ его право „намовляти“ не только о томъ, что будетъ внесено на сеймикъ отъ господаря, но и „о своихъ и о всѣхъ потребахъ земскихъ и долеглостяхъ оногo повѣту и воеводства“²⁾. Статуть 1588 года пытается нѣсколько сократить эту широту вопросовъ, которые могутъ подниматься на повѣтовыхъ сеймикахъ и въ соотвѣтствующемъ своемъ артикулѣ³⁾ опускаетъ упоминаніе о „всѣхъ потребахъ земскихъ“, сохраняя лишь упоминаніе о „всѣхъ потребахъ и долеглостяхъ оногo повету и воеводства“. Однако „земскія потребности“, дѣла цѣлаго Литовско-Русскаго „панства“, несмотря на это, продолжали обсуждаться повѣтовые сеймики, не справляясь съ тѣмъ, поставлены ли эти дѣла, или не поставлены центральною властью на сеймиковое обсужденіе. Примѣры этого

1) III ст., III, 6.

2) II ст., III, 5. Ср. выше, стр. 287 и сл.

3) III ст., III, 6.

мы видѣли не разъ, изучая предсеймовый повѣтовый сеймикъ¹⁾. Трудность точнаго опредѣленія компетенціи повѣтоваго сеймика обусловливается значеніемъ шляхетскаго повѣта и характеромъ сеймика, какъ его собранія.

Повѣтовая шляхта была подданными господаря и гражданами Великаго Княжества Литовскаго, съ 1569 года находившагося въ соединеніи съ Польшею. Такимъ образомъ, создавались три вида дѣлъ и вопросовъ, которые входили въ сферу обсужденія повѣтоваго сеймика и по отношенію къ которымъ его компетенція не была одна и та же. Одни изъ этихъ дѣлъ подлежали самостоятельному вѣдѣнію сеймика; другія требовали компетенціи общей для всего Великаго Княжества Литовскаго власти; наконецъ третьи могли быть разрѣшаемы лишь властью, общею для всего соединеннаго Польско-Литовскаго государства. Повѣтовый сеймикъ и былъ органомъ, который обладалъ вполне достаточною компетенціею для разрѣшенія чисто повѣтовыхъ дѣлъ. Дѣла всего Литовско-Русскаго „панства“ онъ обсуждалъ въ значеніи составной части „речи посполитой“ Княжества и могъ лишь такъ или иначе готовить ихъ разрѣшеніе, такъ какъ послѣднее принадлежало съѣзду Великаго Княжества Литовскаго, который отчасти разрѣшалъ ихъ самъ, а отчасти передавалъ на рѣшеніе общей власти для всего соединеннаго государства. Этотъ же съѣздъ, учрежденный въ силу требованія Княжества при избраніи короля Генриха²⁾, разсматривалъ Литовско-Русскія дѣла, вносимыя на обсужденіе Польско-Литовскихъ вальныхъ сеймовъ, и вырабатывалъ единство дѣйствій представителей Великаго Княжества Литовскаго на этихъ сеймахъ. Что касается господаря, то онъ для Литовско-Русскаго „панства“ послѣ Люблинской Уніи выступаетъ въ двоякомъ значеніи. Первымъ изъ нихъ было значеніе его какъ главы всей Польско-Литовской Речи Посполитой въ дѣлахъ и вопросахъ, которые были общими для Польши и Великаго Княжества Литовскаго. Но рядомъ съ этимъ значеніемъ общаго „короля его милости“ господарь для Княжества по прежнему сохранялъ и значеніе его ве-

1) См. выше, стр. 460 и сл.

2) См. подтвержденіе Стефаномъ Баторіемъ Генриховыхъ артикуловъ въ 1576 году — *Volumina Legum, tom II* (Petersburg 1859), str. 151—152.

ликаго князя. Онъ назначалъ должностныхъ лицъ Литовско-Русскаго „панства“, онъ созывалъ сеймики Княжества для избранія кандидатовъ на извѣстные уряды, онъ собиралъ отдѣльные Литовско-Русскіе съѣзды, онъ гарантировалъ утвержденіе Литовско-Русскихъ законовъ еще до разсмотрѣнія ихъ вальнымъ Польско-Литовскимъ сеймомъ¹⁾. Къ господарю же непосредственно повѣтовый сеймикъ могъ обращаться и со своими отдѣльными просьбами и ходатайствами²⁾.

Получалась, такимъ образомъ, довольно сложная обстановка, въ которой было не такъ легко въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлить точно направленіе дѣла, возникшаго на сеймикѣ, и компетенцію послѣдняго по отношенію къ нему. При такихъ условіяхъ должна была вступить въ свои права жизнь, которая, не находя вполнѣ точной регулярности сеймикованья въ законѣ, неизбѣжно вносила разнообразіе въ опредѣленіе сеймиками ихъ компетенціи въ связи съ обстановкою сеймикованья въ отдѣльныхъ случаяхъ и въ различное время. Къ этому нужно прибавить, что договоръ Уніи 1569 года, съ одной стороны, не давалъ возможности удачно встрѣчать и разрѣшать тѣ противорѣчія которыя несла ему послѣдующая жизнь соединеннаго государства; а съ другой стороны, Великое Княжество Литовское пріобрѣтало уже въ XVI столѣтіи и особыя права, которыя ему противорѣчили³⁾.

Изучая компетенцію Литовско-Русскаго сеймика, мы должны раздѣлить ея сферу на двѣ области: 1) дѣла, которыя повѣтовый сеймикъ лишь разсматривалъ, передавая ихъ на разрѣшеніе высшихъ инстанцій, и 2) дѣла, которыя онъ разрѣшалъ собственною властью. Опредѣлить точно кругъ дѣлъ и вопросовъ первой группы едва ли возможно, и изученіе четырехъ основныхъ видовъ повѣтоваго сеймика Великаго Княжества Литовскаго уже обнаружило передъ нами разнообразіе дѣлъ и различіе инициативы ихъ возбужденія на сеймикахъ⁴⁾. Рядомъ съ дѣлами, поставленными

1) См. И. И. Лаппо, *op. cit.*, стр. 198 и сл. Ср. Вил. Арх. Сб. III, № 32 (тотъ же документъ — А. Н. Р. Г. Р. III, XI, № CLVII).

2) См. выше, стр. 467 и сл.

3) См. И. И. Лаппо, *Великое Княжество Литовское*, томъ I, стр. 83 и сл.

4) Главы VI—IX.

на обсужденіе сеймиковъ верховною властью, мы видѣли рядъ дѣлъ, проникавшихъ на нихъ путемъ заявленій отдѣльныхъ лицъ и корпорацій, при чемъ эти послѣднія были дѣлами и частными, отдѣльныхъ лицъ, и повѣтовыми, и государственными. Инициатива внесенія сеймикомъ дѣлъ въ стоявшія надъ нимъ инстанціи ограничена не была, и для нея былъ открытъ полный просторъ. Но повѣтовый сеймикъ, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, не всегда считаетъ себя обязаннымъ къ точному исполненію того, что этими высшими инстанціями постановлено. Какъ мы видѣли выше, Берестейскій сеймикъ 1661 года въ замѣну посполитаго рушенья, установленнаго на сеймѣ, постановилъ податокъ на наемъ отряда, отославъ это свое постановленіе на утвержденіе короля ¹⁾.

Что касается дѣлъ повѣтовыхъ, то сеймикъ въ этой области долженъ былъ различать свою компетенцію слѣдующимъ образомъ: одни изъ его рѣшеній требовали утвержденія стоявшей надъ повѣтомъ власти, другія онъ приводилъ въ исполненіе самъ. Къ числу первыхъ относится избраніе кандидатовъ на уряды подкоморія, хоружія и членовъ земскихъ судовъ и выборъ возныхъ. Мы уже знаемъ, что для избираемыхъ шляхетскими повѣтами лицъ требовалось утвержденіе — для однихъ господаря, для другихъ воеводы. Утвержденія верховной власти всего соединеннаго государства или центральной власти Великаго Княжества Литовскаго требовали и тѣ постановленія повѣтоваго сеймика, которыя, имѣя въ виду его повѣтъ, затрагивали общіе интересы Польско-Литовской Речи Посполитой или Княжества въ значеніи „панства“.

Но при исключительныхъ условіяхъ повѣтовый сеймикъ могъ и отдѣлить „речь посполитую“ своего повѣта отъ „речи посполитой“ Великаго Княжества Литовскаго ²⁾. Такъ, когда въ 1657 году Пинскій повѣтъ принесъ Богдану Хмельницкому „поприсяжное всего повету Пинского“ съ нимъ и Запорожскимъ войскомъ „зъедноченье“, Пинскій сеймикъ, созданный повѣтовымъ маршалкомъ, долженъ былъ выслушать своихъ пословъ, возвратившихся отъ казацкаго гетмана

1) Стр. 492.

2) О значеніи выраженія „речь посполитая“ см. ниже, стр. 77, прим. 2.

съ извѣстіемъ „о ласце“ гетманской „ку всему повету“¹⁾. Этотъ фактъ относится къ срединѣ XVII столѣтія, но идея значенія повѣта, какъ отдѣльной ячейки „речи посполитой“ Княжества, заложена уже во вторую половину XVI вѣка, и данный примѣръ рисуетъ возможность вывода изъ нея, достигающаго размѣровъ крайнихъ.

При нормальномъ теченіи жизни Великаго Княжества Литовскаго и соединеннаго государства повѣтовый сеймикъ налагаетъ на шляхту своего повѣта податки, исполняя этимъ постановленіе сейма, или назначая ихъ исключительно по собственному рѣшенію²⁾. Онъ разсматриваетъ заявленія и жалобы, приносимыя повѣтовыми обывателями по поводу дѣйствій тѣхъ или другихъ должностныхъ или оффиціаль-ныхъ лицъ, представляющихся имъ неправильными или наносящими имъ ущербъ³⁾. Сеймикъ, какъ собраніе шляхетской корпораціи повѣта для „обмовъ въ милости братерской“, дѣлалъ не только тѣ или другія распоряженія по повѣту, но долженъ былъ имѣть значеніе и контролирующаго органа въ теченіи повѣтовой жизни. Отсюда понятны не только разнообразіе дѣлъ и вопросовъ, поднимаемыхъ и обсуждаемыхъ или разрѣшаемыхъ на повѣтовыхъ сеймикахъ, но и невозможность для сеймиковъ ограничивать свои занятія только извѣстными заранѣе опредѣленными темами. Рядомъ съ дѣлами, ради которыхъ собирался тотъ или другой повѣтовый сеймикъ, на немъ обсуждались самыя различныя „потребы“ земскія и повѣтовыя, и историкъ, беря въ свои руки акты сеймика опредѣленнаго Литовско-Русскимъ закономъ назначенія, долженъ быть всегда готовъ встрѣтить въ нихъ дѣла и вопросы самага разнообразнаго содержанія.

Въ числѣ этихъ дѣлъ могли быть и дѣла судебныя, такъ какъ сеймикъ могъ брать на себя иногда и судебныя функціи, несмотря на наличность ряда судовъ, между которыми были раздѣлены всѣ „справы судовыя“. Примѣры, которые мы можемъ привести для иллюстраціи этой стороны сеймикованья, относятся къ XVII столѣтію, но мы не можемъ отрицать возможности для повѣтоваго сеймика вы-

1) Журн. Мин. Нар. Пр. 1910. II. Стр. 287.

2) См. выше, стр. 483 и сл.

3) Нпр., Вил. Арх. Сб. IV, № 10.

ступать въ значеніи суда и въ предшествующее время. Эти примѣры говорятъ о разборѣ сеймиками какъ дѣла о шляхетствѣ отдѣльныхъ лицъ, такъ и дѣла о самоуправствѣ и насиліяхъ, производимыхъ въ границахъ повѣтовъ. Какъ образецъ акта разбора сеймикомъ дѣла о шляхетствѣ можетъ быть указанъ хотя бы „декретъ семиковы грамничній Мстиславскій, въ заданю нетшляхетства отъ небозчика Володимера Кгорского Матею Глушанину виводни“, упоминающійся въ Кричевскихъ актовыхъ книгахъ XVII столѣтія¹⁾. Образцомъ разбора сеймикомъ дѣла о насиліяхъ и самоуправствѣ является внесенный 20 мая 1657 года въ Пинскія гродскія книги „декретъ суду ихъ милости пановъ обывателевъ повету Пинского сеймикового въ справе висоце превелебного въ Бозе его милости отца Іозефа Нелюбовича Тукалского, архимандрыты Лещынского, з ихъ милостями паномъ Адамомъ Станиславомъ Юдицкимъ, паномъ Грегорымъ Войною Ясенецкимъ, мечнымъ Мозырскимъ, и малжонками ихъ милости, панею Зофеею Радковскою Якубовою Ометиною, паномъ Александромъ Казновскимъ, панами Вылазскими и паномъ Марціяномъ Закобелскимъ въ речы, нижей въ немъ меновите выраженой, ферованый а презъ ясневельможного его милости пана Павла Сапеги, воеводы Виленскаго, гетмана великаго Вел[икого] Княз[ства] Лит[овскаго], ашъпробованый“²⁾. Этотъ декретъ начинается такъ: „1657 года, марта 6. Передъ нами — маршалкомъ Пинскаго повѣта Лукашемъ Елскимъ, подсудкомъ Мозырскаго повѣта Александромъ Ленкевичемъ, высланнымъ для ниже названнаго дѣла ясневельможнымъ его милостью паномъ Павломъ Сапегою, воеводою Виленскимъ и великимъ гетманомъ Великаго Княжества Литовскаго, Бортыанскимъ, Здитовскимъ, Рославскимъ и т. д. старостою, и нами, урядниками земскими и гродскими и рыцарствомъ-шляхтою, обывателями Пинскаго повѣта, которые сего дня съѣхались въ Пинскій замокъ на сеймикъ, назначенный ясневельможнымъ его милостью паномъ воеводою Виленскимъ, гетманомъ Великаго Княжества Литовскаго, разматривалось дѣло между“

1) Ист.-Юр. Матеріалы. XVII. Стр. 234.

2) Вил. Центр. Архивъ, № 13009. Пинскаго гродскаго суда(1656—1658) № 22. А, л. л. 681 (стр. 399) — 688 об. (стр. 414).

лицами, которыя уже перечислены нами выше¹⁾. Пострадавшею и искавшею правосудія стороною въ этомъ дѣлѣ былъ Лещинскій архимандритъ, а за его отсутствіемъ на сеймикѣ велъ его дѣло повѣтовый инстигаторъ. Обвиненіе предъявлено было пану Юдицкому и его товарищамъ такое: они нарушили общее спокойствіе, а также миръ, заключенный Короною и Княжествомъ съ Москвою; сверхъ того они обвинялись въ грабежѣ, убійствѣ монаховъ, разлитіи и топтаніи ногами въ церкви св. Даровъ, похищеніи драгоценностей и привилеевъ, а также въ причиненіи различныхъ „шкодъ“ и убытковъ, всего на сумму въ 300 тысячъ золотыхъ польскихъ; къ этому присоединяются убытки, причиненные ими уже не архимандриту и его монастырю, а другимъ лицамъ — королевскому полковнику пану Николаю Косткѣ и различнымъ обывателямъ Пинскаго повѣта. Послѣ разбора дѣла сеймиковый судъ вынесъ свой приговоръ. Этимъ приговоромъ панъ Юдицкій, панъ Война Ясенецкій и ихъ жены были присуждены къ возвращенію Лещинскому архимандриту всего заграбленного, къ конфискаціи имущества и къ смертной казни. Пинскій сеймикъ тутъ же поручилъ присланному гетманомъ Мозырскому подсудку Ленкевичу и выбраннымъ изъ „кола“ шляхетскаго стольнику Адаму Бржезскому, земскому писарю Казимиру Войнѣ и подстаростѣ Владиславу Войнѣ, урядникамъ повѣта Пинскаго, передать вмѣстѣ съ генераль-возными и стороною-шляхтою имѣнія преступниковъ „tak strone, iako у fiscam“²⁾, т. е. истцамъ въ ихъ убыткахъ и скарбу въ силу конфискаціи за преступленія. Обвиненные по тому же дѣлу пани Ометина, ея зять Казновскій и паны Вылазскіе, явившіеся на сейми-

1) Въ оригиналѣ начало декрета читается такъ: „Roku tysiąc szescset pięćdziesiąt siódmego msca marca szóstego dnia. Przed nami, Łukaszem Jelskim, marszałkiem powiatu Pńskiego, Alexandrem Lenkiewiczem, podsędkiem powiatu Mazyrskiego, z ramienia iasniewielmoznego iego mści pana Pawła Sapiehi, woiewody Wilńskiego, hetmana wielkiego W. X. L. Borciańskiego, Zdzitowskiego, Rosławskiego etc. starosty, do sprawy nizey mianowanej zeslanym, y nami, urzędnikami ziemskimi, grodzkimi, rycerstwem szlachtą, obywatelami powiatu Pńskiego, ktorzy my się na seymiku dnia dzisieyszego do zamku Pńskiego ziachali na terminie seymiku naszego, od iasniewielmoznego iego mosci pana woiewody Wilńskiego, hetmana wielkiego W. X. L., naznaczonym, odprawowała się sprawa między“

2) Л. 687 об. (стр. 412).

ковый судъ лично, были задержаны сеймикомъ въ Пинскомъ замкѣ до утвержденія приговора гетманомъ. Что же касается пана Мартіяна Закобелскаго, также причастнаго къ этому дѣлу и съ пѣшими и драгунскими хоругвями причинявшаго вредъ Пинскимъ обывателямъ, то сеймикъ и его декретоваль „роена¹⁾ legum“ и отослалъ къ гетману для приведенія въ исполненіе законнаго наказанія. Этотъ декретъ Пинскаго сеймиковаго суда утвержденъ тридцать одною подписью сеймиковавшихъ и приложеніемъ къ нему земской печати Пинскаго повѣта, а затѣмъ получилъ и гетманскую „аппробацію“²⁾.

Приведенный сейчасъ документъ относится къ срединѣ XVII столѣтія, притомъ къ эпохѣ чрезвычайныхъ потрясеній и внѣшнихъ опасностей, которыя переживались въ то время Великимъ Княжествомъ Литовскимъ вообще и Пинскимъ повѣтомъ въ частности, а также и всѣмъ соединеннымъ Польско-Литовскимъ государствомъ. Этими опасностями и объясняется участіе великаго гетмана, т. е. главнокомандующаго Княжества, въ созывѣ Пинскаго сеймиковаго суда и утвержденіи его декрета. XVII столѣтіе было временемъ, когда сознаніе повѣтовыми корпораціями народа-шляхты своего значенія развилось полнѣе, чѣмъ оно было въ четыре послѣднія десятилѣтія XVI вѣка. И не только привычка къ повѣтовому строю вызывала этотъ ростъ значенія шляхетскихъ повѣтовъ, когда новыя поколѣнія Литовско-Русской шляхты уже выростали въ его обстановкѣ, еще не совсѣмъ привычной въ болѣе раннее время. Каждое безкорольевье давало для него новыя силы, какъ давали ихъ и осложненія жизни соединеннаго государства, которыми такъ богато XVII столѣтіе. Поэтому переносить вполнѣ черты повѣтоваго сеймика, почерпаемая въ источникахъ этого вѣка, на XVI столѣтіе мы, конечно, не имѣемъ права. Но зачатки тѣхъ явленій, которыя вполнѣ обнаруживаютъ себя

1) Въ оригиналѣ: „раена“.

2) „А аппробація того декрету ясневелможного его милости пана Павла Сапеги, воеводы Виленского, гетмана великого Вел[икого] Княз[ства] Лит[овского] на немъ написана тыми словы: anno tysiąc szescset pięćdziesiąt siodmego, dnia iedenastego may na instantią ich mściow panow obywatelow ten dekret, przez ich mściow ferowany, approbię. Paweł Sapieha, woiewoda Wilenski, hetman wielki W. X. L.“

въ позднѣйшее время, искать мы обязаны и въ эпохѣ предыдущей. Повѣтовый сеймикъ развивался не путемъ внесенія теоретическихъ идей государственнаго права въ его организацію, а въ своемъ развитіи шелъ въ направленіи, которое опредѣлялось идеею повѣта, какъ корпораціи народа-шляхты, въ значеніи ячейки „речи посполитой“ Княжества, образуемой изъ соединенія повѣтовъ. Это развитіе совершалось подъ вліяніемъ той обстановки, въ которой протекала жизнь Великаго Княжества Литовскаго и его повѣтовъ и которая вызывала примѣненіе повѣтовой идеи къ явленіямъ, встававшимъ передъ повѣтами. Идея шляхетскаго повѣта Литовско-Русскому „панству“ была дана реформами 1565—1566 годовъ и закрѣплена послѣдующими десятилѣтіями XVI вѣка. Источники, оставленные XVII столѣтіемъ и приведенные уже въ извѣстность въ настоящее время, полнѣе рисуютъ тѣ выводы изъ повѣтовой идеи, которые получили свое выраженіе въ сеймикованьѣ этого времени, чѣмъ источники XVI столѣтія, недостатокъ которыхъ при изученіи сеймикованья отдѣльныхъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ такъ сильно чувствуется. Но мы не можемъ безусловно отрицать, что многія черты, рисующія размѣры компетенціи повѣтовыхъ сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго XVII вѣка, вскроются, когда станутъ доступными изслѣдованію неизвѣстные въ настоящее время матеріалы, и для послѣднихъ десятилѣтій столѣтія XVI-го, съ ихъ Московскою войной, тремя безкорольевьями, защитою и опредѣленіемъ правъ Литовско-Русскаго „панства“ въ соединенномъ Польско-Литовскомъ государствѣ и выработкою Литовско-Русскаго кодекса, въ той его редакціи, которая сохранила свою силу до конца существованія Великаго Княжества Литовскаго въ значеніи „панства“, т. е. до раздѣловъ Речи Посполитой.

Повѣтовый сеймикъ былъ собраніемъ народа-шляхты. Но значеніе его заставляло тянуться къ нему и тѣ группы населенія повѣтовъ, какъ территоріальныхъ округовъ, которыя не входили въ составъ повѣтовой шляхты. Для этихъ группъ путь къ внесенію своихъ нуждъ на повѣтовые сеймики съ цѣлью полученія ихъ удовлетворенія или передачи дальше, т. е. мѣстнымъ властямъ, господарю, съѣзду Великаго Княжества Литовскаго, или вальному Польско-Литовскому сейму,

лежалъ черезъ посредство полноправныхъ участниковъ сеймиковъ, повѣтовыхъ шляхтичей. Религіозная борьба на сеймахъ конца XVI столѣтія¹⁾, когда повѣтовые послы выступали съ требованіями, рождавшимися въ средѣ носителей тѣхъ или другихъ религіозныхъ ученій и выработывавшимися и шляхтою и не-шляхтою въ руководящихъ организаціяхъ отдѣльныхъ частей населенія, объединяемыхъ не сословностью, а религіей, показываетъ пользованіе сеймиками для своихъ цѣлей православною и католическою церквями и протестантскими и сектантскими обществами. Принадлежность отдѣльныхъ шляхтичей къ той или другой религіи открывала возможность внесенія на повѣтовые сеймики требованій и желаній, выработываемыхъ внѣ сеймиковъ. Несомнѣнно, что детальное изученіе сеймикованья Великаго Княжества Литовскаго обнаружитъ слѣды проникновенія на Литовско-Русскіе повѣтовые сеймики и требованій еврейства, а быть можетъ, отчасти и крестьянства, особенно со времени обостренія крестьянскаго вопроса въ эпоху казацкихъ войнъ. Но особенно удобно по источникамъ, извѣстнымъ уже въ настоящее время, выясняется возможность для городовъ находить доступъ для своихъ нуждъ на повѣтовые сеймики.

Въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ повелось издавна назначать войтами городовъ, надѣленныхъ Нѣмецкимъ правомъ, шляхтичей, притомъ сплошь и рядомъ достаточно крупнаго общественнаго положенія. Списки войтовъ отдѣльныхъ городовъ называютъ рядъ болѣе или менѣе вліятельныхъ лицъ, занимавшихъ войтовскіе уряды. Такъ, Могилевскимъ войтомъ съ дарованіемъ Могилеву Магдебургскаго права въ 1577 году былъ назначенъ господарскій писарь и Виленскій подкоморій Миколай Ясенскій, а его преемникомъ былъ Мартинъ Стравинскій, тивунъ и городничій Троцкій²⁾; съ дарованіемъ Магдебургскаго права въ 1597 году Витебску, войтомъ этого города былъ назначенъ Витебскій землянинъ,

1) Ср. изслѣдованіе П. Н. Жуковича — Сеймовая борьба православнаго Западнорусскаго дворянства съ Церковной Уніей (до 1609 г.). Спб. 1901. Разборъ этого труда, сдѣланный проф. С. Голубевымъ, см. на стр. 11—30 Отчета о присужденіи премій П. Н. Батюшкова (СПб. 1904).

2) См. И. И. Лапко, *op. cit.*, стр. 483, прим. 2.

„уроженный“ Юрій Лѣтецкій¹⁾, а въ Вильнѣ войтовской урядъ занималъ рядъ лицъ не только шляхетскаго происхожденія, но и выдающагося значенія²⁾.

Но въ значеніи войтовъ шляхтичи стояли не только во главѣ крупныхъ городовъ, но и городовъ помельче, притомъ даже не пользующихся полнотою самоуправленія; иногда войтовство принадлежало имъ даже наслѣдственно³⁾. Такимъ образомъ, шляхетство войта, главы города, открывало путь для внесенія желаній и просьбъ городовъ на сеймики тѣхъ повѣтовъ, въ которыхъ ихъ войты обладали земскою осѣлостью. Мы дѣйствительно встрѣчаемъ иногда подписи войтовъ въ рядахъ подпісей подъ актами постановленій повѣтовыхъ сеймиковъ⁴⁾.

Но города прибѣгали и къ другимъ способамъ, которыми они достигали внесенія своихъ нуждъ на сеймики. Это были тѣ же способы, которыми они пользовались и для передачи своихъ просьбъ на вальные сеймы, т. е. специально отправляемыя посольства и подарки, которые должны повліять на ихъ участниковъ. Отъ XVII и XVIII столѣтій сохранилось много указаній на обращеніе городовъ къ этимъ путямъ проведенія своихъ пожеланій. Приходо-расходныя книги Могилева въ числѣ расходовъ, дѣлаемыхъ магистратомъ этого города, называютъ нерѣдко расходы по поѣздкамъ членовъ магистрата на сеймы и сеймики. Эти поѣздки обходились городу обыкновенно недешево. Такъ, въ 1692 году стоимость „выправы“ пана Девулскаго „на сеймъ для пилнованя справъ мескихъ“ была въ нѣсколько сотъ золотыхъ⁵⁾, изъ числа которыхъ ему было дано „за пѣрацу“ 110 золотыхъ. Тотъ же панъ Девулскій въ 1685 году получилъ отъ Могилевскаго магистрата 60 золотыхъ, „кгда ехалъ до Оршы на трикролный сеймикъ“⁶⁾. Сохранились и

1) А. З. Р. IV. № 118. Тотъ же документъ переизданъ А. П. Сапуновымъ на стр. 74—82 перваго тома его изданія Витебская Старина (Витебскъ 1883).

2) Michał Baliński. *Historya Miasta Wilna*. Tom II. Wilno 1836. Str. 126—128 (Dodatki).

3) См., напр., привилей, данный въ 1568 году Якову Гричину на Воньское войтовство — И. И. Лапко, *op. cit.*, стр. 484, прим. 1.

4) См., напр., А. Вил. IV, стр. 69.

5) Ист.-Юр. Матеріалы. IX. Стр. 117 и сл.

6) Ист.-Юр. Матеріалы. III. Стр. 37.

образцы инструкцій, которыя давались городами своимъ посламъ въ такихъ поѣздкахъ и которыя указываютъ на пріемы, примѣняемые этими послами въ ихъ дѣятельности. Напримѣръ, инструкція Виленскаго магистрата отправляемымъ имъ посламъ на сеймъ 1669 года¹⁾ предписываетъ, чтобы эти послы, прибывъ въ Варшаву, постарались получить аудіенцію у пановъ печатарей Великаго Княжества Литовскаго (т. е. у канцлера и подканцлера), заинтересовали нуждами Вильны маршалка „рыцарскаго кола“ и этимъ путемъ провели на сеймѣ рядъ желаній Виленскаго мѣста²⁾. Примѣровъ посылки Литовско-Русскими городами своихъ пословъ на сеймы и сеймики даютъ достаточно и опубликованные источники³⁾; еще больше ихъ должно быть въ матеріалахъ рукописныхъ.

Но города старались располагать въ свою пользу уча-

1) „Instructia, od magistratu Wilenskiego ich mm. panom Pawłowi Boimowi — sekretarzowi i. kro. msci, wojtowi Wilen., Baltromieiwowi Cyniakiemu — raycy miasta Wilen., Symonowi Kazimierzowi Kurowiczowi — sekretarzowi i. kro. msci, pisarzowi Wilen., na seym eleccyiny do abdycatij i kro. msci Warszawski, w roku teraznieyszym tysiąc szescsett szescdziesiątym dziewiątym msca maia wtorego dnia przypadaiący, iadaćym, dana“. Документъ извѣстенъ намъ въ копии, принадлежащей Императорской Археологической Коммиссіи. Эта копія входитъ въ составъ списковъ, доставленныхъ Виленскою Временною Коммиссіею, учрежденною для разбора архива бывшаго Литовскаго Трибунала (см. Протоколы засѣданій Археологической Коммиссіи 1841—49 г. г., вып. II, стр. 220—221; засѣданіе 25 апрѣля 1844 года). Настоящая копія имѣетъ такую скрѣпу: „Вѣрно. Членъ Коммиссіи Антоній Марциновскій. Членъ Коммиссіи Викентій Нарбуттъ. Священникъ Михайль Корсакевичъ“. Копія обозначена № 64 и слѣдующимъ заголовкомъ: „Инструкція отъ Виленскаго Магистрата отправляемымъ посламъ на сеймъ элекційный“.

2) „Przybywszy, da Pan Bog, szczęśliwe do Warszawy, starać się o to maia, aby czas audientij u iasnie wielmożnych ich mm. panow pieczętarzow W-o X-a Litt. y im pana directora kola rycerskiego ziednawszy, utrapionego miasta tego desideria przelożyli, upraszając, aby w osobliwym respecie dla wielkiego zruinowania y ustawicznych ciężarow mieć raczyli“. За этимъ вступленіемъ слѣдуетъ рядъ пожеланій Вильны. Заканчивается документъ такъ: „Pisan u Wilnie, roku y dnia wyżey mianowanego. Na własne rozkazanie wszytkiego magistratu ich msc. pp. burmistrzow y radziec miasta Wilen. sesionate zgromadzonego Symon Pietrowicz, rayca y pisarz Wilenski podpisall m. pr.“

3) См., напр., Ист.-Юр. Матеріалы V — стр. 13, 91 и 184, VI — стр. 261, XXI — стр. 1, а также другіе томы того же изданія.

стниковъ сеймовъ и сеймиковъ и путемъ подарковъ, имъ подносимыхъ. Намъ уже пришлось отмѣчать задариваніе ими крупныхъ сановниковъ Великаго Княжества Литовскаго и ихъ слугъ¹⁾. То же замѣчается въ отношеніяхъ городовъ и къ повѣтовымъ урядникамъ и шляхтѣ, только, конечно, подарки имъ предназначались помельче. Приходо-расходныя книги Могилева, на которыя намъ уже приходилось ссылаться выше, заносятъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ на свои страницы то подарки посламъ повѣтовымъ²⁾ или должностнымъ лицамъ повѣтовъ³⁾, то расходы по угощенію шляхты⁴⁾, расположенія которой приходилось искать городу. Сохраненные для болѣе поздняго времени источниками факты, рисующіе пути, которыми пользовались города Великаго Княжества Литовскаго для проведенія своихъ просьбъ и желаній на сеймики и сеймы, должны быть въ своихъ общихъ очертаніяхъ переносимы и на XVI столѣтіе. И не только жизненность самыхъ явленій и ихъ неизбѣжность при томъ строѣ, въ которой вылилась организація Княжества во вторую половину XVI вѣка, заставляють это дѣлать: мы имѣемъ, правда рѣдкія, основанія для этого и въ извѣстныхъ источникахъ⁵⁾. Такъ исключеніе мѣщанства, какъ и другихъ группъ населенія Великаго Княжества Литовскаго, не обладавшихъ „почетивымъ шляхетствомъ“, изъ состава полноправнаго его „народа“, лишая ихъ прямыхъ путей удовлетворенія своихъ нуждъ и желаній, заставляло ихъ искать путей обходныхъ, которые не могли сплошь и рядомъ не вносить нездороваго элемента и въ сеймованье, и въ сеймикованье.

1) И. И. Лаппо. Великое Княжество Литовское. Томъ I. Стр. 714—716.

2) Нпр., Ист.-Юр. Матеріалы III, стр. 43, 44 и др., или Ист.-Юр. Матеріалы XXIV, стр. 24.

3) Нпр., Ист.-Юр. Матеріалы XVIII, стр. 33 (подарокъ замковому писарю), или *ibidem*, стр. 52 (подарокъ слугѣ Оршанскаго судьи).

4) Нпр., *ibidem*, стр. 79.

5) Напримѣръ, актовыя книги Могилевскаго магистрата за 1578 годъ сохранили въ своихъ записяхъ упоминаніе о поѣздкѣ депутаціи Могилева на Варшавскій сеймъ этого года „отъ всего места у потреббахъ“. Эти депутаты были отправлены „ку его к[оролевской] м[илости] и до ихъ милости пановъ радъ Великаго Кнезства Литовскаго, такъ же и до его м[илости] пана войта“ Могилева. Ист.-Юр. Матеріалы, XXXII, стр. 41 (Акта албо sprawy уряду войтовства Могилевскаго . . .).

Глава XI.

Военные сборы и земскіе роки въ значеніи собраній повѣтовой шляхты. Сеймикъ времени безкорольвья.

Военные сборы шляхетскихъ повѣтовъ, какъ собранія, во время которыхъ происходили совѣщанія и выработывались постановленія повѣтовой шляхты. Групповыя собранія шляхты. Земскіе роки въ значеніи собраній повѣтовой шляхты и ея коллективныя выступленія съ этихъ роковъ. Повѣтовый сеймикъ времени безкорольвья и невозможность его изученія безъ знакомства съ дѣятельностью и значеніемъ общихъ съѣздовъ Великаго Княжества Литовскаго. Виленскіе съѣзды эпохи третьяго безкорольвья въ ихъ постановленіяхъ о Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ собраніяхъ этого времени. Виды собраній шляхетскихъ повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго въ эпохи безкорольвья и задачи, которыя передъ ними стояли.

Мы видѣли выше¹⁾ четыре основныхъ вида повѣтоваго сеймика Великаго Княжества Литовскаго, признанныхъ Литовско-Русскимъ закономъ и имъ въ значительной степени организованныхъ. Но сеймиками предсеймовымъ, посеймовымъ и избирательными, собиравшимися для выбора должностныхъ лицъ повѣтовъ и членовъ трибунала Княжества, не исчерпываются всѣ виды собраній шляхетскихъ корпорацій повѣтовъ Литовско-Русскихъ. Кромѣ нихъ повѣтовая шляхта Великаго Княжества Литовскаго и въ другихъ своихъ собраніяхъ обсуждала дѣла, принимала рѣшенія и выступала съ соотвѣтствующими заявленіями и актами. Такія собранія шляхетскихъ повѣтовъ имѣли мѣсто и въ эпохи наличности „звирхности господарской“, при наличности господаря во главѣ соединеннаго Польско-Литовскаго государства. Еще больше они учащались и еще сильнѣе развивалась ихъ

1) Главы VI, VII, VIII и IX.

дѣятельность въ години безкоролевій. Къ знакомству съ этими видами собраній шляхты Литовско-Русскихъ повѣтовъ теперь и обратимся.

Рыцарство-шляхта Великаго Княжества Литовскаго, представляя собою его „народъ“, не только обладало правами, въ числѣ которыхъ было и право сеймикованья, но несло на свою „речь посполитую“ обязанности, и основною изъ этихъ обязанностей была земская военная служба. Въ этой службѣ повѣтовая шляхта собиралась около своихъ хоружихъ и маршалковъ или каштеляновъ¹⁾. Само собою разумѣется, что въ военныхъ земскихъ сборахъ, для „пописовъ“ или для „рушенья“, шляхетскіе повѣты продолжали сознать себя шляхетскими корпораціями и отнюдь не отказывались отъ своего права обсуждать повѣтовые и земскія дѣла, хотя они и стояли въ этихъ сборахъ въ значеніи повѣтовыхъ полковъ. Исторія Руси хорошо знаетъ вѣча народныхъ полковъ во время походовъ, не менѣе хорошо знаетъ исторія Литовско-Русскаго государства военные полевые сеймы: вооруженный народъ осуществлялъ свое право обсужденія дѣлъ, стоя съ оружіемъ въ рукахъ во время похода или военного сбора, какъ онъ осуществлялъ его и не созданный въ земское войско. Съ образованіемъ реформами 1565—1566 годовъ шляхетскихъ корпорацій новыхъ повѣтовъ, шляхта послѣднихъ не только не могла отказаться отъ этого переданнаго традиціей права, но должна была еще лучше сознать его, организованная въ повѣтовые корпораціи съ ихъ обще-государственнымъ и мѣстнымъ значеніемъ. Центральная власть должна была молчаливо признавать это значеніе военныхъ сборовъ шляхты, которые даже, собственно говоря, должны считаться болѣе полными, а потому и болѣе авторитетными, собраніями повѣтовой шляхты, чѣмъ сеймики, такъ какъ на нихъ должны были являться всѣ шляхетные обыватели повѣтовъ подъ угрозой строгаго наказанія, въ то время какъ сеймики отбывались, „не ждучи неприбылыхъ“, и безъ всякаго, даже хотя бы небольшого, штрафа для пропустившихъ ихъ не-должностныхъ шляхтичей. Конечно, такое значеніе военныхъ сборовъ шляхетскихъ повѣтовъ не могло не составлять серьезныхъ неудобствъ

1) См. выше, стр. 105.

для центральной власти государства: съ одной стороны, она была лишена возможности всякаго руководства шляхтою въ этихъ собраніяхъ, руководства, которое она старалась хотя нѣсколько обезпечить себѣ на предсеймовыхъ сеймикахъ „науками“ господарскимъ посламъ, а на посеимовыхъ — сообщеніемъ въ повѣты официальныхъ копій сеймовыхъ конституцій; съ другой стороны, превращеніе повѣтовыхъ полковъ въ собраніе полноправнаго „народа“ отнюдь не могло быть признаваемо удобнымъ въ интересахъ военнаго дѣла, и въ предпочтеніи такимъ знатокомъ этого дѣла, какимъ былъ Стефанъ Баторій, посполитому рушенью наемныхъ войскъ можно видѣть не только сознаніе значенія послѣднихъ, какъ хорошо обученныхъ регулярныхъ полковъ, но и сознаніе опасности во время войны отъ соединенія въ шляхтѣ значенія войска со значеніемъ „народа“¹⁾.

Въ числѣ тѣхъ „иныхъ“ сѣздовъ, противъ которыхъ возставалъ Сигизмундъ Августъ, созывая на 10 мая 1569 года Литовско-Русскіе повѣтовые сеймики²⁾, были несомнѣнно и военные сборы шляхты повѣтовъ: Великое Княжество Литовское въ это время, повидимому, помышляло вооруженною рукою возстановить права своего „панства“, которыя нарушалъ Люблинскій сеймъ³⁾. Указаніе на сѣзды Литовско-Русской шляхты въ военные сборы повѣтовъ даютъ и листы Стефана Баторія, выданные въ Вильнѣ 20 апрѣля 1579 года⁴⁾. Въ этихъ листахъ Баторій, созывая шляхту Великаго Княжества Литовскаго „до Свира“ для военныхъ дѣйствій противъ Москвы, говоритъ о томъ, что „за пріѣханьемъ“ его въ предѣлы Княжества „за разомъ многіе“ изъ Литовско-Русскихъ обывателей „сами“ рѣшили съ „господаремъ у войско съ почты своими ѣхати, — а другіе зъ сѣздовъ повѣтовыхъ и тежъ черезъ посланцовъ своихъ таковую жъ упреимость свою на тую потребу, здоровья и маестности

1) Ср. И. И. Лапко, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 157—158.

2) См. выше, стр. 326—328.

3) И. И. Лапко. *Op. cit.* Стр. 29.

4) Вил. Арх. Сб. I. № 50. Изданный листъ Баторія направленъ въ землю Полоцкую, но самый текстъ его показываетъ, что такіе же листы были разосланы по всему Великому Княжеству Литовскому.

свое не литуючи¹⁾, противъ тому непрятелю зъ“ королемъ Стефаномъ „тягнути оферовали со всихъ воеводствъ и повѣтовъ“. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ эту эпоху повѣты Великаго Княжества Литовскаго собирались въ военныхъ сборахъ: ихъ требовали опасности отъ Москвы. Самыя рѣшенія отдѣльныхъ повѣтовъ „тягнути“, т. е. идти въ походъ, требовали и соответствующихъ распоряженій мѣстныхъ шляхетскихъ военныхъ властей для приведенія ихъ въ исполненіе.

Источники XVII столѣтія даютъ длинный рядъ примѣровъ созывовъ повѣтовой шляхты ея повѣтовыми военными урядниками не только для чисто военныхъ цѣлей, но и для „намовъ“. Вотъ нѣсколько образцовъ такихъ созывовъ Пинской шляхты въ 1656 и 1657 годахъ. 9 января 1656 года мечный и хоружій Пинскаго повѣта Базилій Орда выдалъ свой универсалъ, созывающій шляхту его повѣта „viritim“, съ „почтами“, на 17 января 1656 года въ Пинскъ на совѣщаніе²⁾. Собравшись въ этотъ день, Пинская шляхта дѣлаетъ свое постановленіе и обнародываетъ его своимъ универсаломъ, внесеннымъ въ Пинскія городскія книги какъ „универсалъ ихъ милости пановъ обывателей повету Пинского“³⁾. Этотъ универсалъ, подписанный Пинскимъ подкоморіемъ Миколаемъ Кунцевичемъ, въ качествѣ директора „кола“ шляхты, и Пинскимъ хоружимъ и мечнымъ Базиліемъ Ордою, назначаетъ общій съѣздъ всей шляхты повѣта, съ „почтами“ и въ полной военной готовности, въ Пинскѣ на 25 января того же года. 21 февраля 1656 года въ Пинскія городскія книги была сдѣлана новая запись универсала, созывающаго повѣтовую шляхту: „поставившысе очевисто, панъ Лукашъ Конецъ именемъ его милости пана Лукаша Елскаго, маршалъка и пулковника повету Пинского, универсалъ его милости въ речы, въ немъ выраженой, ку актыкованю до книгъ кгородскихъ Пин-

1) Въ изданіи „минуючи“.

2) Виленскій Центральный Архивъ, № 13009. Пинскаго городскаго суда (1656—1658), № 22, А, л. л. 16—16 об. (или стр. 9—10).

3) Ibidem. Л. 35 об. (или стр. 48). Этимъ универсаломъ опубликовано постановленіе „w tym że miescie Pinskim w gromadzie sine diuisione belli we wszystkimy gotowosci y woiennym porządku zostawac“.

скихъ подалъ“. Въ этомъ универсалѣ панъ Елскій сообщаетъ Пинскому повѣту о возвращеніи его пословъ, посланныхъ къ королю, и о желаніи ихъ возможно скорѣе сдѣлать реляцію своего посольства. Снесшись съ ними, Елскій настоящимъ универсаломъ назначаетъ въ Пинскѣ сеймикъ на 3 марта для выслушанія этой реляціи¹⁾.

Съ весны 1657 года Пинскія гродскія книги опять возобновляютъ записи документовъ, созывающихъ повѣтовую шляхту. 6 мая этого года въ нихъ внесенъ²⁾ универсалъ пана Павла Сапеги, воеводы Виленскаго и гетмана Великаго Княжества Литовскаго, выданный въ Берестѣ 2 мая 1657 года и требующій отъ обывателей Пинскаго повѣта, чтобы они, собравшись въ Пинскѣ, строго охраняли перемиріе съ царемъ Московскимъ. На этомъ универсалѣ Пинскіе маршалокъ и хоружій сдѣлали свою приписку, которою созывали шляхту своего повѣта на 11 мая въ Пинскѣ какъ въ посполитое рушенье, такъ и для совѣщанія³⁾. 18 мая 1657 года Пинскіе маршалокъ и хоружій выдали новый универсалъ по своему повѣту: въ виду опустошеній его различными войсками, они приглашали повѣтовую шляхту въ Пинскѣ на 23 мая „do rady zdrowey“⁴⁾.

Дальнѣйшія записи Пинскихъ гродскихъ книгъ даютъ рядъ другихъ документовъ, говорящихъ о созывахъ въ это время Пинской шляхты и ея постановленіяхъ. Мы не станемъ утомлять читателя приведеніемъ ихъ⁵⁾, такъ какъ уже

1) Ibidem. Л. л. 59—59 об. (или стр. 95—96). Дата этого универсала: Пинскѣ, 21 февраля 1656 года. „У того универсалу пры печати подпись руки тыми словы: W. mw. mm. panow y braci sługa powolny Łukasz Jelski, marszałek y pułkownik powiatu Pńskiego“.

2) Ibidem. Л. л. 671 об. — 672 (или стр. 380—381).

3) „На которомъ универсале написъ его милости пана маршалка и его милости пана хоружого повету Пинскаго съ подписами рукъ ихъ милости, въ тые слова писанный: po zaleceniu służb naszych w łaskę w. mw. naszych mściwych panow y braci, unizenie w. mw. upraszamy, abyscie w. m. nasi mści panowie według uniwersału tego, od iasniewielmoznego i. m. pana hetmana naszego wydanego, wszyscy osobami swemi, tak na consulte, iako y na pospolite ruszenie, na dzien iedenasty mai do Pinska ze wszelaką gotowoscią stawali woienną“. Далѣе слѣдуютъ подписи маршалка и хоружія.

4) Этотъ универсалъ внесенъ въ Пинскія гродскія книги 19 мая 1657 года. Ibidem. Л. л. 675—675 об. (или стр. 387—388).

5) Ср. Журн. Мин. Нар. Пр. 1910, II, стр. 286, прим. 3.

приведенное нами достаточно выясняет и значеніе военныхъ съѣздовъ, и способы ихъ созыва въ Пинскомъ повѣтѣ въ серединѣ XVII столѣтія. Думается, что мы едва ли очень погрѣшимъ противъ истины, если тѣ общія очертанія значенія и характера военныхъ сборовъ повѣтовой шляхты, которыя даютъ приведенныя нами записи Пинскихъ городскихскихъ книгъ середины XVII столѣтія, примемъ и для времени предшествующаго, отбросивъ, конечно, то, что въ нихъ относится специально къ эпохѣ, когда онѣ сдѣланы. Уже было отмѣчено нами выше¹⁾, что со временемъ военные сборы повѣтовой шляхты, соединяясь съ сеймиковаьемъ, даже иногда и именуется сеймиками.

Мы имѣемъ рядъ указаній источниковъ, говорящихъ о выступленіи шляхты того или другого повѣта въ значеніи повѣтовой корпораціи, но не дѣлающихъ никакого указанія на то, что рѣшеніе сдѣлать такое выступленіе было принято на сеймикѣ. Такъ, когда Стефанъ Баторій въ маѣ 1582 года проѣзжалъ черезъ Вилькомиръ, къ нему обратилась „вся шляхта“ господаря, „земяне повету Вилкомирскаго“, съ заявленіемъ, „ижъ дей они сами и подданные ихъ, будучи частокротъ а розными часы и меновите въ томъ теперешнемъ року“ жолнерами „въ браню непомерномъ живности и маетностей ихъ велице уквивденіе и зубожени“, не могутъ выдать въ срокъ поборцѣ податка, постановленнаго въ 1582 году Волковыскимъ съѣздомъ. Король Стефанъ вошелъ въ положеніе Вилькомирскаго повѣта, которая „обтяжливе“ просила его о снисхожденіи, и постановилъ: „въ чомъ мы г[о]с[по]д[а]рь прозбу ихъ слушную быть бачечы, а ведаючи и уважаючи то, ижъ они не з якого иного огурства своего, але для великого зубожения своего отъ жолнеровъ, того податку уфаленого на рокъ назначонный отдать не могли, вжо есмо всихъ землянь нашихъ оного повету Вилкомирскаго отъ таковыхъ совитостей и винъ, въ универсале поборо[во]мъ описаныхъ, на нихъ за неотдане податку, за сесь рокъ осмъдесятый вторый приходячого, зъягаючихъ, вызволили и волными учинили, одно самую истизну²⁾, хто што отъ себе водлугъ универсалу дать повинень“, должны

1) Стр. 308.

2) Въ оригиналѣ : „устизну“.

выдать своему повѣтовому поборцѣ въ назначенный Стефаномъ Баторіемъ имъ срокъ¹⁾. Приурочить составленіе этой коллективной просьбы шляхты Вилькомирскаго повѣта къ сеймику предсеймовому или посеймовому мы не можемъ, такъ какъ сеймъ въ 1582 году былъ созванъ королемъ Стефаномъ на 2 октября²⁾ этого года, а его грамота, исполняющая изложенную сейчасъ просьбу Вилькомирской шляхты, датирована 12-мъ мая 1582 года. Такимъ образомъ, можно думать въ данномъ случаѣ лишь о сеймикѣ, не связанномъ съ вальнымъ сеймомъ, или о собраніи шляхты въ военномъ сборѣ, или же, наконецъ, о какомъ-либо другомъ видѣ собраній шляхты Вилькомирскаго повѣта.

Шляхетскій повѣтъ, помимо сеймиковъ и военныхъ сборовъ, которые имѣли признанное значеніе его собраній, выражавшихъ его волю или желанія, зналъ рядъ другихъ собраній. Прежде всего необходимо были собранія тѣхъ или другихъ группъ повѣтовыхъ обывателей, объединяемыхъ единствомъ ихъ интересовъ или дѣлъ, которые не были обще-повѣтовыми, а, такъ сказать, групповыми. Понятно, что такое объединеніе по группамъ имѣло самыя различныя основанія³⁾. Но былъ одинъ видъ съѣздовъ повѣтовой шляхты, въ которыхъ она выступала, если не вполнѣ въ значеніи собранія цѣлаго повѣта, то въ значеніи приближающагося къ нему по многолюдству съѣзда повѣтовыхъ обывателей. Такими собраніями повѣтовой шляхты были земскіе роки.

Для шляхетскаго повѣта земскіе роки, т. е. сессіи повѣтоваго земскаго суда, имѣли не одно только судебное значеніе: они получили также значеніе своего рода съѣздовъ повѣтовой шляхты. Самый характеръ дѣлъ, которыя под-

1) Настоящій документъ послѣ титула Стефана Баторія обращается къ „поборцы повету Вилкомирскаго Станиславу Довьмонтовичу Сесицькому“. Дата документа: Вилькомирь, 10 мая 1582 года. Лит. Метр. $\frac{1A}{65}$ л. 138.

2) Рейнгольда Гейденштейна Записки о Московской войнѣ (1578—1582). Переводъ съ латинскаго. Изданіе Археографической Коммиссіи. СПб. 1889. Стр. 282.

3) Ср., напр., собранія шляхтичей-прихожанъ того или другого храма для обезпеченія средствъ содержанія его или его духовенства (напр., Описаніе Рук. Отд. Вил. Публ. Библ., вып. II, стр. 22, № 103).

лежали вѣдѣнію земскихъ судовъ, долженъ былъ дѣлать земскіе роки посѣщаемыми большимъ числомъ шляхтичей, такъ какъ число всевозможныхъ сдѣлокъ, заявленій и актовъ, относящихся къ шляхетскому землевладѣнію, представляемыхъ этимъ судамъ на каждой сессіи, было очень значительно и привлекало къ ихъ книгамъ длинный рядъ повѣтовыхъ обывателей. Кромѣ самихъ непосредственно заинтересованныхъ лицъ на земскіе роки съѣзжалось большое число ихъ „пріятелей“ съ цѣлью помочь имъ въ веденіи дѣла на судѣ¹⁾, а наконецъ, и не имѣющихъ уже рѣшительно никакого отношенія къ дѣламъ данной сессіи суда шляхтичей, пріѣзжавшихъ въ повѣтовый центръ къ этому времени, чтобы потолкаться среди одноповѣтниковъ, повидаться со своими знакомыми, собрать слухи и новости и провести время съ пріятелями за пивомъ, медомъ и горѣлкой въ „господѣ“²⁾, или „будучи упрошеному на учту“³⁾, или просто въ „домѣ въѣздномъ“, хозяинъ котораго можетъ „шынѣкъ въ немъ мети, то естъ медъ, пиво, горелку и всякіе речы стравные на продажу держати“⁴⁾. Время, когда отсуживались земскіе роки, было чрезвычайно удобно для поѣздокъ шляхты въ повѣтовые центры. Въ самомъ дѣлѣ, осень и середина зимы, когда отсуживались Михайловскіе и Трикрольскіе роки, были для шляхтича удобнымъ временемъ для того, чтобы онъ могъ оставлять свое „господарство“-хозяйство безъ личнаго присмотра: это не были дни спѣшныхъ хозяйственныхъ заботъ и трудовъ. Что касается роковъ Троицкихъ, то ихъ начало совпадало съ такъ называемыми „зелеными“ святками, когда праздникъ прерывалъ земледѣльческія работы. Кромѣ того ко времени роковъ сплошь и рядомъ пріурочивалось и время ярмарокъ въ городахъ и мѣстечкахъ, въ которыхъ находились „избы судовыя“ повѣтовыхъ центровъ. Отъ своихъ поѣздокъ въ эти центры во время земскихъ роковъ шляхтичъ извлекалъ и пользу какъ землевладѣлецъ, продавая продукты своего хозяйства и дѣлая покупки.

1) См., нпр., Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кв. II, стр. 147 (№ 670).

2) Нпр., *ibidem*, стр. 27 (№ 184), 51 (№ 205) и др.

3) *Ibidem*. Стр. 101 (№ 225).

4) *Ibidem*. Стр. 166 (№ 115).

Самъ Литовско-Русскій законъ признаетъ значеніе земскихъ роковъ какъ собранія повѣтовой шляхты. Должностныя лица, вѣдающія судъ въ повѣтахъ, приносятъ послѣ утвержденія въ должности соответствующую присягу на земскихъ рокахъ передъ земскимъ судебнымъ урядомъ, при чемъ законъ иногда подчеркиваетъ присутствіе шляхты на рокахъ, говоря, что эта присяга приносится „передъ врядомъ судовымъ земскимъ и передъ всеми иными станы“. Кромѣ членовъ самого земскаго суда такую присягу приносятъ судовые старосты, члены городскихъ судовъ, подкоморіе и коморники¹⁾. Въ случаѣ неприбытія на сессію кого-либо изъ членовъ земскаго суда, собравшаяся на земскіе роки шляхта выбираетъ его замѣстителя²⁾, приближая этимъ до извѣстной степени значеніе своего собранія къ значенію повѣтоваго сеймика, избиравшаго кандидатовъ на уряды членовъ земскаго суда. Признаніе земскихъ роковъ сѣздами повѣтовой шляхты видно и изъ примѣровъ заявленій поборцевъ, которыя дѣлаются на рокахъ при сѣздѣ „многихъ людей зацныхъ пановъ шляхты, обывателей“³⁾ повѣта, какъ они дѣлаются и на сеймикахъ, что мы уже наблюдали выше⁴⁾.

Быть можетъ, хотя бы отчасти, утверженію такого значенія роковъ земскихъ способствовала и самая обстановка, при которой „засаживались“ въ Литовско-Русскихъ повѣтахъ ихъ земскіе суды. Мы видѣли выше⁵⁾, что дѣятельность этихъ судовъ начиналась „съ порадомъ шляхтъ“, собранныхъ къ ея открытію въ повѣтовые центры господаремъ. Это первое собраніе повѣтовой шляхты только что создаваемыхъ реформомъ 1565—1566 годовъ новыхъ повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго было и первымъ выступленіемъ ихъ въ значеніи новыхъ шляхетскихъ корпорацій. Самъ повѣтовый предсеймовый сеймикъ возникалъ до нѣкоторой степени въ связи съ введеніемъ земскихъ судовъ, такъ какъ избирательные округа для выбора сеймовыхъ пословъ

1) См. выше, стр. 130—131.

2) Ист.-Юр. Матеріалы, XXXI, Акты Витебск. земскаго суда. Стр. 66.

3) Нпр., Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. II, стр. 141 (№ 592).

4) Стр. 538 и сл.

5) Стр. 504.

опредѣлялись округами этихъ судовъ: по два посла на вальный сеймъ шляхта избираетъ „отъ каждого суду земского“¹⁾. Необходимо признать, такимъ образомъ, и вѣро-
ятность образованія извѣстной традиции, которая давала основаніе повѣтовой шляхтѣ считать свои сѣзды на земскіе роки достаточно авторитетными своими собраніями, если и не сеймиками.

Собравшись на земскіе роки, повѣтовые шляхтичи не только выдаютъ отъ имени своего собранія тѣ или другія удостовѣренія, но обращаются и съ коллективными ходатайствами. Примѣромъ перваго можетъ служить хотя бы „листъ“, выданный съ земскихъ Трикрольскихъ роковъ 1598 года Берестейскою шляхтою²⁾. Въ этомъ документѣ читаемъ слѣдующее: „Всімъ вобецъ и каждому зособна, кому бы то належало ведати. Мы особы, нижей помененые, которіе есмо до того листу, печати свои притиснувшы, и руками своими, которіе умели, подписали, ознаймуемъ и сведецтво певное даемъ о томъ, штожь, будучы намъ на рокохъ Трикрольскихъ земскихъ Берестейскихъ въ року нинешнимъ деветдесять осомъ, пана Криштофа Шолковского, съ повету Вилкомирскаго человека намъ въ томъ воеводстве нашомъ Берестейскомъ добре знаемого, а некоторымъ з насъ и уроженя его сведомымъ, — виделисмо его быти въ добромъ здоровю, такъ же и признаня его передъ судомъ земскимъ Берестейскимъ на тыхъ же рокохъ, вышей помененыхъ, продажи вечыстое имениа его Шолкова и Митова его милости пану Каспору Скорулскому будучы ведоми, для лепшое веры до того листу нашего печати свои прыложили и руками се своими подписали. Писанъ Б[е]рестю, року отъ Нарожения Сына Божего тисеча пятсотъ деветдесять осмого, м[е]с[е]ца генвара двадцатого дня“. Къ этому листу приложены „печатей розныхъ гербовъ притисненыхъ тридцать“ и его подписали 30 человекъ³⁾.

Иногда собравшаяся на земскіе роки шляхта выдаетъ

1) См. выше, стр. 288.

2) Вил. Центр. Архивъ, № 13880. Вилкомирскаго градскаго суда (1598 г.), № 3. Л. 109 об.

3) Изъ этихъ подписей три сдѣланы русскими буквами (Остафія Рудницкаго, Томаша Адамовича Завадскаго и Остафія Кучука Лазуцкаго); остальные — польскими.

то или другое удостовѣреніе и въ цѣляхъ опроверженія правильности приговора суда, которая оспаривается проигравшимъ дѣло и обращающимся къ ней за поддержкою и соотвѣтствующимъ свидѣтельствомъ¹⁾. Но иногда съ земскихъ роковъ возбуждались и ходатайства, которыя передавались затѣмъ соотвѣтствующей власти. Если Кіевская шляхта въ 1575 году могла со своихъ роковъ отправить къ своему воеводѣ письменное ходатайство за Печерскаго архимандрита Сильвестра²⁾, то мы не видимъ причины отрицать возможность подобныхъ выступленій въ тѣхъ или другихъ случаяхъ и для шляхты Литовско-Русскихъ повѣтовъ, не отторгнутыхъ къ Польшѣ въ 1569 году. Необходимо признать, что собравшаяся на земскихъ рокахъ повѣтовая шляхта могла сознать себя шляхетскимъ собраніемъ большого авторитета, хотя это собраніе и не имѣло значенія повѣтоваго сеймика.

1) Опись док. Вил. Ц. Арх. др. акт. кн. IV. Ст. 5 (№ 32).

2) Вил. Арх. Сб. IV, № 12. Какъ другой примѣръ выступленія Кіевской шляхты съ земскихъ роковъ можетъ быть указанъ „Листъ сознанный отъ шляхты и урядниковъ земскихъ воеводства Кіевского велебному Мелентію Хребтовичу на имине церковное, называемое Коиловъ, въ повете Кіевскомъ лежачое, видимусомъ выданный“. Послѣ титула Стефана Баторія этотъ листъ говоритъ слѣдующее: „Ознаймуемы тымъ листомъ н[а]шимъ всемъ воецѣ и каждому зособна, кому то вѣдати належитъ, ижъ оказалъ передъ нами велебный Мелентій Хребтовичъ, архимандритъ Кіевскій монастыра н[а]шого Печерского, листъ подъ титуломъ и печатми урядниковъ земскихъ, шляхты-рицества, обывателій земли Кіевское, на рокохъ земскихъ въ замку н[а]шомъ Овруцкомъ на Святый Михаль въ року недавно прошломъ тисеча пятсотъ семдесятъ осмомъ будучихъ, которымъ листомъ сознавають стародавнее уживанье и держанье именья властного церковного, на имя Коилова, што ширей въ томъ листе есть описано, просечи нашь за то, абыхмо ему видимусъ того листу подъ печатью н[а]шою Коронною выдать и оный листъ до книгъ н[а]шихъ канцелерійскихъ Коронныхъ въписати розказали“. Этотъ листъ далѣе и въписывается. Лит. Метр. $\frac{IV}{26, 27}$ л. л. 139 об. — 141 (дата документа: Вильна, 10 апрѣля 1579 года). На листахъ 143 об. — 145 въ той же книгѣ Метрики находится „Листъ к[о]р[о]ля его милости велебному Мелентію Хребтовичу на кануны, за зознанемъ шляхты и врядниковъ земскихъ воеводства Кіевского видимусомъ выданъ“. Въ этотъ листъ въписанъ „Листъ подъ титуломъ и печатми урядниковъ земскихъ, шляхты-рыцества, обывателій земли Кіевское, на рокохъ земскихъ въ замку нашомъ Овруцкомъ на Светый Михаль въ року недавно прошломъ тисеча пятсотъ семдесятъ осмомъ будучихъ“. Дата документа та же, т. е. Вильна, 10 апрѣля 1579 года.

Чтобы закончить наше изученіе сеймиковъ и повѣтовыхъ собраній Литовско-Русской шляхты XVI столѣтія послѣ введенія реформъ 1565—1566 годовъ, намъ остается еще остановиться на повѣтовомъ сеймикѣ времени безкоролевій. Но выполнить задачу изученія сеймикованья этого времени мы можемъ на настоящихъ страницахъ только отчасти. Дѣло въ томъ, что въ години безкоролевій дѣятельность повѣтовыхъ сеймиковъ Великаго Княжества Литовскаго тѣсно примыкала къ дѣятельности его съѣздовъ. Эти съѣзды своими постановленіями выражали волю всего Литовско-Русскаго шляхетскаго народа, которая составлялась путемъ согласованія желаній и постановленій отдѣльныхъ повѣтовъ, на которые этотъ народъ распался. Требования, вырабатываемыя на съѣздахъ Великаго Княжества Литовскаго, предъявлялись затѣмъ соединенной съ нимъ Уніей Польшы и кандидатамъ на престолъ соединеннаго государства, какъ условія признанія ихъ Литовско-Русскимъ „панствомъ“. Съ другой стороны, постановленія этихъ съѣздовъ передавались въ повѣты къ исполненію или на обсужденіе и, такимъ образомъ, давали извѣстное направленіе повѣтовому сеймикованью Великаго Княжества Литовскаго въ эпохи безкоролевій. Все это заставляетъ признать наличность тѣсныхъ связей повѣтовыхъ Литовско-Русскихъ сеймиковъ со съѣздами во время „интерегни“, какъ иногда выражаются источники. Между тѣмъ дѣятельность съѣздовъ Великаго Княжества Литовскаго принадлежитъ къ числу темъ, совершенно не разработанныхъ еще научнымъ изслѣдованіемъ.

При такихъ условіяхъ мы должны отказаться на настоящихъ страницахъ отъ всякой попытки изученія Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика времени безкоролевья въ его развитіи на протяженіи трехъ безкоролевій второй половины XVI столѣтія, которыя одно за другимъ должны были вносить свое вліяніе въ это развитіе. Но мы постараемся на основаніи документальныхъ данныхъ уяснить отношенія повѣтовыхъ сеймиковъ и общаго съѣзда Великаго Княжества Литовскаго въ эпоху третьяго безкоролевья, какъ времени наиболѣе полнаго развитія подлежащаго нашему изученію вида сеймиковъ, послѣ опытовъ двухъ предшествующихъ безкоролевій, и затѣмъ остановиться на характерѣ ихъ дѣятельности и способахъ созыва.

12 декабря 1586 года скончался Стефанъ Баторій, и отъ конца января 1587 года мы уже имѣемъ постановление Виленскаго съѣзда Великаго Княжества Литовскаго¹⁾. Это постановленіе начинается слѣдующими словами: „мы, рады духовные и свѣцкіе, княжата, панята, врадники земскіе и дворные и послове земскіе зо всихъ воеводствъ и повѣтовъ, и все рыцество, обыватели того панства, Великаго Князства Литовскаго и земли Жомойтское, которые се есьмо теперь на тотъ часть, по смерти короля его милости и великаго князя Литовскаго, пана нашого, светое славное памяти Стефана, до мѣста столечного Виленскаго на часть певный, въ року теперешнемъ осемьдесятъ семомъ мѣсеца генваря двадцать девятого дня, для спольныхъ намовъ и застановенья межи нами порядку и покою внутреннего зѣхали, ознаймуемъ и чинимъ вѣдомо всимъ вобецъ и каждому зособна . . .“ Передъ нами постановленіе не только собранныхъ вызовомъ на съѣздъ его участниковъ, но и пословъ, избранныхъ повѣтами Великаго Княжества Литовскаго. Является вопросъ: кѣмъ же были созваны Литовско-Русскіе повѣтовые сеймики для избранія этихъ пословъ?

На 2 января 1587 года были назначены повѣтовые сеймики Княжества еще Стефаномъ Баторіемъ, выдавшимъ въ Городнѣ 8 ноября 1586 года листы, ихъ созывающіе²⁾. Эти сеймики должны были быть обычными предсеймовыми собраниями Литовско-Русской шляхты въ виду назначеннаго королемъ на 2 февраля 1587 года въ Варшавѣ вальнаго сейма. Но едва ли возможно думать, что эти сеймики собрались на основаніи распоряженія уже скончавшагося короля. Гейденштейнъ говоритъ, что архиепискупъ Станиславъ Карнковскій, получивъ извѣстіе о смерти короля Стефана, разослалъ универсалы „in omnes partes“, созывая сеймики во всѣхъ воеводствахъ и приглашая сенаторовъ въ Варшаву на начало февраля. Но, по его словамъ, шляхта, узнавъ о кончинѣ короля, самостоятельно собиралась въ свои собранія во многихъ воеводствахъ еще до универсаловъ Карнковскаго, считая, что смертью короля верховная власть возвращена въ ея руки³⁾. Въ повѣтахъ Великаго

1) А. Вил. III. Стр. 310—319.

2) Приложенія. Стр. 140—141.

3) „In plerisque vero palatinatibus, morte regis cognita, per eamque

Княжества Литовскаго шляхта должна была собраться тѣмъ скорѣе, что король умеръ въ Городнѣ, т. е. въ Литовско-Русскихъ предѣлахъ, и вѣсть объ его кончинѣ должна была довольно быстро распространиться по Княжеству. Въ Городнѣ при королѣ находились радные паны, а также дворные и земскіе урядники Великаго Княжества Литовскаго; наконецъ, вѣсти быстро расходились отъ Городенскихъ мѣщанъ и двора господарскаго¹⁾. Паны-рада Литовско-Русскаго „панства“ должны были немедленно принять мѣры со своей стороны для оповѣщенія его шляхетскаго народа, лишившагося своего господаря. Такимъ образомъ, повѣтовые сеймики, выславшіе своихъ пословъ на январьскій Виленскій съѣздъ 1587 года, должны были, внѣ всякаго сомнѣнія, собраться независимо отъ универсаловъ примаса.

Остановимся на постановленіяхъ январьскаго Виленскаго съѣзда 1587 года и посмотримъ, чтó они говорятъ о собраніяхъ шляхты въ эпоху наступившаго безкоролья. Эти постановленія предвидятъ конвокаціи, елекцію и съѣзды²⁾. Елекціонные сеймы, конечно, имѣются въ виду какъ сеймы, общіе съ Поляками. Конвокаціи, надо думать, также понимались Виленскимъ съѣздомъ преимущественно какъ общіе съ Поляками конвокаціонные сеймы, хотя это слово употреблялось и для обозначенія отдѣльных отъ Польши съѣздовъ Великаго Княжества Литовскаго. Наконецъ въ числѣ съѣздовъ, о которыхъ говорятъ разсматриваемыя по-

imperio omni ad nobilitatem revocato, etiam ad edictum archiepiskopi ultro nobilitas convenerat, ad quosdam nuntium mortis regiae, priusquam ex conventibus dilaberentur, pervenerat.“ Reinholdi Heidensteinii secretarii regii Rerum Poloniarum ab excessu Sigismundi Augusti libri XII (Francofurti ad Moenum MDCLXXII). P. 243.

1) См. „O śmierci króla Stefana list od sekretarza I. K. M. Jerzego Chiakor do J. W. Wolfganga Kownackiego, kanclerza księstwa Siedmiogrodzkiego“ — Juliana Ursyna Niemcewicza, Podróże Historyczne po ziemiach Polskich między rokiem 1811 a 1828 odbyte (Paryż 1858), str. 351—356. Акты судебной дѣятельности Литовско-Русскихъ сенаторовъ при королѣ Стефанѣ въ Городнѣ въ исходѣ ноября 1586 года см., нпр., на л. л. 208 об. — 209 (дата: Городна, 27 ноября 1586 года) и 211 об. — 212 (дата: Городна, 27 ноября 1586 года) книги $\frac{I A}{65}$ Литовской Меррики.

2) Слова „або и на соймѣхъ и при пану пришломъ“ (А. Вил. III, стр. 317), конечно, надо относить уже ко времени прекращенія безкоролья.

становленія, ими понимались, конечно, и сѣзды повѣтовые. Январскій Виленскій сѣздъ 1587 года прямо предвидитъ слѣдующіе виды собраній шляхты въ Литовско-Русскихъ повѣтахъ: 1) для выбора членовъ трибунала Княжества, 2) рушенья въ помощь повѣтовому суду и 3) военные сборы повѣтовой шляхты. О первыхъ изъ этихъ собраній онъ говоритъ: „ижъ на часъ певный, передъ Великоднемъ пришлымъ за три недѣли въ понедѣлокъ, въ року теперешнемъ осьмьдесятъ семомъ електове на трибуналъ во всихъ воеводствахъ, гдѣ ихъ на теперешнихъ Громницахъ не обирано, обраны быти мають“. Очевидно, что Виленскій сѣздъ, на основаніи свѣдѣній отъ повѣтовыхъ представителей Княжества, предвидитъ, что громничные сеймики не соберутся во всѣхъ Литовско-Русскихъ повѣтахъ въ виду незнанія шляхты о продолженіи дѣятельности трибунала, устанавливаемомъ сѣздомъ, несмотря на наступившее безкоролье¹⁾. Постановленіе сѣзда, состоявшееся 30 января 1587 года, не поспѣетъ во всѣ повѣты во-время, чтобы предупредить несобраніе громничныхъ сеймиковъ. Этимъ объясняется его редакція.

Что касается рушенья повѣтовъ въ помощь повѣтовымъ судамъ, то оно устанавливается январскимъ Виленскимъ сѣздомъ въ двухъ случаяхъ. Первый изъ нихъ имѣетъ въ виду нежеланіе явиться на судъ²⁾, или отказъ подчиниться его приговору — „на такового кожного, яко взрушителя и турбатора покою посполитого, мы вси обыватели оногo воеводства або повѣту, отъ вышшого до наменшого стану, за ознайменіемъ листовнымъ отъ владу кгородского, маемъ моцно повстати и на него рушиться“, гласить постановленіе³⁾. Въ данномъ случаѣ, такимъ образомъ, шляхту повѣта собираетъ гродскій урядъ. Другой случай рушенья повѣта вызывается неправильными дѣйствіями самого гродскаго уряда. Если такія дѣйствія имъ будутъ совершены, пострадавшая сторона вызываетъ его „на рокъ

1) Всѣ обычные повѣтовые суды прекращали свою дѣятельность во время безкоролья (см. выше, стр. 115). Учрежденный въ 1581 году трибуналъ также, очевидно, по крайней мѣрѣ, часть Литовско-Русскихъ повѣтовъ считала не дѣйствующимъ въ это время.

2) Кромѣ случаевъ, оговоренныхъ сѣздомъ.

3) А. Вил. III. Стр. 312.

завитый“ предъ судъ сосѣдняго повѣта, по выбору этой стороны — „а за всказаньемъ владовымъ и ознайменьемъ тое сказанье владу земскому того повѣту, гдѣ судъ першій былъ, маеть владъ земскій зо всеми обывателями оногo воеводства або повѣту, давши имъ знать черезъ листь свой, рушиться и мощно сторонѣ укривжоной на имѣньяхъ и маетности того владу недбалого отправу вчинити“¹⁾. Въ этомъ случаѣ рушить повѣтъ его урядъ земскій. Наконецъ, право созывать чисто военные сборы повѣтовой шляхты было январьскимъ Виленскимъ съѣздомъ 1587 года предоставлено воеводѣ Виленскому и польному гетману Великаго Княжества Литовскаго²⁾, пану Криштофу Радивилу во всѣхъ Литовско-Русскихъ повѣтахъ, кромѣ земли Жомойтской, въ которой оно принадлежитъ Жомойтскому старостѣ³⁾.

Но кромѣ этихъ собраній шляхты повѣтовъ Виленскій съѣздъ предвидитъ и другія. На это указываютъ его постановленіе о Берестейскомъ воеводствѣ и заключительныя слова всего документа. Первое говоритъ, что Берестейскіе послы на съѣздѣ „оповѣдалися, ижъ при своемъ постановенномъ порадку въ воеводствѣ своемъ, зъ стороны справедливости учиненого, зоставають“. Тутъ передъ нами, конечно, требованіе инструкціи, которую далъ своимъ посламъ на съѣздъ Берестейскій сеймикъ, уже сдѣлавшій самостоятельно свое постановленіе о судѣ во время наступившаго безкоролья. Но въ одномъ изъ вопросовъ, связанныхъ съ этимъ судомъ, Берестейскіе послы „однакъ же до братии свое то относятъ“⁴⁾. Очевидно, что имѣется въ виду сеймикъ, на которомъ послы сдѣлають реляцію своего посольства. Заключительныя слова постановленій январьскаго Виленскаго съѣзда 1587 года также говорятъ о реляціонныхъ сеймикахъ, хотя и не называютъ ихъ прямо: „которое постановенье нашо, печатьми своими ствердивши и руками, хто писать умѣль, подписавши, до книгъ кгородскихъ Виленскихъ вписати дали есмы, а съ тыхъ книгъ выписы подъ печатью

1) Ibidem. Стр. 315.

2) Польный гетманъ въ данномъ случаѣ потому замѣняетъ гетмана наивысшаго, что урядъ послѣдняго былъ въ то время вакантенъ. См. Józef Wolff, Senatorowie i Dygnitarze W. Ks. Litewskiego, str. 150.

3) А. Вил. III. Стр. 318.

4) Ibidem. Стр. 317.

кгородскою Виленскою [въ] каждое воеводство и повѣтъ взято для отпраованья тыхъ судовъ быти маеть“¹⁾.

Теперь перейдемъ къ постановленіямъ Виленскаго сѣзда, собравшагося 2 октября того же 1587 года²⁾, и отмѣтимъ въ нихъ то, что они даютъ для изученія шляхетскихъ собраній эпохи третьяго безкоролевья. Этотъ сѣздъ собрался послѣ полученія повѣтами Великаго Княжества Литовскаго разосланныхъ Литовско-Русскими панами-радою универсаловъ о происшедшемъ на избирательномъ сеймѣ 1587 года нарушеніи правъ, вольностей и „списовъ“ Уніи, благодаря избранію одновременно двухъ господарей многими радными панами Короны и частью ея шляхты, что подробно изложено въ протестаціи, сдѣланной тогда же нѣкоторыми панами-радою и всѣмъ рыцарствомъ Княжества, а также нѣкоторыми сенаторами и частью рыцарства Польши³⁾. Собравшись и обсудивъ положеніе дѣлъ, октябрьскій Виленскій сѣздъ, „сполне змовившисе и згодившисе зъ собою“, постановилъ созвать новый сѣздъ Великаго Княжества Литовскаго въ Вильнѣ же на 8 ноября 1587 года⁴⁾. На этотъ сѣздъ паны-рада и шляхетные обыватели Княжества, свѣтскаго и духовнаго стана, приглашаются явиться „особами своими“, а не замѣнять себя повѣтовыми послами. Но, конечно, это приглашеніе отнюдь не уменьшало необходимости повѣтовыхъ сеймиковъ передъ предстоящимъ Виленскимъ сѣздомъ.

Передъ самимъ октябрьскимъ Виленскимъ сѣздомъ 1587 года Литовско-Русскіе повѣтовые сеймики были созваны на 16 сентября универсалами, выданными 25 августа 1587 года въ Варшавѣ радою и рыцарствомъ Короны и Княжества⁵⁾. Въ виду развивавшихся событій они приглашали

1) Ibidem. Стр. 319.

2) Приложенія. № XI.

3) Ibidem. Стр. 144—145.

4) Ibidem. Стр. 146.

5) Этотъ универсалъ вписанъ въ книгу Литовской Метрики
 ІА
 65 л. л (236—236 об.) съ заголовкомъ: „Uniwersał, pod Warszawą po nominatij dwu candidatow na Kroliestwo Polskie y W. X. Litt. wydany“. Начинается онъ словами: „my, rady, rycerstwo oboiga narodu, Coronny (sic) Polskiej i Wielkiego Xięstwa Litewskiego, wszystkim, komu to wiedziec naliezy oznaimuiemy“

обывателей соединенной Речи Посполитой собраться на эти сеймики, а послѣ нихъ „do kupy“ для того, чтобы общими силами справиться съ опасностями ¹⁾. Но октябрьскій Виленскій сѣздъ имѣлъ дѣло и съ заявленіями представителей отдѣльныхъ повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго ²⁾, представленными, конечно, по требованію соотвѣтствующихъ сеймиковъ.

Созванный октябрьскимъ Виленскимъ сѣздомъ на 8 ноября сѣздъ въ Вильнѣ состоялся и 17 ноября 1587 года утвердилъ свои постановленія ³⁾. Сѣздъ оглашаетъ во всеобщее свѣдѣніе отправленіе имъ пословъ въ Польшу для выбора между двумя кандидатами на престоль, т. е. Австрійскимъ эрцгерцогомъ Максимилианомъ и Шведскимъ королевичемъ Сигизмундомъ, согласно Литовско-Русскимъ интересамъ, и для рѣшенія этого вопроса именемъ всего Великаго Княжества Литовскаго. Далѣе документъ продолжаетъ: „а ижъ въ таковыхъ небезпечностяхъ речи посполитое потреба обмышлявать о раде и помочи паномъ посломъ нашимъ, которіе до Полски выправены суть, для потребъ, припалыхъ въ речи посполитой, складаемъ и постановили есмо соймики во всехъ воеводствахъ и поветехъ на певный часъ, то есть на день тридцатый м[e]с[e]ца декабра въ року осмдесять семомъ“ ⁴⁾. На этихъ сеймикахъ должны быть выбраны повѣтовые послы, которые затѣмъ обязаны быть готовыми отправиться съ неограниченными полномочіями въ Берестье, когда назначить имъ для этого сѣзда день Литовско-Русское посольство, отправленное для выше указаннаго дѣла въ Польшу. вмѣстѣ съ членами этого посольства повѣтовые послы будутъ въ Берестѣ обсуждать положеніе дѣлъ и дѣлать постановленія. Кромѣ того настоящій Виленскій сѣздъ постановилъ, чтобы всѣ обыватели Великаго Княжества Литовскаго были въ боевой готовности, въ виду настоящихъ

1) „aby, z miłosci oiczyzny temu złemu zabiegając, na seimiki sie na dzien 16 septembris zbieżeli na miejsca zwykłe a po tym sie do kupy wszyscy ruszyli a tak szkodliwy ogien w R. P. vgasili, praw i wolności swych postrzegali i s tym tak postąpili, iako by było z nalliepszem R. P., w czym iesli byśmy niedbalemi okazali, pewnego zginienia nasie[go] spodziewami“.

2) См. Приложенія, стр. 148.

3) Приложенія. № XII.

4) Ibidem. Стр. 151.

обстоятельствъ¹⁾. Этимъ Литовско-Русская шляхта созывалась въ военные сборы шляхетскихъ повѣтовъ.

Берестейскій съѣздъ²⁾, о которомъ говоритъ универсалъ ноябрьскаго Виленскаго съѣзда 1587 года, и рѣшилъ вопросъ о признаніи Великимъ Княжествомъ Литовскимъ эрцгерцога Максимилиана или королевича Сигизмунда, т. е. одного изъ двухъ „номинатовъ“ на престолъ соединенной Речи Посполитой. Онъ ведетъ переговоры съ обоими претендентами и въ концѣ концовъ признаетъ Сигизмунда Вазу Литовско-Русскимъ великимъ княземъ и королемъ Польско-Литовской Речи Посполитой, выработавъ условія для этого признанія³⁾.

Таковы данныя, которыя даютъ постановленія трехъ Виленскихъ съѣздовъ 1587 года для изученія Литовско-Русскаго сеймика времени безкоролевья. Они показываютъ, что въ эпоху третьяго безкоролевья повѣтовые сеймики созывались властью съѣзда Великаго Княжества Литовскаго, должны были собираться по закону о сеймикахъ для выбора членовъ трибунала и, наконецъ, собирались въ повѣтахъ помимо постановленій съѣздовъ и требованій закона. Къ этимъ сеймикамъ нужно прибавить сеймики, которые собирались для Польши и Литовско-Русскаго „панства“ при масомъ и общими сеймами. Но рядомъ со всѣми этими сеймиками въ повѣтахъ собираются военныя собранія шляхты. Разсматривая постановленія Виленскихъ съѣздовъ 1587 года, мы видѣли, что они или отдають созывъ этихъ собраній въ руки центральной военной власти Великаго Княжества

1) Ibidem.

2) О съѣздѣ въ Берестѣ говорятъ и „Instructia, od ich m. panow rad y guserstwa W-o X-a Litt. ich m. panom poslom do obudwu nominatow dana na ziezdzie glownym W-o X-a Litt. od 8 dnia nouebris legitime zlozonym dana“ (Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. л. 245—246), и „Modus legationis przy tei generalnei instructii“ (ibidem, л. л. 246 об. — 247 об.). Послѣдній документъ назначаетъ временемъ съѣзда пословъ въ Берестѣ 13 декабря 1587 года.

3) См. „Uniwersal w Brzesciu postanowiony“ (Лит. Метр. $\frac{I A}{65}$ л. л. 257—258), датированный Берестьемъ и 24-мъ декабря 1587 года, и „Instructia ich mczu panow poslow“ (ibidem, л. л. 258—261) подъ датю: Берестѣ, 23 декабря 1587 года. Въ ту же книгу Литовской Метрики внесены и документы, относящіяся къ сношеніямъ Берестейскаго съѣзда съ обоими „номинатами“.

Литовскаго, т. е. гетмана, или созываютъ ихъ сами. Въ послѣднемъ случаѣ этотъ созывъ непосредственно передается въ руки повѣтовыхъ военныхъ властей — хоружихъ маршалковъ и каптеляновъ. Но, конечно, въ военные сборы повѣтовая шляхта въ години безкоролевій должна была собираться и безъ указаній съѣзда: этого требовала охрана безопасности повѣтовъ. Наконецъ, засѣданія каптуровыхъ судовъ собирали, нужно думать, еще большее число шляхты, чѣмъ земскіе роки обычнаго времени. Потребность чаще бывать въ повѣтовомъ центрѣ среди одноповѣтниковъ чувствовалась шляхтою еще сильнѣе въ это время, а исключительная компетенція каптуровыхъ судовъ придавала большое значеніе избранію замѣстителей не прибывшихъ и не принесшихъ соотвѣтствующей присяги членовъ этихъ судовъ, которое должна была дѣлать собравшаяся на „роки порядкомъ каптура“ шляхта.

Что касается вопросовъ, которые должна была обсуждать, собираясь во время безкоролевій, повѣтовая шляхта, то, какъ мы уже отмѣтили выше, эти вопросы имѣли или значеніе повѣтовое, или значеніе дѣлъ Литовско-Русскаго „панства“, или, наконецъ, значеніе дѣлъ всего соединеннаго Польско-Литовскаго государства.

На этомъ мы закончимъ нашъ краткій очеркъ Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика времени безкоролевья. Этотъ сеймикъ требуетъ гораздо болѣе глубокой научной обработки, невозможной безъ обстоятельнаго изученія съѣзда Великаго Княжества Литовскаго. Заняться изученіемъ этого послѣдняго мы предполагаемъ въ дальнѣйшемъ продолженіи нашего труда, а потому и оставляемъ за собою право вновь вернуться къ изслѣдованію повѣтоваго сеймика Великаго Княжества Литовскаго въ эпохи безкоролевій въ связи съ изученіемъ съѣзда Литовско-Русскаго „панства“.

дѣлать церкви пожертвованія и разглагольствуютъ (въ аренгахъ) о великомъ значеніи пожертвованій, то они и намека нигдѣ не дѣлаютъ на то, что церковь — только посредница въ пользованіи имуществомъ и что она въ качествѣ этой посредницы облегчить участь нуждающимся и т. п. Напротивъ, имѣются въ виду „нищіе Христа“ въ специальномъ смыслѣ, — клирики, монахи, которымъ и испрашивается даръ; заботъ о другихъ нищихъ грамоты орденскихъ монастырей не знаютъ¹⁾. Такъ обстоитъ дѣло по смыслу общихъ выраженій, такъ же точно выясняется оно и изъ частныхъ.

Когда монахи просили у папскаго легата о позволеніи принимать награбленное, то они не сочли возможнымъ сослаться на расходы по организаціи благотворительности; выставлены были единственно ихъ „необходимыя жизненныя потребности“, да „окончаніе постройки“²⁾.

И когда духовное лицо желаетъ утратить мірянъ дурными послѣдствіями въ томъ случаѣ, если не будетъ въ распоряженіи церкви хорошихъ матеріальныхъ средствъ, то оно и не думаетъ указывать на безпріютность, нищету и бѣдствія низшаго класса мірянъ. Напротивъ, отъ недостатка доходовъ представляются страждущими сами же клирики и монахи, которые теряютъ отъ этого покой, удобство³⁾ и т. д. Сами монахи говорятъ объ этомъ; по ихъ же мыслямъ и наставленіямъ главнѣйшую статью расходовъ, кромѣ собственно храмовыхъ издержекъ, составляетъ расходъ на ихъ удобства (необходимыя для духовныхъ занятій); — и мы не имѣемъ никакихъ основаній не довѣрять имъ въ этомъ дѣлѣ.

б) Наставленіямъ и размышленіямъ духовенства, какъ эхо, вторитъ и жертвователъ-князь. И въ его грамотахъ главнѣйшею цѣлю пожертвованія являются клирики, которые не должны терпѣть помѣхи и затрудненій въ ихъ духовныхъ занятіяхъ; даже упоминаніе о благолѣпіи храмовъ встрѣчается не столь часто⁴⁾.

1) См. выше, стр. 166—171.

2) Гр. кардинала-легата Гвидо Буковскому монастырю отъ 1266 г. (Pomm. Urk., II, № 814, p. 157—158): *ad habendum vite necessaria et pro consummatione operis ecclesie vestre sumptuosi* .

3) См. выше, стран. 162—164.

4) Гр. Казимира I Каминской церкви отъ 1176 г. (C. P. D., № 41, p. 100—101; Pomm. Urk., I, № 70, p. 43—45): *pro omnibus que retribuit nobis (Deus) . ipsi volumus deuote id quod possumus obsequium exhibere . ministros eius . — concessis nobis a deo temporalibus . honorando ipsos-*

Князь былъ далеко отъ ироніи, когда по поводу одной придуманной монахами мѣны (монастырь давалъ одну деревню, а получалъ пять деревень) простодушно замѣтилъ, что монахи „безъ сомнѣнія предусмотрѣли значительныя выгоды“, и что эти выгоды „будутъ приносить пользу имъ и ихъ преемникамъ“, а не кому-либо иному¹⁾.

Когда князь представлялъ себѣ въ роли потребителей матеріальныхъ благъ самихъ же духовныхъ лицъ, то такое представление согласовалось не только съ теоріею, которую внушали ему одаряемые; надо думать, что и практика нисколько не расходилась съ теоріею. Иного представленія о потребителяхъ и возникнуть не могло, если духовныя лица добиваются, напр., полного устраненія конкурентовъ: недопущенія въ городъ ни одного монаха какого бы то ни было ордена, разрушенія того жилища, гдѣ осмѣлились бы поселиться новые монахи и т. п.

Такимъ образомъ и тѣ немногія данныя насчетъ употребленія церковью своихъ имуществъ, какія отыскиваются въ актахъ, вполне соотвѣтствуютъ установленному выше положенію о томъ, что духовенство въ Поморьѣ проявило самыя энергичныя пріобрѣтательскія стремленія.

que paterne fouendo . vt absque turbacione et defectu aliquo suum ministerium exequantur .

Гр. Богуслава I отъ 1184 г. (С. Р. Д., № 56, p. 133; Pomm. Urk., I, № 96, p. 74—75): *Hoc est ad sacrificium et laudes creatori nostro immolandas . sanctorum basillicas exstruere . ornatu ac supellectile congrua redimire . et ad sustendandos earum ministros . aliquantula dote instaurare .*

Замѣчаніе еп. Конрада въ его грамотѣ (отъ 1176 г.) о дѣятельности поморскихъ князей (С. Р. Д., № 39, p. 98; Pomm. Urk., I, № 67, p. 41—42): *Viros quoque religiosos de longinquis prouinciis euocatos . per diuersa regionis sue loca disponentes . ad necessarios vsus eis temporalia subministrant . sicque iuxta ewangelicam ammonitionem faciunt sibi amicos . qui se recipiant in eterna tabernacula .*

Гр. Барнима отъ 1255 г. (Pomm. Urk., II, № 610, p. 23): *Quia igitur ex largicione elemosinarum diuina pagina protestante rubigo facinorum consumitur et deletur , expedit animarum saluti , vt magis hys erogentur , qui omnibus huius mundi deliciis abdicarunt et soli domino adhererunt .*

1) Гр. Барнима Гробскому монастырю отъ 1254 г. (Pomm. Urk., II, № 596, p. 11): *dilecti nobis in Christo canonici Wiardus abbas et conuentus — — meliora prospicientes sibi et successoribus suis sine dubio in posterum profutura . villam Szlatecovwe — — commutarunt .*

ГЛАВА II.

Общая характеристика поморских князей. Отношение ихъ къ церкви.

Князья, стоявшие во главѣ Поморья въ теченіе 150 лѣтъ (Вартиславъ I, Ратиборъ I, Богуславъ I, княгиня Анастасія, Вартиславъ II, Богуславъ II, Казимиръ II, Барнимъ I, Вартиславъ III), не во всѣхъ чертахъ своихъ характеровъ одинаковы; но въ общемъ, поскольку ихъ дѣятельность отразилась въ документахъ, они представляютъ изъ себя довольно сходный типъ.

Среди нихъ не замѣтно ни одного человѣка энергичнаго или съ оригинальнымъ государственнымъ умомъ, вообще ни одного, который бы чѣмъ-нибудь выдавался. Нерѣшительность, мягкость, даже слабость характера, была у князей обычною чертою. Князь бывалъ доступенъ вліянію окружающихъ, и въ зависимости отъ этого проявлялъ непоследовательность въ дѣйствіяхъ¹⁾; иногда его толкали, по его собственному признанію въ послѣдствіи, на прямо несправедливыя дѣйствія²⁾.

Князья были податливы и добродушны. Эти

1) Въ отношеніи Вартислава III, напр., объ этомъ свидѣтельствуютъ бранденбургскіе маркграфы. Въ 1236 г. въ договорной грамотѣ отъ имени маркграфовъ и того же Вартислава предусмтрѣна, между прочимъ, возможность того, что кто-нибудь воспользуется его юностію, небрежностію, а также нерадѣніемъ близкихъ къ нему лицъ и отнять у него владѣнія. С. Р. Д., № 241, р. 526: *si ex negligencia puericie sue aut aliorum privatus fuerit bonis . — — adjutorio requirendo repetet sepe dictorum dominorum .* — О малолѣтствѣ Вартислава рѣчь идетъ въ грамотахъ уже лѣтъ за 17 до этого времени. Pomm. Urk., I, № 197, р. 142. См. ниже, стран. 206, примѣч. 3 и 4. — Кромѣ того, примѣры нерѣшительности князя и измѣненія первоначальныхъ намѣреній подъ вліяніемъ окружающихъ лицъ заключаются въ грамотахъ Вартислава III отъ 1232 г. (о дареніи Доберанскому монастырю трехъ деревень, С. Р. Д., № 197—198, р. 443—445) и отъ 1264 г. (о дареніяхъ Эльденскому монастырю по завѣщанію, Pomm. Urk., II, № 752—753, р. 115—116), въ гр. Барнима отъ 1243 г. (о надѣлѣ вновь учреждаемаго нѣмецкаго города Штетина, С. Р. Д., № 324 и 325, р. 691—696) и др.

2) Гр. Барнима отъ 1277 г. (Pomm. Urk., II, № 1067, р. 352): *malignorum seducti suasionibus eandem villam dictis fratribus (de Colbas) ad aliquod tempus abstulimus violenter .* См. также: Pomm. Urk., II, № 832, р. 172—173.

именно ихъ свойства, наряду съ другими обстоятельствами, привлекали и къ нимъ лично и въ ихъ страну цѣлыя толпы переселенцевъ, духовныхъ и свѣтскихъ, знатныхъ и незнатныхъ.

Къ переселенцамъ князья относились несомнѣнно съ болѣшимъ вниманіемъ, чѣмъ къ своимъ. И не смотря на это явное предпочтеніе, добродушіе князей давало себя чувствовать (правда, въ слабѣйшей степени) и въ отношеніи къ туземцамъ; это можно замѣтить изъ сравненія съ актами, напр., руянскихъ князей. И руянскіе и поморскіе князья содѣйствовали онѣмеченію своихъ земель. Но руянскіе князья въ дѣлѣ онѣмеченія были прямѣе и рѣшительнѣе и дѣйствовали по отношенію къ своимъ славянскимъ подданнымъ суровѣе¹⁾. Одинъ изъ нихъ однажды даже заявилъ, что было бы несчастіемъ, отъ котораго да избавить Богъ, если бы славяне, по удаленіи нѣмцевъ, вновь начали воздѣлывать землю²⁾. Такихъ взглядовъ и такихъ опасеній поморскіе князья не высказываютъ, хотя, несомнѣнно, и они содѣйствовали германизации страны.

Поморскіе князья радушно принимали переселенцевъ и надѣляли ихъ имѣніями, населенными и ненаселенными. При этомъ князь иногда не замѣчалъ, что онъ передаетъ такое имѣніе, которое уже раньше было отдано какому-либо монастырю, — по крайней мѣрѣ таково было убѣжденіе заинтересованныхъ монаховъ. Монастырь, который чувствовалъ свое право нарушеннымъ, немедленно дѣлалъ соотвѣтствующее представленіе князю, и послѣдній восстанавливалъ его въ правахъ. Князь не

1) Ср., напр., гр. руянскаго князя Яромара отъ 1256 г. (Pomm. Urk., II, № 633, p. 38—39), которою онъ продаетъ германскимъ колонистамъ всю область деревни Szarnekeuiz: *Slavi seu Solani uero ponendi sunt, ubi nunc positi sunt, et non tenentur agris uti, sed tantum lignis et pascuis. Plures Sclavi seu Solani in eadem uilla non sunt locandi, quam locati sunt.*

Еще примѣръ. Гр. руянскаго князя Вышеслава II Эльденскому монастырю отъ 1276 г. (Pomm. Urk., II, № 1031, p. 323): *uniuersitas incolarum Ruje quondam quadam praua consuetudine abutebatur, solita uidelicet undique ipsius terre per confinia ligna, uiridia et arida, ad usus suos indifferenter rescare. Hunc autem errorem abolere volentes, ne quis infra terminos superscriptos ausu temerario ullius generis ligna presumat rescare districtius prohibemus. Precepimus eciam, ne quis porcos suos infra predictos terminos (i. e.: cujusdam terre, que Redewiz appellatur) transmittat ad pascua uel ad fructus quercuum amplius uel fagorum.*

2) Гр. Вышеслава I, князя руянскаго, отъ 1221 г. (C. P. D., № 134, p. 310): *Si uero . sinistro succedente casu . quod deus auertat . terra pre-taxata in pristinum fuerit statum reuersa . ita quod . Theutonicis expulsis . recolare terram sclavi incipiant . censum — — episcopo persoluant .*

останавливался предъ открытымъ признаніемъ своей ошибки¹⁾. И такіе случаи свидѣлствуютъ, какъ о податливости князя чужимъ вліяніямъ (ошибка князя происходила, по его собственному заявленію, потому, что онъ послушался другихъ), такъ и объ отсутствіи правильнаго дѣлопроизводства по раздачѣ имѣній.

Объ одномъ недоразумѣніи въ-за раздачъ имѣній самъ Барнимъ рассказываетъ слѣдующее. „Однажды, уже много времени тому назадъ, мы подарили нашимъ любезнымъ аббату и конвенту свято-Маріинскаго Даргунскаго монастыря деревню Karsibor со всѣми ея принадлежностями и границами; на этотъ даръ было дано полное согласіе и воля г-на Варгислава, блаженной памяти князя Дыминскаго, нашего брата. Спустя нѣкоторое время, уже по смерти упомянутаго князя, явился къ намъ Бертольдъ, который былъ нѣкогда солтысомъ въ Страсбургѣ; онъ доложилъ намъ, что у деревни Karsibor лежитъ одинъ островъ и что этотъ не занятый никѣмъ островъ находится въ нашемъ распоряженіи и отъ нашего усмотрѣнія зависитъ пожаловать его кому-либо; но, что этотъ островъ находится въ предѣлахъ вышеупомянутой деревни Karsibor, — Бертольдъ умолчалъ. Основываясь на его докладѣ, мы сочли этотъ островъ никѣмъ не занятымъ и нашимъ, и дали его въ ленъ тому же Бертольду. Когда же аббатъ и конвентъ замѣтили, что названный Бертольдъ вступаетъ во владѣніе этимъ

1) Гр. Барнима отъ 1277 г. (Pomm. Urk., II, № 1067, p. 352): nos — — veridica relatione et litterarum caucione commoniti, abbati et conuentui de Colbas — — villam dictam Damerowe — — sicut jure legitimo ipsam villam ab antiquis temporibus possederunt, ut suis plenius instrumentis affirmare possunt, libere reddimus et absolute, quia malignorum seducti suasionibus eandem villam dictis fratribus ad aliquod tempus abstulimus violenter.

См. также Pomm. Urk., II, № 937, p. 250, и С. Р. Д., № 313, p. 667 (о патронажѣ надъ Украмундскими церквами).

Гр. Барнима отъ 1275 г. (Pomm. Urk., II, № 1007, p. 301): Conquestus est nobis abbas et conuentus de Hylda super quasdam iniurias et alienationes quarundam possessionum — — . Nos vero, nostris priuilegiis et progenitorum nostrorum et ceterorum fundatorum ecclesie diligenter inspectis, ulterius molestiam et iniuriam sustinere nolentes et nostram elemosinam minui non sustinentes, recognoscimus predicta bona monasterio de Hylda cum omni jure pertinere. — Въ данномъ случаѣ, повидимому, не самъ князь былъ виновникомъ несправедливости, а скорѣе кто-нибудь изъ его вассаловъ или должностныхъ лицъ.

См. также слѣдующее примѣчаніе (объ островѣ, который находился неподалеку отъ Даргунской деревни Karsibor).

островомъ, то они явились къ намъ съ жалованной грамотой, — которую мы раньше дали имъ на упомянутую деревню съ ея предѣлами, — и на основаніи этой грамоты съ очевидностію доказывали намъ, что этотъ островъ принадлежитъ ихъ монастырю. Убѣдившись въ справедливости этого, мы, по настоянію аббата и конвента, распорядились, чтобы Бертольдъ не владѣлъ островомъ, ибо у насъ не было права отдавать этотъ островъ кому бы то ни было. Но вотъ теперь, какъ говорятъ, Бертольдъ изъ-за этого острова пытается чинить насиліе и обиду аббату и конвенту. Поэтому мы заявляемъ всѣмъ, кто будетъ видѣть эту грамоту; что этотъ Бертольдъ, домогаясь отъ нихъ упомянутого острова, всѣмъ и во всемъ наноситъ обиду аббату и конвенту; а они въ этомъ дѣлѣ по отношенію къ Бертольду совершенно неповинны“¹⁾.

Этотъ чрезвычайно характерный случай обнаруживаетъ многое: и способъ добыванія имѣній переселенцами, и неосвѣдомленность князя относительно розданныхъ и нерозданныхъ пространствъ земли, и бдительность монаховъ, и настойчивость чужеземца, и, наконецъ, мягкость государственной власти по отношенію къ такой настойчивости.

1) Gr. Барнима отъ 1267 г. (Pomm. Urk., II, № 832, p. 172—173): olim ante multa tempora donassemus dilectis nobis abbati et conuentui monasterii s. Marie in Dargun villam Karsibor cum omnibus suis pertinentiis et terminis, pleno domini W. quondam ducis Diminensis bone memorie, consanguinei nostri, ad hoc accedente consensu et voluntate, postmodum dicto duce viam vniuerse carnis ingresso venit ad nos Bertoldus quondam schulthetus in Straceburch suggerens nobis, quod quedam insula jaceret apud villam Karsibor, que nobis vacaret et ad nostram pertineret liberam collacionem, non exprimens quod in terminis predictae ville Karsibor illa insula esset sita. Quam insulam ex sua suggestione nobis vacare credentes eidem iure porreximus feudali. Predicti vero abbas et conuentus dictum Bertoldum in possessione eiusdem insule fore percipientes ad nos cum priuilegio, quod ipsis super sepedicta villa et terminis eius dederamus, accesserunt ostendentes nobis manifeste ex tenore eiusdem priuilegii, ad suum monasterium illam insulam pertinere. Quare percepta ueritate ad instanciam predicti abbatis et conuentus predictum Bertoldum fecimus mitti extra possessionem eiusdem insule, utpote cum ius porrigendi eam ad nos non pertineret. Nunc vero, ut dicitur, sepedictus Bertoldus predictis abbati et conuentui violenciam et iniuriam irrogare nititur racione insule memorate. Quocirca signamus vniuersis presens scriptum inspecturis, quod idem Bertoldus in omnibus et per omnia iniuriatur abbati et conuentui premissis repetendo ab ipsis insulam memoratam; ipsi enim penitus inculpabiles sunt in hac parte erga ipsum.

Князя характеризуетъ этотъ случай, какъ государя внимательнаго и благосклоннаго къ переселенцамъ. По просьбѣ и докладу солтыса предоставляется ему въ ленъ отысканный и намѣченный самимъ же солтысомъ островъ; о какихъ-либо обязательствахъ или предшествовавшихъ заслугахъ награжденнаго нѣтъ упоминанія. Бертольдъ, уже послѣ того, какъ выяснилось, что актъ пожалованія недѣйствителенъ ¹⁾, стремился все-таки овладѣть островомъ; и князь, вмѣсто мѣръ пресѣченія, ограничивается публичнымъ удостовѣреніемъ того, что монастырь правъ, а бывший солтысъ, который дозволяетъ себѣ производить насилія и обиды монастырю, — неправъ.

Уже этотъ случай показываетъ беспорядочность дѣлопроизводства по раздачѣ имѣній. Къ концу княженія Барнима въ Поморьѣ по селамъ и городамъ въ отдѣльныхъ имѣніяхъ и въ цѣлыхъ каштеляніяхъ осѣло столько новыхъ владѣльцевъ, что при неисправности княжескаго дѣлопроизводства самъ князь допускалъ возможность коллизіи при многочисленныхъ и многообразныхъ пожалованіяхъ.

Приобрѣтавшій имѣніе могъ опасаться, что на это же имѣніе окажется претендентъ, который и представитъ въ удостовѣреніе своихъ правъ законнѣйшую княжескую грамоту. Находчивые монахи умѣли застраховывать себя отъ такой неожиданности. Они просили князя объявить напередъ, что всякое такое право или претензія не будетъ имѣть силы, хотя бы это право или претензія и опирались на какую-либо грамоту. Такъ поступили монахи Кольбацкіе ²⁾ и Бельбукскіе ³⁾. Князь удовлетворялъ просьбы монаховъ.

1) Столкновение Бертольда съ монастыремъ могло начаться и раньше, до окончательнаго выясненія дѣла. Но Бертольдъ не отказывался отъ своихъ притязаній даже и тогда, когда раскрылось, что онъ ввелъ князя въ заблужденіе и, слѣдовательно, надѣленіе леномъ теряетъ силу; это видно изъ словъ князя: *Nunc vero, ut dicitur, sepe dictus Bertoldus predictis abbati et conventui violenciam et iniuriam irrogare nititur*. Насиліе и обида дѣлались монастырю уже послѣ того какъ князь *predictum Bertoldum fecit mitti extra possessionem eiusdem insule*.

2) Гр. Барнима отъ 1269 г. (Pomm. Urk., II, № 895, p. 222): *Volumus etiam ut nullus sub obtentu alicuius priuilegii a nobis obtenti dicta flumina (i. e.: Plona et Colpyn) a suo presumat alueo siue meatu deducere in eorum dampnum siue detrimentum*.

3) Гр. Барнима отъ 1277 г. (Pomm. Urk., II, № 1061, p. 347): *praesens instrumentum — — abbati et conuentui — — duximus largiendum*.

Снисходительные и уступчивые, поморские князья готовы были иногда руководиться чувством¹⁾, — напр., чувством благодарности, чувством гуманности, восхищенія предъ добрымъ дѣломъ.

Такъ, Вартиславъ III заявляетъ, что онъ — „движимъ особою любовью по отношенію къ городу Грейфсвальду преимущественно предъ другими городами“ и что онъ „любитъ этотъ городъ искреннимъ и самымъ сердечнымъ образомъ“. И это заявленіе нельзя считать фразою безъ значенія. Обязательства, которыя беретъ на себя Вартиславъ въ отношеніи къ этому городу, по своей важности и чрезвычайной трудности для выполнения, дѣйствительно вполне соотвѣтствуютъ такому знаменательному заявленію.

Князь обѣщаетъ полную охрану купцамъ и ихъ товарамъ на пути въ Грейфсвальдъ и обратно, причемъ значительная часть этого пути пролегла въ чужихъ водахъ мимо чужихъ береговъ (руянскаго княжества). Кромѣ того, князь беретъ на себя обязательство вознаграждать вдвойнѣ тѣ убытки на пути въ Грейфсвальдъ и обратно, которые произойдутъ у купцовъ вслѣдствіе морского разбоя или войны²⁾.

Неизвѣстно, каковы были тѣ услуги, которыя вызвали князя на такія обязательства; нельзя поручиться въ томъ, что эти услуги были значительны; можетъ быть, онѣ состояли въ какомъ-либо

Extra cuius tenorem nullae literae habebunt valorem, nisi consensu et voluntate abbatis et conuentus praedictorum fuerint approbatae.

1) Гр. Барнима Кольбацкому монастырю отъ 1272 г. (Pomm. Urk., II, № 963, p. 269): *Vos vero aduocati nostri ipsum (i. e.: claustrum Colbascense), sicuti diligitis nos, et ipsos nuncctios ipsorum amore nostri fideliter et efficaciter promouete, cum fueritis ab ipsis requisiti.*

2) Гр. Вартислава III отъ 1254 г. (Pomm. Urk., II, № 589, p. 7): *cum igitur speciali dilectione pre ceteris ciuitatibus aduersus ciuitatem nostram Gripsheswold regamur et hanc sincero et intimo corde diligamus propter multimoda obsequia et diuersas seruitutes, que nobis eadem ciuitas sepius exhibuit et non cessat exhibere, scire vniuersitatem vestram volumus, quod omnibus ad ipsam ciuitatem nostram venire volentibus, existentibus in portu Gelende et in portu, que dicitur Rudhen, et infra usque ad ciuitatem firmum ducatum et liberum prestamus veniendi ad ipsam et redeundi, mercimonia sua ibidem vendendo et reemendo et commutando. Ita etiam prestamus sane, quod si nos, quod absit, verras siue lites habere contigerit, et aliqui per spolium siue per alios predones mare occupantes res et bona sua amiserint, nos cum duplicato fructu ipsis spoliatis restitutionem suarum rerum fieri procul dubio faciemus.*

денежномъ взносѣ, и сомнительно, чтобы онѣ оплачивали собою взятую княземъ на себя рискованную отвѣтственность¹⁾.

Подобныя заявленія тому же городу Вартиславъ дѣлаеть впослѣдствіи еще разъ²⁾, а потомъ и Барнимъ³⁾.

И не поморскому, а совсѣмъ чужому городу поморскіе князья объясняли и доказывали самымъ дѣломъ свою любовь. Вартиславъ III, соглашаясь на просьбу горожанъ Любека объ освобожденіи отъ пошлинь, констатируетъ, что „въ этомъ дѣлѣ онѣ обнаруживаетъ большее попеченіе о выгодахъ города Любека, чѣмъ о собственной прибыли“.

Документъ не говоритъ ни о томъ, каковы были выгоды для князя и Поморья, ни о томъ, что эти выгоды вообще существовали: князь принялъ во вниманіе только „доброе расположеніе горожанъ, которое они изъявили“ ему⁴⁾. Въ другой грамотѣ Вартиславъ подтверждаетъ, что единственными стимулами при этомъ жалованіи Любеку были „любовь и расположеніе горожанъ“ къ князю⁵⁾. Вартиславу III вторитъ и Барнимъ⁶⁾.

Сходныя черты характера въ этомъ отношеніи наблюдаются и у новаго владѣтеля Волына, Прибыслава, который былъ нѣкогда княземъ Пархимскимъ. Его актъ отъ 1270 г. также вызванъ былъ чувствомъ благодарности и также по своей цѣнности, видимо, превышаетъ то, что было оказано самому Прибыславу: за то, что

1) Сохранившіеся договоры поморскихъ князей съ городами, церковными учрежденіями, епископомъ и сосѣдями оставляютъ то общее и вполне опредѣленное впечатлѣніе, что князь всегда больше давалъ, чѣмъ получалъ. Иногда „договоръ“ (comproisicio) въ сущности и не былъ договоромъ: до того выраженные тамъ обязательства и жертвы односторонне приходились на долю одного только поморскаго князя, тогда какъ его контрагентъ получалъ только выгоды. Таковъ, напр., Кремменскій „договоръ“ 1236 г. съ маркграфами (С. Р. Д., № 241, р. 525—526) и множество соглашеній съ церковными учрежденіями.

2) Гр. отъ 1258 г. (Pomm. Urk., II, № 655, р. 52).

3) Гр. отъ 1264 г. (Pomm. Urk., II, № 757, р. 118—119).

4) Гр. отъ 1234 г. (С. Р. Д., № 212, р. 470): Nos — — considerantes . bonum affectum uestrum circa nos semper et nunc maxime exuberasse . uestre in hiis et aliis . quibus nostra possibilitas suppedit . cupientes satisfacere uoluntatj . et ciuitatis uestre profectibus in eo plus quam nostro questuj consulentes . uniuersitatemque uestram honorare amplius uolentes . decreuimus facere quod petistis .

5) Гр. отъ 1234 г. (С. Р. Д., № 213, р. 471): burgensibus lubicensibus . ob dilectionem et fauorem nobis exhibitum . talem conferimus libertatem *

6) Грамоты отъ 1234 г. (С. Р. Д., № 214 и 215, р. 472—473).

графы Шверинскіе его „дочь, дѣвушку, приняли и держатъ въ своемъ домѣ до ея замужества“, Прибыславъ „предъ Богомъ и людьми“ за себя и за всѣхъ своихъ наслѣдниковъ совершенно отъказывается отъ всѣхъ своихъ правъ на пархимскія земли въ пользу этихъ самыхъ графовъ¹⁾.

Свою благодарность за какія-то добрыя дѣла высказываетъ Барнимъ и одному изъ монастырей. Однако дѣйствительныя дѣла и уступки видны только тѣ, которыя дѣлалъ князь монастырю; при помощи князя монастырь расширялъ и округлялъ свои владѣнія. Услуги со стороны монаховъ прикрываются общою, неопредѣленною и стереотипною фразою, которая повторяется трижды въ разные годы и по разнымъ случаямъ²⁾; и такое повтореніе заставляетъ сомнѣваться въ томъ, чтобы подъ этою фразою подразумѣвалась какая-либо матеріальная выгода и вообще что-либо

1) Гр. Прибыслава отъ 1270 г. (Pomm. Urk., II, № 909, p. 230—231): nos propter dilectionem et bone voluntatis exhibitionem, quam nobis et nostris pueris dilecti et speciales nostri Gunzelinus et Helmoldus comites de Zwerin persepius exhibuerunt, sicut adhuc facere intendunt, ipsos gratuita seruitute modis quibus poterimus intendimus promouere. Et pro eo, ut filiam nostram adhuc maritandam recipiant in domum suam et te neant, quousque de nostro consilio nuptui eam tradant, renuntiamus et renuntiaimus omni impetitioni et actioni, quam habuimus contra iam dictos comites super bonis omnibus ad nos quondam pertinentibus, que ad vsus ipsorum deuenerunt, sicut adhuc in ipsorum retinent potestate, ipsosque cum heredibus suis super hiis omnibus coram deo et hominibus integraliter dimisimus absolutos, ita videlicet, quod iam dicti comites Zwerinenses et eorum heredes a nobis et a nostris heredibus nullam penitus de ciuitate Parchem cum bonis aliis, sicut premisimus, habeant impetitionem siue inquietationem, necnon et super omnibus, que inter nos fuerunt hactenus alicuius questionis.

2) Грамоты Барнима Гробскому монастырю: а) отъ 1260 г. (Pomm. Urk., II, № 680, p. 67): nos — — pro remissione nostrorum peccaminum eternique regis misericordia consequenda, attendentes etiam benefacta nobis ab ipsis sepius impensa villam Katsekowe et campum adiacentem Noratike — — donauimus.

б) отъ 1261 г. (Pomm. Urk., II, № 695, p. 75—76): nos — — pro remissione nostrorum peccaminum eternique regis misericordia consequenda, attendentes etiam beneficia nobis ab ipsis sepius impensa, idcirco iuste petitionibus ipsorum annuentes eis villam — — Redomi vendidimus.

в) отъ 1262 г. (Pomm. Urk., II, № 726, p. 99—100): nos — — pro remissione nostrorum peccaminum eternique regis misericordia consequenda, attendentes etiam beneficia nobis ab ipsis sepius impensa, idcirco iustis petitionibus ipsorum annuentes eis villam — — Cutzow uendidimus.

мірское. Вѣроятно же всего здѣсь только то, что княжескій нотарій (Іоаннъ Пархимскій) не считалъ необходимымъ всякій разъ обновлять аренгу¹⁾.

Гуманность свою поморскіе князья имѣли поводъ обнаружить по вопросу о береговомъ правѣ. Они охотно пошли на встрѣчу мысли о защитѣ и покровительствѣ потерпѣвшимъ кораблекрушеніе.

Грамота Вартислава III отъ 1260 г. о береговомъ правѣ имѣетъ въ виду только жителей сосѣдняго руянскаго княжества и дана, повидимому, въ обмѣнъ на подобный же актъ со стороны руянскаго князя²⁾.

Но поморскій князь отнесся къ дѣлу съ большимъ участіемъ, горячѣе. Уже его аренда („наша особенная любовь къ кому-либо обязываетъ насъ особенно же и содѣйствовать ему въ его дѣлахъ“, „для испѣленія отъ грѣховъ и полученія вѣчной награды нужны добрыя дѣла“), во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что атмосфера вокругъ князя насыщена религіозностью въ большей степени, чѣмъ у руянскаго князя (у послѣдняго теоретическая часть грамоты совершенно отсутствуетъ). Далѣе, Вартиславъ III входитъ въ положеніе страдающихъ отъ кораблекрушенія (*ne dolor super dolorem uulnerum hiis addatur*), обѣщаетъ имъ покровительство и охрану и, дѣлая соотвѣтствующее распоряженіе, грозитъ нарушителю его уголовною карою.

Грамота же руянскаго князя проста и лаконична; она заявляетъ только, что люди Вартислава III, потерпѣвшіе кораблекрушеніе будутъ освобождены отъ всякихъ взысканій и тягостей³⁾.

1) *Ibidem*. Datum per manus Johannis de Parchem notarii nostri .

2) Гр. Вартислава III отъ 1260 г. (Pomm. Urk., II, № 692, p. 74): Quos speciali amplectimur dilectione , specialiter illos tenemur et volumus in suis negociis promouere . — — nos pro remedio nostrorum peccaminum et pro eterna retributione , quia nichil boni ab eterno iudice irremuneratum , omnibus hominibus dilecti consanguinei nostri domini Jaromari principis Ruianorum hanc contulimus libertatem . vt quicunque ex ipsis diuina sic prouidencia disponente in confinio terre nostre naufragium passi fuerint , ne dolor super dolorem uulnerum hiis addatur , ipsos et bona siue res ipsorum ab omnibus quietamus et in nostram protectionem recipimus et tutelam . Ideoque precipimus et mandamus , ne quisquam ausu temerario de hiis se amplius intromittat . Quicunque itaque huic facto pro sue uoluntatis arbitrio contrarius extiterit , indignationem nostram irrecuperabilem se nouerit incursum . Preterea sicut predo capitali sententia puniatur .

3) Гр. Яромара отъ 1260 г. (Pomm. Urk., II, № 691, p. 73—74): nos

Нѣсколько времени спустя и Барнимъ, оставшись по смерти двоюроднаго брата единымъ княземъ Поморья, издаетъ распоряженіе относительно берегового права. На этотъ разъ распоряженіе дѣлается общее, а не въ примѣненіи къ однимъ только сосѣдямъ, и не въ обмѣнъ на сосѣдскую льготу. Князь беретъ подъ свое покровительство и защиту всѣхъ мореходовъ со всѣмъ ихъ имуществомъ въ случаѣ кораблекрушенія у подвластныхъ ему береговъ; онъ требуетъ, чтобы всѣ, кому случится потерпѣть отъ стихій, были оставляемы въ полной свободѣ и неприкосновенности со всѣми ихъ вещами, и запрещаетъ своимъ подчиненнымъ подвергать ихъ какому-либо отягощенію или стѣсненію¹⁾.

Самъ благотворя, Барнимъ съ восторгомъ привѣтствуетъ и совершаемыя другими дѣла благотворенія; его до такой степени тронулъ пріемъ слѣпой дѣвочки въ одинъ изъ монастырей, что онъ назначаетъ этому монастырю въ награду ежегодную субсидію въ двѣ марки²⁾. Надо думать, что и особое вниманіе, не въ примѣръ другимъ оказанное княземъ Грейфсвальдскому госпиталю св. Духа, вытекало изъ такого же чувства: госпиталь имѣлъ свою цѣлю помогать немощнымъ и нищимъ. Вниманіе это состояло въ томъ, что князь какъ бы приглашаетъ и другихъ людей по-сильно жертвовать этому дому³⁾.

dilecti consanguinei nostri domini Warzlai ducis Dyminensis tractatibus nobiscum specialiter habitis taliter consensisse, quo vtriusque nostrum paci ac tranquillitati salubrius caueatur, vt si quos eiusdem domini Warzlai homines sinistro fortune impetu nauibus appulsis naufragium pati contigerit in nostre terminis potestatis, ab omni exactione et molestia tam in rebus quam personis liberi sint penitus et exempti.

1) Гр. Барнима отъ 1274 г. (Pomm. Urk., II, № 982, p. 285): Barnimus dei gratia dux Slauorum dilectis et fidelibus suis advocatis, ministerialibus, militibus et omnibus in dominio suo constitutis, ad quos presens scriptum pervenit. — Nos omnes velificatores cum omnibus rebus ipsorum ita, si naufragium passi fuerint, quod absit, ubicumque circa partes domini terrae nostrae continget, recepimus in nostram protectionem et defensionem, volentes omnibus modis ipsos cum universis bonis et rebus ipsorum esse liberos et securos, nec ab aliquo advocatorum vel ministerialium nostrorum ullatenus indebite gravari vel molestari.

2) Гр. Барнима отъ 1253 г. (С. Р. Д., № 487, p. 960). См. выше, стран. 192, прим. 1.

3) Гр. Барнима отъ 1262 г. (Pomm. Urk., II, № 719, p. 95): Preterea nos ratum et gratum tenemus, ut quilibet pro sue modulo possibilitatis largiatur elemosinam qualemcunque domui prenotate ad pauperes recreandos. Insuper uolumus et precipimus, ut si quis domos, agros, pos-

Добрыя и христіанскія чувства князей болѣе всего обнаруживались по отношенію къ церкви. Къ ней князья были очень благосклонны и послушны ея указаніямъ и наставленіямъ.

Духовныя лица составляли, повидимому, обычную княжескую свиту, и этимъ облегчалось ихъ вліяніе на князей. Имена духовныхъ особъ пестрятъ въ грамотахъ. Духовныя лица даютъ князьямъ совѣты, побуждаютъ ихъ къ жертвамъ церкви, составляютъ отъ имени князей грамоты, выступаютъ при дарственныхъ актахъ князя, какъ свидѣтели; между свидѣтелями часто называются и свѣтскія лица, но почетное мѣсто принадлежитъ духовенству. Иногда духовная атмосфера вокругъ князя или княгини особенно сгущается¹⁾, и самый актъ происходитъ на церковной землѣ²⁾, иногда нѣсколько разрѣшается, но князь почти постоянно находится подъ ея воздѣйствіемъ.

При такихъ условіяхъ мягкіе, воспріимчивые и добродушные князья могли успѣшно усвоить ту доктрину, которую старательно внушало духовенство. На этотъ успѣхъ указываютъ частыя рѣчи о грѣховности, о способахъ избавиться отъ нея, о „милостыняхъ“ — пожертвованіяхъ церковнымъ учрежденіямъ, о долгѣ князя въ отношеніи къ церкви, но всего болѣе дарственные акты князей.

Князья признаютъ свою обязанностію: доставлять церкви обильныя матеріальныя средства, обезпечивать пользованіе этими средствами³⁾, давать ей свободу отъ государственныхъ повин-

sessiones aut predia dictis pauperibus erogauerit, commode nostro auxilio possideant et quiete. — Ср. выше, стран. 126, примѣч. 1.

1) Напр., С. Р. Д., № 178, р. 409 (свидѣтели княгини Мірославы въ ея гр. отъ 1229 г.), С. Р. Д., № 320, р. 678 (свидѣтели княгини Маріанны въ ея гр. отъ 1243 г.): *Wrouinus . Conradus . Lambertus sacerdotes . nostri capellani .*

2) Грамоты Барнима: а) отъ 1263 г. (Pomm. Urk., II, № 740, р. 109): *Acta haec sunt Stettini in cemiterio sancti Petri;* б) отъ 1268 г. (Pomm. Urk., II, № 864, р. 196): *Actum et datum in Damme — per manum Henrici de Kalouue capellani atque notarii nostri in domo et curia et cammara Hermanni plebani;* в) отъ 1272 г. (Pomm. Urk., II, № 965, р. 270): *Datum in Stettin et actum in curia prepositi Conradi .*

3) Гр. Барнима отъ 1271 г. (Pomm. Urk., II, № 942, р. 253): *Constituti in partem sollicitudinis monarchie nostra interest deo dicatis ecclesiis et viris religiosis sic adesse, vt ipsorum condicio emendetur.* — Гр. того же князя отъ того же года (ib., № 946, р. 255): *necessarium esse dinoscitur, ut acta principum et praecipue quae fiunt super donationibus deo dicatis*

ностей, доставить ей полный покой въ настоящемъ и будущемъ¹⁾. Государственныя повинности, отъ которыхъ князь освобождаетъ церковныя владѣнія, онъ готовъ даже называть „несправедливыми“²⁾, и такимъ образомъ онъ вполне становится на точку зрѣнія церкви.

Одареніе церкви имуществомъ князя, княгини склонны считать существеннымъ качествомъ совершеннolѣтняго здравомыслящаго правителя. Только малолѣтній „не понимаетъ еще, какъ надо дѣйствовать въ области предметовъ возвышенныхъ“, и за него изъ его же имущества взрослые родственники дѣлаютъ пожертвованія³⁾; но, „чувствуя себя съ годами болѣе возмужалымъ и развитымъ“, князь начинаетъ и самъ принимать участіе въ устройствѣ имущественныхъ церковныхъ дѣлъ⁴⁾.

Великое свое расположеніе къ церкви князя обнаруживали во многомъ. Особенно же видно это расположеніе а) на количествѣ пожертвованій, на отсутствіи подозри-

ecclesiis et personis religiosis legitimis documentis et publicis instrumentis — — perennentur. — Подобныя этимъ заявленія отъ имени князя въ слѣдующихъ грамотахъ: Pomm. Urk., II, № 916, p. 236; № 926, p. 244; № 941, p. 252; № 953, p. 261; № 958, p. 264—265; № 961, p. 267; № 972, p. 274; № 975, p. 276; № 979, p. 282; № 1037, p. 327; № 1056, p. 342 и др.

1) Гр. Барнима Кольбадскому монастырю отъ 1277 г. (Pomm. Urk., II, № 1066, p. 351): *(cupimus) nostre salutis providere et ecclesiarum indemnitatibus precauere, ut post decessum nostrum donationes et libertates, quas ecclesiis donauimus, a nostris successoribus immutari non valeant uel infringi.*

2) Гр. Барнима Гробскому монастырю отъ 1256 г. (Pomm. Urk., II, № 620, p. 29): *quicquid nos juris in eadem villa (Struga) videbamus habere — — liberam ex omni exactione iniusta contulimus possidendam.* — Подобно этому: Pomm. Urk., II, № 963, p. 268, и др.

3) Гр. княгини Ингарды Маріинской церкви въ Кольбергѣ около 1219—1220 г. (Pomm. Urk., I, № 197, p. 142): *vice filii mei Wartizlai, qui pre iuuentate sua nichil novit de sublimibus ordinare. — — villam Bogutyn — — contuli.*

Гр. ея же Гробскому монастырю отъ 1220 г. (Pomm. Urk., I, № 200, p. 145—146): *quia filius meus Wartizlaus, licet sit heres, tamen, quanto tempore paruulus est, discretionem non habet de sublimibus ordinandi, ego quidem nomine ipsius de sua hereditate — — claustro Vznamensi contuli villam nomine Jerognev cum fluuio.*

4) Гр. Варислава III отъ 1231 г. (C. P. D., № 187, p. 425): *ego forrioribus aliquantulum et discretioribus annis sociatus — — in commutatione ville plachte optuli beato Johanni. monachisque stolpensibus. binos campos — — plachtina et mancelin nominatos.*

тельности и опасеній предъ непомѣрно возроставшимъ богатствомъ ея, на подчиненіи всяческимъ церковнымъ внушеніямъ (которыя имѣли цѣлю пріумноженіе того же богатства), б) на предоставлявшемся ей полновластіи во множествѣ ея владѣній.

Какъ уже неоднократно замѣчалось выше, князья дѣлали церковнымъ учрежденіямъ очень много пожертвованій¹⁾.

Князья жертвовали по всякому поводу²⁾, жертвовали съ довольнымъ и радостнымъ чувствомъ³⁾. Чего не успѣвалъ за смертію дать или устроить одинъ князь, это самое и еще большее дѣлали, по настоянію заинтересованныхъ, его преемники. Князья не допускаютъ и мысли о томъ, чтобы не осуществить пожертвованія или предпріятія на пользу церкви, задуманнаго предшественникомъ⁴⁾.

1) Не обо всѣхъ пожертвованіяхъ сохранились извѣстія; нѣкоторыя даренія князя дѣлаются извѣстными не изъ спеціальныхъ по этому случаю жалованныхъ грамотъ, а совершенно случайно. Напр., С. Р. Д., № 60, р. 142; *Pomm. Urk.*, I, № 102, р. 78—79 (о пожертвованіи Казимира I Леббинской Николаевской церкви).

2) Напр., по поводу опасности, которой подвергались близкія лица (*Pomm. Urk.*, I, № 98, р. 76), тяжелой болѣзни жертвователя (*Pomm. Urk.*, II, № 764—765, р. 123—124), особенно часто — по случаю смерти родственниковъ и во избавленіе ихъ душъ.

3) Гр. еп. Конрада отъ 1176 г. (С. Р. Д., № 39, р. 98; *Pomm. Urk.*, I, № 67, р. 41—42): *Porro domino Euerardo abbati (Colbacensi) locum qui vocatur Prilep cum omnibus attinenciis suis — — per manum nostram letus obtulit in conspectu ecclesie nostre. — Гр. Богуслава II Кольбацкому монастырю отъ 1186 г. (С. Р. Д., № 77, р. 187; *Pomm. Urk.*, I, № 103, р. 79—80): annuie voluntarie. — — Item quicquid exactionis — — habui — — in perpetuum donavi. — Подобно этому и другая его грамота (С. Р. Д., № 78, р. 189—190; *Pomm. Urk.*, I, № 104, р. 80—81): libenter annui. — Гр. Барнима іоаннитамъ отъ 1229 г. (С. Р. Д., № 177, р. 406): *Et quod manu caritatis domino deo liberaliter contuli .vires bone voluntatis deo mihi amministrante . hilariter et inviolabiliter cum matre mea confirmo .**

4) Гр. Богуслава I Бродскому монастырю отъ 1182 г. (С. Р. Д., № 50, р. 122): *Et quia frater meus . ante quam stabilem inciperent construere mansionem . rebus est humanis exemptus . liberam eis concedimus facultatem ut quecumque ex supradictis uillis aptior . et commoditati eorum opportunior exstiterit . deo annuente in ea edificent prospero successu .*

Гр. Богуслава I отъ 1186 г. (С. Р. Д., № 60, р. 142; *Pomm. Urk.*, I, № 102, р. 78—79): *cum frater noster bone memorie Kazemarus castrum Lubyn cum omnibus suis pertinentiis olim contulerat ecclesie s . Nicolai .*

Уже собственно жалованными грамотами князя дѣлають массу пожертвованій; но склонность князей къ жертвованіямъ такъ велика, что почти ни одинъ актъ съ участіемъ князя, такъ или иначе касающійся церкви, не обходится безъ того, чтобы мимоходомъ не было дано чего-нибудь или не прибавлено для церкви и со стороны князя. Собирается ли князь у церковнаго учрежденія что-нибудь купить, вымѣнять, разграничить, подтвердить и т. п., — дѣло обыкновенно кончается болѣе или менѣе крупною наддачею со стороны князя, которой онъ самъ сначала не имѣлъ въ виду; иногда онъ и прямо отказывается отъ того предмета, который намѣтилъ-было себѣ въ качествѣ договаривающейся стороны¹⁾. Изрѣдка князь при пожертвованіи пытается

que sita est in eodem castro . nos nequaquam presumentes eius propositum irritare . — — de ipso loco taliter duximus disponendum .

Гр. княгини Анастасіи Гробскому монастырю около 1187—1188 г. (С. Р. Д., № 65, p. 159—160; Pomm. Urk., I, № 106, p. 81—82): postquam ipsi (i. e.: canonicis Grobensibus) illic aliquot officinarum edificia sumptibus suis preparauerat (i. e.: Boguslaus) . proposita tamen basilice structura necdum bene inchoata memoratus dux . morte — — preuentus est . Nunc autem ne tam laudabile . tamque celebriter longe lateque diuulgatum . tanti viri propositum per heredum ipsius negligentiam penitus omitti uideatur . nos quamdiu diuine placuerit clementie in hac uita superstites . ego uidelicet Anastasia . — — vna cum filio ipsius et meo Boguzlavo . — — de beneficiis que ipse uiuens eidem loco se collaturum promiserat . quia omnia non nouimus . quedam nominatim ab eo expressa ad constructionem prefati oratorii . nec non ad subsidium prenominate congregationis perpetua concessione donamus .

Гр. Варгислава III Польховской церкви св. Мартина отъ 1228 г. (С. Р. Д., № 171, p. 392; Pomm. Urk., I, № 243, p. 196—197): pie recordationis patris nostri Kazemari uota nullatenus irrita fieri uolumus . sed que adhuc uiuens deo et ecclesie beati Martini in Polchowe — — deuote promiserat , nos hortatu et instantia uenerabilis patris nostri Conradi Caminensis episcopi , necnon et aliorum nobilium humili prece comoniti implere sanum duximus .

1) Гр. Богуслава I Гробскому монастырю отъ 1177 г. (С. Р. Д., № 43, p. 105—106; Pomm. Urk., I, № 72, p. 45—46): Hiis etiam interserendum censuimus , quod pro uilla Pustichov . quam etiam ex largitione Ratibori remotam et sibi fere infructuosam habuerunt . frater noster Kazimerus in prouincia Gozkouensi Spasceuiz . Dulpo . Miriui et Cossuz villas cum terminis earum cultis et incultis . — — in commutatione dedit . Addidit insuper eis liberalitate gratuita villam Slothkeuiz , superiorum terminis contiguam .

Гр. Богуслава I Кольбацкому монастырю отъ 1185 г. (С. Р. Д., № 58, p. 136—137; Pomm. Urk., I, № 98, p. 76—77): contigit me in Colbas devenire ibique ab abbate Euerhardo ceterisque ejusdem loci fratribus hos-

нѣсколько умѣрить свою щедрость, но это ему не удается: не въ силахъ князь устоять предъ манящими къ пожертвованіямъ наставленіями духовныхъ лицъ и ихъ свѣтскихъ сторонниковъ¹⁾. Даже когда князь, казалось, пріобрѣталъ что-нибудь, напр., бралъ въ ленъ отъ церковнаго учрежденія какое-нибудь владѣніе — городъ, землю, или церковную десятину, и тутъ ему ставились очень стѣснительныя условія, и князь принималъ ихъ²⁾.

pitale domum pro villa . que dicitur Gorna . emere . — — cumque predicti fratres iam de transponenda domo supradicta disponerent . contigit filium meum Buguzlaum gravi periculo desperatum ad extrema deuenire . Ego vero ob salutem filii dilecti domum supradictam cum villa dedi . cum omnibus attinentiis suis . Insuper etiam eis addidi ...

Гр. Казимира II Гробскому монастырю около 1208—1219 г. (Pomm. Urk., VI, № 3916, p. 320—321): *fratres — — in ecclesia s. Marie iuxta Usnam propter locorum distantiam et longi itineris nimiam difficultatem suas mihi possessiones tuendas unanimi consensu committunt . He sunt enim nostre tutele tradite: villa Swelube cum taberna et ponte , ut eis annuatim marcas duodecim pro his persolvam , et de villa predicta duas marcas pro decima , tali interposita conditione , ut ego villam ad meliorem cultum instituam ara ura et equis et bobus et supellectili cultoribus necessaria , preterea qualicunque occasione sive vivens sive moriens villam reliquero , ipsi eandem cum redditibus et rebus omnibus per me ibidem adhibitis ad suam , ut dignum est , recipiant utilitatem .*

Гр. Казимира II Даргунскому монастырю отъ 1216 г. (С. Р. Д., № 109, p. 256—257; Pomm. Urk., I, № 174, p. 131): *Radozlaws de Zcorrentin — — villam Pencowe — — conferre disposuit . — — hoc a nobis perfici postulavit . Nos igitur — — non solum predictam uillam Pencowe . sed et aliam Techesowe nomine . -- — contulimus .*

1) Грамоты Вартислава III Доберанскому монастырю отъ 1232 г. (С. Р. Д., № 197, p. 443—444; № 198, p. 445).

2) Гр. Барнима отъ 1249 г. (С. Р. Д., № 415, p. 865; Pomm. Urk., I, № 494, p. 387—389): *nos vtilitati et prosperitati ecclesie Colbacensis cooperari et proficere cupientes . ad edificandam ciuitatem Dambe in proprietate ejusdem ecclesie . que Dambe nuncupatur . cum venerabili patre Abraham . Abbate dicte ecclesie . et eius conuentu . — — conuenimus in hanc formam . — — Porro omnes prouentus et possessiones ciuitatis superioris memorate post obitum nostrum . siue cum liberis . siue sine liberis decedere nos contingat . ad sepedictam ecclesiam libere reuertentur . ab ea possessionis et proprietatis titulo in perpetuum possidendi . Non licet nobis de nostre voluntatis assensu pariter et promisso de predictis bonis alienare quidquam . commutare vel in pheodum concedere seu transferre . — На нѣсколько иныхъ условіяхъ взялъ Вартиславъ III въ томъ же году въ ленъ отъ Эльденскаго монастыря городъ Грейфсвальдъ (С. Р. Д., № 414, p. 862): *si — — absque herede masculino ex hac uita decedere nos contingat . predictum oppidum cum omni suo jure ad Hildensem ecclesiam integraliter**

Передавая церкви множество имѣній, князья Поморья далеки были отъ мысли объ опасности вслѣдствіе чрезмѣрнаго усиленія церкви. Въ отличіе отъ многихъ другихъ князей, между прочимъ, и руянского¹⁾, поморскіе князья не только не препятствуютъ сосредоточенію крупныхъ населенныхъ пространствъ въ рукахъ церкви, но и благосклонно содѣйствуютъ этому²⁾.

Фактъ неизмѣннаго сочувствія князя интересамъ церкви не можетъ быть устраненъ или умаленъ извѣстіями о насиліяхъ и обидахъ, которыя причинены были церкви отъ его имени. Всѣхъ такихъ случаевъ, когда какое-нибудь церковное учрежденіе вступало съ княземъ въ пререканія или чувствовало себя обиженнымъ съ его стороны, можно насчитать семь³⁾. Одинъ

reuertetur. — Гр. Варгислава III отъ 1260 г. (Pomm. Urk., II, № 690, p. 73): villam Carowe cum centum mansis quam venerabilis pater abbas de Belboch — — nobis quoad uixerimus dinoscitur contulisse, tali uidelicet conditione, quod eam nullo modo aliis porrigere uel infeodare debemus, sibi suisue successoribus per omnia piscandi iure retento, cumque nos uocatione diuina uiam uniuerse carnis ingredi contigerit dictam villam cum — — omnibus — — pertinentiis ad dictum abbatem et eius successores deuolui uolumus pleno iure ipsis perpetuo possidendam. — Гр. Барнима отъ 1277 г. (Pomm. Urk., II, № 1060, p. 344—345): nos ipsam terram (Colberg) tenebimus in feodi possessione ipsi episcopo et suis successoribus, quam diu placuerit eidem, et dictam terram et bona in ipsa conferemus feodaliter quibuscunque ipse duxerit conferenda.

1) Гр. Вышеслава I князя руянского, Каминскому монастырю, отъ 1231 г. (С. Р. Д., № 188, p. 427; Pomm. Urk. I, № 277, p. 218—219): Volumus nichilominus. quod prefati fratres in terminis nostris nulla bona. quorum proprietas ad nos et heredes nostros spectare dinoscatur. sine consensu nostro et uoluntate titulo emptionis in nostrum preiudicium obtinere uel adipisci presumant.

2) Гр. Богуслава I Кольбацкому монастырю отъ 1186 г. (С. Р. Д., № 77, p. 187; Pomm. Urk., I, № 103, p. 79—80): Is (Walterus) postmodum cogente inopia predictam possessionem (Broda) me consulto vendere disposuit, quod ego audiens satis egi, ut deueniret in usus famulorum Christi.

3) Вотъ эти случаи. а) Отнятіе Богуславомъ II одной деревни у Гробскаго монастыря. За эту деревню княгиня Мирослава даетъ монастырю другую деревню. Гр. Мирославы отъ 1233 г. С. Р. Д., № 202, p. 451. б) Отнятіе у Кольбацкаго монастыря части движимаго и недвижимаго имущества. Гр. еп. Вильгельма отъ 1247 г. С. Р. Д., № 368, p. 755—756. в) Убытки, нанесенные Оливскому монастырю. Гр. Барнима отъ 1254 г. Pomm. Urk., II, № 598, p. 13. г) Убытки, нанесенные Кольбацкому монастырю. Гр. Барнима отъ 1259 г. Pomm. Urk., II, № 668, 60—61. д) Убытки, нанесенные іоаннитамъ. Двѣ грамоты доминиканца Альберта, бывшаго епископа регенсбургскаго отъ 1269 г. и отъ 1270 г.

связанъ съ именемъ Богуслава II, остальные шесть приходятся на долю Барнима.

Свѣдѣнія объ этихъ обидахъ и ущербѣ недостаточно полны. Но, поскольку раскрываются обстоятельства какого-нибудь случая, они показываютъ, что причиною насилія не было ни корыстолюбіе поморскаго князя ни его враждебное чувство къ церкви. Одинъ разъ убытки церковному учрежденію произошли во время войны съ сосѣднимъ княжествомъ¹⁾, другой разъ, повидимому, оттого, что права князя и церкви не были заранѣе точно опредѣлены²⁾, а въ остальныхъ случаяхъ, поскольку извѣстно, князь принималъ ту или другую сторону, когда споръ уже возникъ безъ него, или онъ, князь, самъ введенъ былъ сначала въ заблужденіе³⁾. Когда утверждавшіеся во множествѣ новые собственники стали задѣвать другъ друга, то князю не всегда возможно было оставаться совершенно нейтральнымъ; но если онъ становился на сторонѣ одного церковнаго учрежденія (или свѣтскихъ лицъ), то отъ этого чувствовало себя въ обидѣ другое церковное учрежденіе, особенно, если первая сторона успѣвала добиться со стороны князя активной помощи⁴⁾.

Поэтому при недоразумѣніи князя съ какимъ-нибудь церковнымъ учрежденіемъ трудно приписать князю расчеты на матеріальныя или правовыя выгоды; онъ обыкновенно только помогалъ одному противнику противъ другого.

Какъ ни простодушенъ былъ Барнимъ, отъ него не могло быть скрытымъ иное, болѣе легкое средство для удовлетво-

Pomm. Urk., II, № 891 и 914, p. 218—219 и 234. е) Убытки, нанесенные Каминскому епископу. Гр. Барнима отъ 1269 г. Pomm. Urk., II, № 889, p. 215—217. ж) Отнятіе у Кольбацкаго монастыря одной деревни. Гр. Барнима отъ 1277 г. Pomm. Urk., II, № 1067, p. 352—353.

1) Гр. Барнима отъ 1269 г. (Pomm. Urk., II, № 889, p. 217): *Item idem dominus episcopus nobis ex integro et penitus relaxavit vniuersa incommoda grauamina et dampna, que in terris Colberg Cussalin et Zlaunen expeditionis fuerunt tempore ipsi et hominibus suis apposita et illata.*

2) Гр. ец. Вильгельма отъ 1247 г. (С. Р. Д., № 368, p. 755; Pomm. Urk., I, № 454, p. 354): *Promisit dominus Barnym — — Slaus eorum (abbatis et conuentus Colbacensis) ius teuthonicum in perpetuum dare.*

3) Сюда можно отнести случаи, о которыхъ упоминаютъ грамоты №№ 598 (Pomm. Urk., II, p. 13), 891 (ib., p. 218—219), 914 (ib., p. 234), 1067 (ib., p. 352—353).

4) Такъ, въ 1269—1270 годахъ князь Барнимъ дѣйствовалъ на сторонѣ Кольбацкаго монастыря противъ юаннитовъ.

ренія корыстныхъ и властолюбивыхъ расчетовъ: меньше раздавать имѣній, доходовъ и правъ. Если бы Барнимъ сберегъ хоть одну сотую изъ того, что онъ роздалъ въ теченіе своей жизни, то и такое сбереженіе, по приблизительному расчету, могло бы ему дать больше, чѣмъ выгоды во всѣхъ его шести недоразумѣніяхъ съ церковію, при условіи, что всѣ недоразумѣнія разрѣшились бы въ пользу князя.

И то обстоятельство, что ни одно недоразумѣніе съ церковію не принесло выгоды княжеской казнѣ, также служить къ характеристикѣ князя. Каковы бы ни были причины, вызвавшіе недоразумѣніе, оно кончалось обыкновенно уступками князя.

Когда сосѣдъ Барнима, князь Іоаннъ Мекленбургскій, „забывъ страхъ Божій и презрѣвъ ключи церкви, ограбилъ“ церковь въ Левинѣ, то церковь вынуждена была примириться съ этимъ фактомъ¹⁾, хотя Іоаннъ Мекленбургскій былъ слабѣ поморскаго князя.

Даже частицы Поморскаго княжества, формируясь на феодалныхъ началахъ, въ подобныхъ случаяхъ достигали бѣльшихъ результатовъ, чѣмъ поморскій князь; держась по отношенію къ церкви тверже и независимѣе, владѣтели ихъ, и при явно насильственныхъ захватахъ у церкви, приобрѣтали для себя въ концѣ концовъ новыя выгоды.

Такъ, Вернеръ Лоицкій самъ заявляетъ, что онъ совершилъ несправедливость, занимая и заселяя деревни Эльденскаго монастыря. Поэтому онъ вынужденъ „отказаться впредь отъ всякихъ притязаній“ на деревни, признавая права аббата. И все-таки „аббатъ и конвентъ монастыря, принявъ во вниманіе наши убытки и расходы, которые мы понесли при заселеніи этихъ деревень,

1) Гр. еп. Конрада отъ 1239 г. (С. Р. Д., № 268, р. 578—579): cum villam Cowenin cum decima . fundo quoque totali pertinenti sibi . et decimam de villa Cantome . dotem uidelicet ecclesie in Livin . dominus Johannes cujus tunc pars Szyrszopenie dominio deseruiuit , excluso timore dei et ecclesie clauibus uilipensis . abstulerat violenter . et ipsam uasalis suis secundum sue mentis libitum infeudasset . et cum dominus G. plebanus in Livin . per multas querelas et corporis labores eam ad ius suum requirere non valebat . venerabilis dominus H. abbas in Dargun cum sua conuentu . de consilio nostro . prefatam dotem pretio comparauit . eam . ne ab impiis possideretur detentoribus . ad plenum ius ecclesie reuocando . Ne igitur ecclesia in Liuin sua sic dote totaliter . quam redimere non poterat . priuaretur . una cum domino C. preposito Diminensi . statuimus de partium uoluntate . ut conuentus de Dargun — — sex tremodia siliginis . et sex ordei et octo auene solueret annuatim .

далъ намъ на феодальномъ правѣ“ эти же деревни¹⁾. Таковы послѣдствія столкновенія съ церковнымъ учрежденіемъ незначительнаго владѣтеля.

Совсѣмъ иное выходило изъ столкновеній поморскихъ князей. Они не только не извлекали никакой выгоды изъ споровъ и недоразумѣній съ отдѣльными церковными учрежденіями, но и несли новыя утраты матеріальныя и юридическія, и притомъ не за свои только дѣйствія и распоряженія, но и по винѣ вассаловъ и должностныхъ лицъ. Особенно ощутительны были такія послѣдствія въ 1247 году, по поводу убытковъ, нанесенныхъ Кольбацкому монастырю.

Вообще представляется невѣроятнымъ, чтобы князь когда-либо съ корыстными цѣлями посягалъ на церковныя имущества, которыя предъ тѣмъ почти всѣ и перешли отъ него къ церкви. Напротивъ, поморскіе князья по мѣрѣ силъ своихъ охраняли эти имущества отъ разныхъ посягательствъ²⁾; виновнымъ въ причиненіи церковному учрежденію ущерба грозили уголовною отвѣтственностію³⁾. Наиболѣе осторожныхъ и предусмотрительныхъ дѣятелей церкви князья успокаивали даже насчетъ своихъ собственныхъ, княжескихъ, претензій въ будущемъ⁴⁾.

1) Гр. отъ 1249 г. (C. P. D., № 426, p. 878—880): *Ego Wernerus . filius domini Thetleui de Losiz . una cum fratre meo -- -- errorem nostrum et hominum nostrorum sani mente et corpore recognoscentes . habito amicorum et cognatorum nostrorum consilio . uillas quas in preiudicium iusticie occupauimus siue locauimus uiolenter . cum terminis suis . sicut in priuilegiis monasterii expressi continentur . in manus abbatis -- -- resignauimus . omni de cetero impetitioni et exceptioni -- -- expresso iurisiurandi sacramento publice renunciauimus . Abbas uero et conuentus monasterii supradicti . -- -- damna nostra considerans ac expensas . quas in locandis uillis fecimus antedictis . contulit nobis iure feodali uillas Zobisoh . Pansoh . Gribinoh . tali ratione ut in qualibet istarum uillarum monasterium unum retineat mansum cum omni iure in signum domini uniuersalis .*

2) Гр. Вартислава III Бельбукскому монастырю отъ 1242 г. (C. P. D., № 314, p. 668): *Spondentes etiam ipsi vt . si quis dicti loci abbatem in predicta proprietate temptauerit molestare . vel pretextu alicuius domini impedire . nos eum a tali impetitione absque loci sui dampno vel grauamine absoluemus .*

3) Гр. Барнима и Вартислава III Бродскому монастырю отъ 1244 г. (C. P. D., № 335, p. 716): *Precipimus etiam . quia preceptum est simul omnibus sub culmine nostre potestatis degentibus . ut solerti custodia studeant obseruare . ne ab ullo pestilente quolibet dampno siue clam siue palam illato familiariter nobis dilecti hujus ecclesie canonici uexentur . quia reus . si detectus fuerit . capitali sententie subiacebit .*

4) Гр. Барнима тамплиерамъ отъ 1234 г. (C. P. D., № 220, p. 483;

Не страдательной стороной являлась въ столкновеніяхъ церковь, а, напротивъ. наступательной и побѣдоносной, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ князю Поморья. Кромѣ всего упомянутого, такое распредѣленіе ролей вполне согласуется, между прочимъ, и съ результатами подлоговъ и съ успѣшнымъ воздѣйствіемъ на князя даже тогда, когда пріобрѣтательскія намѣренія монаховъ прикрывались пышными фразами довольно неловко.

Духовныя лица подносили князю подложную¹⁾ или интерполированную²⁾ грамоту, и онъ довѣрчиво возобновлялъ или подтверждалъ ее, не заподозривая монаховъ и не отвергая предложеннаго ему документа. И въ этомъ отношеніи князь отличался отъ своихъ практическихъ сосѣдей, которые старались не давать силы такимъ грамотамъ³⁾.

Довѣріе князя къ церкви не было слѣдствіемъ одной только неопытности князя въ распознаваніи документовъ. Дру-

Pomm. Urk., I, № 309, p. 234): Porro si quid iuris aut iurisdictionis in terra custerin nuncupata . ne vel a nobis aut heredibus nostris occasione talium in futuro pretextu pacti alicuius molestiam aliquomodo patiantur aut iacturam omni cavillatione aut scrupulo qui processu temporis super eorum possessionibus posset suboriri sopitis . nullo nobis iure aut iurisdictione in possessionibus eorundem reseruatīs . ad eorum vtilitatem perpetuum et profectum pia liberalitate ac munificentia omnimodo relaxamus .

Гр. Барнима Укразундской братіи ордена св. Виктора отъ 1260 г. (Pomm. Urk., II, № 694, p. 75): sexaginta mansos — — contulimus , — — promittentes bona fide ac vera christianitate , quod non questionibus , iniuriis uel aliquibus impedimentis contra collata nullatenus volumus contraire .

1) Грамота князей Барнима и Вартислава III Бродскому монастырю отъ 1244 г. (С. Р. Д., № 335, p. 715—716; Pomm. Urk., I, № 429, p. 341—342): Priuilegium quoque fundatoris ecclesie cum sigillo appenso . secundum supra dicta uidisse et auduisse . scriptis et sigillis conflrmando protestamur . — Упоминаемая здѣсь „жалованная грамота учредителя“, т. е. князя Казимира, сфабрикована самими монахами, которые помимо дѣйствительно подареннаго имъ Казимиромъ, вписали еще 27 деревень, тоже якобы подаренныхъ имъ, прицѣпили восковую печать , осторожно соскобливъ ее съ подлинной грамоты, и помѣтили грамоту 1170 годомъ. См. Pomm. Urk., I, № 54, p. 27—29.

2) Гр. Вартислава III Даргунскому монастырю отъ 1248 г. (С. Р. Д., № 384, p. 780—785; Pomm. Urk., I, № 467, p. 362). Содержаніе интерполированнаго мѣста касается главнымъ образомъ судебныхъ правъ и рыболовства.

3) Ср. Wiesener: Die Geschichte der christlichen Kirche in Pommern zur Wendenzeit, Berlin, 1889, S. 187—188.

гія событія показываютъ, что до сознанія князя доходили сомнительныя и даже противоположныя внушенія; но онъ просто не давалъ себѣ труда сопоставлять и оцѣнивать воспринимавшіяся отъ духовенства мысли; онъ внимателенъ былъ ко всѣмъ наученіямъ.

Когда пырицкія монахини просили устранить изъ Пырица всѣ другія церковныя учрежденія, то имъ пришлось объяснить князю и цѣль такого устраненія: собрать въ свой монастырь побольше матеріальныхъ доходовъ. И князь не только исполнилъ ихъ просьбу, но и нашелъ, что эта ихъ просьба разумна и честна¹⁾. Князь на вѣру принялъ и заявленіе монахинь о послѣдствіяхъ этого дѣла: исполненіе просьбы монахинь, т. е. недопущеніе въ городъ и городской приходъ другихъ духовныхъ лицъ, послужить ко спасенію души его покойной супругѣ, да и самъ князь можетъ разсчитывать на Божественное воздаяніе²⁾.

И такое заявленіе и распоряженіе князя уживались съ также внушеннымъ ему противоположнымъ принципомъ: въ почти одно-временной грамотѣ тѣмъ же пырицкимъ монахинямъ князь считаетъ одною изъ своихъ обязанностей умножать церкви³⁾.

1) Гр. Барнима отъ 1261 г. (Pomm. Urk., II, № 702, p. 81—82): Quarum petitionibus utpote rationabilibus et honestis annuentes hanc eis fecimus prerogatiuam, ut nullis religiosis, cuiuscunque sint ordinis vel professionis, licentiam dare debeamus vel eciam aliquo modo permittere, quod in ciuitate nostra Piritz uel eciam infra terminos parrochiae ciuitatis eiusdem aliquam domum, mansionem vel cenobium edificent vel construant ad manendum ibidem, nisi de ipsarum sanctimonialium fuerit licentia et beneplacita voluntate.

2) Гр. Барнима отъ 1261 г. (Pomm. Urk., II, № 702, p. 81—82): Sane supplicarunt nobis — — priorissa totusque conuentus sanctimonialium ordinis b. Augustini monasterii — — in Piriz, quatenus diuinae remunerationis intuitu nec non et pro remedio animae dilectae uxoris nostrae dominae Margaretae piae ac felicis recordationis hanc ipsis praerogatiuam et gratiam facere curaremus, vt cum monasterium eorum nouella esset plantatio et reditus paucos in suae haberent subsidium sustentationis, nullis religiosis cuiuscunque etiam essent ordinis vel professionis daremus licentiam construendi domum, mansionem vel cenobium in ciuitate Piritz vel in terminis parrochiae ciuitatis eiusdem.

3) Гр. Барнима отъ 1262 г. (Pomm. Urk., II, № 729, p. 101): Cum ecclesias plantare et plantatas fouere debeamus, dignum est ut eas modis quibus possumus extollamus pariter et honoremus. — Подобно этому и грамота его же Маринской церкви въ Штеттинѣ отъ 1272 г. (Pomm. Urk., II, № 958, p. 265): nostra interest construere ecclesias et plantare et plantatas dotare et amplificare donationibus prediorum.

Нѣчто подобное произошло и тогда, когда Кольбергскій капитулъ достигъ монополии въ извлеченіи доходовъ съ паствы. Князь обѣщаль своею властію и черезъ своихъ должностныхъ лицъ разрушать всякое иное обиталище духовныхъ лицъ какого угодно ордена¹⁾. Князю внушили, что его согласіе на изданіе такого распоряженія является дѣломъ „благочестивымъ“. А въ аренгѣ духовныя лица предпослали разсужденіе о долгѣ правителя — заботиться о матеріальномъ достаткѣ церкви и ея служителей²⁾. Такимъ образомъ, устраненіе всѣхъ другихъ церковныхъ организацій и разрушеніе ихъ домовъ, является проявленіемъ его общаго попеченія о церкви. И эта сентенція покорно принимается княземъ.

Оба эти случая наглядно показываютъ, какой мягкій матеріаль въ рукахъ дѣятельныхъ и предпріимчивыхъ монашествующихъ лицъ представлялъ изъ себя князь. Его начинали разными сентенціями, иногда противоположнаго характера, и онъ все воспринималъ и на все соглашался.

Такъ уступчивъ былъ князь въ дѣлахъ пріобрѣтенія церковью имущества. Подобную же уступчивость проявлялъ онъ и въ вопросѣ о правахъ церкви надъ пріобрѣтаемыми ею обширными имѣніями.

Въ распоряженіи имѣніями князья предоставляли церкви полную свободу. Актамъ князя чужда была та своеобразная модальность, которая иногда обозначается въ юридической литературѣ, какъ „назначеніе“ или „возложеніе“ (modus, Auflage).

Пожертвованія и отчужденія въ пользу церкви на условіяхъ, въ большей или меньшей степени стѣснявшихъ право церкви на данное владѣніе, стали возникать только тогда, когда въ Поморьѣ утвердились новые собственники, переселившіеся изъ сосѣднихъ странъ; они-то, при своихъ изрѣдка дѣлавшихся отчужденіяхъ

1) См. выше, стран. 185.

2) Гр. Барнима отъ 1266 г. (Pomm. Urk., II, № 806, p. 151—152): Ad laudem bonorum vindictamque malorum gladio materiali accincti nostra interest non solum defensionі et commodo populi intendere, quem gubernamus, verum eciam deo dicatis ecclesiis et earum ministris taliter providere, ne cujuslibet temeritatis impulsu pacientes temporalium detrimenta a sacro ministerio euellantur. Vestris igitur petitionibus pio as fauorabili accurrentes assensu et rerum temporalium nec non et hiis que nobis inposterum possunt officere detrimento precauere volentes, — — vobis concedimus et donamus.

церкви, начали ставить нѣкоторыя условія. Ставили условія свѣтскія лица¹⁾, ставилъ ихъ монастырю и самъ епископъ²⁾.

Что касается поморскаго князя, то какія-либо ограниченія или условія, которыя были бы поставлены церкви при передачѣ ей имущества, ему совсѣмъ не привычны. И не только трудно найти ограничительныя условія въ княжескихъ грамотахъ, — тамъ не было и простой точности. Поморскіе князья какъ бы стѣсняются обидѣть церковь точнымъ опредѣленіемъ того, что ей давалось и чего не давалось: это могло бы казаться ограниченіемъ или знакомъ недоувѣрія къ ней³⁾. Оттого въ дѣловой части кня-

1) Гр. Оттона de Rambyn отъ 1271 г. (Pomm. Urk., II, № 947, p. 256—257): ego — — dedi fratribus minoribus in Stethin singulis diebus quatuor panes et dominabus eiusdem loci tria talenta Brandenburgensis monete annis singulis accipienda, ea conditione interposita, quod predictae domine duo in anno habeant seruicia scilicet pytantiam et lautiozem procurationem et eisdem temporibus vigilie et missa pro defunctis sollempniter celebrentur et memoria carorum meorum habeatur videlicet patris mei — — matris — — uxoris — — mei ipsius — — sororis — — filiorum eiusdem et fratris mei.

Гр. Барнима августинскому Украмундскому монастырю отъ 1276 г. (Pomm. Urk., II, № 1025, p. 317—318): miles Gobelow eandem indaginem et dictas ecclesias a nobis in feodo tenens — — ad opus ipsorum fratrum nobis liberaliter resignauit, et nos ipsis tam indaginem quam ecclesias et proprietatem earum deputauimus donacionis titulo, vt est dictum, tali interposito tamen pacto, quod si iidem fratres motu proprio uel propter aliquam leuitatem nulla necessitate compellente relinquerent dictam villam, tunc indago et dicte ecclesie redibunt ad militem memoratum, neque in ipsis debet ab eisdem fratribus impediri.

Пожертвованіе церкви на условіяхъ дѣлали: упомянутый Оттонъ de Rambyn другому церковному учрежденію (Pomm. Urk., II, № 940, p. 252), Германъ Szowa (С. Р. Д., № 330, p. 703; Pomm. Urk., I, № 413, p. 326), рыцари Reinbernus и Raven (С. Р. Д., № 424, p. 877), Іоаннъ de Peniz (Pomm. Urk., II, № 756, p. 117—118), Фридрихъ Soneko (Pomm. Urk., II, № 887, p. 214), Іоаннъ de Wacholte (Pomm. Urk., II, № 933, p. 247) и др.

2) Гр. епископа Германа женскому Кольбергскому монастырю отъ 1278 г. (Pomm. Urk., II, № 1109, p. 383): Nec itaque omnia, sicut premissum est, contulimus perpetuo ipsi claustro, ita tamen quod dicte moniales ipsam in toto uel in parte uendere aut permutare non presumant, nisi nostro et capituli nostri habitu consilio et consensu. Quam si contra formam predictam quod absit vendere et permutare presumpserint, ipso iure prehabita redibunt ad ius ecclesie Caminensis. — Гр. того же Германа Даргунскому монастырю отъ 1288 г. (Pomm. Urk., III, № 1468, p. 44): nec ea (i. e.: collata bona) licebit ipsis alicui seculari principi aut baroni infeodare, vendere vel in concambium pro bonis aliis permutare.

3) См. выше, стр. 10.

жеской грамоты попадаются образныя выраженія, сходныя съ поэтическими¹⁾, а на теоретической части отражаются признаки дѣйствительной преданности церкви²⁾.

Благодаря такой преданности, княжеская грамота отнюдь не склонна предписывать церкви какія-нибудь ограничительныя условія; не въ нихъ ея забота. Составитель княжеской грамоты болѣе всего употребляетъ усилій для того, чтобы объять въ изложеніи все приобретаемое церковью, и чтобы въ описаніи передаваемыхъ церкви предметовъ и правъ чего-нибудь не пропустить. Мысль о всеобъемлемости правъ церкви надъ приобретаемымъ имуществомъ³⁾, перечни всяческихъ угодій, доходовъ дѣйствительныхъ и возможныхъ, указанія на полную законность передачи, — все это заботливо развивается, поясняется на разные лады, дополняется и повторяется. Иногда княжеская грамота даже какъ-бы не находитъ словъ, чтобы самымъ очевиднымъ образомъ выразить полноту передаваемыхъ правъ⁴⁾.

Щедрость Барнима только къ самому концу его жизни стала какъ будто входить въ нѣкоторые предѣлы. На это могли бы отчасти указывать слѣдующіе четыре случая.

1. Въ 1266 году Барнимъ подтверждаетъ одному незначительному монастырю право собственности на деревню, а также и на льготы. Объ ограниченіи этихъ льготъ онъ говоритъ въ необычной дотолѣ редакціи. Князь впервые ограничиваетъ эти льготы требованіями „своей и общеземской пользы“⁵⁾, а не требованіями

1) См. выше, стр. 15—17.

2) См. выше, стр. 8—9.

3) Обычныя выраженія: *omne jus, omnia pertinentia, omnis utilitas, perpetuo possidere, omnis libertas*, и т. д.

4) Гр. Барнима каноникамъ Петровской церкви въ Штетинѣ отъ 1261 г. (Pomm. Urk., II, № 710, p. 88): *villas Wammelitz, Sparenvelde cum limitibus suis cognitione causarum criminalium, ciuilium et omni jure temporalis, quod in eis nominari poterit vel acquiri, — villas ipsas ab omni exactione vectigalium seruitute rustica vel vrbana, questis, talliis et omni inpeticione nostra nostrorumque officialium, preterquam ad defensionem terre, cum communis necessitas ingruerit, decernentes liberas et immunes, omne jus, quod in ipsis habuimus, in canonicos ipsos et eorum successores liberaliter transferentes.*

5) Гр. Барнима женскому Штетинскому монастырю (Pomm. Urk., II, № 818, p. 160): *Donauimus — — proprietatem omnium, quae ad — — villam Zabelesdorp pertinent — —, ita videlicet, ut dicti monasterii coloni — — sint liberi — — a nostra — — jurisdictione — —, eis duntaxat exceptis quae ad nostram et ad communem terrae nostrae utilitatem pertinent,*

крайней необходимости, напр., — вторженіемъ непріятелей. Представленіе о такой пользѣ, какъ видно, не было утрачено княземъ.

2. Подобное же представленіе даетъ себя чувствовать и въ томъ условіи, которое поставилъ (хотя робко и неудачно) Барнимъ въ послѣдній годъ своей жизни самому епископу Герману. Принимая въ ленъ отъ послѣдняго землю Кольбергскую на довольно стѣснительныхъ условіяхъ, князь заявилъ въ грамотѣ, что епископъ никоимъ образомъ не долженъ передавать маркграфу Бранденбургскому города и земли Кольбергской.

Однако энергичный и предусмотрительный епископъ сумѣлъ и тутъ устроить оговорку, которая не только подрывала условіе, но и для князя была унижительной. Оговорка эта состояла въ слѣдующемъ. Если Барнимъ и его наслѣдники причинятъ епископу въ этой землѣ ущербъ или досажденія, то епископъ можетъ отдать землю и маркграфу¹⁾. — Такъ это ограниченіе мало давало князю.

3. Еще одинъ случай ограничительныхъ условій, которыя заключаются въ княжеской грамотѣ, касается Укранундскаго августинскаго монастыря. Этому монастырю Барнимъ даетъ право собственности на деревню съ пустошью и патронатъ надъ церквами двухъ другихъ деревень; доселѣ и деревня и патронатъ находились во владѣніи княжескаго ленника Gobel.

Имѣніе дается съ тѣмъ, чтобы тамъ былъ учрежденъ монастырь; это и есть непремѣнное условіе даренія. „Если же братія произвольно или по какому-либо легкомыслію, безъ всякой необходимости, покинетъ эту деревню, то и пустошь и церковь перейдутъ обратно во владѣніе упомянутаго рыцаря, и бра-

quae nobis et nostris haeredibus duximus reseruanda . — Возможно, впрочемъ, что упоминаемая здѣсь utilitas на практикѣ сводилась къ тому же, что и necessitas .

1) Гр. Барнима отъ 1277 г. (Pomm. Urk., II, № 1060, p. 344—345): ipsi (i. e. : Hermanno Caminensi episcopo) et dicte (Caminensi) ecclesie dimisimus ciuitatem et totam terram Colberg — — , et nos ipsam terram tenebimus in feodi possessione ipsi episcopo et suis successoribus , quam diu placuerit eidem et dictam terram et bona in ipsa conferemus feodaliter quibuscunque ipse duxerit conferenda . Et idem episcopus non conferet nec dimittere poterit dictam terram et ciuitatem Colberg marchioni Brandenburgensi ullo modo nisi nos et heredes nostri in ipsa terra tanta incomoda generaremus eidem quod demonstrare patenter posset , quod compelleretur dimittere ipsam terram propter fatigamina ipsi facta .

тія не смѣетъ ставить ему при этомъ переходѣ какія-либо препятствія“¹⁾.

Можно съ увѣренностію принять, что это условіе не княземъ придумано, какъ не ему принадлежитъ и инициатива даренія монастырю имѣнія ленника.

4. Вліяніемъ другихъ лицъ объясняется и та попытка ввести притязанія монаховъ въ нѣкоторые предѣлы, которую сдѣлалъ-было Барнимъ въ 1271 году. Барнимъ даетъ Украмундскому монастырю св. Виктора патронатъ надъ Украмундскою церковью. Князь узналъ, что на этотъ же патронатъ имѣетъ претензію и Гробскій монастырь, и поэтому князь прибавилъ въ своей грамотѣ слѣдующее.

„А если бы нѣкоторые насчетъ этого патроната рѣшились ставить имъ (т. е. монастырской братіи) затрудненія вопреки акту нашей любви, то — по Божьей правдѣ — они обижаютъ братію, какъ мы и станемъ говорить, когда будемъ спрошены. Узноимскій аббатъ и конвентъ стараются присвоить себѣ упомянутую церковь на основаніи якобы данной нами жалованной грамоты; но такое ихъ выступленіе не соотвѣтствуетъ истинѣ: вѣдь если есть у нихъ такая грамота, то это не было бы для насъ тайною. Однако, чтобы дать имъ удовлетвореніе, мы очень хотимъ, чтобы они открыто представили грамоту: пусть изслѣдованіе, произведенное честными и разсудительными людьми, въ нашемъ присутствіи, отвергнетъ подобную привилегію“²⁾.

1) Гр. Барнима отъ 1276 г. (Pomm. Urk., II, № 1025, p. 317—318): nos — — Gobelonis militis dilecti et familiaris nostris petitionibus inclinati dedimus et tytulo donacionis appropriavimus proprietatem in indagine, que vocatur Gobelenhagen . — — Dedimus eciam ipsis fratribus ius patronatus ecclesiarum in uillis Somersdorp et Belkow . — — tali interposito tamen pacto , quod si iidem fratres motu proprio uel propter aliquam leuitatem nulla necessitate compellente relinquerent dictam villam , tunc indago et dicte ecclesie redibunt ad militem memoratum , neque in ipsis debet ab eisdem fratribus impediri .

2) Гр. Барнима Украмундскому монастырю отъ 1271 г. (Pomm. Urk., II, № 937, p. 250): Si vero aliqui ipsos super eo contra nostre dilectionis tytulum presumpserint impedire , ipsis secundum domini iusticiam iniuriantur sicut volumus affirmare quando fuerimus requisiti . Quod autem abbas et conuentus de Uznam per quedam priuilegia a nobis data sicut asseruerant intendunt repetere ecclesiam memoratam , in eo non procedunt prout est consentaneum veritati , cum de nostra scientia non emanauerint , si habent priuilegia prelibata . Tamen ut ipsi satisfaciamus , bene volumus , quod in

Это — самое смѣлое заявленіе поморскаго князя, направленное противъ церковнаго учрежденія. Видно, Барниму въ теченіе полувѣковаго княженія уже надоѣла неустанная погоня черезъ него за жалованіями, привилегіями и т. п.

Но это самое рѣшительное выступленіе князя оказалось и самымъ неудачнымъ: Гробскій монастырь дѣйствительно выпросилъ лѣтъ за тридцать до того времени у того же самого Барнима патронать надъ Украмундскими церквами¹⁾.

Итакъ, попытки князя ввести права или притязанія церковныхъ учреждений въ нѣкоторыя границы въ общемъ слабы, неудачны или исходятъ не отъ него; эти попытки по своему происхожденію или послѣдствіямъ имѣютъ сходство съ тѣми обидами церкви отъ имени князя, о которыхъ упоминалось выше²⁾.

Вообще тѣ выступленія противъ церкви, которыя связаны съ именемъ князя, не могутъ свидѣтельствовать о нерасположеніи князя къ церкви. Князь не способенъ былъ на какое-нибудь противленіе церкви. Его отношеніе къ ней характеризуютъ не столько вышеупомянутые случаи обидъ церковнымъ учрежденіямъ или поставленныхъ имъ условій, сколько то условіе, которое поставилъ князь женскому монастырю въ Маріенфлисѣ.

Барнимъ передалъ этому монастырю 1100 мансовъ и надѣлилъ всевозможными привилегіями. Онъ предоставилъ этому монастырю право продавать и обмѣнивать земли по усмотрѣнію самаго монастыря, и при этомъ поставилъ условіе: „только бы отъ этой продажи или обмѣна не произошло монастырю убытка, лучше пусть будетъ выгода и бѣльшая польза“³⁾...

medium producantur, vt secundum examinacionem proborum virorum et discretorum, vbi presentes fuerimus. discuciantur priuilegia antedicta.

1) Гр. Барнима отъ 1242 г. (C. P. D., № 313, p. 667; Pomm. Urk., I, № 405, p. 321—322): *nos — ecclesie beate Marie et beati Godehardi in Grobe ecclesias in Vkeremunde conferimus. districtius inhihentes. ne quisquam ecclesiam memoratam exactionibus in nostra donacione et collacione quicquam infestet aut turbare temere presumat.*

2) См. выше, стр. 210—213.

3) Гр. отъ 1248 г. (C. P. D., № 398, p. 819): *In quorum omnium stabile firmamentum contulimus et donauimus dicti monasterii prouisoribus. preposito. priorissis. institutis et pro tempore instituendis. predicta bona possidendi et retinendi. nomine nostro et heredum nostrorum. vendendi eciam et commutandi absque preiudicio et damno nostro ac terre nostre. pro sue libitu voluntatis [potestatem]. dum tamen ex huiusmodi venditione*

Великая благосклонность поморских князей по отношенію къ церкви не могла, разумѣется, оставаться тайною ни для нихъ самихъ, ни для другихъ лицъ. Князь не могъ не сознавать, какъ много онъ дѣлаетъ для церкви; и такое сознание, хотя и очень рѣдко, дѣлало отзывъ и въ грамотѣ.

Такъ, Барнимъ, отдавая епископу землю Кольбергскую взаменъ Старгардской (эту послѣднюю онъ беретъ въ ленъ), заявляетъ: „мы съ церковью Каминскою и съ досточтимымъ господиномъ Вильгельмомъ, епископомъ этой церкви, устроили обменъ въ такомъ видѣ, о которомъ мы знаемъ и притомъ навѣрно знаемъ, что онъ будетъ выгоденъ для этой церкви; а что касается насъ, то мы отъ этого ждемъ себѣ скорѣе Божественнаго воздаянія, чѣмъ мірской прибыли“¹⁾.

Щедрость князей и ихъ великое расположеніе къ церкви не была безызвѣстною и для тѣхъ лицъ и учреждений въ Поморѣ и внѣ Поморья, которыя знакомились или интересовались положеніемъ поморской церкви. Отзывы о благосклонномъ отношеніи поморскихъ князей къ церкви сохранились отъ императора Фридриха I Барбарусы²⁾, епископа Шверинскаго Берно³⁾, епископа Каминскаго Конрада⁴⁾, Саксона Грамма-

vel commutatione ipsi monasterio non damnum sed potius profectus et major utilitas acquiritur .

1) Гр. Барнима отъ 1248 г. (С. Р. Д., № 397, р. 813): cum ecclesia Caminensi . et venerabili domino Wilhelmo . eiusdem ecclesie episcopo nos commutationem fecimus in hunc modum . quem scimus et vere scimus eidem ecclesie profuturum . proinde potius quam questum temporalem retributionem exspectantes divinam .

2) Гр. императора Фридриха I отъ 1170 г. (С. Р. Д., № 28, р. 66—67; Pomm. Urk., I, № 53, р. 27): quidam pauper spiritu monachus nomine Berno — — ad insigne et nobile castrum Dimin — — vsque pervenit , vbi a principibus terre illius , Buggeslauo , Casemaro , Pribeslauo , qui eius predicatione compuncti et labori pacienter compassi sunt , benigne suscipitur .

3) Гр. еп. Шверинскаго Берно отъ 1173 г. (С. Р. Д., № 34, р. 86—87; Pomm. Urk., I, № 61, р. 33—34): dominus Kazimarus . Diminensium et Pomeranorum venerabilis princeps . dum altare in honore beate et intemerate dei genitricis semper uirginis Marie in prima capellula in Dargon consecra-remus . quod et primum consecratum est in tota Circipen . cui et ob hoc iure maior debetur reurentia . offerret in perpetuum super ipsum altare . . .

4) Гр. еп. Конрада отъ 1177 г. (С. Р. Д., № 39, р. 98; Pomm. Urk., I, № 67, р. 41—42): Sed et principes ad cultum eiusdem Dei et Domini propensiores se exhibentes . ritus paganorum sacrilegos vsque in hunc

тика¹⁾, Валькенридскаго монастыря въ Тюрингii²⁾. Религіозное усердіе поморскихъ князей удостовѣряютъ и папы. Уже въ XII в. папы обозначаютъ поморскаго князя, какъ государя „христiаннѣйшаго“, — титуломъ, который позже сталъ преимущественнымъ отличіемъ королей Франціи³⁾; извѣстія о благосклонномъ отношеніи князей къ церкви продолжаютъ доходить до папъ и въ XIII в.⁴⁾. Эту же благосклонность могли бы засвидѣтельствовать и многія иностранныя церковныя учрежденія, которыя въ большей или меньшей степени пользовались щедротами поморскихъ князей: монастыри и иныя церковныя учрежденія Альтмарка⁵⁾, Ангальта⁶⁾,

subuertere non desinunt . nouasque ecclesias instituunt . sacerdotes quoque ad eruditionem plebis aggregant . modis omnibus operam dantes vt Christiani nominis dignitas apud eos propagetur et amplius emineat . Viros quoque religiosos de longinquis prouinciis euocatos . per diuersa regionis sue loca disponentes . ad necessarios vsus eis temporalia subministrant .

1) Saxonis Grammatici Gesta Danorum , herausgegeben von A. Holder , Strassburg , 1886 , p. 605 (edit . Müller-Velschow , p. 867) : Praefectus urbis (Stitini) Warthyszlaucus erat , qui et ipse Bugizlao et Kazimaro sanguine contiguus habebatur . Hujus animus , nihil pene cum ciuium ingeniis commune sortitus , tanto amplificande exornandaeque religionis studio flagrabat , ut Sclauico sanguine editum barbarisque moribus imbutum negares ; siquidem , ut patriam supersticioni deditam ab errore cultus reuocaret , exemplumque ei corrigende credulitatis proponeret , monachalis uite viris e Dania adiecit , in latifundio suo cellam extruxit , eamque multis et magnis stipendiis locupletauit .

2) Гр. аббата и всего конвента Валькенридскаго монастыря отъ 1263 г. (Pomm. Urk., II, № 736, p. 105) : quorum (i. e. : quatuor molendinorum) proprietatem — dominus Barnim , cum adhuc libere suis deseruirent vsibus , eximia animi sui generositate ductus et in futurum animae suae remedium fidei donatione ecclesiae nostrae contulit .

3) Гр. папы Александра III епископу Шверинскому Берно отъ 1178 г. (C. P. D., № 44, p. 107; Pomm. Urk., I, № 75, p. 49) : Ex dono Casimari principis christianissimi . terram que dicitur Pitina . — Гр. папы Климента III тому же епископу (C. P. D., № 69, p. 166) : Ex dono Casimari christianissimi principis . in Bard duas villas .

4) Гр. папы Урбана IV Петровской церкви отъ 1263 г. (Pomm. Urk., II № 738, p. 107).

5) Грамоты Казимира II женскому монастырю Арендзее отъ 1215 г. (Pomm. Urk., I, № 165, p. 125; № 166, p. 126). — Гр. Dirscouitz'a тому же монастырю отъ 1215 г. (Pomm. Urk., I, № 167, p. 126—127). — Гр. еп. Конрада II тому же монастырю отъ 1219 г. (Pomm. Urk., I, № 194, p. 140). — О томъ же : Pomm. Urk., I, № 258, p. 210.

6) Гр. Маринскаго капитула in Cozwic отъ 1260 г. (Pomm. Urk., II, № 679, p. 66—67. — Гр. Годекина отъ 1260 г. (ib., № 686, p. 70).

Бамберга¹⁾, Бранденбурга²⁾, Висмара³⁾, Гавельберга⁴⁾, Гильдесгейма⁵⁾, Гольштинии⁶⁾, Любека⁷⁾, Великой Польши⁸⁾, Восточнаго Поморья⁹⁾, Силезии¹⁰⁾, Тюрингии¹¹⁾ и т. д.

ГЛАВА III.

Переломъ въ жизни народа. Обращеніе деревень въ частную собственность, какъ естественный результатъ культурныхъ и политическихъ условий.

Характеризовать поморскій народъ несравненно труднѣе, чѣмъ духовенство и князей. Народная жизнь гораздо богаче, разнообразнѣе; опредѣленіямъ и обобщеніямъ она поддается не такъ легко, какъ жизнь меньшихъ по количеству группъ лицъ, которыя

1) Гр. еп. Зигфрида, княгини Анастасіи съ сыновьями и Вартислава Святоборича Бамбергскому Михельсбергскому монастырю отъ 1187 г. (Pomm. Urk., I, № 108, p. 82—83). — Гр. Вольффрама, аббата Михельсбергскаго монастыря, отъ 1187 г. (ib., № 109, p. 84). — Гр. еп. Зигвина отъ 1191 г. (ib., № 119, p. 91—92). — Гр. княгини Анастасіи отъ 1220 г. (ib., № 199, p. 145). — Гр. Барнима отъ 1237 г. (ib., № 349, p. 262).

2) Гр. Барнима Ленинскому монастырю отъ 1248 г. (Pomm. Urk., VI, № 3932, p. 330). — Pomm. Urk., I, № 461, p. 358.

3) Гр. Барнима Антоніевскому госпиталю in Tempzin отъ 1277 г. (Pomm. Urk., II, № 1078, p. 360).

4) Гр. Богуслава I отъ 1182 г. (Pomm. Urk., I, № 90, p. 69).

5) Гр. Барнима монастырю in Wulinghusen отъ 1250 г. (Pomm. Urk., I, № 519, p. 402).

6) Гр. Вартислава III Рейнфельдскому монастырю отъ 1237 г. (Pomm. Urk., I, № 345, p. 259). — Гр. Барнима тому же монастырю отъ 1247 г. (ib., № 452, p. 351). — Гр. Вартислава III тому же монастырю отъ 1249 г. (ib., № 483, p. 376). — Гр. Барнима тому же монастырю: отъ 1264 г. (Pomm. Urk., II, № 754, p. 116—117); отъ 1266 г. (ib., № 793, p. 142; № 821, p. 162); отъ 1267 г. (ib., № 830, p. 171—172; № 854, p. 189—190); отъ 1270 г. (ib., № 930, p. 245—246).

7) Гр. Барнима соборной церкви въ Любекѣ отъ 1229 г. (Pomm. Urk., I, № 250, p. 201).

8) Гр. княгини Ингарды монастырю Mogulna отъ 1222 г. (Pomm. Urk., I, № 211, p. 158). — Гр. Мирославы, Ингарды, Барнима и Вартислава III тому же монастырю около 1223—1224 г. (ib., № 214, p. 159—160). — Гр. Барнима тому же монастырю отъ 1236 г. (ib., № 323, p. 244—245).

9) Гр. княгини Мирославы и Барнима I женскому монастырю in Suchow отъ 1229 г. (Pomm. Urk., I, № 256, p. 208—209).

10) Гр. Богуслава II и Казимира II женскому монастырю in Trebenitz отъ 1214 г. (Pomm. Urk., I, № 162, p. 124).

11) Гр. Барнима Валькенридскому монастырю отъ 1239 г. (Pomm.

помѣстились надъ народомъ. Для характеристики народа документальныхъ данныхъ требуется болѣе, чѣмъ для характеристики духовенства и князей. Между тѣмъ, этихъ данныхъ для исторіи XII—XIII в. не только не больше, но во много разъ меньше. Въ грамотахъ отразились дѣла и отчасти понятія и настроенія меньшихъ, господствующихъ группъ лицъ; а народъ, если и не всегда остается въ сторонѣ¹⁾, то во всякомъ случаѣ является въ роли страдательной. Поэтому полная, всесторонняя и документальная характеристика народа почти невозможна²⁾.

Для уясненія вопроса объ отчужденіи деревень и о владѣніи ими важно обратить вниманіе на одну особенность въ поведеніи поморянъ, которая даетъ себя замѣтить въ источникахъ; состояла она въ томъ, что поморяне покорно примиряются съ событіями, которыя совершались въ первые полтора вѣка христіанской исторіи, они какъ-бы безотвѣтны.

Эта особенность не была у поморянъ постояннымъ качествомъ. Было время, когда они наводили страхъ на сосѣдей своею воинственною предприимчивостію. Справиться съ поморянами нелегко было даже самымъ энергичнымъ и знаменитымъ польскимъ государямъ — Болеславу I и Болеславу III; и по принятіи христіанства поморяне нѣкоторое время еще внушали датчанамъ страхъ. Но это были уже послѣднія вспышки былой самобытной жизни. Вторая половина XII вѣка и XIII вѣкъ въ общемъ носятъ другой характеръ.

Указанная выше особенность поморянъ проявилась на отношеніи къ тѣмъ событіямъ и перемѣнамъ, которыя стали происходить въ странѣ вслѣдъ за принятіемъ христіанства. Какими бы

Urk., I, № 362, p. 282—283). — Гр. его же отъ 1248 г. (ib., № 470, p. 363). — Гр. Варнима отъ 1257 г. (Pomm. Urk., II, № 634, p. 39). — Гр. Валькенридскаго монастыря отъ 1263 г. (ib., № 736, p. 105—106).

1) При пожертвованіяхъ князей церкви, а также при различныхъ сдѣлкахъ затрагивалось не разъ и населеніе земель.

2) Нѣкоторыя черты характера прибалтійскихъ славянъ изображаются вполне правдоподобно А. Гильфердингомъ (Исторія Балтійскихъ славянъ, СПб., 1874, часть первая, §§ XIX—XXIV; тамъ же въ частности о поморянахъ: § XLVIII, L и слѣд.) и А. А. Котляревскимъ (Древности юридическаго быта Балтійскихъ славянъ, въ Сочиненіяхъ А. А. К., т. IV, СПб. 1895, стр. 29 и слѣд.; о поморянахъ: Сказанія объ Оттонѣ Вамбергскомъ въ отношеніи славянской исторіи и древности, Сочин., т. III, стр. 435 и слѣд.).

ни считать поморянь, — свободными или несвободными, зависимыми или крепостными, — безспорно, что положеніе всего народа, матеріальное и юридическое, сильно ухудшилось въ XII—XIII в.; иначе и быть не могло съ утвержденіемъ въ странѣ новыхъ собственниковъ, духовныхъ и свѣтскихъ, знатныхъ и незнатныхъ, которые занимали, при содѣйствіи князя, не только пустоши, но и множество населенныхъ мѣстъ; важнѣйшіе населенные пункты и области, не исключая стольныхъ городовъ, одни за другими переходили окончательно во владѣніе и управленіе переселенцевъ.

При постигавшихъ разные классы туземнаго общества стѣсненіяхъ, а иногда и прямомъ вытѣсненіи, не видно, однако, не только возстанія, но и какого-нибудь протеста, сопротивленія, споровъ. Поморяне какъ бы безропотно примиряются съ устанавливающимися въ странѣ порядками.

Поведеніе поморянь не ускользнуло отъ вниманія историковъ. Объясняя его, одни историки наклонны были отыскивать доказательства противленія поморянь, если не всѣмъ новымъ порядкамъ, то хоть новой религіи. Другіе не отрицали языческой реакціи, которая будто бы происходила въ Поморьѣ въ XII и XIII в.; но, въ виду безгласнаго отношенія поморянь ко всѣмъ другимъ переѣмамъ, готовы были считать ихъ крайне глупыми, — поскольку тѣ позволяли себя обманывать ловкимъ приобрѣтателямъ¹⁾, — или приписывали имъ тупоуміе²⁾.

О языческой реакціи наиболѣе подробно и увѣренно говорятъ Визенеръ и Зоммерфельдъ. Послѣдній доказываетъ, что языческая реакція происходила въ Поморьѣ дважды: первый разъ — между 1140 и 1147 г. и вторично — между 1187 и 1207 г.

Существованіе опасности, которая угрожала христіанству въ пятомъ десятилѣтіи XII в., Зоммерфельдъ доказываетъ тѣмъ, что въ 1147 г. состоялся крестовый походъ, задѣвшій и поморянь.

1) G. v. Buchwald, *Bischofs- und Fürsten-Urkunden des XII und XIII Jahrhunderts*, S. 384.

2) M. Wehrmann, *Geschichte von Pommern*, Gotha, 1904, S. 89: Der grösste Teil der Bevölkerung scheint aus der Gleichgültigkeit, in die sie bei allem Leid, das sie getroffen hatte, schon lange versunken war, auch jetzt nicht erwacht zu sein. In einem gewissen Stumpfsinn sahen sie dem Untergange der Religion ihrer Väter und ihrer eigenen Nationalität zu. — *Ib.*, S. 72—73: Gebrochen — — war sie (die Macht des Heidentums) auch jetzt (posлѣ второго путешествія Оттона) noch keineswegs, und es hat an Reaktionen nicht gefehlt.

Но этот крестовый поход уже и тогда в глазах многих, даже и самых главных его участников, казался почти лишенным смысла. Поэтому факт крестового похода сам по себе не может доказывать языческой реакции¹⁾.

Доказательство в пользу мнѣнія, что новая реакція происходила в концѣ XII в. и началѣ XIII в., также не убѣдительно. Зоммерфельдъ замѣчаетъ, что за время отъ 1187 до 1207 года возникло не болѣе двухъ новыхъ церковныхъ учреждений. Особенно поразительнымъ онъ считаетъ то, что за это же время „обнаруживается едва ли болѣе двухъ пожертвованій свѣтскихъ поморянь церковнымъ учреждениямъ“²⁾. Это и даетъ ему поводъ заключать о новой реакціи.

Трудно ожидать, чтобы возникновеніе новыхъ учреждений было равномернo распределено по десятилѣтіямъ. Въ предшествующіе полвѣка (до 1187 г.) нѣсколько больше учреждено было монастырей и церквей, и понятно почему: то было первое время по принятіи христіанства. А въ XIII в., при Барнимѣ и Вартиславѣ III, такъ много учреждалось церквей и давалось имъ средствъ, что ни тогдашнія духовныя лица³⁾, ни писатели XVI в., ни историки XIX в.⁴⁾ не могли считать такое явленіе совершенно нормальнымъ или разумнымъ. Поэтому невозможно требовать, чтобы такое изъ ряда вонъ выходящее явленіе повторялось одинаково на всемъ протяженіи славяно-поморской исторіи.

Изъ того, что за двадцатилѣтній періодъ „обнаруживается едва ли болѣе двухъ пожертвованій со стороны свѣтскихъ по-

1) Здѣсь важно обратить вниманіе на а) возникновеніе этого похода (нежеланіе саксонскихъ князей идти въ далекую Палестину). б) встрѣчу крестоносцевъ епископомъ Поморья, в) разговоры саксонскихъ князей между собою (Pomm. Urk., I, № 34, p. 17: *Helmoldi presb. Bosoviensis Chron. Slavorum, l. I, cap. 62; cap. 65*) и г) прямое показаніе Винцентія Пражскаго о цѣляхъ крестоносцевъ (Pomm. Urk., I, № 34, p. 16; приведено и у Зоммерфельда, стран. 40, примѣч. 2-е: *Sed quia Saxones potius pro auferendis eis — scilicet Pomeranis — terra quam pro fide christiana confirmanda tantam moverant militiam*). Pomm. Urk., I, № 34, p. 14—18. — Wiesener, *Die Geschichte d. christlichen Kirche in Pommern zur Wendenzeit*, 1889, S. 123 ff. — Sommerfeld, *Geschichte der Germanisierung d. Herzogtums Pommern*, 1896, S. 37: *Gefährdung der Mission*.

2) Sommerfeld, *op. cit.*, p. 93 sqq. *Abermalige Gefährdung der christlich-germanischen Kultur in der Regentschaftsperiode von 1187—1207*.

3) См. выше, стр. 184—185.

4) Cp. Barthold, *Geschichte von Rügen und Pommern*, II, 1840, S. 562.

морянъ“, также нельзя сдѣлать заключенія объ опасности для христіанства.

Подъ свѣтскими поморянами могутъ подразумѣваться или князья или состоятельные поморяне. За указываемый Зоммерфельдомъ двадцатилѣтній періодъ княжескою властію пользовались (если не считать малолѣтнихъ князей и руянскаго князя, который одно время былъ ихъ опекуномъ): княгиня Анастасія и бывший въ началѣ опекуномъ Вартиславъ II Святоборичъ.

Но княгиню Анастасію, родомъ польскую княжну, которая все свое имущество передала церкви и въ концѣ концовъ сама поступила въ монастырь, невозможно заподозрѣть въ наклонности къ язычеству. Нельзя въ томъ же заподозрѣть и Вартислава II Святоборича: еще до начала двадцатилѣтняго періода онъ прославился даже за предѣлами Поморья своею преданностію церкви и щедростію по отношенію къ ней¹⁾. Значитъ, нѣтъ основаній говорить о враждѣ по отношенію къ христіанской церкви со стороны княжеской власти.

Что касается до пожертвованій со стороны состоятельныхъ поморянъ, то малое количество ихъ за двадцатилѣтній періодъ не доказываетъ реакціи въ то время по очень простой причинѣ: и за предшествующія десятилѣтія трудно насчитать большее количество пожертвованій. До 1187 года, не за двадцатилѣтній періодъ, а за полвѣка, можно найти только два такихъ пожертвованія; да и тѣ сюда почти не относятся²⁾.

Такимъ образомъ, нѣтъ никакихъ поводовъ для того, чтобы говорить о происходившихъ въ Поморьѣ языческихъ реакціяхъ³⁾.

1) См. выше, стр. 96, примѣч. 1.

2) Одно пожертвованіе (Кольбацкому монастырю) исходило отъ того же Вартислава (II) Святоборича, члена княжеской династіи, другое (Даргунскому монастырю) изъ среды лютицкой.

3) Въ концѣ XII и началѣ XIII в. въ Поморьѣ ощущалось вліяніе Дави. Зоммерфельдъ вѣрно отмѣчаетъ опасность, которая вслѣдствіе того грозила нѣмецкому вліянію (церковному, вообще культурному и политическому). Но при этомъ въ изложеніи Зоммерфельда какъ будто смѣшиваются два не-тождественныя понятія: а) христіанство и б) нѣмецкая церковь и культура. Sommerfeld, op. cit., p. 37: *Gefährdung der Mission*. Стр. 39: *sehr wahrscheinlich, dass — — ein bedeutender, vermutlich der weit überwiegende Teil der Bevölkerung — — wieder offen den heidnischen Kultus ausübte; das Fortbestehen des christlichen Namens an der Unteroder erschien ernstlich in Frage gestellt*. Стр. 93: *Sechstes Kapitel. Abermalige Gefährdung der christlichgermanischen Kultur in der Regentschaftsperiode von 1187—1207*.

Отвергаетъ такія реакціи и историкъ германской церкви Гаукъ. Онъ дѣлаетъ мимоходомъ (по поводу, впрочемъ, только мнѣнія Визенера; о Зоммерфельдѣ Гаукъ не упоминаетъ) совершенно справедливое замѣчаніе, что мнѣніе о реакціи не имѣетъ опоры въ источникахъ и совсѣмъ не требуется тогдашними отношеніями¹⁾.

Такимъ образомъ, отношеніе поморянъ къ новой религіи вполне согласуется съ отношеніемъ ихъ къ другимъ совершавшимся въ Поморьѣ перемѣнамъ. Ни противъ принятой ими новой религіи, ни противъ различныхъ иныхъ перемѣнъ и новыхъ порядковъ поморяне не протестуютъ.

Трудно сказать, въ какой степени общая покорность поморянъ могла зависѣть отъ мягкости ихъ характера. Важнѣе для разъясненія этого ихъ качества обратить вниманіе на тѣ чрезвычайныя потрясенія, которыя пришлось пережить поморянамъ и которыя не могли на нихъ дѣйствовать укрѣпляющимъ образомъ.

Сначала губительные походы Болеслава III польскаго, потомъ — походъ 1147 г. подорвали независимое развитіе поморянъ, установивъ не только неотвратимость принятія новой религіи, но и обязательность религіознаго руководства изъ опредѣленныхъ мѣстностей. Во второй половинѣ XII в. страшныя опустошенія отъ датскихъ походовъ въ конецъ ослабили народъ.

Еще важнѣе былъ переломъ въ духовной жизни народа. Въ языческую пору вся жизнь поморянъ, — общественная, политическая, военная, семейная, духовная, была связана самымъ тѣснымъ образомъ съ религіей²⁾. Съ водвореніемъ христіанства рушилась прежняя религіозная жизнь, нанесенъ былъ ударъ общественной жизни, произошелъ крахъ всего прежняго міросозерцанія. Послѣ этого открылась возможность какихъ-угодно новыхъ наученій.

Стр. 99: Dass aber alle diese Verwicklungen dem Gedeihen der christlichen Kirche in Pommern und der Ausbreitung deutschen Volkstums und deutscher Kultur im Lande keineswegs förderlich sein konnten, liegt auf der Hand. Стр. 101: Hätte damals die Reaktion in Pommern gesiegt, so war es sehr wahrscheinlich, dass die christliche Kultur fast in dem ganzen Gebiet zwischen Niederweichsel und Niederelbe binnen kurzem wieder verschwunden wäre. — Это смѣшеніе излишне: самъ Зоммерфельдъ признаетъ возможность проникновенія христіанства въ Поморье и изъ Даніи и изъ Польши (и факты доказываютъ это).

1) A. Hauck, Kirchengeschichte Deutschlands, IV, Leipzig, 1903, S. 587, Bemerk. 2.

2) Гильфердингъ, Исторія Балт. славянъ, § LXXIV и слѣд. (Собраніе сочин., СПб., 1874, т. IV, стр. 199).

Разъ допустивши такую великую перемѣну, перемѣну религіи, поморяне не въ силахъ были противиться и другимъ перемѣнамъ.

Какъ крушеніе язычества не ограничилось сферою только религіозной жизни, такъ и возникшіе съ принятіемъ христіанства новые порядки должны были отразиться на всѣхъ сторонахъ культурной и общественной жизни.

Подчиненность поморянъ вновь принесеннымъ нормамъ жизни могла исходить изъ двухъ обстоятельствъ: очевидной неизбѣжности подчиненія (сила походовъ Болеслава III, крестоваго похода 1147 г. и т. д.) и убѣжденія въ превосходствѣ христіанства; такое убѣжденіе, при всѣхъ препятствіяхъ въ дѣлѣ усвоенія религіи¹⁾, было вполнѣ возможно и дѣйствительно сказывалось.

Какое бы изъ названныхъ двухъ обстоятельствъ ни было самымъ первоначальнымъ и главнымъ, — результатъ былъ одинъ: отсутствіе борьбы или сопротивленія водворявшимся новымъ порядкамъ. Новые руководители въ жизни духовной могли безпрепятственно вліять и на всѣ другія стороны.

Безотвѣтность народа дополняла ту обстановку, которая слагалась въ XII—XIII вѣкахъ въ высшей степени благопріятно для осуществленія духовенствомъ Поморья своихъ плановъ. Духовенство не удовлетворялось пріобрѣтеніями только такихъ земель, которыя лежали впустѣ. Оно обратило свое вниманіе и на земли обработанныя и населенныя.

Выше было показано²⁾, что поморское духовенство обнаружило большія пріобрѣтательскія стремленія. Но, можетъ быть, населенныя земли не входили въ расчеты духовенства?

Источники доказываютъ, что духовенство, утверждавшееся въ Поморьѣ, а) знало на родинѣ владѣніе населенными имѣніями, и б) стремилось къ пріобрѣтенію такихъ имѣній.

Личный составъ поморскаго духовенства въ XII в., монашествующаго и приходскаго, не былъ туземнымъ³⁾. Почти каждая сосѣдняя страна высылала въ Поморье нѣкоторое количество своихъ духовныхъ лицъ: оттого составъ ихъ вначалѣ не былъ однороденъ по всему княжеству. Духовныя лица являлись изъ Германіи, Даніи, Польши, Мекленбурга. Въ частности, изъ областей Германіи важны были связи съ епархіями: гавельбергскою (оттуда

1) См. выше, стран. 151—155; стр. 184, примѣч. 2.

2) Стран. 155—194.

3) См. выше, стран. 149—150.

вышли монахи Бродскаго монастыря и второй составъ монаховъ Гробскаго монастыря) и магдебургской (оттуда вышли монахи Столпскаго монастыря); высылала своихъ духовныхъ и Фрисландіа (второй составъ монаховъ Бельбукскаго монастыря). Важны были и связи съ Даніей: изъ Лундскаго монастыря вышли монахи въ монастырь на р. Регъ (впослѣдствіи Бельбукскій), изъ Эсрома въ Зеландіи — монахи Даргунскаго и Кольбацкаго монастырей. Церковныя связи съ Польшей вытекали изъ роли польскаго князя (Болеслава III) въ распространеніи христіанства среди поморянъ, а также — изъ родственныхъ связей княжескихъ династій и вообще — вслѣдствіе близкаго сосѣдства.

Церковныя связи съ сосѣдними германскими областями и епархіями оказались особенно прочными; онѣ усиливались все болѣе и болѣе. Связи съ Даніей и Польшей не развились такъ сильно, какъ германскія.

Всѣ вышеуказанныя области и епархіи ко времени высылки духовныхъ лицъ въ Поморье въ XII в., знали у себя владѣніе деревнями. Это владѣніе практиковалось церквями въ Гавельбергѣ, Магдебургѣ, Фризій, Даніи, Польшѣ, Мекленбургѣ.

При самомъ учрежденіи гавельбергской епархіи гавельбергскій епископъ получилъ отъ Оттона Великаго города, области и деревни¹⁾. Деревни давались безъ счета: дѣло шло о недавно подчиненныхъ славянскихъ земляхъ. Гавельбергскіе епископы старались удержать богатый первоначальный надѣлъ, отстоять его отъ маркграфовъ. Не все имъ удалось сохранить²⁾; однако

1) Гр. Оттона I отъ 946 г. (Codex diplomaticus Brandenburgensis, herausg. von A. Riedel, des ersten Haupttheiles zweiter Band, Berlin, 1842, S. 435—436, № I): in castro Havelberg — — episcopalem constituimus sedem, praeficientes ei — — Oudonem, conferentes et donantes de nostra proprietate ei et ecclesiae cathedrali — — medietatem castri et ciuitatis Havelberg et medietatem omnium villarum illuc attinentium, et castrum et civitas sita est in provincia Nioletizi. Donamus etiam — — in eadem provincia Nizem civitatem cum omnibus utilitatibus suis. In Provincia Zemzici duas villas in Malinga Buni et Orogaviz et dimidium silvae quae dicitur Porci cum villis in ea cultis et colendis. In Provincia Liezizi Marienborch castrum cum his adjacentibus villis — — (называются однанадцать деревень). In provincia Mintga XXX mansos in his villis (называются 4 деревни). In villa quae dicitur Robelj VI mansos. In provincia chorice Plot civitatem totam cum burewardo. In provincia Desseri Wizoka civitatem cum omni burewardo. Pochlustim civitatem cum omni burewardo.

2) Riedel, Codex dipl. Brand., 1, II, p. 431.

значительная часть оставалась за ними¹⁾. — Былъ надѣленъ деревнями и гавельбергскій соборный капитулъ²⁾.

Магдебургской церкви также хорошо было извѣстно владѣніе населенными имѣніями³⁾.

Подобно нѣмецкимъ церквамъ, и датская церковь въ XII в. владѣла населенными имѣніями⁴⁾. Въ ея распоряженіи находилось немалое количество селянъ и даже горожанъ. Жертвоваль деревни церковнымъ учрежденіямъ король, жертвовали деревни изъ своихъ собственныхъ вотчинъ и аристократы⁵⁾.

1) См., напр., подтвердительную гр. короля Конрада отъ 1150 г. (Riedel, Cod. diplom. Brand., 1, II, p. 438—439, № IV).

2) Отрывокъ изъ грамоты Бременскаго пробста Гартвига и его матери отъ 1144 г. (Riedel, Cod. diplom. Brand., 1, III, S. 79, № I): *Nec est descriptio et denominatio bonorum et villarum que illi (i. e. Havelbergensi) ecclesie contulimus: In villa Jerchow XV solidi et quedam jugera ad sacerdotem pertinentia et cetera que sacerdoti illius ecclesie antea Juris erant. scilicet in piscationibus et frumenti persolutione, quod idem villani soluebant de annonarum suarum frugibus, Et villam Wulkow et Nizinthorp, villam quoque que slauica Wulkow eademque et minor Wulkow dicitur, cum omnibus suis vsibus, cultis et incultis — Et cum omnibus iusticiis et pertinenciis suis aut quicquid aliud dici aut nominari potest.* — Также грамоты: короля Конрада отъ 1144 г. (ibid., p. 80, № II), епископа Гавельбергскаго Анзельма отъ 1145 г. (ibid., p. 80—81, № III, и др.

3) *Regesta archiepiscopatus Magdeburgensis*, herausg. von G. von Mühlverstedt, I, Magdeburg, 1876, № 886, p. 343—344 (отъ 1108 года); № 890, p. 346 (отъ 1110 г.); № 891, p. 346—347 (отъ 1110 г.); № 955, p. 367—368 (отъ 1121 г.); № 965, p. 373—374 (отъ 1124 г.), и др. — Cp. Wohlbrück: *Geschichte der Altmark bis zum Erlöschen der Markgrafen aus Ballenstädtischem Hause*, herausg. von Ledebur, Berlin, 1855, p. 26.

4) Могущество датской церкви развилось значительно ранѣе, но для разбираемаго вопроса изъ исторіи Поморья важенъ именно XII-й вѣкъ.

5) Гр. короля Эриха отъ 1140 г. епископу Герману. *Regesta diplomatica historiae Danicae, cura societatis regiae scientiarum Danicae*, T. I, Havniae, 1847, № 185, p. 37.

Содержаніе грамоты короля Свенона отъ 1148 г. (ib., № 200, p. 39): *villa que Esrom dicitur — cultui mancipata sit divino: acquisiverat nimirum beatae memoriae Eskildus Lundensis archiepiscopus ab antecessore regis Herico et usui fratrum substituit; adjecit etiam villam Widilingeruth, ab herede Hermanni episcopi Slesvicensis emtam, quas donationes rex corroborat et colonos fratrum de omni regio servitio absolvit.*

Тотъ же король грамотою отъ 1151 г. (ib., № 204, p. 40) *omnes colonos ecclesiae Ripensis tam rucolas quam urbicolas quam omni debito juris regii — liberis esse concedit.*

Архіепископъ Лундскій Эскиллъ грамотою отъ 1158 г. (ib., № 220,

Во фризской церкви также было распространено владѣніе населенными имѣніями. Подвластные церкви люди обоого пола считались собственностію церкви, принадлежностію ея имущества, подобно другимъ принадлежностямъ: зданіямъ, участкамъ земли, лѣсамъ, мельницамъ, птицамъ, и т. п.¹⁾.

p. 43) confirmat donationem villae Wixebothe, ecclesiae s. Mariae Esromensi factam a Nicolao comite.

Ко времени между 1177 г. и 1204 г. относятся также literae Omeri episcopi Ripensis, quibus colonos monachorum de Lõghum, tam quas modo habent, quam quos adhuc per dei gratiam habere poterunt, liberos a jurisdictione episcopali dimittit (ib., № 296, p. 52).

Обычай датской церкви владѣть деревнями подтверждаютъ также №№ 221, 223, 253, 272, 273, и др.

1) Гр. короля Оттона III монастырю Reepsholt отъ 988 г. (Ostfriesches Urkundenbuch, herausg. von E. Friedländer, I, Emden, 1878, № 4, p. 4—5): duae sorores, una Reingert vocata, altera Wendila in Fresia — (tradiderunt) omnem hereditatem suam ad ecclesiam Bremensem — ea scilicet conditione, ut eam diebus vitae suae possidere debuissent. Quo facto una earum Regingert divino jussu obiit; qua defuncta, alia, quae supervixit Wendila divino amore compuncta totum quod habuit praefatae ecclesiae dimisit, duas videlicet curtes Ripesholt et More cum omnibus suis pertinentiis, aedificiis, terris cultis et incultis, mancipiis utriusque sexus, areis, campis, pratis, pascuis, silvis, venationibus, piscationibus, aucupis, aquis aquarumve decursibus, molendinis, mobilibus et immobilibus, viis et inviis, exitibus et reeditibus cunctisque aliis appenditiis, quae adhuc dici aliquomodo aut nominari possunt, petens ab eodem archiepiscopo, ut in eadem hereditate monasterium construeretur et congregatio clericorum. Hoc libenter faciens concessit eidem monasterio Ripesholt nominato quandam partem decimarum. — — Insuper et omnes res praefatae ecclesiae ab omni censu iuris nostri absolvimus, et ut eidem ecclesiae libere serviant, omni judiciaria potestate remota. — — Donamus etiam ad haec praefato archiepiscopo — — quaedam nostri juris mancipia, litam videlicet Thietsuiden dictam, cum filiis eius et filiabus omnique progenie, quae ex his per successuram tempora fuerit procreata. Omnem etiam eorum possessionem seu acquisitionem ei in proprium tradimus, eo scilicet tenore, ut ipse dehinc potestatem habeat sive retinendi, dandi, vendendi, commutandi seu quodcumque sibi libitum fuerit inde faciendi. — Подобно этому и грамота Генриха IV отъ 1062 г. (ib., № 5, p. 5—6), и др.

Гр. Генриха IV Утрехтской церкви отъ 1064 г. (Groot Charterboek der Graaven van Holland, van Zeeland en Heeren van Vriesland, F. v. Mieries, I, Leyden, 1753, p. 66): nos — — Comitatum omnem in Westfinge et circa oras Rheni, quem Theodoricus comes habuit, cum omnibus, ad bannum Regium pertinentibus. universisque ad eundem comitatum respicientibus, hoc est Abbatia Egmonde, utriusque sexus mancipiis, areis, aedificiis, agris, pratis, pascuis — — sanctae Dei ecclesiae Trajectensi in proprium tradidimus et in aeternum.

Въ Польшѣ церковныя учрежденія, какъ и вельможи, издавна владѣли своими деревнями¹⁾.

Въ Мекленбургѣ, странѣ лютичей и бодричей, какъ и вообще въ земляхъ полабскихъ славянъ, славянскія деревни и цѣлыя области съ теченіемъ времени поступаютъ въ распоряженіе завоевателей. Свѣтскія лица и церковныя учрежденія приобрѣтаютъ деревни въ собственность. Учлѣвшіе князья славянской династии съ своей стороны показываютъ религіозное усердіе, жертвуя церковнымъ учрежденіямъ деревни²⁾.

1) Гр. Мѣшка Старога Лондскому цистерціанскому монастырю отъ 1145 г. (*Codex diplomaticus Poloniae*, ed. Ryszczewski et Muczkowski, T. I, Varsaviae 1847, № I, p. 1—6): *Miecislaus — — pro sustentatione fratrum ibidem deo famulancium — — erogavit predicte domui has hereditates cum hominibus simul et cum omnibus utilitatibus tam presentibus quam futuris, videlicet Koszcol, ubi concessit esse forum omni libertate plenum, Dolan, Mozscho, Cloba et Gocszhene. Istarum vero villarum homines tenentur singuli solvere etc. — — Contulit et has subnotatas hereditates cum hominibus et omnibus utilitatibus.*

Даръ Болеслава Храбраго Тынецкому монастырю (*Codex diplomaticus Poloniae*, ed. Ryszczewski, Muczkowski et Bartoszewicz, T. III, Varsaviae, 1858, № I, p. 1): *Thinciensem villam cum transitu nauali et una taberna secunda ultra fluuium cum voto Ducis duodecim Marcarum argenti et tribus poletris singulis annis et omnibus ministris curie Regis competentibus, cum omni castellatura ab omnium impedimento defensis, tam Pistoribus, Lagenariis, quam Cocis et Camerarijs Piscatoribus et Pecorarijs, et omni constantia muniuit villam Lantiki cum ascripticijs, villam Kasow cum ascripticijs, villam Cysow cum Smardonibus sub una circuitione. Wojtouw cum Piscatoribus, Niniec Priuit artifex Lagenarum et doliorum. Prandnyk — —. Que ville ab omni sunt pensione Ducis immunes. — — Chorouice villa, Radessow villa cum mellificio et venatione.*

Около 1086 г. Юдиень, супруга Владислава Германа, даетъ тому же монастырю цѣлый рядъ деревень (*ib.*, № 2, p. 2).

Въ 1125 г., одновременно съ водвореніемъ въ Поморьѣ христіанства, князь Болеславъ III Кривоустый и краковскій епископъ Радость даютъ тому же монастырю деревни и десятины (*ib.*, № III, p. 3—4).

Другіе случаи пожалованій деревнями и людьми: *ib.*, T. III, № IV, p. 4—5; T. I, № II, p. 4—6; T. I, № IV, p. 11—13, и др.

Cp. W. Abraham, *Organizacya kościoła w Polsce do połowy wieku XII. We Lwowie, 1893, Rozdział VIII. Majątek kościoła, стр. 249 и слѣд.* — St. Smolka, *Mieszko Stary i jego wiek. Warszawa, 1881, стр. 495, примѣчан. 41 и др.* — F. Rachfahl, *Die Organisation der Gesamtstaatsverwaltung Schlesiens vor dem dreissigjährigen Kriege, Leipzig, 1894, S. 22, Bemerk. 2.*

2) Гр. короля Оттона III отъ 995 г. (*Meklenburgisches Urkundenbuch, herausg. von d. Verein für Meklenburgische Geschichte und Alterthumskunde, I Band, Schwerin, 1863, № 22, p. 23*): *nos — — dedimus Tiezoni, nostro*

Такимъ образомъ, всѣ тѣ церкви, которыя высылали въ XII в. въ Поморье своихъ представителей въ качествѣ наставниковъ, знали у себя владѣніе деревнями; въ этомъ отношеніи имъ нечему было учиться въ Поморьѣ. Мало того: вышеприведенныя цитаты показываютъ еще и то, что въ тѣхъ земляхъ, откуда вышли духовныя лица, владѣніе населенными землями было гораздо опредѣленнѣе и обычнѣе, чѣмъ въ Поморьѣ, — ясно обнаруживаются права свѣтскихъ владѣльцевъ, видны права надъ населеніемъ и т. д.

Но, можетъ быть, духовенство, явившееся въ Поморье въ XII в., хотя и знало и практиковало раньше владѣніе населенными имѣніями, — теперь, на новыхъ мѣстахъ, среди недавно обращеннаго въ христіанство поморскаго народа, забыло объ этомъ обычаѣ или почему-либо отказалось отъ него?

Источники даютъ на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ. Уже не говоря о томъ, что духовенство, водворившееся въ Поморьѣ, обнаружило вполне опредѣленно, какъ было показано выше, пріобрѣтательскія наклонности и дѣятельность (которой не было никакихъ причинъ отказываться отъ населенныхъ мѣстъ), имѣются

camerario . villam unam Poztrigami dictam in burgwardio Bitrizi — — atque eandem villam cum omnibus pertinentiis suis , — — ei in proprium tradidimus , ea videlicet ratione , ut idem iam dictus Tiezo — — de praefata villa sibi a nobis tradita liberam dehinc faciendi , quid velit , potestatem habeat , seu eam tradere vel commutare aut vendere , seu magis sibimet retinere voluerit .

Гр. Генриха, герцога Саксоніи и Ваваріи, объ учрежденіи епископской кафедръ въ Рацебургѣ отъ 1158 г. (ib., № 65, p. 56—60): *Curie uero episcopales hee sunt ; in Raceburg Verchowe ; in Brezen Lvbimari uillam . — — Alios L mansos cum uillis quatuor Rudomoyzle , Ziethene , Verchowe , Kolatza et omnibus earum attinentiis — — sub eadem juris libertate suppleuimus . — — Dimidiam etiam uillam Pantin , quam dedit — — honoratus vir comes Heinricus episcopo , et duas uillas Bvzvwe et Walegotza , quas pro anima patris sui dedit filius eius Bernardus comes fratribus , et quecunque ipsi in futurum de terra illa uel alii de terris aliis pro deuotione obtulerint , ex autoritate imperatoris ecclesie stabilimus . Item Bardenthorp de nostro proprio cum siluis et pascuis et omnibus utilitatibus et cum iudicio colli et manus in dotem ecclesie conferimus et confirmamus .*

Указанія на передачу церковнымъ учрежденіямъ деревень содержатся, между прочимъ, въ грамотахъ: а) Гартвига, архіепа Гамбургскаго отъ 1163 г. (ib., № 78, p. 73—74); б) Борвина, князя Мекленбургскаго, отъ 1192 г. (ib., № 152, 150—151); въ этой грамотѣ Борвинъ упоминаетъ и о пожертвованіяхъ своего отца Прибыслава Доберанскому монастырю.

положительныя данныя, которыя свидѣтельствуютъ, что церковныя учрежденія стремились къ приобрѣтенію населенныхъ мѣстъ.

Что такія стремленія у церковныхъ учреждений дѣйствительно были, на это указываютъ подлоги. То новое, по сравненію съ подлинными грамотами, что монахи вставляли въ подложную грамоту, самымъ достовѣрнымъ образомъ свидѣтельствуешь объ ихъ желаніяхъ и стремленіяхъ¹⁾. А этимъ новымъ не разъ являются именно населенныя мѣста.

Таково, напр., посягательство гавельбергско-бродскихъ монаховъ на 27 деревень²⁾, таковы упорныя стремленія въ теченіе около полутысячи лѣтъ освоить островъ Руяну со всѣмъ содержащимъ: „укрѣпленіями, деревнями, мѣстечками, домами, зданіями, землями“, „съ людьми обоего пола, лучшими и меньшими людьми, старыми и молодыми“³⁾ и т. д. Подложная же грамота, поднесенная на утвержденіе въ 1244 году, впервые въ Поморьѣ говорить о томъ классѣ населенія, который обозначается словомъ: *mancipia*⁴⁾.

Подлинныя грамоты также показываютъ, что церковь стремилась приобрѣтать населенныя имѣнія. Есть немало заявленій въ грамотахъ о томъ, что такія имѣнія давались по просьбамъ, увѣщаніямъ или настояніямъ духовныхъ

1) См. выше, стр. 17—18.

2) Pomm. Urk., I, № 54, p. 27—29.

3) Гр. отъ имени императора Лотаря, помѣченная 844-мъ годомъ (C. P. D., № 4, p. 11; Pomm. Urk., I, № 4, p. 2—3): *Ecclesie que vocatur noua Corbeya, In pago Augensi super fluuium Wysera — in proprietatem tradidimus Rugacensis insule Slauos cum tota Terra eiusdem insule. — Tradidimus itaque totam eidem Ecclesie Rugacensem Insulam, In jus proprietarium, Ita videlicet, quod si quid in Ipsa sit In munitioibus, In villis, in vicis, in domibus vel edificiis, Terris cultis et incultis, Siluis, pratis, campis, pascuis, aquis aquarumve decursibus, viis et inviis, exitibus et reuditibus, tam in terris quam in aquis, et in pensionibus portuum et nauium Inibi superuenientium siue etiam pertranseuntium, homines vtriusque sexus, maiores ac minores, Senes ac Iuuenes, Incolas eiusdem Insule, Sique preter hec lucra de ipsa Insula vel in ea habitantibus prouenire possunt vel postmodum poterunt, memorato Monasterio subdita esse instituumus, atque per hanc nostram auctoritatem sic donamus et tradimus, vt In Iure ipsius abbatis et Successorum eius — absque cuiuslibet diminutione et retractione permaneat.*

Ср. F. Wigger, Mecklenburgische Annalen bis zum Jahre 1066. Schwerin 1860, S. 144—148; Corvey und Rügen.

4) C. P. D., № 30, 71—73; Pomm. Urk., I, № 54, p. 27—29.

лицъ. Воздѣйствовали на князя, воздѣйствовали и на другихъ лицъ имущихъ. Самъ князь однажды констатируетъ, какъ одинъ монахъ (изъ Гольштиніи) „просьбами и деньгами довелъ коморника“ княжескаго до того, что тотъ устроилъ передачу одной деревни монастырю¹⁾.

Подобныхъ увѣщаній, въ особенности по отношенію къ князю, въ дѣйствительности было несомнѣнно во много разъ больше. Что не всё они записывались, — понятно: составители грамотъ имѣли въ виду закрѣпить то, что приобрѣтено, а не удостовѣрять предшествовавшія просьбы и увѣщанія духовныхъ лицъ.

1) Гр. Богуслава I отъ 1183 г. объ одномъ изъ самыхъ первыхъ дареній (C. P. D., № 52, p. 126—127; Pomm. Urk., I, № 94, p. 71—73): predecessor noster Ratiborus — — in — — loco Ztulp — — ecclesiam fundavit . quam etiam redditibus et possessionibus dotavit . et monachos ibidem sub regula sancti Benedicti in nigro habitu deo et sanctis ejus jugiter ministrare disposuit . Domino Alberto primo Caminensis sedis episcopo cohortante . In vsus enim Ztulpensis ecclesie et monachorum ejus dedit ipsam villam Ztulp . . .

Гр. Казимира I Гробскому монастырю отъ 1175 г. (C. P. D., № 37, p. 94—95): Ego Kazimerus — — sicut ex commonitione religiosorum uiro- rum sepius intellexi . inter omnia huius mundi bona . ea solum hominum saluti profutura animaduerti . que uel in usus ecclesiarum . uel in sustentationem pauperum christi . liberaliter erogantur . Eapropter ecclesie Grobensi — — conferre — — decreui . villam itaque Schlathkouitz — — predictae ecclesiae jure perpetuo possidendam donavi .

Гр. Варгислава III Трептовскому женскому монастырю отъ 1227 г. (C. P. D., № 165, p. 386): qui (i. e.: Barnim et mater ipsius) — — predictae domui ancillarum christi nouem villas in Cholbergensi prouincia et tres in Piritzensi . et vnam in Ztolp minore donarunt . de communi consilio venerabilis episcopi nostri Conradi . nec non et nobilium nostrorum . ad sustentationem dominarum — — . omnes villas que sunt inter Damsnitz et Regam fluuios — — constitute — — liberas ab omnibus exactionibus contulimus .

Гр. Барнима тому же монастырю отъ 1227 г. (C. P. D., № 164, p. 380—381): qui (i. e.: Wartizlaus et mater ipsius) — — predictae domui ancillarum christi villas tredecim in Treptouiensi prouincia cum ipsarum attinenciis addiderunt . de communi consilio venerabilis episcopi nostri Conradi . nec non et nobilium nostrorum . ad sustentationem dominarum — — nouem villas in Colbergensi prouincia . et tres in Piritzensi et vnam in Stolp minore cum . ipsarum appenditiis — — liberas ab omnibus exactionibus . contulimus .

Гр. Барнима отъ 1228 г. (Pomm. Urk., I, № 250, p. 201): nos patris nostri deuotionem sequentes , et domini Caminensis episcopi Conradi et plurium discretorum vsi consilio , in predictae uille reconpensationem duas vil-

На эти же стремления указывает и множество деревень, приобретённых церковными учреждениями; всё подобныя приобретения не могли же состояться противъ воли и плановъ духовныхъ лицъ.

Кромѣ того, роль церкви рельефно выдѣляется съ самаго же начала: первыя грамоты о владѣніи населенными имѣніями были изготовлены не только духовными лицами и въ пользу церковныхъ учреждений, но и отъ имени духовныхъ лицъ; князь (и всѣ свѣтскіе люди) какъ бы остается въ сторонѣ¹⁾.

Итакъ, духовныя лица не только знали практику владѣнія населенными имѣніями, но и стремились къ приобретению такихъ имѣній въ новоучрежденной поморской епархіи.

Въ своихъ стремленіяхъ духовенство не встрѣтило со-противленія въ населеніи, которое, какъ выше отмѣчено было, обнаруживало покорность и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Такая дѣятельность, какъ приобретательство, направленное въ частности на имѣнія населенныя, подлоги, ссоры, тяжбы и т. п., не составляютъ, конечно, специфической особенности поморской жизни, поморскаго духовенства. Не составляетъ большой рѣдкости

las — — cum omnibus appenditiis — — jam dicte ecclesie beati Nicholai in Lubeke — — conferimus .

Гр. Вартислава III отъ 1228 г. (С. Р. Д., № 171, р. 392): nos hortatu et instantia uenerabilis patris nostri Conradi . Caminensis episcopi . nec non et aliorum nobilium humili prece conmoniti . — — villam . que Priberaze dicitur . cum omnibus attinentiis . — — deo et predictae ecclesie beati Marie in Polchowe — — contulimus .

Грамоты Вартислава III Доберанскому монастырю отъ 1232 г. (С. Р. Д., № 197—198, р. 443—445; Pomm. Urk., I, № 286—287, р. 223—224) . — Больше подробный разборъ этихъ грамотъ см. на стр. 255—263.

Гр. Вартислава III Рейнфельдскому монастырю отъ 1237 г. (С. Р. Д., № 354, р. 739; Pomm. Urk., I, № 345, р. 259): dilectus in Christo frater . Nicolaus de Reyneuelde . Dobezlaum camerarium nostrum prece et precio ad hoc induxit . ut ipse villam quandam Perselyn in manus nostras . — — resignauit . Nos igitur habentes eam liberam et solutam — — ecclesie b. virginis Marie in Reyneuelde . — — donauimus .

1) Въ грамотѣ отъ 1140 г. (Pomm. Urk., I, № 30, р. 12—13) совсемъ не говорится о поморскомъ князѣ. Въ грамотѣ еп. Адальберта отъ 1153 г. (ib., № 43, р. 21—22) о князѣ дѣлается упоминаніе мимоходомъ. Въ грамотѣ того же епископа отъ 1159 г. (ib., № 48, р. 24) князья поморскіе помѣщены въ составѣ свидѣтелей . — Эти три грамоты являются древнѣйшими документами, въ которыхъ говорится о владѣніи населенными мѣстами въ Поморьѣ.

и щедрость государя, его благочестіе и т. д. Бываютъ и племена, которыя отличаются своею покорностію, даже пассивностію.

Однако трудно найти такую другую страну, гдѣ бы произошло столь своеобразное сочетаніе характеровъ и дѣятельности трехъ выше отмѣченныхъ факторовъ (духовенства, князей, народа). Благодаря именно этому сочетанію и могло развиваться въ громадныхъ размѣрахъ обращеніе деревень и вообще населенныхъ мѣстъ въ частную собственность.

Стремившееся къ матеріальнымъ приобрѣтеніямъ духовенство разныхъ организацій нашло въ поморскихъ князьяхъ дѣятельную, почти самоотверженную, поддержку и не встрѣтило никакого сопротивленія въ туземномъ населеніи.

Условія для осуществленія плановъ духовенства въ Поморьѣ были столь благоприятны, что ихъ не могло бы, вѣроятно, дать даже прямое завоеваніе страны: послѣ завоеванія свѣтскіе сотрудники сразу же явились бы могущественными конкурентами при раздѣлѣ добычи, а здѣсь, при туземныхъ князьяхъ, церковь довольно долго пользовалась преимущественнымъ вліяніемъ на князей.

Князья, которые должны были преклоняться предъ церковью, не только дѣлали ей пожертвованія изъ своихъ имуществъ; они утверждали своимъ авторитетомъ, — поскольку онъ у нихъ былъ, — переходъ во владѣніе церкви и такихъ населенныхъ земель, которыя до того времени едва ли были чьею-либо частною собственностію.

Поддержаніе княжескаго авторитета вообще отнюдь не заботило духовныхъ лицъ. Но имъ нуженъ былъ титулъ права на имѣнія, населенныя и ненаселенныя, и такой титулъ выгоднѣе всего было получить отъ князя.

Передавая церкви такія населенныя земли, которыя дотолѣ, какъ надо думать, не были его частною собственностію, онъ дѣйствовалъ скорѣе, какъ государь, чѣмъ какъ землевладѣлецъ. Этимъ не сказано, однако, что границы имуществъ государевыхъ и государственныхъ уже въ то время строго выдерживались. Если возможно говорить, что въ XII вѣкѣ въ Поморьѣ происходило обращеніе деревень въ частную собственность, то не потому, чтобы тогда было проведено полное и послѣдовательное различеніе княжескаго и государственнаго имущества; относительно такого обращенія можно сказать лишь то, что до момента обращенія отношеніе князя къ передаваемымъ деревнямъ носило

доступный тому времени государственный характер (поскольку не было тождества между непосредственным личным имуществом князя и признававшим его верховную власть всём княжеством) и что с момента передачи возникают на деревни частно-владельческие права.

Передача обыкновенных населенных мѣсть (не бывших чьею-либо частною собственностію) властію государя въ пользованіе церковныхъ учреждений и частныхъ лицъ не составляетъ исключительной особенности Поморья. Такая передача наблюдается, напр., въ Германіи¹⁾, въ Византійской имперіи²⁾. Въ Поморьѣ замѣчательно только количество такихъ передаваемыхъ земель и совокупность передаваемыхъ правъ; земля со всѣмъ содержимымъ переходила обыкновенно въ полное и безконтрольное распоряженіе новаго собственника — церковнаго учрежденія³⁾.

Переходъ деревень въ Поморьѣ въ частную собственность, или освоеніе ихъ, не имѣетъ прямыхъ, ясныхъ и безспорныхъ свидѣтельствъ въ дошедшихъ до насъ документахъ, какъ выше уже и было замѣчено⁴⁾. Отсутствіе въ грамотахъ такого рода свидѣтельствъ объ освоеніи вполнѣ понятно; оно органически вытекаетъ изъ сущности совершавшейся эволюціи. Не могли же монахи сами себѣ создавать всевозможныя затрудненія въ будущемъ, наивно заявляя въ своихъ актахъ, что приобретаемая ими деревня доселѣ не была чьею-либо частною собственностію, что

1) G. Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte, 5 Band, Berlin, 1893, S. 321, Bemerk. 3.

2) K. E. Zachariä von Lingenthal, Geschichte des griechisch-römischen Rechts. Berlin, 1892, S. 219—220.

3) Ср. Waitz, op. cit., S. 321: trug doch der König kein Bedenken, geradezu über Freie, welche unter seiner Gewalt standen, zu Gunsten anderer zu verfügen, oder doch die staatlichen Rechte über sie zu veräußern, was natürlich auf die ständischen Verhältnisse an sich keinen Einfluss haben sollte und konnte, aber doch immer zu einer Verrückung der Stellung, die sie hatten, Anlass gab. — Zachariä von Lingenthal, op. cit., S. 219—220: Einen einschneidenden Einfluss auf die rechtliche Lage der Dörfer hatte es nicht, wenn einmal, wie berichtet wird, ganze Metrokomien von den Kaiser an einzelne Private verliehen worden sind. Der Grund und Boden der Metrokomie ging dadurch nicht auf den Beliehenen über, sondern es trat hauptsächlich und zunächst nur die Veränderung ein, dass die Steuern und Abgaben der Metrokomie, welche bisher als öffentliche Lasten an öffentliche Behörden zu entrichten waren, nunmehr als Reallasten an den neuen Grundherrn geleistet werden mussten.

4) Стран. 140—141.

она знала только повинности по отношенію къ государю, или что населеніе деревни было свободно и владѣло безпрепятственно всѣми деревенскими угодьями¹⁾).

Возможно, однако, отыскать въ источникахъ серьезныя данныя, которыя во всей своей совокупности убѣждаютъ, что освоеніе деревень въ вышеуказанномъ смыслѣ дѣйствительно происходило. Данныя эти слѣдующія.

I. Противоположныя представленія о князѣ на основаніи житій Оттона Бамбергскаго и на основаніи грамотъ.

II. Исключительно благоприятное сочетаніе всѣхъ условій, которое естественно приводило къ освоенію населенныхъ мѣстъ.

III. Полное соотвѣтствіе теоріи освоенія всѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ происходило отчужденіе населенныхъ земель и владѣніе ими.

IV. Прямые случайныя указанія насчетъ нѣкоторыхъ населенныхъ пунктовъ.

I. Если бы все то, что отдано было князьями до 1278 года, было ихъ собственностію, то около 1124—1128 г. князь былъ бы могущественнымъ владѣтелемъ. Но житія Оттона не подтверждаютъ такого представленія о князѣ, какъ было замѣчено выше²⁾; а этимъ житіямъ по данному вопросу нельзя отказать въ достовѣрности, какъ уже показано было³⁾.

II. Выше было подробно указано, каковы были настроенія и практическая дѣятельность поморскаго духовенства⁴⁾ и какія черты въ характерахъ поморскихъ князей⁵⁾ и народа⁶⁾ наиболѣе рельефно отразились въ источникахъ. Характеры духовенства, князей и народа представляли чрезвычайно благоприятныя условія для освоенія деревень.

Въ дополненіе ко всему указанному выше, здѣсь необходимо упомянуть о тѣхъ недоумѣніяхъ, которыя естественно могутъ возникнуть при допущеніи мысли объ освоеніи. Недоумѣнія эти ка-

1) Не находить прямого удостовѣренія въ соотвѣтствующихъ указаніяхъ источниковъ германской исторіи и Вайцъ. Waitz, op. cit., S. 321: An eigentliches Dominialgut ist hier kaum zu denken.

2) Стран. 138—140.

3) Стран. 20—22.

4) Стран. 145—194 и 230—238.

5) Стран. 195—224.

6) Стран. 224—230.

саются, главнымъ образомъ, степени правильности представленій нашихъ а) о князѣ и б) о народѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, — если до появленія христіанства не было въ Поморьѣ обычая отчуждать деревни, — продавать ихъ, дарить и т. п., то почему князья не приняли иного способа для матеріальнаго обезпеченія церковныхъ учрежденій? Можно ли считать вѣроятнымъ, чтобы цѣлый рядъ князей въ теченіе болѣе вѣка усердно обращалъ въ частную собственность сотни деревень? Неужели они не видѣли, какъ мало государству пользы отъ подобной операціи съ населенными мѣстами, которыя доселѣ не составляли чьей-либо собственности на частномъ правѣ? Если князья были люди скромные, слабые, нерѣшительные, то, кажется, тѣмъ менѣе слѣдуетъ приписывать имъ такое смѣлое обращеніе съ не-принадлежащими имъ предметами. Вообще, если князь и рѣшается на подобное освоеніе, то можно ожидать, что это онъ станетъ дѣлать для себя самого, въ своихъ собственныхъ интересахъ. Не столь понятно освоеніе множества населенныхъ мѣстъ для подарка, освоеніе для немедленнаго отчужденія, освоеніе, которое по времени почти совпадаетъ съ безмезднымъ отчужденіемъ.

Далѣе, если допускать, что населеніе отдаваемыхъ церкви деревень не было чьею-либо частною собственностію, не было крѣпостнымъ, то трудности при пониманіи изучаемаго процесса отъ этого только увеличиваются. Вѣдь чѣмъ свободнѣе было раньше населеніе деревень, тѣмъ труднѣе можно себя представить передачу такихъ деревень въ частную собственность. При такихъ передачахъ или послѣ нихъ вполне естественно могъ бы возникнуть какой-нибудь протестъ, — особенно, если онѣ коснулись не одной-двухъ деревень, а нѣсколькихъ сотенъ. Между тѣмъ не слышно ничего о борьбѣ, завоеваніи, переворотахъ, насиліяхъ и иныхъ бурныхъ обстоятельствахъ.

Всѣ эти недоумѣнія въ своихъ существенныхъ частяхъ разрѣшаются, если взять во вниманіе представленныя выше общія черты духовенства, князей, народа. Слабохарактерные и добродушные, безъ особенныхъ дарованій, съ необычнымъ преклоненіемъ передъ церковью, князья должны были много терять наряду съ организованными, энергичными, самоувѣренными и образованными церковными дѣятелями, у которыхъ были пріобрѣтательскія наклонности и навыкъ и не было никакихъ сомнѣній или колебаній въ своемъ міросозерцаніи. Народъ же, который перенесъ величайшія потрясенія и утратилъ своихъ естественныхъ

вождей въ князѣ и знати, былъ совершенно ошеломленъ всѣми чрезвычайными событіями и подчинился новымъ перемѣнамъ, которыя, по сравненію съ прежними, могли казаться и не столь важными.

Въ частности, для разясненія выше приведенныхъ возможныхъ недоумѣній надо обратить вниманіе на слѣдующее.

а) Дѣйствительно, возможны были и другіе способы обезпеченія церквей, помимо даренія населенныхъ мѣстъ. Эти другіе способы даже и примѣнялись одно время — при первомъ князѣ въ христіанскую эпоху Вартиславѣ¹⁾. Эти же способы примѣнялись изрѣдка и впослѣдствіи, когда находились такія церковныя учрежденія, которыя не искали населенныхъ имѣній²⁾. И если обезпеченіе церквей стало производиться въ видѣ одаренія ея именно населенными землями, то, надо думать, здѣсь не безъ вліянія оказались привычки, желанія и интересы самихъ же одаряемыхъ.

То обстоятельство, что князья были очень щедры по отношенію къ церкви, даже расточительны для нея къ ущербу для своего княжества, не можетъ казаться подозрительнымъ: раздачи деревень засвидѣтельствованы документами, и стоятъ внѣ сомнѣній. Щедрость князей можетъ возбуждать удивленіе; но она была бы еще изумительнѣе, если бы князья давали свои собственныя населенныя имѣнія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ они лично теряли бы отъ раздачъ гораздо больше, и на протяженіи болѣе столѣтія могла бы проявиться скорѣе бережливость какого-нибудь князя.

Во всякомъ случаѣ, готовность князей для выгодъ церкви идти на потери была все-таки очень велика, и здѣсь многое объясняется личными характерами князей. Центръ тяжести при этомъ былъ въ томъ, что ожидалась, выпрашивалась, требовалась не просто жертва или даръ, — это и въ отношеніи къ слабому и добродушному человѣку могло бы найти свои границы, — но даръ самому Богу и его святымъ³⁾, даръ, отъ размѣровъ котораго за-

1) Объ см. нѣсколько ниже, стран. 246, примѣч. 2.

2) Гр. Вартислава III доминиканцамъ отъ 1229 г. Pomm. Urk., I, № 253, p. 205—207.

3) Pomm. Urk., I, № 215, p. 160: domino deo liberaliter contuli. — Ib., № 213, p. 159: beate Marie et fratribus nostris in Colbas — — donauimus. — Ib., № 272, p. 216: optuli beato Johanni monachisque Stolpensibus. — C. P. D., № 102, p. 236: ecclesie dei in Arnesse contradimus. —

висѣло спасеніе князя, всѣхъ его близкихъ, да едва ли и не всего княжества¹⁾).

Противъ такой постановки дѣла податливые, добродушные и набожные князья уже не могли устоять. Если переселенцы вообще, даже ремесленники, приобрѣтали иногда въ княжествѣ не подо-бающее имъ значеніе²⁾, то несравненно бѣльшее значеніе должна была приобрѣсти и приобрѣла церковь; ея желанія, указанія и при-мѣръ принимались княземъ къ постоянному руководству.

Пожертвованія князей были велики и могутъ возбуждать удивленіе. Деревни, которыя можно было считать скорѣе госу-дарственными, чѣмъ частновладѣльческими, переходили, благодаря распоряженіямъ князей, въ частное владѣніе. Но это былъ далеко не единственный актъ расточенія государственныхъ правъ и ин-тересовъ. Князья отдаютъ пошлины, право суда, свободу отъ государственныхъ повинностей, иногда и отъ защиты отечества, отчуждаютъ, наконецъ, цѣлыя области. Такимъ образомъ, хотя

lb., № 163, p. 379: *beate virgini Marie . ad usus fratrum in Dargun. — — libens offero. — Ib., № 171, p. 392: que adhuc uiuens deo et ecclesie b. Martini in Polchowe. — — deuote promiserat (kazemarus) . nos — — implere sanum duximus. Itaque uillam. — — deo et predice ecclesie b. Martini in Polchowe — — contulimus. —* Ср. выше, о правоученіи въ грамотахъ, стран. 171—176. — Къ концу княженія Барнима обозначеніе одаряемыхъ лицъ въ общемъ производится болѣе реально. Гр. Барнима отъ 1266 г. (Pomm. Urk., II, № 818, p. 160): *nos — — donauimus — — dilectis nobis in Christo abbatissae totique conuentui sanctimonialium — — et vniuersis sequacibus earum ac ipsi monasterio. —* Другая его гр. отъ того же года (ib., № 819, p. 161): *nos dilectis nobis in Christo praeposito, decano toti- que capitulo ecclesiae s. Mariae in ciuitate nostra Stetyn et eorum succes- soribus — — praerogatiuam donauimus.*

1) Гр. Варгислава III доминиканцамъ отъ 1229 г. (C. P. D., № 278, p. 597; Pomm. Urk., I, № 253, p. 205—207): *nobis bonum et utile uisum est . pro sanitate et incolomitate nostra . et pro redemptione animarum parentum nostrorum . aream — — dare in perpetuum fratribus ordinis predicatorum — — lsti enim uiri sunt . quos ut credimus ihesus chri- stus. — — in terram nostram pro salute nostrè dignatus est mittere.*

2) Ср. Н. Dannenberg, Münzgeschichte Pommerns im Mittelalter, Berlin, 1893, S. 29 (о поморскихъ монетахъ конца XII в.): *Und wie im Gepräge, so stehen sie auch bezüglich der Inschriften darin ganz vereinzelt, dass sie gleich den Mérowingern, in den meisten Fällen den Namen des Fürsten durch den des Münzmeisters ersetzen, was in dieser durchgreifenden Weise in unserem Vaterlande sonst nirgends vorkommt. —* Н. Dannenberg, 47 Tafeln Münz- und Siegel-Abbildungen zur Münzgeschichte Pommerns im Mittel- alter, Tafel I, Abb. 15.

отчужденіе деревень и было одною изъ существенныхъ утратъ государственныхъ, но такая утрата не была единичною, не была внѣ связи съ общимъ уровнемъ тогдашней государственности. Обращеніе свободныхъ поселеній въ пользованіе частныхъ лицъ и учреждений было извѣстно (хотя и не въ такомъ масштабѣ, какъ въ Поморьѣ) и другимъ странамъ, какъ уже замѣчено было выше¹⁾).

б) Освоеніе поморскихъ деревень происходило безъ какихъ-либо осложнений, между прочимъ, потому, что оно не было быстрымъ и крутымъ переворотомъ. Предшествовавшее состояніе поморянъ не представлялось тогда въ чихъ-либо глазахъ состояніемъ полной и защищенной документами или договорами свободы; послѣдующее состояніе, послѣ передачи деревни церкви, не дѣлалось сразу же состояніемъ рабства.

Предшествовавшее состояніе независимости отъ какого-либо собственника не укрѣплено было формально ничѣмъ. Это отсутствіе формулировки отношеній чрезвычайно облегчало дорогу социальнымъ перемѣнамъ: освоеніе становилось вполне возможнымъ, тѣмъ болѣе, что оно производилось въ недостаточно опредѣленныхъ выраженіяхъ: освоилась, какъ будто бы земля, а о людяхъ говорилось только то, что они освобождаются отъ многихъ или отъ всѣхъ повинностей.

Перемѣна положенія населенія въ отданной деревнѣ не сразу могла почувствоваться: населеніе, хотя и немедленно начинало свои платежи и инныя повинности собственнику, но зато оно было освобождено отъ всѣхъ или почти отъ всѣхъ государственныхъ повинностей. Была, такимъ образомъ, на первыхъ порахъ перемѣна въ направленіи повинностей, могли быть видоизмѣненія повинностей, но самая сущность перемѣны (зависимость отъ частныхъ лицъ вмѣсто государственной) могла въ то время не обращать на себя вниманія деревенскаго населенія, какъ не существенная. Вѣдь и самое государство тогда едва только зачиналось, и примитивныя государственныя функціи не всегда могли внушить обывателямъ мысль о превосходствѣ государственнаго верховенства надъ частновладѣльческимъ.

Но если бы и назрѣвало гдѣ-нибудь недовольство, оно не могло бы принять замѣтныхъ формъ и размѣровъ: деревни обыкновенно передавались не сплошь, а въ разныхъ мѣстахъ; дальность разстоянія исключала возможность совмѣстнаго дви-

1) Стр. 240.

женія; сосѣднія деревни часто находились не въ одинаковомъ положеніи.

Такимъ образомъ, постепенность и черезполосность освоенія деревень смягчала это освоеніе, дѣлала его менѣе замѣтнымъ.

III. При разсмотрѣніи обстоятельствъ, съ которыми обнаруживается въ документахъ владѣніе населенными землями и отчужденіе ихъ, можно имѣть въ виду такой вопросъ: которому изъ двухъ противоположныхъ историческихъ процессовъ они соотвѣтствуютъ болѣе всего?

Относительно деревень, которыя во множествѣ жертвовалъ князь, нужно принять одно изъ двухъ: или онѣ были частною собственностію его, какъ землевладѣльца (и отсюда уже предполагается, что и другія лица владѣли деревнями), — или не были. Если вѣрно первое положеніе, то обстоятельства, которыя сопутствуютъ обнаруженію владѣнія деревнями, предполагаются одни, если вѣрно второе, то — другія.

Обстоятельства эти касаются слѣдующаго: а) времени, когда начинаются пожертвованія деревнями; б) одаряемыхъ юридическихъ лицъ; в) степени опредѣленности акта; г) существа акта; д) указаній на предшествующее положеніе населенія въ отчуждаемой мѣстности.

а) Если владѣніе деревнями было въ Поморьѣ вполнѣ обычнымъ и распространеннымъ, и если князь былъ только однимъ изъ владѣтелей, то естественно ожидать, что такое владѣніе не будетъ медлить своимъ обнаруженіемъ, разъ уже началась рѣчь о снабженіи церкви матеріальными средствами.

На дѣлѣ, однако, произошло другое.

Во время язычества владѣнія святилищъ состояли не изъ деревень, а изъ полей и вообще земель¹⁾.

Христіанская церковь первый надѣлъ получила при князѣ Вартиславѣ I около 1124 г. Гербордъ отмѣчаетъ религіозное настроеніе и усердіе князя, не безъ чувства удовлетворенія говоритъ о томъ, что церковь была одарена вполнѣ достаточными средствами. Но о томъ, чтобы давались тогда ей деревни или какія-либо населенныя имѣнія, не говорится²⁾.

1) Saxonis Grammatici Gesta Danorum, herausg. von A. Holder, Strassburg, 1886, S. 572 (ed. Müller-Velschow, p. 834): ut agros ac latifundia deorum in sacerdotiorum usus conuerterent.

2) Herbordi Dialogus de vita Ottonis episcopi Babenbergensis, lib. II,

Десятка черезъ полтора лѣтъ послѣ этого, въ годъ учрежденія епископіи, папа выдаетъ первую грамоту поморскому епископу¹⁾. Въ ней глухо говорится о деревняхъ, которыя принадлежатъ епископіи; но нѣтъ ни слова о томъ, какъ называются эти деревни и какимъ способомъ приобрѣлъ ихъ епископъ; а нѣкоторые изъ градовъ, которые этою грамотою усвояются епископу, впослѣдствіи все-таки продолжаютъ находиться въ распоряженіи князя, а не епископа. Вообще же грамота эта обнаруживаетъ, вопреки всѣмъ приданнымъ ей историками разнообразнымъ и противорѣчивымъ толкованіямъ, признаки акта явочнаго характера.

Черезъ нѣсколько лѣтъ происходитъ крестовый походъ въ земли прибалтійскихъ славянъ. Онъ показалъ, между прочимъ, и поморянамъ (которыя къ тому времени уже приняли христіанство) силу церкви и христіанства. Визенеръ предполагаетъ, что крестоносное ополченіе направилось въ Поморье по расчетамъ Анзельма, еп. гавельбергскаго, который такимъ способомъ стремился расширить свои владѣнія²⁾. Если это такъ, то руководственные указанія изъ Гавельберга насчетъ внѣшняго устройства церкви и снабженія ее имуществомъ должны были имѣть для князя особенную силу³⁾. Въ Гавельбергѣ князь и былъ вскорѣ послѣ крестоваго похода.

Еще черезъ нѣсколько лѣтъ дается грамота Столпскому монастырю, старѣйшему изъ поморскихъ монастырей⁴⁾. Рѣчи о деревняхъ здѣсь все еще нѣтъ.

Только въ 1159 году впервые говорится о деревняхъ одного монастыря (Гробскаго), и то — въ грамотѣ епископа, гдѣ князья упоминаются лишь въ качествѣ свидѣтелей⁵⁾. Въ грамотахъ отъ имени князя говорится объ отдаваемыхъ деревняхъ еще позже — десятка черезъ полтора лѣтъ.

Права княжескихъ родственниковъ на деревни⁶⁾ и права знат-

сар. 22: *extracta quoque illuc basilica, et sanctificato altari et sanctuario collatisque illuc per ducem praediis ac dote in sustentationem sacerdotis.*

1) Гр. папы Иннокентія II епископу Адальберту около 1140 г. (Pomm. Urk., I, № 30, p. 12—13).

2) W. Wiesener, Die Geschichte der christlichen Kirche in Pommern zur Wendenzeit, 1889, S. 125—126.

3) О томъ, что въ гавельбергской епархіи практиковалось уже до этого времени владѣніе населенными имѣніями, см. выше, стран. 231—232.

4) Гр. еп. Адальберга отъ 1153 г. (Pomm. Urk., I, № 43, p. 21—22).

5) Гр. еп. Адальберга отъ 1159 г. (Pomm. Urk., I, № 48, p. 24).

6) См. выше, стран. 95—103.

ныхъ поморянь¹⁾ обнаруживаются еще нѣсколько позже и отличаются въ началѣ неопредѣленностію.

Даже при дареніи имѣнія съ однимъ и тѣмъ же именемъ иногда требовалось время (и усилія со стороны одаряемыхъ), чтобы это имѣніе прямо и ясно было названо деревнею²⁾.

б) Если бы владѣніе деревнями было явленіемъ давнимъ и обычнымъ, то для крупнаго церковнаго учрежденія населенныя имѣнія и были бы обыкновеннымъ надѣломъ со стороны князя. Одно учрежденіе получило бы деревень большее количество, другое — меньшее, но предметъ владѣнія, деревни, былъ бы одинаковъ. Между энергіею юридическихъ лицъ и пріобрѣтеніями можно было бы ожидать прямой пропорціональности главнымъ образомъ въ отношеніи къ количеству владѣній, а не въ отношеніи и къ качеству.

Между тѣмъ, наблюдается нѣчто иное. Столпскій, напр., монастырь былъ значительнымъ и самымъ древнимъ монастыремъ въ Поморьѣ. Но онъ былъ наиболѣе скромнымъ и безпритязательнымъ церковнымъ учрежденіемъ³⁾, — и его первоначальный надѣлъ не состоялъ изъ деревень. Напротивъ, Гробскій монастырь былъ очень энергичнымъ, смѣлымъ и послѣдовательнымъ въ дѣлѣ своихъ пріобрѣтеній, — и въ первой же его грамотѣ насчитывается свыше полудюжины принадлежащихъ ему деревень.

в) Кому бы, впрочемъ, ни давали деревни, вполне естественно ожидать, что въ актахъ раскроется существо владѣнія деревнями и отчужденія ихъ, если такое владѣніе было давнимъ и обычнымъ. Достаточно обратить вниманіе на нѣсколько грамотъ сосѣднихъ или стоявшихъ въ связи съ Поморьемъ странъ, напр., Польши, Фризій и т. д., чтобы убѣдиться въ томъ, что тамъ предметы владѣнія и отчужденія безъ обиняковъ называются своими именами⁴⁾.

1) См. выше, стран. 103—122.

2) См. выше, стран. 88, примѣч. 1.

3) Romm. Urk., II, № 1036, р. 326—327 (монастырь, по просьбѣ Heunrici de Zagenz, отдаетъ городу церковную десятину съ двухъ деревень, и при этомъ нѣтъ рѣчи о какомъ-либо вознагражденіи). — Romm. Urk., II, № 1064, р. 349—350 (монастырю наносится ущербъ, и — не слышно о жалобахъ, сопротивленіи или борьбѣ монаховъ; см. выше, стран. 188, примѣч. 4).

4) Напр., гр. короля Оттона III отъ 988 г. (Ostfriesisches Urkundenbuch, herausgeg. v. E. Friedländer, I, Emden, 1878, S. 4—5): Donamus etiam ad haec praefato archiepiscopo — — quaedam nostri juris mancipia, litam

Въ Поморьѣ, когда уже начали говорить объ отдачѣ деревень, долгое время замѣтна какая-то неопредѣленность, недосказанность. Дѣло имѣетъ такой видъ, какъ будто не было вполне выяснено (сначала), что же собственно отдается и съ какими правами. Весьма важный предметъ — положеніе населенія, прежнее и будущее — совсѣмъ не опредѣляется и не затрагивается.

Конечно, нечего ждать, чтобы въ грамотахъ была удостовѣрена свобода селянъ. Но вполне естественно ждать того, что изъ сотенъ грамотъ гдѣ-нибудь да окажется указаніе на крѣпостничество или частновладѣльческую зависимость, если то или другое было въ дѣйствительности.

Между тѣмъ, если не имѣть въ виду освобожденій населенія отъ государственныхъ повинностей, населеніе отчуждаемой деревни совершенно замалчивается.

г) Неопредѣленность актовъ въ концѣ концовъ ослабѣваетъ и существо владѣнія и отчужденія дѣлается понятнымъ. Но и на этой, позднѣйшей, ступени развитія владѣніе деревнями совсѣмъ не похоже на владѣніе землями съ крѣпостнымъ или рабскимъ населеніемъ.

Приобрѣтатели настаиваютъ на томъ, что имъ передается „вся деревня со всѣми принадлежностями“, настоящими и будущими, существующими и мыслимыми; казалось бы, населеніе никакъ не можетъ быть выключено изъ предметовъ владѣнія и отчужденія. Но когда контрагентамъ въ сдѣлкахъ или въ дареніяхъ приходится дѣлить деревню или вообще поточнѣе опредѣлять предметъ владѣнія, то они имѣютъ въ виду и дѣлятъ не усадьбы, дома и людей, а — земли, мансы¹⁾, которые къ тому же не всегда еще и сосчитаны²⁾. Объ отчужденіи населенія всей деревни, какъ цѣлаго, все-таки не говорится. И это умолчаніе тѣмъ знаменательнѣе, что оно, какъ уже показано было выше, не находитъ себѣ объясненій ни въ культурѣ сосѣднихъ странъ ни въ характерѣ церковныхъ дѣятелей.

videlicet Thietsuiden dictam, cum filiis eius et filiabus omnique progenie, quae ex his per successura tempora fuerit procreata. — См. выше, стран. 231—234. — Ср. также характеръ отчужденій, совершавшихся Святоточниками; см. выше, стран. 97—102.

1) Главнѣйшія мѣста въ актахъ указаны выше, на стран. 86, примѣч. 2.

2) Pomm. Urk., I, № 286—287, p. 223—224 (*ville Racowe majus, Racowe minus, Pretuzhine*). — Pomm. Urk., II, № 749, p. 113—114 (*villa Radikowe*), и мн. др.

д) Но когда дѣлаются случайныя и бѣглыя указанія на положеніе населенія отчуждаемыхъ деревень, то эти указанія не говорятъ за то, что раньше существовала частно-владѣльческая зависимость. Напротивъ, перечисляемыя повинности (отъ которыхъ обыкновенно освобождается населеніе деревень, жертвуемыхъ монастырю) удостовѣряютъ предшествующую государственную подчиненность населенія деревень.

Предоставляя церкви деревню, князь освобождаетъ жителей ея, настоящихъ и будущихъ, отъ постройки и починки градовъ, отъ подчиненія должностнымъ лицамъ, рѣже — отъ обязанности отправляться въ походъ и т. п. Иногда грамота опредѣляетъ въ точности и сущность предшествовавшихъ отношеній князя къ передаваемой деревнѣ. Какъ оказывается, сущность эта состояла въ томъ, что князь имѣлъ право требовать съ деревни выше указанныя повинности государственнаго характера¹⁾.

Такія заявленія понятны. Не могъ же князь формально давать больше того, что онъ самъ имѣлъ или считалъ своимъ правомъ.

Замѣчательно, что и весь способъ отчужденія деревень княземъ не заключаетъ въ себѣ указаній на то, что деревни составляютъ княжескій домень. Князю случалось отчуждать цѣлыя области съ городами; тогда князь дѣйствовалъ несомнѣнно, какъ государь, а не какъ землевладѣлецъ. Между формою отчужденія такихъ областей и формою обыкновеннаго дарственнаго акта церкви на какую-нибудь деревню или землю трудно отыскать существенное различіе; и это главнымъ образомъ потому, что эта послѣдняя форма обыкновенно отличается полнотою передаваемыхъ правъ: князь заявляетъ, что онъ отказывается отъ „всякаго своего права“ на отчуждаемую недвижимость²⁾.

1) Гр. Вартислава III Даргунскому монастырю отъ 1260 г. (Pomm. Urk., II, № 677, p. 65): *Hinc est igitur, quod tam presentibus quam futuris scripto declaramus, quod uillam Pribegnev claustro Dargun cum omni jure nostro dedimus, ab advocatia uidelicet, ab urbium edificatione, a pontium positione, ab expeditione liberam, cum subscriptis terminis, de cetero nichil nisi dei remunerationem provide expectantes.*

2) Изъ нѣсколькихъ сотенъ отчужденій деревень можно взять слѣдующіе примѣры.

Гр. Барнима Штетинскимъ каноникамъ при Петровской церкви отъ 1261 г. (Pomm. Urk., II, № 710, p. 87—88): *Sane ne propter defectum rerum temporalium huiusmodi canonicis institutis et pro tempore instituendis seruiendi domino copia subtrahatur, villas Wammelitz, Sparenvelde cum limitibus suis cognitione causarum criminalium, ciuiliu et omni jure tem-*

Съ отсутствіемъ частныхъ правъ собственности на даримую деревню совпадаетъ и способъ указанія на границы ея. Сами по себѣ эти указанія не доказываютъ высказаннаго положенія объ освоеніи, но они все-таки лучше подходятъ къ такой деревнѣ, которая не составляетъ чьей-либо частной собственности. Въмѣсто подробнаго описанія границъ, дѣлается не разъ только общее замѣчаніе о томъ, что дается деревня „съ границами ея“, „со старинными ея границами“ и т. п. Свѣдѣнія о границахъ предпо-

porali, quod in eis nominari poterit vel acquiri — — vsibus ipsorum canonicorum omnimodis profuturas conferimus et donamus, villas ipsas ab omni exactione vectigalium seruitute rustica vel vrbana, questis, talliis et omni inpeticione nostra nostrorumque officialium, preterquam ad defensionem terre, cum communis necessitas ingruerit, decernentes liberas et immunes, omne ius, quod in ipsis habuimus. in canonicos ipsos et eorum successores liberaliter transferentes.

Гр. Варгислава III отъ 1245 г. (С. Р. Д., № 346, p. 728): nos ecclesie in Cladessowe — — villas quasdam cum omni juris integritate et vtilitate — — legitima donatione donauimus. — — In ipsis terminis sunt ville Cladessowe et Rosemesowe. et quitquit iuris nostri in Tolensa fuerit infra prescriptos terminos. a nobis eidem ecclesie sunt collata.

Гр. Барнима отъ 1248 г. (С. Р. Д., № 385, p. 785): nos — — cenobio quod Wolkenreth vocatur. contulimus curiam que dicitur Tamzowa. cum quinquaginta et quatuor mansis eidem curie adiacentibus. cum omni iure videlicet quod nos in hiis bonis habere videbamus. perpetuis temporibus libere possidendam. Adiecimus etiam curie prenotate quendam campum qui Ratichowa uocatur. cum triginta et sex mansis. perpetuo cum omni iure nostro. quod nos etiam in eisdem mansis habuimus aut habere videbamus. libere possidendum.

Гр. Варгислава III Эльденскому монастырю отъ 1248 г. (С. Р. Д., № 400, p. 826): si quid iuris habere uidebamus. uel ex hereditaria successione seu alio quocunque tytulo. in possessionibus eiusdem monasterii que sunt uel in terra Wozstrosnae. — — uel etiam in hiis que trans Hildam sunt. — — et omnibus aliis possessionibus. eidem monasterio attinentibus. ipsis fratribus nomine nostro et heredum nostrorum perpetuo resignamus.

Гр. Барнима отъ 1252 г. (С. Р. Д., № 480, p. 952): nos dilectis fratribus nostris de Hilda — — sex mansos — — et insulam — — et aquam — — et aggerem — — in puram et perpetuam elemosinam. cum aduocatia et omni iure quod in eisdem habuimus uel habere potuimus. jure perpetuo possidenda conferimus et donamus.

Гр. Варгислава III Бельбукскому монастырю отъ 1254 г. (Pomm. Urk., II, № 586, p. 4—5): sexcentos mansos Teutonicales — — cum — — omnibus — — pertinentiis, iurisdictione, honore ac distractu, iure proprio inperpetuum libere possidendos concedimus et donamus simpliciter inter viuos, ita videlicet quod ex eisdem mansis nullum nobis haeredibus aut successo-

лагались, такимъ образомъ, извѣстными не князю, а совокупности самихъ же жителей деревни¹⁾).

IV. Такимъ образомъ, нѣкоторыя указанія въ документахъ, особенно упоминанія о повинностяхъ, говорятъ о государственномъ положеніи отчуждавшихся деревень. Для того, чтобы приобрести полное убѣжденіе въ томъ, что дѣйствительно происходилъ процессъ освоенія, важно было бы отыскать отчужденіе княземъ такого населеннаго мѣста, которое раньше не принадлежало кому-либо въ качествѣ частной собственности. Но извѣстія, относя-

ribus nostris seruitium uos aut praedictorum mansorum incole teneamini exhibere, sed cum praedicta terra redacta fuerit ad culturam, cultores et habitatores ipsius de omni iure quod nobis in his competeret aut competere posset vobis et successoribus vestris absque nostra haereditate et successorum nostrorum et cuiuslibet alterius persone contradictione cum integritate respondeant, nichil nobis iuris haeredibus aut successoribus nostris in eisdem mansis, cultoribus vel eorum inhabitatoribus poenitus reseruantes.

Договоръ Вартислава III съ бранденбургскими маркграфами отъ 1236 г. (С. Р. Д., № 241, п. 525): Et idem dominus W. resignauit dominis Marchionibus terram Stargard cum omnibus atenenciis. Et terram bezeriz eciam simili modo. Et terram Wostrowe. sicut sita est. cum omnibus atenenciis.

Гр. Барнима отъ 1248 г. (С. Р. Д., № 397, п. 813; Pomm. Urk., I, № 475, п. 367—368): Terram Cholberge sum suis omnibus attinentiis districtibus. videlicet Poditzol et Concrine. que vera nostra a progenitoribus nostris extitit proprietat. dicto domino Wilhelmo episcopo. et ecclesie sue. libere et liberaliter contulimus. cum omnibus iuribus perpetuis temporibus possidendam.

1) Гр. Барнима Верхенскому монастырю отъ 1269 г. (Pomm. Urk., II, № 897, п. 223): contulimus proprietatem uillarum Volchecowe et Cadowe cum omnibus attinentiis et terminorum distinctionibus sicut a primeuo et prima possessione possessores predictarum uillarum possederunt.

Къ уясненію содержанія понятія „possessor“ могутъ служить грамоты №№ 120 (Pomm. Urk., I, п. 92; С. Р. Д., № 92, п. 219: vt videlicet earundem villarum possessores. iuxta communem ac debitam catholicorum consuetudinem. a prelibata ecclesia spiritualium sacramentorum dona percipiant salutaria) и № 975 (Pomm. Urk., II, п. 277—278: Ville Slaicales, que non fuerint Teutonicis possesse; de decimis vero villarum que cum Sclausis fuerint possesse).

Гр. Барнима Гробскому монастырю отъ 1265 г. (Pomm. Urk., II, № 770, п. 126—127): donauimus villam Luthebug fundum simul et proprietatem eius cum siluis, pratibus, pascuis, nemoribus, arbustis, agris cultis et incultis, aquis, piscationibus, usuagiis, cum limitibus et terminis omnium predictorum, prout ad ipsam villam ab antiquis noscuntur temporibus pertinere possidendam perpetuis temporibus.

щіяся къ тому времени, очень скудны, а составители документовъ въ христіанскую эпоху, какъ уже замѣчалось¹⁾, не были заинтересованы въ томъ, чтобы сообщать и удостовѣрять предшествовавшее состояніе деревенскаго люда.

Однако благодаря житіямъ Оттона Бамбергскаго есть возможность сравнить положеніе нѣкоторыхъ населенныхъ мѣстъ въ началѣ XII в. съ положеніемъ позднѣйшимъ (по грамотамъ), и замѣтить любопытную разницу.

Такъ, городъ Кольбергъ въ 1124 г. не обнаруживаетъ рѣшительно никакихъ признаковъ своей принадлежности кому-либо на частномъ правѣ²⁾. Но въ 1248 г. князь Вартиславъ III „жалуетъ Кольбергскую землю со всѣми ея принадлежностями и округами“ епископу Вильгельму³⁾. Послѣ того происходитъ еще какое-то соглашеніе насчетъ этой земли⁴⁾, а въ 1276 г. князь Барнимъ съ сыномъ своимъ Богуславомъ IV продаютъ епископу городъ и землю Кольбергскую за три съ половиною тысячи марокъ въ границахъ, которые существовали „въ то время, когда бургграфы Казимиръ и Борко, рыцари, находились въ градѣ Кольбергѣ“⁵⁾. Последнее замѣчаніе, о полномочіяхъ Казимира и Борка, также соответствуетъ государственной подчиненности Кольберга.

1) См. выше, стран. 10; стран. 240—241.

2) *Herbordi Dialogus de vita Ottonis episcopi Babenbergensis*, lib. II, cap. 39: *Inde Colobregam pervenimus, quae super litus maris sita est. Sed quia cives illius paene omnes institorum more ad exteris insulas negociandi causa navigaverant, illi qui domi reperti sunt, absentibus suis concivibus nichil se novi aggressuros dicebant, atque sub tali occasione aliquandiu restiterunt euangelio. Tandem exhortationibus crebris ab episcopo superati sunt. Confirmatis ergo eis in fide sanctae Trinitatis et baptismo regeneratis, et fundato altari et sanctuario — — Belgradam petens, simili operum effectu illic laetificatus est.*

3) Гр. Барнима отъ 1248 г. (C. P. D., № 397, p. 813; Pomm. Urk., I, № 475, p. 367—368): *Terram Cholberge cum suis omnibus attinentiis. districtibus — — que vera nostra a progenitoribus nostris extitit proprietatis dicto domino Wilhelmo episcopo et ecclesie sue libere et liberaliter contulimus.*

4) Pomm. Urk., II, № 617, p. 27—28.

5) Гр. Барнима I и Богуслава IV отъ 1276 г. (Pomm. Urk., II, № 1044, p. 332—333): *nos — — ciuitatem et terram Colberch vendendo transtulimus in venerabilem patrem dominum Hermannum episcopum Caminensem eandemque ecclesiam et successores suos, qui pro tempore fuerint, pro tribus milibus et quingentis marcis argenti, cum aduocacia et omni iure et libertate, necnon terminis antiquis, quos circa Colberg habuisse dinoscitur eo tempore, quando Cazymarus et Borco milites borchrauii erant in castro Colberg.*

Этот фактъ касается города, а не деревни. Но существо перемѣны одинаково и по отношенію къ городу и по отношенію къ деревнѣ; можно даже сказать, что обратитъ деревню со всѣми ея угодьями въ частную собственность было еще легче, и съ нею церемонились еще меньше, чѣмъ съ городомъ.

Перемѣны, подобныя Кольбергу, происходили и съ другими городами и областями, напр., со Старгардомъ (на рѣкѣ Инѣ) восточнымъ, Старгардомъ западнымъ, Трептовымъ и др.¹⁾

Такимъ образомъ, тогдашніе князья не находили препятствій для того, чтобы въ качествѣ государей передавать кому-либо городъ и область въ своемъ княжествѣ.

На отсутствіе какихъ-либо затрудненій въ подобныхъ актахъ указываютъ и другія операціи съ населенными мѣстами, которыя уже не касались церковныхъ учреждений. Важнымъ дѣломъ былъ переводъ городовъ на нѣмецкое право, усиленно совершавшійся въ послѣднія четыре десятилѣтія княженія Барнима. Переселенцамъ-предпринимателямъ обыкновенно отдавался прежній городъ и его угодья; предприниматели вызывали колонистовъ, и начиналась жизнь новаго города на Магдебургскомъ или Любекскомъ правѣ.

Вновь учреждаемому городу часто давалось все мѣсто стараго города, хотя ни откуда не видно, чтобы до передачи оно было пустынь; давалась вблизи города и вокругъ него пахатная земля, лѣсъ, часть рѣки и т. п. И эти принадлежности, даваемыя новому городу, во многихъ случаяхъ безъ всякаго сомнѣнія были прежде въ распоряженіи туземцевъ — горожанъ или селянъ. Но это послѣднее обстоятельство совершенно игнорировалось, и только изрѣдка въ грамоту попадало замѣчаніе, что князь жертвуетъ новому городу тѣ самые мансы, „которые принадлежали этому же городу еще въ славянскую эпоху“²⁾.

По сравненію съ такими случаями, новое положеніе селянъ передаваемой церковному учрежденію деревни могло быть даже

1) См. выше, стран. 135.

2) Гр. Барнима отъ 1274 года. (Pomm. Urk., II, № 981, p. 284): nos dilectis nobis consulibus et burgensibus de Camyn ipsam ciuitatem nostram Camyn de consilio discretorum vasallorum nostrorum iure Theutonico dedimus possidendam. Ut autem predicta ciuitas nostra cum possessione Theutonicorum melius recipiat incrementum, addidimus et dedimus jam dicte ciuitati nostre Camyn et burgensibus in ea manentibus quadraginta mansos qui ad eandem civitatem tempore Slauorum pertinebant.

лучше, потому что селяне часто и послѣ передачи оставались на прежнихъ мѣстахъ.

Горожане-туземцы съ устройствомъ новаго города изъ колонистовъ довольно часто вытѣснялись, хотя ни они ни ихъ земля, по ясному свидѣтельству житій Оттона (см. выше, стр. 21—22 и 139—140), не были чьею-либо частною собственностью. Очевидно, что историку и по отношенію къ селянамъ какой-нибудь деревни нѣтъ никакой нужды немедленно говорить о крѣпостномъ состояніи или частной зависимости, какъ только открывается извѣстіе о передачѣ этой деревни княземъ въ распоряженіе церкви. Въ дѣлахъ дареній и передачъ князья, подъ влияніемъ окружающихъ, были наиболѣе рѣшительны, и мысль о томъ, что совершается нѣкоторое насиліе надъ туземцами рѣдко останавливала ихъ¹⁾.

Отыскать въ самихъ грамотахъ примѣры, когда какая-либо населенная мѣстность сначала не составляетъ чьей-нибудь частной собственности, а потомъ обращается въ такую собственность, — чрезвычайно трудно: исторію деревни и иной незначительной мѣстности документы начинаютъ не ранѣе того момента, когда тамъ водворяется новый владѣлецъ²⁾.

Слѣды подобнаго обращенія можно видѣть, однако, на исторіи даренія Доберанскому монастырю трехъ деревень. Исторія обращенія этихъ деревень въ собственность монастыря вскрылась въ документахъ совершенно случайно: князя убѣдили измѣнить первоначальный проэктъ даренія, а монахи сохранили и первоначальную грамоту и грамоту исправленную.

Епископъ Конрадъ сталъ просить у князя о пожертвованіи въ пользу этого монастыря; просьба епископа была поддержана

1) Гр. Барнима отъ 1228 г. (Pomm. Urk., I, № 250, p. 201): Nouerint — — omnes, — — patrem nostrum dominum Buguzlauum — — ecclesie p. Nicolai in Lubeke — — villam Pretzene — — contulisse. Uerum quia a Slauis inhabitata ad libertatem ecclesie et canonicorum utilitatem sine grauibus expensis et perpetua multorum nobilium persecutione nequaquam poterat expediri, nos — — in predictae uille reconpensationem duas villas — — ad prebendam canonicorum — — liberam conferimus.

Гр. Богуслава I Гробскому монастырю отъ 1177 г. (C. P. D., № 43, p. 106; Pomm. Urk., I, № 43, p. 45—47): adjecimus — — villam Wresteuiz cum alia terra quorundam Slavorum. — Такъ же гр. папы Александра II отъ 1179 г. (C. P. D., № 45, p. 109; Pomm. Urk., I, № 79, p. 51—53). — Такъ же гр. еп. Зигвина отъ 1216 г. (Pomm. Urk., I, № 171, p. 129).

2) См. выше, стр. 10.

приближенными князя. Князь далъ Доберану имѣніе изъ 30 мансовъ, расположенныхъ вблизи трехъ деревень: *Racowe majus*, *Racowe minus* и *Pritochine*. Земля была дана съ соответствующими принадлежностями: лугами и лѣсами, и освобождена была отъ государственныхъ налоговъ¹⁾.

Но, уже когда выдана была грамота на этотъ даръ, приступили къ князю ходатаи за Доберанъ, по влиянію, конечно, доберанскихъ монаховъ, съ новыми просьбами и доказательствами, и — благодушный князь послушался ихъ. Вотъ какъ онъ самъ говорить объ этомъ.

„Мы пожаловали братіи Доберанскаго монастыря, цистерціанскаго ордена, братству и молитвамъ которыхъ мы себя вѣрили, имѣніе-землю, размѣръ которой сначала былъ опредѣленъ въ тридцать мансовъ. Но, по просьбѣ и представленіямъ нашихъ вассаловъ, Люберада и другихъ знатныхъ, — такъ какъ у братіи въ такихъ тѣсныхъ предѣлахъ и съ такимъ невеликимъ количествомъ мансовъ²⁾ можетъ впоследствии возникнуть какой-либо споръ съ окрестными жителями или съ тѣми, которые живутъ между владѣніями монастыря, — мы дали выше названную землю въ подвластной намъ области Лоицкой во второй разъ, безъ числа мансовъ, безъ ограниченія, но такъ, чтобы эта земля была ограничена и опредѣлена тремя именами, а именно: *Racowe majus*, *Racowe minus* и *Pretushine*. При совершеніи нами этого акта присутствовали и поздравляли съ этимъ нашимъ даромъ многіе, а именно — господинъ Конрадъ, почтенный епископъ Каминскій, отецъ нашъ, и другіе наши знатнѣйшіе люди Дыминской области. Вышеупомянутую землю мы изъяли отъ всякаго права или повинности свѣтской власти и дали въ вѣчное владѣніе со всѣми ея принадлежностями и доходными статьями вдоль и вширь, причемъ между владѣніями монастыря или посреди этихъ владѣній не должны быть какіе-либо иные колонны; дали мы эту

1) Гр. Вартислава III отъ 1232 г. (С. Р. Д., № 197, р. 443—444): *ad petitionem venerabilis patris nostri . Domini Conradi . Episcopi Caminensis . et ad petitionem dilecti amici nostri . comitis Wolteri . et fidelis hominis nostri Luberadi . ceterorumque nobilium nostrorum . contulimus. — Dei genitrici Marie . et fratribus in Doberan — — predium in tribus locis . scilicet Racowe maiori . et Racowe minori . et Pritochine . et triginta mansos . cum pratis . silvis et omnibus attinentiis circumiacentibus . sine advocatorum exactione in pace et omnimoda libertate in perpetuum possidendos .*

2) Тридцать мансовъ по тогдашнимъ расчетамъ могли бы составить надѣлы 8—10 приходскихъ церквей.

землю, свободную отъ чьихъ-либо правъ на нее, соответственно тому, какъ она опредѣлена въшеуназванной братіи: въ лѣсахъ, лугахъ, пастбищахъ, въ рощахъ и открытыхъ мѣстахъ, водахъ и водныхъ теченіяхъ, мельницахъ, дорогахъ и тропинкахъ, дали въ вѣчное владѣніе. Мы имъ дали возможность обрабатывать эту землю по ихъ усмотрѣнію: черезъ своихъ конверсовъ или посредствомъ иныхъ свѣтскихъ людей. Дабы упомянутая братія съ бѣльшею преданностію и увѣренностію ходатайствовала предъ Господомъ за насъ и за нашихъ предковъ, мы ко всему прибавляемъ еще и то, что эти колонны освобождаются отъ повинностей: постройки градовъ и мостовъ, отъ податей, пошлинъ и отъ всякихъ походовъ. Надъ собою колонны эти не будутъ имѣть фогта или судьи изъ нашихъ; надъ ними будетъ фогтомъ и судьбою аббатъ или его довѣренный для суда¹⁾.

Три года спустя тому же монастырю выдаетъ грамоту епи-

1) Гр. Вартислава III отъ 1232 г. (C. P. D., № 198, p. 445): *venerabilibus fratribus Monasterii Doberanensis . Cysterciensis ordinis . quorum fraternitati et orationibus nos commendavimus . possessionis cuiusdam sive predii fundum ad triginta numerum mansorum primo determinate contulimus . sed ad petitiones et monita fidelium nostrorum . Luberadi et aliorum nobilium . quia fratribus iam dictis in tam brevi termino . et numero mansorum tam pauco . a circumsedentibus forsitan vel interpositis discrimen aliquod in posterum vel incommodum poterat exoriri . secundo iam dictum fundum sine numero mansorum indeterminate . tribus tamen determinatum vocabulis ac distinctum . Racowe videlicet maius . et Racowe minus . et tertium Pretuzhine . in terra dicionis nostre Losiz donavimus . multis in presentia constitutis . et huic dono nostro congratulantibus . Domino Conrado scilicet . venerabili Caminensi episcopo . patre nostro . et aliis hominibus nostris nobilioribus provincie Dyminensis . Predictum vero fundum ab omni iure vel servicio secularis potestatis exemptum . cum omnibus pertinentiis suis et utilitatibus in longum et latum . sine interpositione vel medio colonorum quorumlibet aliorum . secundum quod idem fundus antedictis fratribus est determinatus . in silvis . pratis . pascuis . in busco et plano . aquis aquarumque decursibus . molendinis . in viis et semitis . liberum et absolutum perpetuum concessimus possidendum . et sive per conversos proprios . sive per alios homines seculares eundem fundum excolere voluerint . liberam dedimus facultatem . Illud super omnia adiicientes . ut eo devocius et fiducialius iam sepius dicti fratres pro nobis et nostris progenitoribus ad Dominum intercedant . quod idem coloni liberi sint et immunes ab exstructione urbium et poncium . ab exactione vectigalium et theloneorum . et ab expeditione qualibet . nec advocatum quemquam de nostris habeant super se . vel iudicem nisi Abbatem solum . vel cui Abbas vicem pro se commiserit iudicandi .*

скопъ Конрадъ. Онъ жертвуетъ монахамъ десятину въ томъ имѣніи, которое пожаловано княземъ. Упомяная объ этомъ пожалованіи и объ имѣніи, епископъ придерживается выраженій предшествовавшей княжеской грамоты: такъ же говоритъ объ имѣніи, а не о деревнѣ, говоритъ о „трехъ именахъ“ и т. д.¹⁾ Оттого епископская грамота мало вноситъ новаго для разъясненія исторіи даренія.

Важнѣе грамота Вартислава III, которая была выдана еще три года спустя.

Въ этой грамотѣ (1238 г.), скрѣпленной новою княжескою печатью, Вартиславъ уже прямо заявляетъ: „пустъ всѣ знаютъ, что мы дали церкви св. Маріи Дѣвы въ Доберанѣ деревни: *Racowe majus*, *Racowe minus* и *Pretûtse* — безъ числа мансовъ, и освободили отъ всѣхъ повинностей и отъ подчиненія княжескимъ должностнымъ лицамъ такъ, какъ мы заявляемъ объ этомъ предъ всѣми въ предшествующей грамотѣ монастыря. А чтобы насчетъ этого не возникало никакого сомнѣнія, то мы прежде данную привилегію скрѣпляемъ въ настоящей грамотѣ новою нашею печатью“²⁾.

За время до 1238 г. включительно о дареніи Доберанскому монастырю имѣнія *Racowe majus*, *Racowe minus* и *Pretushine* говорятъ четыре грамоты: три княжескія и одна епископская. Нѣтъ надобности принимать, что за это же время были еще какія-нибудь грамоты того же князя, которыя бы касались этого имѣнія; смысломъ сохранившихся грамотъ это не требуется. Напротивъ,

1) Гр. еп. Конрада отъ 1235 г. (C. P. D., № 226, p. 500): *nos fratribus deo eiusque pie genitrici in Doberan famulantibus — — decimam in predio . quod tribus determinatur vocabulis . Racowe videlicet maius . et Racowe minus . ac tercium Pretuzhine . predictis fratribus a domino Wartislauo collato . cum consensu tocius capituli nostri . pia largicione contulimus perpetuo possidendam . Quod si predictum predium violencia seu fraude . vel aliquo perverso conamine iam dictis fratribus ablatum . vel quoquomodo quod absit alienatum fuerit . ad ipsorum tamen usus decima nichilominus pertinebit.*

2) Гр. Вартислава III отъ 1238 г. (C. P. D., № 253, p. 551; Pomm. Urk., I, № 361, p. 282): *notum esse volumus uniuersis . quod nos ecclesie beate Marie virginis in Doberan villas racowe majus et minus et Pretûtse . sine numero mansorum — — ab omni exactione et aduocacia dedimus liberas et solutas . sicut in veteri ipsius priuilegio omnibus protestamur . Ne igitur supra premissis dubium habeatur . vetus priuilegium nouo nostro sigillo in presenti pagina roboramus.*

грамота 1238 г. прямо имѣтъ въ виду „прежнюю жалованную грамоту“ (*vetus privilegium*), одну¹⁾, а не нѣсколько.

Эта жалованная грамота, второе изготовленіе 1232 года, есть самая важная; грамота 1238 года представляетъ лишь ея подтвержденіе и разъясненіе.

По свидѣтельству второй грамоты 1232 года, имѣніемъ въ тридцать мансовъ монахи не удовлетворились. Указываются и причины неудовлетворенности: малое количество мансовъ и возможность будущихъ споровъ съ сосѣдами, особенно такими, которые очутились бы между землями монастыря.

Очевидно, 30 мансовъ составляетъ только часть того, что включается въ понятіе „трехъ именъ“. Если бы монахи остались при первоначальныхъ тридцати мансахъ, то ихъ сосѣдами и были бы жители трехъ деревень съ ихъ владѣніями. Съ ними-то и предполагались споры и прежде всего — изъ-за границъ.

Не опасались ли монахи недоразумѣній при самомъ отмѣриваніи для нихъ тридцати мансовъ? Но эти недоразумѣнія князь устранилъ-бы и несомнѣнно осуществилъ бы дареніе. При томъ же въ грамотѣ ясно говорится, что здѣсь подразумѣвается не этотъ споръ при вступленіи монаховъ во владѣніе, а „какой-нибудь споръ въ будущемъ“, впоследствии.

Съ точки зрѣнія перваго изготовленія, границы можно различать двоякаго рода. Во-первыхъ, границы земель трехъ деревень (*Rasowe majus*, *Rasowe minus*, *Pretushine*) по отношенію ко всѣмъ другимъ поселеніямъ и имѣніямъ; это, такъ сказать, наружныя границы. Во-вторыхъ, у имѣнія изъ 30 мансовъ были точки соприкосновенія съ „междусидящими“, земля которыхъ, какъ видно, не входила въ сферу вліянія монастыря; это были границы внутреннія, такъ какъ и монастырскія и не-монастырскія земли одинаково находились въ предѣлахъ трехъ названныхъ деревень.

По смыслу второго акта, наружныхъ границъ князь не обозначаетъ, и монахи объ этомъ не очень заботились. Ихъ безпокоили не наружныя, а внутреннія границы. Что касается наружныхъ, то въ дальнѣйшемъ монахи, видимо, собираются руко-

1) Здѣсь можетъ подразумѣваться только второе изготовленіе 1232 года. Первое изготовленіе утратило свое значеніе, когда первоначальное дареніе было измѣнено, и это измѣненіе закрѣплено документомъ.

водиться только „тремя именами“ и, конечно, не упустят случая удержать за собою все то, что такъ или иначе можно подвести подъ эти имена.

Объясняя причины измѣненія въ дареніи, второе изготовленіе княжеской грамоты указываетъ на два неудобства для монаховъ въ случаѣ осуществленія перваго изготовленія. По ходу изложенія, второй актъ устранилъ эти неудобства. Сначала было мало мансовъ, — теперь ихъ стало больше: пространство „трехъ именъ“ несомнѣнно обшириѣе. Сначала споры съ „промежуточными селянами“ были возможны, — теперь эта возможность устранена.

Чрезвычайно любопытно и важно: какъ же монахи достигли такого устраненія? Казалось бы, для этого надо было опредѣлить внутреннія (въ выше разъясненномъ смыслѣ) границы совершенно точно и подробно.

Принять былъ, однако, не этотъ способъ устраненія недоразумѣній, а другой.

Для устраненія споровъ предложено было монахами, поддержано славянскою знатю и осуществлено княземъ дареніе сплошного пространства, безъ всякихъ промежуточныхъ чужихъ владѣній; дано было просто все, что только обозначается тремя именами: *Racowe majus*, *Racowe minus* и *Pretushine*.

Самымъ замѣчательнымъ во всемъ этомъ дѣлѣ и является то, что для устраненія всякихъ возможныхъ въ будущемъ споровъ не даются, какъ можно было бы ожидать, самыя точныя и опредѣленныя границы земли, а напротивъ, снимаются всякія границы, — не разграничиваются ясно, какъ можно было бы ожидать, права и „междусидящихъ колоновъ“ и монаховъ чужестраннаго монастыря, а — права первыхъ поглощаются правами послѣднихъ. Все, что было въ широкихъ рамкахъ „трехъ именъ“, цѣликомъ отдается монастырю; послѣдній становится господиномъ всей области, безъ промежуточной чужой собственности. Всякія внутреннія границы, черезполосица, уничтожаются; остаются только наружныя, которыя пока не тревожили монаховъ.

Смыслъ перемѣны въ дареніи и состоялъ въ томъ, что будущихъ спорщиковъ заблаговременно обуздали, обративъ всю землю „трехъ именъ“ въ собственность монастыря. Съ прекращеніемъ всѣхъ другихъ правъ на земли, кромѣ правъ монастыря, конечно, пресѣкается всякая возможность погранич-

ныхъ споровъ. Одной ли только земли коснулась перемѣна даренія?

Несомнѣнно, затронуты были и люди. Уже превращеніе въ собственность монастыря всей недвижимости въ размѣрахъ „трехъ имень“ ставило селянъ въ экономическую зависимость отъ монаховъ. Этимъ дѣло не ограничивалось.

Въ какія отношенія къ монастырю должны стать селяне, объ этомъ, по обыкновенію, не говорится. Но селяне освобождаются отъ всѣхъ государственныхъ повинностей, даже отъ похода и отъ подчиненія княжескимъ чиновникамъ.

Такое освобожденіе давалось не ради самихъ селянъ; и монастырь, который, какъ подразумевалось, обратить на себя повинности селянъ, приобрѣталъ, на ряду съ экономическими выгодами, и юридическое господство надъ населеніемъ.

Ни одного намека нѣтъ на то, что населеніе деревень до ихъ передачи было крѣпостнымъ, что населеніемъ князь владѣлъ и распоряжался, какъ помѣщикъ. Наоборотъ, есть немаловажныя указанія на отсутствіе зависимости селянъ отъ помѣщичьей власти. На такое отсутствіе указываетъ возможность споровъ. Селяне, по мысли документа, были правоспособны; они могли вчинать иски по вопросу, напр., о границахъ ихъ земель. Отношеніе ихъ къ князю опредѣлялось отправленіемъ повинностей, которыя всѣ имѣютъ государственный, а не частно-правовой характеръ¹⁾.

Населеніе трехъ деревень выдѣляется изъ податного населенія княжества, освобождается и отъ косвенныхъ налоговъ (пошлинъ) и отъ подсудности и подчиненія княжескимъ чиновникамъ и отъ государственныхъ обязанностей первостепенной важности (постройка городовъ, походы). Прежде населеніе служило государству, теперь — монастырю. Прежде оно зависѣло отъ князя и органовъ его власти, теперь оно переходитъ въ частновладѣльческое, помѣщичье господство²⁾.

Такая перемѣна произошла по настоятельнымъ просьбамъ духовныхъ лицъ и ихъ ходатаевъ. Благодаря имъ, пожертвованіе доведено до конца: въ 1238 году заявлено открыто и ясно о передачѣ монахамъ трехъ деревень цѣликомъ. Второе изго-

1) *Exstructio urbium et poncium, exactio vectigalium et theloneorum, expeditio, advocatum quemquam de nostris habere super se.*

2) Освобожденіе отъ повинностей касается и новаго и прежняго населенія. Наличие прежняго населенія въ 1232 г. видна изъ грамоты 1238 г.; въ ней говорится, что князь „далъ деревни“, а не пустоши.

товление 1232 года производить и, кажется, уже тогда¹⁾ производило не совсѣмъ опредѣленное впечатлѣніе. Неясность вполнѣ была устранена грамотою 1238 года: монастырь объявленъ былъ полнымъ собственникомъ не „имѣнія, обозначеннаго тремя именами“, а всѣхъ трехъ деревень, собственникомъ въ такомъ смыслѣ, въ какомъ тогда считались собственниками деревень и другіе, наиболѣе покровительствуемые монастыри.

Во всей этой исторіи видна постепенность освоенія трехъ деревень подъ вліяніемъ духовныхъ лицъ и ихъ свѣтскихъ ходатаевъ. Въ другихъ случаяхъ князь обыкновенно сразу передавалъ церкви права собственности на деревни; въ настоящемъ случаѣ князь сначала думалъ-было ограничиться имѣніемъ въ 30 мансовъ, тѣмъ болѣе, что монастырь былъ иностранный. Но на князя было оказано воздѣйствіе, и — даръ былъ расширенъ: монахи получили имѣніе, „ограниченное тремя именами“.

Съ полною увѣренностью трудно рѣшить, что же собственно могъ подразумѣвать въ 1232 году даритель подъ „тремя именами“, — если не самыя деревни цѣликомъ со всѣми угодьями.

На грамоту 1238 года можно смотрѣть неодинаково: или она устранила неопредѣленность въ дѣйствительной жизни (отношеніе монастыря ко всѣмъ тремъ деревнямъ цѣликомъ), или она только словами точнѣе опредѣлила то, что и безъ того въ жизни было ясно. Но при томъ и другомъ толкованіи несомнѣнно, что первоначальное дареніе князя, которое состояло изъ недвижимости въ 30 мансовъ, было преобразовано, по желанію и просьбамъ духовныхъ лицъ, въ дареніе трехъ населенныхъ земель, или трехъ деревень.

Между первоначальномъ актомъ (дареніе 30 мансовъ) и актомъ 1238 года была предложена промежуточная стадія, — дареніе „выше названнаго имѣнія безъ числа мансовъ, обозначеннаго тремя именами“²⁾. Эта стадія была принята княземъ; и какъ бы

1) На это въ нѣкоторой степени указываетъ разъяснительно-утвердительный тонъ грамоты 1238 года. До этой грамоты епископъ не смелъ возможнымъ или удобнымъ прямо говорить о томъ, что монастырю даны были деревни. Новая печать у князя не можетъ считаться главною причиною появленія грамоты 1238 года; о возобновленіи другихъ актовъ по случаю новой печати не говорится.

Клемпинъ говоритъ о „деревняхъ“ уже съ грамоты 1232 года, Козегартенъ — съ 1235 года.

2) Очень характерно то, что составитель грамоты „имѣніе, обозначенное тремя именами“, несомнѣнно расширенное, обозначаетъ, какъ

она имъ тогда ни понималась, нужно признать, что переходъ къ ней былъ или казался все-таки легче, чѣмъ переходъ отъ тридцати мансовъ сразу къ тремъ деревнямъ.

Монахи, которые достигли освоения трехъ уномянутыхъ деревень, принадлежали къ цистерціанскому ордену. Монастырей этого ордена было въ Поморьѣ немало. Всѣ они успѣли приобрести большее или меньшее количество населенныхъ земель.

Историкъ цистерціанскаго ордена замѣчаетъ, что цистерціанскіе монастыри прежде получали для обработки невоздѣланные участки земли и только въ славянскихъ земляхъ впервые стали приобретать деревни¹⁾.

Но и въ Поморьѣ ко времени появленія духовенства вообще и цистерціанцевъ въ частности владѣніе деревнями не было развито. Необычайное развитіе такого владѣнія, вмѣстѣ съ обращеніемъ многихъ деревень въ частную собственность, произошло только подъ вліяніемъ духовенства. Сочетаніе условій для освоения деревень и владѣнія ими было слишкомъ благопріятно, если оно располагало къ владѣнію даже такія церковныя организаціи, которымъ это было не въ обычай и противно уставу.

Не одни только цистерціанцы овладѣвали населенными мѣстами, а и другіе ордена и вообще духовенство; въ Поморьѣ цистерціанцы уже застали владѣніе деревнями, которое практиковалось тамъ церковными учрежденіями. Даже не одна только церковь вліяла на усиленіе такого владѣнія: констатируются въ Поморьѣ и другія вліянія²⁾. Могли быть, наконецъ, слабые зачатки и своего, туземнаго, владѣнія деревнями.

Но надо признать, что въ развитіи владѣнія деревнями духовенству принадлежала очень важная роль. Благодаря церкви, слишкомъ много деревень отрывалось отъ общей государственной жизни и поступало въ частный экономическій оборотъ.

„выше названное“ имѣніе, хотя тождества здѣсь не было. Значитъ, имѣніе первоначальное и имѣніе расширенное по сравненію съ первоначальнымъ могли иногда обозначаться однимъ и тѣмъ же общимъ именемъ. Можетъ быть, здѣсь — ключъ къ пониманію нѣкоторыхъ такихъ актовъ, которые новое приобретение церкви обозначаютъ сначала скромно и неопредѣленно словами: *predium, bonum* и т. д., а потомъ ясно называютъ его деревнею. См. выше, стран. 88—89, примѣч. 1-е, о приобретенияхъ Кольбацкаго монастыря.

1) F. Winter, *Die Cistercienser der nordöstlichen Deutschlands*, I, Gotha, 1868, S. 124.

2) С. Р. Д., № 136, р. 323—324; Pomm. Urk., I, № 197, р. 142—143

Владѣніе деревнями не могло ограничиться сферою только церковныхъ учреждений. Для послѣднихъ не разъ наступалъ моментъ, когда было желательно, полезно или необходимо такъ или иначе реализовать это имущество, и контрагентами или сотрудниками реализаціи выступали также и свѣтскія лица. Съ другой стороны, и князю не было ни нужды ни пользы ограничивать раздачу деревень церковными учреждениями.

Среди владѣтелей населенныхъ земель все чаще и чаще выступаютъ свѣтскія лица, — дворяне, горожане. Развитіе владѣнія деревнями совершается, такъ сказать, вширь, втягивая въ свой оборотъ все большій кругъ лицъ.

На развитіе этого же владѣнія вглубь, — въ смыслѣ установленія болѣе тѣсной связи селянъ съ владѣльцами, — вліяла та полнота правъ, которая предоставлялась церкви надъ деревнею. Надъ нею князь обыкновенно давалъ церкви „свое право“ или „всѣ свои права“. Княжеское право, какъ открывается изъ жалованныхъ грамотъ, проявлялось доселѣ въ требованіи и принятіи съ селянъ повинностей государственнаго характера.

Размѣръ этихъ повинностей, въ отличіе отъ другихъ странъ, не былъ, однако, регуляторомъ для повинностей новому помѣщику¹⁾. Церкви давалась, по смыслу жалованной грамоты, вся деревня со всѣми принадлежностями и во всѣхъ своихъ предѣлахъ; вся она выдѣлялась изъ-подъ власти княжескихъ чиновниковъ. Надъ всей деревнею ставилась съ момента пожалованія только воля монастыря или иного церковнаго учрежденія. Поэтому, хотя рѣчи не было о передачѣ всего населенія деревни, — населеніе несомнѣнно поступало подъ власть новаго землевладѣльца; надъ селянами затягивался узелъ частной зависимости, какова бы она ни была. И такая перемѣна въ положеніи населенія опредѣляла все его будущее: если въ предшествовавшую эпоху положеніе селянъ ничѣмъ не было формулировано и ни отъ чего не было

(датская принцесса, вдова поморскаго князя, даетъ одну деревню кольбергскому каштеляну по просьбѣ польскаго князя Владислава Тонконогаго).

С. Р. Д., № 144, р. 343—344; Pomn. Urk., I, № 213, р. 158—159 (представители датскаго короля просятъ поморскаго князя отдать деревню Кольбацкому монастырю).

С. Р. Д., № 242, р. 529; Pomn. Urk., I, № 335, р. 253—254 (княгиня Анастасія, дочь польскаго князя Мѣшка Стараго, проситъ своего внука продать Вельбукскому монастырю половину Трептовской каштеляніи).

1) См. выше, стран. 240, примѣч. 3; ср. стр. 216—218.

ограждено, то съ момента перехода деревни подъ власть церкви права послѣдней были закрѣплены формальными актами и документами ¹⁾.

Къ переданнымъ въ частное владѣніе деревнямъ стали приближаться по своему положенію и не розданныя еще княземъ населенныя пространства. Князь Поморья также начинаетъ смотрѣть на нихъ, какъ на свою частную собственность ²⁾. Такой взглядъ укрѣпляется у него тѣмъ прочнѣе, чѣмъ менѣе не розданныхъ областей у него еще остается.

Отчужденія населенныхъ земель съ теченіемъ времени уже не сопровождаются ни благочестивыми размышленіями ни туманными выраженіями ³⁾; отчужденія эти принимаютъ характеръ сдѣлокъ.

Различныя сдѣлки, имѣвшія своимъ объектомъ деревни, стали происходить, по свидѣтельству грамотъ (вѣроятно, неполному) съ третьяго десятилѣтія XIII в. Деревни иногда вымѣнивались однимъ владѣтелемъ у другого, но чаще продавались и покупались. Продавцовъ и покупателей грамоты выставляютъ изъ всѣхъ болѣе состоятельныхъ классовъ общества; сдѣлки на деревни совершаютъ духовные и свѣтскіе, въ частности: епископъ ⁴⁾, приходскія церкви ⁵⁾, монахи ⁶⁾, мона-

1) Поэтому нельзя согласиться съ Ниссеномъ, который высказываетъ слѣдующее: Die während der slavischen Herrschaftsperiode vorgenommenen Landvergaben an die kirchlichen Orden ändern an dem principiellen Zustande nichts. P. van Niessen, Zur Entstehung des Grossgrundbesitzes und der Gutsherrschaft in der Neumark, Stettin, 1903, S. 3—4.

2) Признакомъ этого могутъ служить продажи княземъ населенныхъ земель. Гр. Барнима отъ 1253 г. Pomm. Urk., I, № 577, p. 453 (продажа деревни Pomerinstorp горожанамъ Штеттинскимъ).

Гр. его же отъ 1261 г. Pomm. Urk., II, № 695, p. 75—76 (продажа деревни Redomi Гробскому монастырю).

Гр. его же отъ 1268 г. Ib., № 872, p. 202—203 (продажа деревни Selowe Кольбацкому монастырю).

Та продажа, о которой упомянуто въ примѣч. 2 на стран. 263—264, имѣетъ характеръ пожертвованія.

3) См. выше, стран. 8—10; стран. 217—218.

4) Pomm. Urk., II, № 820, p. 162 (продажа епископомъ Германомъ деревни Nerese Даргунскому монастырю въ 1266 г.). — Ib., № 902, p. 226 (продажа, кромѣ Nerese, деревни Nesin, удостовѣренная въ 1269 г.). — Ib., № 1103 p. 378 (продажа тѣмъ же епископомъ деревень Jewenthin и Carnescwiz Буковскому монастырю въ 1278 г.). — Ib., № 1104, p. 379 (о томъ же).

5) Pomm. Urk., II, № 894, p. 221 (церковь города Любека покупаетъ деревню Ramesowe у княжескаго вассала Romele въ 1269 г.).

6) Pomm. Urk., II, № 572 а, p. 2 (продажа братію ордена св. Вильгельма

хини¹⁾, вассалы²⁾, рыцари³⁾, просто свѣтскіе люди, какъ нѣмцы⁴⁾ такъ и славяне⁵⁾, крупные владѣтели⁶⁾ и города⁷⁾. Къ концу изучаемаго періода владѣніе деревнями достигаетъ полного развитія.

Арнольду de Berghe деревни Sparenuelde въ 1253 г. — *Ib.*, № 974, р. 275—276 (продажа, вѣроятно, Кольбацкимъ монастыремъ деревни Dambröwe городу Грейфенгагену въ 1273 г.).

1) *Pomm. Urk.*, II, № 749, р. 113—114 (покупка Зегаузенскимъ женскимъ монастыремъ деревни Radicowe у Валькенридскаго монастыря).

2) *C. P. D.*, № 222, р. 487—488 (продажа вассаломъ Святобора Казимировича Кризаномъ деревни Belitz Кольбацкому монастырю въ 1235 г.).

Pomm. Urk., II, № 620, р. 29 (продажа братьями Brusuiз, вассалами Барнима, деревни Struga Гробскому монастырю въ 1255 г.).

Pomm. Urk., II, № 659, р. 54 (продажа вассалами Барнима Ольдагомъ и Вернеромъ Шверинскими трехъ деревень: Roscetin, Lubenze и Redessowe Гробскому монастырю въ 1258 г.).

Ib., № 990, р. 289—290 (продажа княжескимъ вассаломъ Яковомъ de Staffelt деревни Ноукендорп Кольбацкому монастырю въ 1269 г.).

Ib., № 991, р. 290—292 (о томъ же).

3) *C. P. D.*, № 296, р. 635; *Pomm. Urk.*, I, № 390, р. 313 (продажа рыцарями Дюрингами деревни Wigusin Столпскому монастырю въ 1241 году).

Pomm. Urk., II, № 1070, р. 355 (продажа рыцарями Гейденрихомъ и Герардомъ de Heidebrak десяти мансовъ въ деревнѣ Bertcow рыцарю Иоанну Дюрингу, засвидѣтельствовавшая въ 1277 г.).

4) См. выше, стр. 265, примѣч. 6-е.

5) *C. P. D.*, № 206, р. 459—460; *Pomm. Urk.*, I, № 203, р. 148—149 (продажа Вартиславомъ Вареломеевичемъ оставшихся у него деревень Кольбацкому монастырю около 1220—1227 г.).

Pomm. Urk., II, № 1008, р. 301—302 (продажа братьями Генрихомъ, Иоанномъ и Германомъ de Zagense деревни Tuschov городу Анкламу въ 1275 г.)

6) *Pomm. Urk.*, II, № 916, р. 235—236 (продажа рыцаремъ Прибыславомъ нѣсколькихъ деревень Бельбукескому монастырю въ 1270 г.). — См. также въ предыдущемъ примѣчаніи ссылку 1-ю, а также въ примѣчаніи 4 страницы 265 ссылки на продажи самага сильнаго и независимаго владѣтеля въ Поморьѣ — епископа.

7) См. вторую ссылку въ шестомъ примѣчаніи страницы 265 и вторую же ссылку въ пятомъ примѣчаніи настоящей страницы. — Кромѣ того: *Pomm. Urk.*, I, № 577, р. 453 (покупка городомъ Штегиномъ деревни Romerengtorp у Барнима въ 1253 г.).

Опечатки.

На стр.		7 строка 9 сверху: видно		надо читать: видно	
"	"	"	18 снизу: недвижимо-сти	"	" недвижимо-сти
"	"	16	" 12 сверху: еще	"	" еще
"	"	21	" 16 " Оттона) не были	"	" Оттона не были).
"	"	32	" 3 снизу: 2-ое	"	" 2
"	"	40	" 15 сверху: 6)	"	" в)
"	"	87	" 3 снизу: 2	"	" 2;
"	"	88	" 18 " c h i n e	"	" chine
"	"	96	" 15 " 1973	"	" 1173
"	"	106	" 2 " omi	"	" omni
"	"	110	" 13 " II	"	" I
"	"	135	" 5 " Lipa	"	" Lipa, Poditzol,
"	"	146	" 11 сверху: отпущение	"	" „отпущение
"	"	178	" 18 снизу: совершенно,	"	" совершенно
"	"	"	" 19 " ть	"	" ть,
"	"	179	" 14 " S. 129.	"	" S. 129. A. Kunkel, Die Stiftungsbriefe für das meklenburg- pommersche Cister- cienserkloster Dar- gun. Archiv für Ur- kundenforschung, III B., 1 H., Leipzig, 1910. — Salis, Eine neue Untersuchung zum altpommerschen Ur- kundenwesen. Mo- natsblätter, Mai 1911, S. 66—74.

SANCTI ABRAMII
ARCHIEPISCOPI EPHESII

SERMONES DVO

I.

IN ANNUNTIATIONEM SS. DEIPARAE,

II.

IN OCCVRSVM DOMINI N. IESV CHRISTI,
ADIECTA INTERPRETATIONE SLAVICA.

NVNC PRIMVM EDIDIT

MICHAEL KRASCHENINNIKOV.

PRAEMISSA EST

DE S. ABRAMII VITA ET SCRIPTIS COMMENTATIO.

VENERANDAE MEMORIAE

CLARISSIMI VIRI

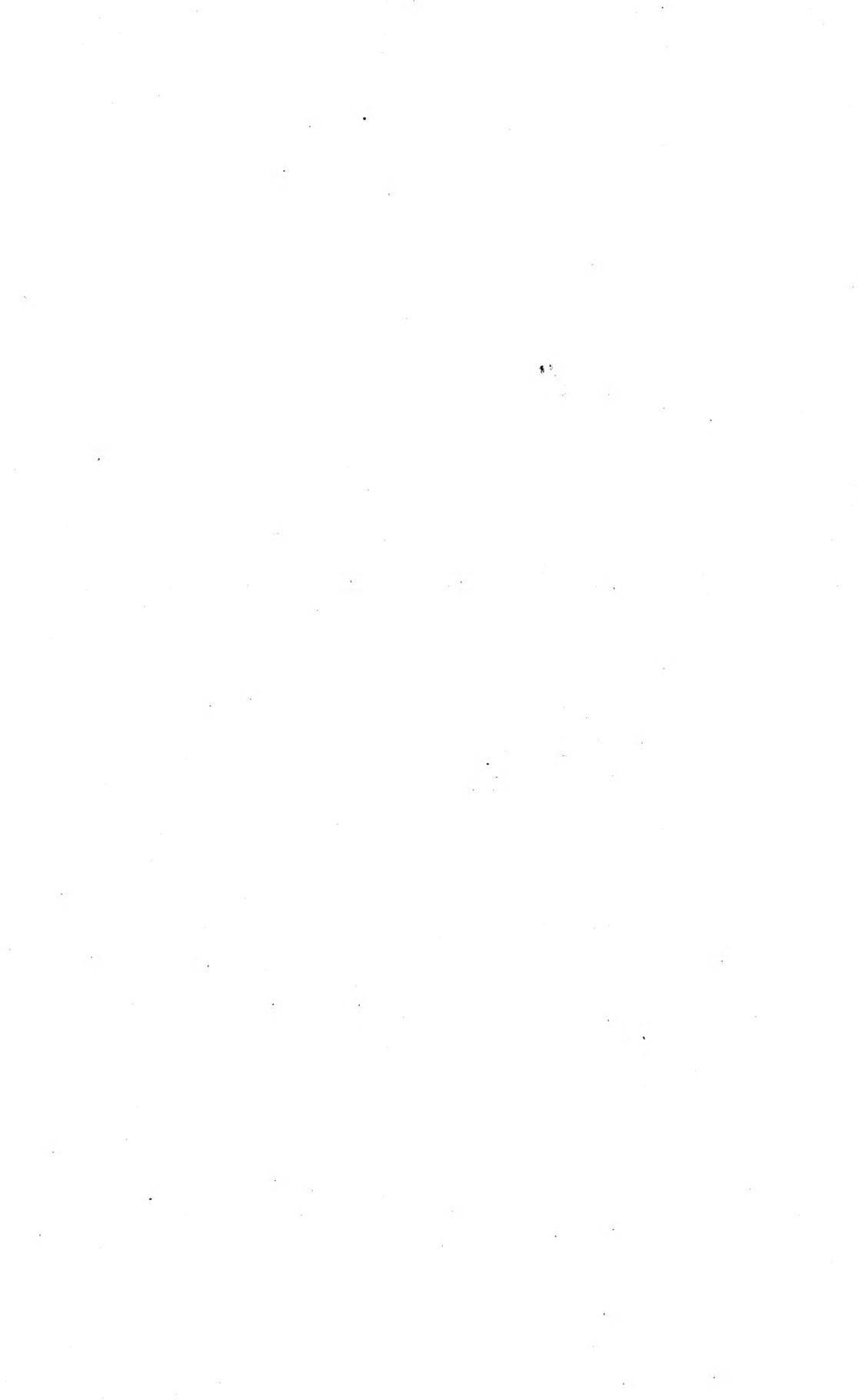
ADAMI ZACZYŃSKI

CONLEGAE

OPTIMI AMICISSIMI DESIDERATISSIMI

(+ D. 4 IANVAR. 1908)

SIT TIBI TERRA LEVIS, ET MOLLITER OSSA QUIESCANT!

DE S. ABRAMII VITA ET SCRIPTIS.

I.

De Abramii¹⁾ Ephesi archiepiscopi vita perpaucataantum nobis nota sunt eaque omnia Ioanni Moscho debentur, qui abbatis Stephani Moabitae narrationem ab Ioanne Rutilo abbate olim

1) Praeter hanc nominis formam (*Ἀβραάμιος*), quae plerumque usurpatur, etiam *Ἀβράμιος* atque *Ἀβραάμιος* (sed haec forma rarissime) reperiuntur, et quidem — *Ἀβράμιος*: sermonis II (p. 8, 1 titulus) codices P Tap; Mansi Concil. VIII, 882 A. 930 C, — quibus locis haud dubie adnumerandi sunt etiam 907 D. 939 B. 951 E. 986 D, ubi *Ἀβραυλον* (sine spir.) nimirum per operarum negligentiam exhibetur; — Moschi Prat. [spirit.] cap. 97; Vitae s. Matronae I cap. 6 et II cap. 8 (ed. Delehayé, Act. SS. Novembris, t. III p. 793 E. 815 B); Vita Euthymii (hgg. von C. de Boor, Berlin 1888), V, 20 p. 17, 9. — *Ἀβραυλον*: sermonis I (p. 1, 1 tit.) cod. (L), item sermonis II (p. 8, 1 tit.) cod. Q; Mansi VIII, 1054 A; Vitae s. Danielis Stylitae nondum editae (§ 166 secundum editionem meam, quae iam typis exscribitur) recensionis B cod. Vindobonensis hist. Gr. 28 Lambec. — *Ἀβραυλον* sermonis II (p. 8, 1) cod. Graecus (S), quo Slavus interpres usus est, — nisi quidem illud *Авраамъ* pro genuino *Авраамъ* redditum aut mero ipsius interpretis arbitrio aut librariorum errori dittographico debetur; — huc accedit *Ἀβραυλον* (sine spir.) Mansi VIII, 1007 C, ubi sine ulla dubitatione *Ἀβραυλον* reponendum esse mox videbimus.

Iam si quis locos modo enumeratos consideraverit, facillime, opinor, mihi concedet in quaestione de illius archiepiscopi Ephesii nomine solvenda duarum tantum formarum, quae sunt *Ἀβραάμιος* et *Ἀβράμιος*, habendam esse rationem. Quarum autem ultra praeferenda sit, Abramitarum nomen docere puto, qui semper *Ἀβραμίται*, numquam *Ἀβραμίται* a Graecis appellantur (Mosch. l. c.; Constant. Porphyrogen. De cerimon. p. 438, 9. 499, 6. 501, 10 Bonn.; Leon. Diac. p. 47, 9 Bonn.; Synax. eccles. CP. ed. Delehayé, 175, 35; Cedren. vol. II p. 111, 13 Bonn.; *Ἀβραμιτῶν* [sine spir.] Mansi Concil. XII, 1111 E. XIII, 156 E; — Theophanis quoque con-

sibi traditam referens ²⁾, Κατ' ἐκείνον δὲ, inquit, τὸν καιρὸν ὁ ἀββᾶς Ἀβράμιος, ὁ πρῶν μὲν τὴν ἐν Κωνσταντινουπόλει λεγομένων ³⁾ τῶν Ἀβραμιτῶν μονὴν συστησάμενος, ὁ καὶ γεγωνῶς ὕστερον ἀρχιεπίσκοπος Ἐφέσου, ὁ καλὸς καὶ πρᾶος ποιμὴν, ἐκτιζεν τὸ ἑαυτοῦ μοναστήριον τὸ ἐπιλεγόμενον τῶν Βυζαντίων. ἀπελθόντες οὖν οἱ δύο ἀδελφοὶ ἔκαμνον ἐκεῖσε ἐργασίας καὶ ἐλάμβανον τὸν μισθόν· καὶ ὁ ἐμπεσὼν εἰς πορνείαν ἐλάμβανεν τῶν δύο τὸν μισθὸν καὶ ὑπήγεγνεν καθ' ἑκάστην εἰς τὴν πόλιν καὶ ἐδαπάνᾳ αὐτὸν εἰς ἀσωτίας, ὁ δὲ ἄλλος πᾶσαν ἡμέραν ἐνήστευσε ⁴⁾ καὶ μετὰ πάσης ἡσυχίας ποιῶν ἦν τὸ ἔργον, μὴ λαλῶν πρὸς τινα. τοῦτον θεωροῦντες καθ' ἑκάστην οἱ τεχνίται μήτε ἐσθίοντα μήτε λαλοῦντα, ἀλλὰ σὺννουσι αἰεὶ, λέγουσι τὰ περὶ αὐτοῦ καὶ τὰ τῆς διαγωγῆς αὐτοῦ τῷ ἐν ἀγίοις ἀββᾶ Ἀβραμίῳ. τότε ὁ μέγας Ἀβράμιος μεταστέλλεται τὸν ἐργάτην ἐν τῷ κελλίῳ αὐτοῦ καὶ ἐρωτᾷ αὐτὸν λέγων· « πόθεν εἶ, ἀδελφε, καὶ τίς σου ἐστὶν ἡ ἐργασία; » ὁ δὲ πάντα ἐξωμολογήσατο αὐτῷ, καὶ ὅτι « διὰ τὸν ἀδελφὸν πάντα ὑπομένω, ἵνα ὁ Θεὸς βλέπων τὴν ἐμὴν θλιψίν ⁵⁾ σώσῃ τὸν ἀδελφόν μου ». ταῦτα ἀκούσας ὁ θεῖος Ἀβράμιος λέγει τῷ ἀδελφῷ· « καὶ Κύριος ἐχαρίσατό

tinuati q. d. p. 101, 3 Bonn. pro Ἀβραμιτῶν tradito, quod librario, non ipsi auctori tribuendum esse Cedreni l. c. docent codices, quippe quem h. l. illius metaphrastam esse constat, Ἀβραμιτῶν restituendum esse reor; — praeterea conferri Ἀβραμιτῆς potest, quod pro Abramitarum monasterii appellatione Pseudo-Codinus q. d. venditat (p. 260, 10 Preg.).

Hunc Ephesi archiepiscopum H. O m o n t modo recte A b r a m i u m (Inventaire sommaire, I p. 240. 257. III p. 105), modo perperam A b r a h a m u m appellat (ibid. III p. 372. IV p. 1), nec magis probanda est rr. pp. I. Pargoire et S. Vaillhé constantia, a quibus Abramius noster Abraham vocatur (Pargoire, Revue des questions historiques, N. S. XXI, 1899, p. 94—97; Vaillhé, Revue de l'Orient chrétien, IV, 1899, p. 518 sq.). Exstare alia quoque istius modi errorum exempla obiter adnoto, veluti Act. SS. Octobris, t. XII p. 411 D («De A b r a a m o, episcopo Ephesino, monasterii A b r a a m i t a r u m fundatore»); ibid. p. 757 B («A b r a h a m o aut Abramio»); Ad Acta SS. supplementum, Parisiis et Romae 1875, p. 250 («Abramius vel A b r a a m u s Ep. Ephesi»); Du Cange Constantinop. Christian. IV, 6, 1 p. 80 (ed. Venetae) col. I, E («A b r a h a m i u s »).

2) Moschi Pratum [spirituale], cap. 97, col. 2956 A (Migne, P. G. LXXXVII, 3): Ἐλεγεν ὁ ἀββᾶς Ἰωάννης ὁ ἀναχωρητῆς, ὁ ἐπίκλην Πυρρὸς, ὅτι Ἀκήχοα διηγουμένου τοῦ ἀββᾶ Στεφάνου τοῦ Μωαβίτου. ὅτι, Ὡς ἤμην ἐν τῷ κοινοβλίῳ τοῦ ἁγίου Θεοδοσίου τοῦ μεγάλου κοινοβιάρχου, ἦσαν ἐκεῖ δύο ἀδελφοὶ κτλ.

3) λεγομένην equidem praetulerim.

4) ἐνήστευε malim.

5) θλίμην ed., quod correxi. Idem mendum cap. 187 col. 3065 B tollendum est.

σοι τὴν ψυχὴν τοῦ ἀδελφοῦ σου». ὡς οὖν ἀπέλυσε ὁ ἀββᾶς Ἀβράμιος τὸν ἀδελφόν, καὶ ἐξήλθεν ἐκ τοῦ κελλίου αὐτοῦ, ἰδοὺ καὶ ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ κράζων· «ἀδελφέ μου, λάβε με εἰς τὴν ἔρημον, ἵνα σωθῶ». εὐθέως οὖν λαβὼν αὐτὸν ἀπῆλθεν εἰς τὸ σπήλαιον πλησίον τοῦ ἁγίου Ἰορδάνου καὶ ἐνέκλεισε αὐτὸν, καὶ μετ' ὀλίγον χρόνον μεγάλως κατὰ τὸν Θεὸν προκόψας πρὸς πνεῦμα ἀπεδήμησεν· ἔμεινε δὲ ὁ ἀδελφὸς ἐν αὐτῷ τῷ σπηλαίῳ κατὰ τὸν ὄρκον, ἵνα ἐκεῖ τελειωθῇ καὶ αὐτός⁶⁾.

Ex hac igitur narratione praeter alia comperimus Abramium olim quidem⁷⁾ Abramitarum illud monasterium notissimum Constantinopoli constituisse, postmodo Hierosolyma abisse ibique alterum condidisse monasterium, quod Byzantium dicebatur⁸⁾, denique Ephesi archiepiscopum fuisse.

Archiepiscopus a Moscho iusto iure dicitur Abramius, cum Ephesum dioeceseos Asiae metropolin fuisse notum sit. Eandem appellationem codicem S praebuisse alterius sermonis Slavica ostendit interpretatio. Reliqui vero utriusque sermonis codices generaliore appellationem, quae est «episcopus», adhibent, propter quod apte conferri possunt huiuscemodi subscriptiones passim obviae: Μηνᾶς ἐλέφ Θεοῦ ἐπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως⁹⁾ Ῥώμης, ὁρίσας ὑπέ-

6) Mosch. l. c., col. 2956 sq.

7) Ambrosium Camaldulensem monachum, cuius interpretationem Latinam a. 1422 factam (cf. Migne l. c., 2847—48) «Λειμῶνος» Moschiani editioni suae Migne adiecit, illud πρῶτην minus recte per „nuper“ reddidisse (Migne l. c., 2955 C) obiter moneo.

8) De hoc monasterio, quod Moschus cap. 40 commemorat (col. 2892 D ὁ ἀββᾶς Βασίλειος ὁ πρεσβύτερος τῆς μονῆς τῶν Βυζαντίων), cf. S. Vailhé, l. c., p. 518 sq., ubi addendum est eiusdem monasterii presbyterum Pantoleonem fuisse, qui varios conscripsit sermones, veluti λόγον εἰς τὴν ὑψωσιν τοῦ τιμίου καὶ ζωοποιοῦ σταυροῦ (Migne, P. G. XCIII, 1265—69), cuius Slavica quoque exstat interpretatio in Magno Menologio Macariano edita (Великія Минеи Четии, собранныя всероссійскимъ митрополитомъ Макаріемъ), September (Petropli 1868—83), col. 718—721: «Пан'толива (fort. Пан'тольва reponendum est) презвитера церкви Визан'тискаиа, чтение на Въздвигеніе чест'наго и животворящаго Креста». — Illa «церкви Визан'тискаиа» parum recte intellexisse virum doctum, qui indicem composuit (Petropli. 1889), de quodam templo aut monasterio Constantinopolitano agi opinatum (p. 94 col. I), data occasione adnoto.

9) Hoc loco νέας intercideret quidem facillime potuisse nemo non videt, verum tamen quominus haec vocula inseratur, loci similes — veluti Mansi Concil. VIII, 959 A: Μηνᾶς ἀρχιεπίσκοπος Ῥώμης Κωνσταντινουπόλεως — obstare videntur.

γραφα. Ἰπάτιος ἐλέω Θεοῦ ἐπίσκοπος τῆς Ἐφεσίων μητροπόλεως τῆς Ἀσιανῶν ἐπαρχίας, ὀρίσας ὑπεσημηγνάμην ¹⁰⁾.

II.

Iam inquirendum nobis est, quonam fere tempore vixerit Abramius quibusque ferme annis sedem illam Ephesi episcopalem tenuerit.

Ac primum, quid de his rebus alii viri docti senserint aut quaenam ad utramque quaestionem solvendam contulerint, temporis ordine, ut par est, servato examinemus.

Primus quidem omnium, quantum sciam, Carolus Du Cange, de Abramitarum agens monasterio, de ipso quoque Abramio, ut par est, quaedam protulit, quorum tamen partem mox ipse Moschi ope correxit.

Etenim Moschi narratione illa nondum adhibita haec scripsit ¹¹⁾: < Abrahamii Monasterium ante Justinianum in Urbe ¹²⁾ stetit: subscribit enim in Concilio Constantinopolitano ¹³⁾ act. V. cum caeteris Urbis Constantinopolitanae Hegumenis Alexander ἀρχιμανδρίτης μονῆς τοῦ ἐν ἀγίοις Ἀβρααμίου ¹⁴⁾. Sed et Libello Monachorum ad Concil. Constantinop. sub Hormisda ¹⁵⁾ subscribit pariter Antoninus Ἀρχιμανδρίτης μονῆς τοῦ Ἀβραμίου ¹⁶⁾. Neque aliud videtur ab eo quod Ἀβραμαῖον vocat Theophanes ¹⁷⁾ et ex eo Paulus Diaconus lib. XXII. Hist. Miscellae, quo loco ajunt Nicetam Patriarcham Constantinopo-

10) Mansi Concil. VIII, 970 C, — ubi ὑπεσημηγνάμην (sic) typhotheta male dedit.

11) Historia Byzantina duplici commentario illustrata . . . Auctore Carolo Du Fresne Domino Du Cange (Paris. 1680, Venetiis 1729), II. Constantinopolis Christiana, lib. IV cap. 6 § 1, p. 117 ed. Parisinae, p. 80 col. 1 sq. ed. Venetae, qua utor.

12) Immo extra urbis muros situm erat Abramitarum monasterium, prope portam Auream ac monasterium SS. Deiparae ad Fontem (ἐν τῇ Πηγῇ), — cf. Constantin. Porphyrogen. De cerimon. p. 438, 7 ss. Bonn. et Vita Euthymii, V, 20 p. 17, 7 ss., atque Pargoire, Revue des quest. hist., N. S. XXI, 1899, p. 97, — a quo in adnot. 2 illum Vitae Euthymii locum minus recte (VI, 20) indicari obiter adnoto.

13) Quod a. 536 erat congregatum.

14) Mansi Concil., VIII, 1007 C. D.

15) Scil. a. 518.

16) Mansi, VIII, 1054 A, ubi sic legitur: Ἀντωνίνος πρεσβύτερος, καὶ ἀρχιμανδρίτης μονῆς τῶν Ἀβρααμίον, ὑπέγραψα.

17) Theoph. p. 443, 26 ed. de Boor.

litanum erasisse in eo sacras imagines anno XXVII. Copronymi. Qui quidem Abrahamius is videtur, cujus festum agunt Graeci XXIX. Octobris. Judaeus nempe ille, qui ex miraculo ad Christi imaginem ad aereum Tetrpylum, ex eo Αντιφωνητήν appellatam, patrato, ad idem Tetrpylum idem Monasterium excitavit, Heraclio imperante, in quo et ipse monachicam vestem induit, uti pluribus refert auctor Narrationis istius miraculi editus a Combefisio pag. 642. In Originibus Constantinop. ineditis ¹⁸⁾ haec lego: Αχειροποίητος ¹⁹⁾ ἐκτίσθη παρὰ τοῦ μεγάλου Κωνσταντίνου εἰς τὸ καθέζεσθαι ²⁰⁾ Ἀβράμιον τὸν μοναχὸν ἐκεῖσε, διὸ ἐκλήθη Ἀβραμίτου ²¹⁾. Quod si ita est, alius fuerit Abramius iste a Judaeo ».

In « Additamentis » vero « ad Constantinopolim Christianam » p. 9 col. II (ed. Venetae) post illud « Copronymi » sic legendum esse monuit: « Aedis istius conditor fuit Abramius Monachus, postmodum Ephesi Archiepiscopus, ut auctor est Ioannes Moschus in Limonario cap. LXXXVII ²²⁾. Proinde alius est ab Abramio, cujus festum agunt Graeci XXIX. Octob. Judaeo nempe illo qui, etc. », atque illis « Quod si ita . . . Judaeo » deletis haec reponenda: « Sed errare toto coelo Codinum, ex Joanne Moscho, omnino patet. Abramitarum Monasterium Αχειροποίητον etiam appellatum testatur praeterea Leo Diaconus lib. III. Histor. MS. ²³⁾ » et q. s.

Ante Iustiniani igitur imperium illud Abramitarum monasterium ab Abramio conditum fuisse rectissime agnovit Ducangius. Praeterea haud scio an Alexandri illius Abramitarum monasterii archimandritae subscriptione laudata, in cuius titulo iam sancti (τοῦ ἐν ἀγίοις) fit mentio Abramii, significare vir summus voluerit Abramium ante annum 536 diem supremum obisse.

Michael Le Quien episcoporum, qui quinto et sexto saeculis Ephesi sedem tenuere, hanc seriem constituit ²⁴⁾:

18) Script. orig. CP. ed. Preger, fasc. II p. 260, 8-10.

19) Ἡ δὲ Ἀχειροποίητος p. 260, 8 Pr.

20) καθέζεσθαι typhotheta (nimirum Venetus) male dedit.

21) Rectius διὸ καὶ ἐκλήθη Ἀβραμίτης (p. 260, 10 Pr.). — Interpretationem Latinam, quam deinceps addit Ducangius, ut par est, praetermitto.

22) Hic et contextum Graecum et interpretationem Latinam omitto.

23) Leon. Diac. III, 7 p. 47, 9 Bonn.

24) M. Le Quien Oriens Christianus, tom. I, Parisiis 1740, col. 676—683. — Cur quinti quoque saeculi episcoporum Ephesi indicem Lequienianum hic repetam, ex iis, quae infra exponam, legentes intellegent.

Heraclides in Antonini locum anno 400 exeunte mortui a s. Ioanne Chrysostomo anno 402 ineunte episcopus Ephesi ordinatus ²⁵⁾, sed iam anno 404 sede sua depositus ²⁶⁾.

Castinus — « Heraclidi suffectus » ²⁷⁾.

Memnon ²⁸⁾, — « quo sedente synodus Ephesina generalis habita est anno 431 », quique « multos annos synodo superstes . . . fuit » ²⁹⁾.

Basilius, qui « Memnonem excepit » ³⁰⁾, — quod quidem utique ante diem XXVII mensis Iunii a. 444 factum est, quippe quo die Cyrillus Alexandrinus decesserit, quo probante Basilius a Proclo Constantinopolitano episcopus ordinatus est ³¹⁾. — « Basilio paulo post promotionem suam mortuo, locum ejus obtinuit » ³²⁾

XXVII. Bassianus, « *haereticus* » ³³⁾, qui post annos quatuor hac sede depositus est. Quo facto creatus est Ephesi episcopus XXVIII. Stephanus ³⁴⁾, qui « concilii Chalcedonensis [a. 451]

25) Michaellem Syrum [*Chron.* VIII, 1: « Or, Jean étant allé à Éphèse, il y ordonna pour évêque son diacre Héraclides: mais ils ne l'acceptèrent point, et il fut contraint de s'attarder là », — *Chronique de Michel le Syrien patriarche Jacobite d'Antioche (1166—1199) éditée pour la première fois et trad. en franç. par J.-B. Chabot, t. II, Paris 1901, p. 5 med.] priore Socratis Hist. Eccles. recensione (VI, 23, 3* p. 725 Hussey; cf. ibid. VI, 11, 10 p. 693) usum esse patet.*

26) Cf. Reading ad Socrat. VI, 17, 1.

27) Cf. Le Quien, I, 676 sq.

28) « Simonem » hunc perperam vocat Eutychius Alexandrinus (Migne, *P. G.*, CXI, 1032 C).

29) Le Quien, I, 677 C et E.

30) Ibid., 678 A.

31) Mansi, VII, 293 B.

32) Le Quien, I, 678 B.

33) Monophysitam istum Bassianum fuisse inde elucet, quod « fidelem » eum Michael Syrus appellat, *Chron.* IX, 4 p. 141 col. II: « A Éphèse: le fidèle Bassianus, qui fut exilé, et à la place duquel entra l'hérétique Jean ». Praeterea conferri possunt, quae Ps.-Zacharias de Bassiano retulit p. 27, 4 sq. (« Als er [scil. Leo I Augustus] . . . erfuhr, [dass] . . . auch in Ephesos viele Morde bei dem Antritt des Joannes geschehen seien, nachdem Bassianos abgedankt hatte und geflohen war, um nicht das in Chalcedon Beschlossene zu unterschreiben, » et q. s. — Die sogenannte Kirchengeschichte des Zacharias Rhetor in deutscher Uebersetzung herausgegeben von K. Ahrens G. Krüger, Lpz. 1899), — nimirum cum Krügeri adnotatione (p. 314).

34) Nullam omnino huius Stephani mentionem nec a Ps.-Zacha-

... definitionibus Act. 4. et 6. pro se, suaeque provinciae Asiae episcopis absentibus suffragatus est. Ejus vero, Bassianique causâ Act. 11. disceptatâ haec Patrum sententia fuit, *neque Bassianum, neque Stephanum reverendissimos, dignos esse qui in civitate ista sint episcopi* ³⁵⁾. — « Absoluta synodo Chalcedonensi [a. 451 mense Octobri exeunte], episcopi Asiae . . . Ephesi convenientes episcopum ibidem legitimum constituerunt ³⁶⁾, qui fuit

XXIX. Ioannes II., ut recte Le Quien coniecit ³⁷⁾, — quae viri clarissimi coniectura et a Ps.-Zacharia passim ³⁸⁾, et a Michaele Syro ³⁹⁾ confirmatur. Hunc autem Ioannem

XXX. Paulus *haereticus* (monophysita) excepit ⁴⁰⁾, qui sub Zenone Augusto anno 474 sede sua depositus, anno insequenti (475) sub Basilisco restitutus, anno 477 sub Zenone rursus Epheso expulsus est. « Quis vero ejus locum obtinuerit, incertum est » ⁴¹⁾.

[XXXI] ⁴²⁾ Aetherius. — « Ex vita S. Joannis silentiarii, τοῦ ἡσυχαστοῦ, quae exstat inter Acta Sanctorum ad diem 13. Maii fertur *Aetherium* Asiae regionis archiepiscopum in Palaestinam loca sancta adoratum venisse, tum conscensa navi ut in regionem suam repedaret, vento Ascalonem versus rejectum, atque in somnis monitum, ut Joannem silentiarium in Laura S. Sabbae inviseret, eumque tamquam sanctum propter episcopalem unctionem veneraretur, qui dignitatem illam suam sedulo hactenus celaverat. *Ἀνὴρ τις ἐκ τῆς μὲν Ἀσιασῶν ὀρμώμενος χώρας, Αἰθῆριος δὲ καλούμενος, τῇ τάξει ἀρχιεπί-*

ria neque a Michaele Syro fieri obiter moneo (cf. adnot. 33), nec latet causa, cur horum neuter illum agnoscere voluerit.

35) Le Quien, I, 679 C. D.

36) Ibid., 679 D. E.

37) Ibid., 679 E.

38) L. c. p. 21, 5. 26, 29. 27, 3 [adn. 33]. 55, 34 [adn. 40]. 57, 3.

39) *Chron.* IX, 4, quem locum in adn. 33 protuli.

40) Cf. Ps.-Zachar. p. 55 sq.: « In Ephesos Joannes, der an die Stelle des Bassianos trat, und Paulos, der verbannt wurde und infolge der Enkyklika zurückkam und wieder verbannt wurde », atque Michaelis Syri *Chron.* IX, 4 p. 141 sq. col. II: « Après lui [l'hérétique Jean] vint Paulus, qui fut chassé. Il revint grâce à l'Encyclique; puis il fut de nouveau chassé parce qu'il ne reçut pas le synode [scil. de Chalcedoine] ».

41) Le Quien, I, 680 E.

42) Cum ipse Le Quien modo monuerit, quis Paulo illi haereticos successerit, incertum esse, unde per se intellegitur pro certo quidem nequaquam adfirmari posse Aetherium re vera XXXI-um Ephesi episcopum fuisse, — et hunc numerum et eos, qui deinceps a M. Le Quien adduntur, uncis, ut par est, inclusi.

σκοπος ἦν⁴³). Atqui illo aevo archiepiscopus in Asia nemo appellabatur praeter quam Ephesinus Pontifex. Claruit vero ille, ut apparet, sub Anastasio Imper. >⁴⁴).

[XXXII]. Hypatius I. — « Sub Justino I. qui post Anastasium Imperium auspicatus est anno 518. ⁴⁵) Constantinopolitanam ecclesiam regente Epiphano, Ephesi sedebat *Hypatius* catholicus, qui . . . divino Sabbae archimandritae in Regiam urbem e Palaestina advenienti obviam ivit, eumque ad Imperatorem deduxit, quemadmodum in ejusdem S. Sabbae vita fertur ⁴⁶) Anno autem 536. Constantinopolitanae synodo, quae . . . Anthimum . . . haereticum proscripsit, aderat et ipse Hypatius, ejusque decretis subscripsit >⁴⁷).

[XXXIII]. Andreas — « Ephesi episcopus sedebat . . . , quo tempore Mennas Constantinopoli. Nam exemplo primo professionis Fidei, quod Vigilius Papa Constituto suo inseruit, Mennas subscripsit, Theodorus quoque [Ascidas] Caesareae [Cappadociae], et *Andreas Ephesinus episcopus*: qui subinde synodo Quintae [a. 553] adfuit atque subscripsit >⁴⁸).

[XXXIV]. Procopius *haereticus* (Iulianista) — sub Iustiano ⁴⁹).

[XXXV]. Abramius, — quo de potiora Le Quien e Moschi excerpit narratione ⁵⁰).

[XXXVI]. Rufinus. — « Ephesi *Rufinus* episcopus sedebat, anno 597. Indict. XI. ⁵¹) quo sanctus Gregorius Papa data illi

43) Hunc contextum Graecum non satis accurate a viro clarissimo adferri obiter moneo, nam *ἐκ μὲν τῆς* pro illis *ἐκ τῆς μὲν*, tum *Αἰθέριος* pro *Αἰθήριος*, denique *ὄν* pro *ἦν* illius vitae cap. 15 (Acta SS. Maii, t. III, Antverpiae 1680, p. 19* C) leguntur.

44) Le Quien, I, 680 sq.

45) Per operarum errorem 513 legitur (col. 681 B).

46) Cap. 70 p. 341 ed. Cotelerii.

47) Le Quien, I, 681.

48) Ibid., 681 sq.

49) Ibid., 682. — De isto Procopio infra uberius agam.

50) Ibid., 683 A, -- ubi typhothetae errorem (37 pro 97) corrigendum esse obiter moneo.

51) Immo — indict. XV mense Octobri, i. e. anno 596, — cf. Gregorii I papae Registrum epistolarum, t. I, ediderunt P. Ewald et L. M. Hartmann, Berolini 1891 (Monum. Germaniae hist., Epistolarum t. I), p. 453 ep. VII, 11 atque p. 441. — E verbis, quibus haec incipit epistola (p. 453, 31: «Amicitiarum vestrarum antiqua nos caritas movit fraternitatem vestram scriptis praesentibus visitare.») haud scio an colligendum sit Rufinum non paucis annis ante a. 596 sedem Ephesi episcopalem obtinuisse.

epistola sui Regesti 11. clericum commendabat, qui ne legere quidem sciret >⁵²).

Itaque sub finem fere VI saeculi — vel, ut paulo quidem cautius dicam, aliquanto post Quintam demum synodum generalem (a. 553) — Abramium Ephesi episcopum fuisse Le Quien existimavit.

Henricus Matagne, cuius „De Abramio, episcopo Ephesino disquisitio critica“ anno 1867 publici facta est iuris⁵³), duos discernit Abramios, quorum alterum — nempe monachum illum, cuius Ps.-Codinus (p. 260, 9 Pr.) meminit⁵⁴), — Constantini Magni temporibus vixisse, alterum autem olim quidem Iudaeum fuisse⁵⁵), cum tota tamen familia < a Iudaismo recessisse circa annum 537 >⁵⁶) moxque presbyterum ordinatum esse opinatur, — scilicet < unum eundemque esse Abramium, Ephesinum postea archiepiscopum, qui Cpoli Abramitarum aedes, Hierosolymis vero Byzantium monasterium condidit, et Iudaeum illum [quo de in narratione a Combefisio edita agitur⁵⁷] qui eodem ferme tempore tam generose sua bona divino cultui mancipavit >⁵⁸), suspicatus, — quamquam hunc Abramium Iudaeum a Sergio archiepiscopo Constantinopolitano (a. 610—638) sub Heraclio baptizatum atque presbyterum factum fuisse diserte fabulosa illa refert narratio⁵⁹). Notandum tamen est ipsum H. Matagne libere confiteri coniecturam suam, cuius modo mentionem feci, a se neutquam esse demonstratam⁶⁰).

52) Le Quien, I, 683 B.

53) Acta SS. Octobris, t. XII (Parisiis et Romae 1867), p. 757—762.

54) Hic Ps.-Codini locus est supra adlatus (p. IX).

55) Matagne, l. c. p. 760 A (n. 10).

56) Ibid., p. 761 E (n. 15 extr.).

57) *Διήγησις ψυχωφελῆς περὶ τῆς τοῦ Κυρίου εἰκόνης τῶν Χαλκοπρατείων, δι' ἣν αἰτίαν ἐκλήθη Ἀντιφωνητής, καὶ περὶ Θεοδώρου ναυκλήρου καὶ Ἀβραμίου τοῦ Ἐβραίου*, — Fr. Combefis, Graeco-latinae patrum Bibliothecae novum Auctarium, II (Hist. haeres. monothel.), Parisiis 1648, col. 612—644.

58) Matagne, l. c. p. 760 B.

59) Combefis, l. c., col. 640 B. 641 D.

60) Matagne p. 760 B. C: «*Quam profecto opinionem si debitis probationibus munire potuissem, Abramio suus dandus erat locus inter sanctos. Verum, probationis defectu, extra sanctorum ordinem de eo disputare placet. Posito igitur utrumque Abramium unum esse virum, perperamus in excutiendis quae de Iudaei ad fidem conversione enarrantur, rati ea omnia ad monasterii Abramitarum fundatorem etiam pertinere*»; cf. etiam p. 759 B (§ I).

In quaestione vero de episcopatus Abramii tempore solvenda Michaelis Le Quien sententiae Matagne accedit nec sine causa: nam « *quoniam ergo* » inquit « *sat longo temporis spatio post annum 537, Abramius ad episcopatum Ephesi electus est, Michaeli Lequien, qui eum ante Rufinum, saeculo VI exeunte ex epistola S. Gregorii ponendum, trigesimo quinto loco inter episcopos Ephesinos collocavit, necesse est assentiri* »⁶¹⁾, — quorum verborum nullam rationem vir doctus habuisse videtur, qui « *indicem chronologicum* » composuit, cum in hoc indice haec legantur: « *Saeculo VI ineunte vixit Abramius judaeus, qui ad fidem conversus, presbyter et forsitan episcopus factus est 760 et seqq.* »⁶²⁾.

Praeterea commemorandum est non modo Abramios illos duos, verum etiam monasteria duo ab H. Matagne discerni, quorum alterum — « *in urbe Abramitarum monasterium, extra moenia autem civitatis, prope portam auream,* » alterum — « *S. Abramii ascesterium exstitisse, prius ab Abramio quodam post annum 500, posterius a Constantino [Magno] conditum* »⁶³⁾ opinatur; sed de ista viri doctissimi opinione nequitquam sane probanda mox infra suo loco agetur.

Nicodemus Kondakov in commentatione sua de aetatis Byzantinae aedibus sacris et monumentis Constantinopolitanis anno 1886 Odessi edita, monasteria Constantinopoli ante saeculi VI initium condita brevissime enumerans, in his etiam « *Abraamii sive Abramitarum* » monasterium commemorat, adnotans (huius conditorem) sanctum Abraamium, cuius memoria die 29 Octobris colitur, circa a. 360 decessisse⁶⁴⁾, — unde iam quarto saeculo (nimirum sub Constantino Magno) illud monasterium conditum fuisse opinari virum clarissimum colligendum est. Ps.-Codini videlicet loco supra laudato (p. IX) in hunc errorem inductus est, verum tamen nullam omnino in his rebus fidem Ps.-Codino habendam esse evidentissime Pargoire demonstravit⁶⁵⁾, certissimis gravissimisque nisis documentis, quibus evincitur ne vestigium quidem monachi anno 378 Constantinopoli

61) Matagne p. 762 B (n. 18).

62) Acta SS. Octobris, t. XII p. XXIII col. 2.

63) Matagne p. 758 n. 4.

64) Н. Кондаковъ Византійскія церкви и памятники Константинополя, Одесса 1886, p. 36: «До начала VI вѣка мы знаемъ (по именамъ) слѣдующіе монастыри въ Византіи: Авраамія или Авраамитовъ*)», et in adnotatione: «Преп. Авраамій (день 29 окт.) ск[ончался] около 360 г.»

65) Pargoire, l. c. [adn. 12] p. 101 ss.

fuisse ⁶⁶) neque ulla monasteria ibidem anno 384 exstitisse nisi s. Isaacii monasterium ⁶⁷).

Marin quoque abbas in dissertatione sua de monachis Constantinopolitanis, quae anno 1897 prodiit, Abramii episcopatum ad quartum refert saeculum, Abramitarum autem monasterium ab illo Constantiniana ferme aetate conditum esse perperam opinatur, — nimirum ab eodem illo Ps.-Codino in istum errorem inductus ⁶⁸). Quae cum iam Pargoire (p. 100—111) disertissime refellerit, commemorasse, ut par est, satis habeo.

Ehrhard (apud Krumb.³ [1897] p. 164, 3) Abramii episcopatum ad VI refert saeculum, M. Le Quien videlicet sententiam secutus.

Iulius Pargoire, quem virum clarissimum praematura nuper morte litteris, de quibus optime est meritis, raptum esse valde

66) Vita s. Isaacii n. 5: ὁ δὲ [scil. Οὐάλης] τὸ εὐτελὲς καὶ ξένον τοῦ σχήματος [s. Isaacii] ἰδὼν καὶ θαυματούνητα [leg. θαυματούνητα] γηράλεον, ὡς λήρου περιφρονήσας, οὐτε λόγον ἠξίωσεν αὐτόν· οὐ γὰρ ἦν τότε ἐνταῦθα ἕχνος μοναχοῦ (Acta SS. Maii, t. VII, Antverpiae 1688, p. 250 E [p. 246 c citat Pargoire p. 102 adn. 1]) atque ibid. n. 16 p. 257 A [p. 252 b citat Pargoire p. 103 adn. 1]: καὶ ὁ Κύριος . . . εὐδόκησεν αὐξῆσαι τὴν λογικὴν πολίμνην τοῦ θεράποντος αὐτοῦ. ὡσπερ γὰρ μεγαλόφωνος σάλπιγξ ἤχουσα διανίστησι πολλοὺς εἰς παράταξιν πολέμου, οὕτως ἡ οὐράνιος πολιτεία τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἰσαακίου, παντὶ [an πάντῃ legendum?] τε καὶ πανταχοῦ ᾄδομένη, εἰς τὴν ἀγγελικὴν ταύτην τῆς ἀσκήσεως πολιτείαν ἐχειραγωγῆσεν· οὐ γὰρ ἦν ἐνταῦθα ἕχνος μοναχοῦ, — minimeque comprobari possunt, quae ad hunc locum editores reverentissimi adnotarunt (p. 258 C, annotat. b): «Nempe, invalescente post Constantini mortem Arianismo, desolata fuerant quae ipse et mater ejus construxerant in urbe monasteria, Monachis fidei causa dilapsis», cf. Pargoire p. 105—117.

67) Ἄλλ' οὐτε ἐν τῇ φαιδοῦ Κωνσταντίνου πόλει ὑπῆρχον τότε μοναστήρια, εἰ μὴ μόνον τὸ τοῦ μεγάλου Ἰσαακίου, Callinici Vita s. Hypatii, monasterii Rufiniani in Bithynia hegumeni, n. 4 (Acta SS. Junii, t. III, Antverpiae 1701, p. 310 sq.); cf. Pargoire p. 101. 104.

68) Marin Les moines de Constantinople depuis la fondation de la ville jusqu' à la mort de Photius (330—898), Paris 1897, p. 7: «Probablement aussi vers la même époque, un moine qui devient dans la suite archevêque d'Éphèse ([adnot. 4] Vita Euthymii, éd. de Boor, V, 20), Abramius, fonda dans le quartier «de la Source» ([adnot. 5] Du Cange, *ibid.*, addit., p. 9, ad. 80, d'après Jean Moschus) près de l'endroit où devait s'élever le château des Sept-Tours, en dehors de la ville, non loin de la Porte dorée, le monastère d'Abramius ou des Abramites ([adnot. 6] *Const. christ.*, IV, 55, 80, 126. — *Anonym.* [Bandur.], 49, 532)», — ubi adnotationum 4 et 5 alteram in alterius locum transponendam esse obiter moneo.

doleo, in egregia illa sua commentatione, quae « Les débuts du monachisme à Constantinople » inscribitur⁶⁹⁾, anno 1899 publici iuris facta, aliter atque priores viri docti de episcopatus atque obitus Abramii tempore iudicavit.

Ac primum quidem Henrici Matagne opinionem diligenter examinat vir clarissimus, qua ille credit duos esse discernendos Abramios⁷⁰⁾, eamque nequaquam certis firmisque niti argumentis⁷¹⁾ acute arguteque demonstrat, sic ratiocinatus p. 94 sq.: « Aux yeux du P. Matagne, le fondateur des Abrahamites mentionné dans le *Pré spirituel* ne peut s'identifier avec l'Abraham déjà canonisé et patron d'une maison religieuse en 518. Par suite, le monastère de Saint-Abraham signalé à cette date par la signature de son higoumène (Labbe, *Coll. Concil.*, V, col. 174) doit nécessairement se distinguer du monastère des Abrahamites.

Je n'oserais dire que ce raisonnement soit concluant.

Et tout d'abord, une remarque. En 536, Alexandre signe: ἀρχιμανδρίτης μονῆς τοῦ ἐν ἁγίοις Ἀβρααμίου⁷²⁾. Mais est-il bien vrai que le supérieur de 518, Antoine ou Antonin⁷³⁾, emploie la même

69) Revue des questions hist., N. S. XXI, 1899, p. 67—143.

70) Cf. supra p. XIV.

71) Matagne p. 758 C. D: « Circa annum forsitan 520 in urbe regia surrexisset monasterium Abramitarum, quod certe, etiamsi nihil de origine monasterii S. Abramii sciretur, obstaret quominus alterum cum altero confunderemus. Jam enim anno 518 libello monachorum ad synodum Cypolitanam subscribebat Antonius, ἀρχιμανδρίτης τῆς μονῆς τοῦ ἐν ἁγίοις Ἀβρααμίου (Labbe, tom. V, col. 174). Viro autem adhuc in vivis aut non pridem defuncto ultima haec nequaquam conveniunt. Indicant sanctum notissimum, quales tunc temporis Cypoli fuerunt tantum sanctus Hebraeorum patriarcha, et Abramius asceta, Mariae avunculus, Contra appellatio Abramitarum significat potius discipulos sive alumnos viri alicujus praeclari, nondum cultu publico aucti, perinde ac a Studio patricio Studitae nomen suum traxerunt. »

72) Sic „libello monachorum ad Mennam patriarcham totamque synodum [anni 536] dato“ subscripsit hic Alexander, — Mansi, VIII, 1007 C: Ἀλέξανδρος ἐλέω Θεοῦ πρεσβύτερος, καὶ ἀρχιμανδρίτης μονῆς τοῦ ἐν ἁγίοις Ἀβρααμίου, ὑπογράψας ἐπέδωκα, — ubi Ἀβρααμίου reponendum esse iam supra (p. V adn. 1) monui; cf. eiusdem Alexandri subscriptionem eodem anno factam (Mansi, VIII, 986 D): Ἀλέξανδρος ἐλέω Θεοῦ πρεσβύτερος, καὶ ἀρχιμανδρίτης μονῆς τοῦ ἐν ἁγίοις Ἀβρααμίου ὑπογράψας ἐδέθη [leg. ἐδέθη θην].

73) Notandum est hunc archimandritam in praescriptione libelli a monachis Constantinopolitanis synodo Constantinopoli anno 518 congregatae oblatis Antonium (Mansi, VIII, 1050 D Ἀντωνίου), in sub-

expression? D'après Mansi, il s'intitule simplement ἀρχιμανδρίτης μονῆς τοῦ Ἀβρααμίου⁷⁴⁾. Le titre de saint n'entre point dans la formule. N'est-ce pas un indice qui permet de rajeunir Saint-Abraham?

L'espace qui sépare les deux homonymes et défend d'en faire une seule et même personne s'en trouve sensiblement rétréci. Il en devient même si facile à combler qu'on peut tenter l'opération. >

Tum computatione, quam Matagne propter illud κατ' ἐκεῖνον τὸν καιρὸν⁷⁵⁾ Moschianum fecit⁷⁶⁾, gravibus quibusdam firmisque argumentis refutata, quibus vel centum fere annorum spatio interiecto memoriam alicuius facti per colloquia servari propagarique in posteris posse evincitur⁷⁷⁾, sic pergit vir clarissimus (p. 95 sq.): < Ce n'est

scriptionibus *Antoninum* (ibid., 1054 A, v. infra adn. 74) vocari. Horum nominum posterius, utpote omnino rarius usurpatum, potius quam illud pro genuino habendum est, ut mea quidem fert opinio, unde in libelli supra laudati praescriptione Ἀντωνίνοῦ restituendum esse puto. Similiter Ἀντωνίνος genuinum, nimirum per librarium negligentiam, in *Antonius* corruptum est apud Mansium, VIII, 1126 D atque 1115 E (cf. 1127 D).

74) Num recte ille *Antoni*<n>*us* ἀρχιμανδρίτης τῆς μονῆς τοῦ ἐν ἄγλοις Ἀβραμίου ab H. Matagne (p. 758 C) dicatur Concil. editionem Labbeanam laudante („tom. V, col. 174“), iusto sane iure Pargoire subdubitatur, sed ipse quoque Antonini titulum minus accurate profert, quippe cuius subscriptio sic apud Mansium (VIII, 1054 A) legatur: Ἀντωνίνος πρεσβύτερος, καὶ ἀρχιμανδρίτης μονῆς τῶν Ἀβραμίου, ὑπέγραψα.

75) Cf. supra p. VI.

76) Matagne p. 758 B. C: < Non facile est annum determinare ad quem istud per idem tempus referatur. Etenim Joannes Moschus hic enarrat quae circa annum 600 audivit ab abbate Joanne Rutilo, qui ipse dicta Stephani Moabitae tradit (Cfr. Fabricius, Bibl. Graeca, ed. Harles, tom. X, pag. 124 et 125). Quis divinare potest quot anni post historiam a Stephano enarratam effluxerint? Ponamus vel sexaginta annos: vix ultra hoc spatium haec memoria ascenderit. > (Quae deinceps leguntur, iam supra in adn. 71 prolata sunt).

77) Pargoire p. 95. — Quin etiam vel duplicari fere illud temporis spatium posse disertissime ipsius Moschi cap. 195 demonstrat, ubi haec leguntur (col. 3077 A. B): Ὅταν ἡμῶν ἐν Ἀλεξανδρείᾳ, Λεόντιος Ἀπαμεύς, ἀνὴρ φιλόχριστος καὶ εὐλαβής, ἦλθεν ἀπὸ Πενταπόλεως καὶ ἐν συντυχίᾳ γεγονότων ἡμῶν, διηγήσατο ἡμῖν λέγων, ὅτι Ἐπὶ Θεοφίλου τοῦ μακαρίου πάπα Ἀλεξανδρείας [a. 385—412] γέγονεν ἐπίσκοπος ἐν Κυρήνῃ Συνέσιος ὁ φιλόσοφος [nat. c. a. 370, mort. c. 413], κτλ.

pas cent ans d'ailleurs, ni même quatre-vingt-dix, ni même à la rigueur quatre-vingts qu'il nous faut. Supposons en effet qu'Abraham soit parti de Constantinople pour Jérusalem vers 515; qu'il soit mort vers 529, après avoir passé, par exemple, dix ou onze ans dans son couvent palestinien des Byzantins et trois ou quatre sur le siège métropolitain d'Éphèse, il s'ensuivra que la composition du *Pré spirituel* pourra n'avoir suivi que de soixante-quinze ans l'événement où le fondateur des Abrahamites joua son rôle. Trois moines qui se relaient sont facilement à même de conserver une tradition pendant trois quarts de siècle.

Le pontificat d'Abraham se placerait ainsi aux années qui précèdent immédiatement 530. Le siège d'Éphèse est libre jusqu'à cette date. Si Lequien semble y asseoir Hypatius dès le règne de Justin Ier (*Oriens christianus*, I, 681 b), c'est une méprise de sa part, car l'histoire ne commence à mentionner Hypatius qu'à propos du second voyage de saint Sabas à Constantinople, et ce voyage se rapporte au mois d'avril 531. Il serait même de 532, si l'on en croyait ce qui est affirmé, au prix d'une contradiction, dans tel autre passage de l'*Oriens christianus* (III, p. 191). »

Itaque Abramii episcopatum ad annos fere 527—529 vel 526—529, obitum ad annum fere 529 referri posse Pargoire non sine probabilitatis quidem specie coniecit, — ut reliquas eiusdem coniecturas simul prolatas intermittam, — verum tamen illarum neutra viri clarissimi coniectura confirmari mox infra demonstrabo (cap. III), novis quibusdam adiutus subsidiis.

S. Vailhé de Byzantium agens monasterio, quod Abramius Hierosolymis considerat, strictim enarrat, quae Pargoire coniecit, eaque omnia omnino probare videtur⁷⁸).

Denique Hippolytum Delehaye commemorare mihi liceat, qui ad s. Matronae vitae I cap. 6: 'Ακάκιος δέ τις ἀνὴρ εὐλαβῆς, καὶ αὐτὸς ἀρχιμανδρῆτης ὑπάρχων τῆς εἰς τὸ Τρίτον μονῆς τοῦ θεόφρονος Ἀβραμίου, κτλ.⁷⁹), haec adnotavit: « Abramii monasterium unum est ex antiquissimis urbis regiae coenobiis. Ducange, *Constantinopolis christiana*, t. II p. 117—18⁸⁰). Quae protulisse satis habeo.

78) Vailhé, Répertoire alphabétique des monastères de Palestine, — Revue de l'Orient chrétien, IV, 1899. p. 518 sq.

79) Acta SS. Novembris, t. III, Bruxellis 1910, p. 793 E.

80) Ibid., p. 793 adnot. 2.

III.

Iam priorum virorum doctorum sententiis de Abramii episcopatus vitaeque tempore expositis partimque refutatis ipse quoque, ut par est, ad has quaestiones solvendas progrediar.

Ac primum quidem notandum est falli Iulium Pargoire opinatum ad annos, qui a. 530 proximi praecedunt, referri posse Abramii nostri episcopatum, Hypatiique decessorem fuisse Abramium. Nam Theosebio (monophysitae) successisse Hypatium Michael Syrus testatur, qui — nimirum Ioannis Ephesii Historiam Ecclesiasticam exscribens excerpensve — haec, Chabotio interprete, refert⁸¹⁾: « A cette époque, Theosebius, archevêque d'Ephèse, fut requis de monter à la ville impériale pour recevoir le synode de Chalcédoine. Il demanda un délai de trois jours et alla se prosterner devant l'autel, priant, veillant et jeûnant. Au bout des trois jours, il convoqua les clercs et leur dit: „Maintenant, pourvoyez-vous d'un évêque, car je m'en vais vers le Maître de tous les rois, pour ne pas m'associer à ceux qui divisent le Christ en deux natures.“ — La nuit même il mourut, et chacun admira la vertu de sa prière. — Il eut pour successeur Hypat[ius], qui fut reconnu manichéen et fut déposé. — Andreas lui succéda. »

Iam inquiramus necesse est, quonam fere tempore iste Theosebius decesserit.

Eo quidem Michaelis Chronicorum capite (IX, 30), unde modo de Theosebio protuli narrationem, praeter aliquot haereses sub Iustiniano ortas — de rebus ecclesiasticis, quae post Theodorae Augustae mortem (Iun. 11 a. 548) annis 548—553 acciderunt, agi animadvertendum est⁸²⁾. Intra hos tamen annos Theosebii obitus nequam

81) Chronique de Michel le Syrien, vol. II p. 250 sq., col. 2.

82) Ibid. p. 248—262. Quod caput sic inscribitur: „*Du synode que Justinianus* (II supplendum, conl. p. 190. 205. 220. 241. 262 al., cum Iustinus quoque a Michaele Syro — scilicet Syrorum more scriptorum, cf. Chabot ad *Chron.* IX, 12 p. 169 adn. 1, — Iustinianus vocetur, interdum « *primi* » vel « *senioris* » atque adeo harum utraque addita appellatione, quod in libri IX capitis 20 titulo legitur, — p. 189: « *De l'époque de la fin de la vie de l'empereur Justinianus Ier l'ancien* ») *rassembla à Constantinople et qu'on appelle Cinquième synode; de la persécution qu'il fit subir aux Orthodoxes [monophysitas Michael intellegit]; et des hérésies qui surgirent de son temps.*“ — Ceterum notandum est illis, quae de Theosebii morte dicta sunt, praemitti uberiorem de Constantini episcopi Laodiceae Syriae morte narrationem

collocari potest, quippe cuius successorem Hypatium iam mense Aprili anni 530 sedem Ephesi episcopalem tenuisse e s. Sabae vita a Cyrillo Scythopolitano conscripta perspiciatur⁸³). Quin etiam si ea, quae

illi aliquatenus adsimilem (p. 249 sq. col. II), quam Ps.-Dionysius quoque adfert, ad annum 855 (= a. D. 544) eam referens, quaeque breviter a F. Nau sic enarratur: «L'empereur donna trois jours à celui-ci (Constantin) pour se décider à adhérer au concile de Chalcedoine. Il répondit: „Dieu ne permettra pas que je voie encore ton visage dans trois jours.“ Il mourut en effet deux jours après, et l'empereur fut si frappé de cette prophétie qu'il diminua un peu sa persécution» (*Revue de l'Orient chrétien*, II, 1897, p. 486; — cf. infra adn. 86). Hunc Constantinum a. 510 episcopum ordinatum esse Marcellinus v. c. comes testatur, — Chron. minora ed. Mommsen, II p. 97, 19: «Constantinus olim magister militiae episcopus Laodiciae ordinatus», ubi quidem aut «ordinatus est» cum codice S(anctomerensi, saec. XI) reponendum, aut lectionis antiquissimi illius T(ilianus, saec. VI), qui *ordinatus* tantum praebet, ratione habita «ordinatur», conl. p. 88, 30. 90, 22. 99, 19. 22. 33, legendum esse equidem existimaverim; «est ordinatus» autem (ut p. 87, 7) minus probatur.

83) Cyrilli Scythopol. Vita s. Sabae, ed. Cotelierius (Eccles. Graec. monum., III, Lutet. Paris. 1686), cap. 70 p. 340 sq. = p. 400,7 ss. ed. Pomialovskii, qui quidem contextum Graecum Cotelierianum repetisse satis habuit (Житие св. Савы Освященнаго, составленное св. Кирилломъ Скиѳопольскимъ, въ древне-русскомъ переводѣ, изд. И. Помяловскій, Спб. 1890): ἀνέρχεται (s. Sabas) ἐν Κωνσταντινουπόλει περὶ τὸν Ἀπρίλλιον μῆνα τῆς ὀγδόης ἰνδικτιῶνος (hoc [CIV² secutus reposui, ἰνδικτιῶνος ed., PV¹ corr., ἰνδικτιῶνος V¹ pr.). τοῦ δὲ πατριάρχου γράμματα προαποστειλαντος τῷ βασιλεῖ, τὴν τοῦ Θείου Σάβα παρουσίαν μνημόντα (sic cum VS legere malui, μνημόντα ed.), ὁ Θεοφύλακτος ἡμῶν βασιλεὺς περιχαρῆς γεγονώς, τοὺς βασιλικοὺς ἀπέστειλε (ἀπέστειλεν V) δρόμονας εἰς ἀπάντησιν (συνάντησιν V) αὐτοῦ, μεθ' ὧν ἐξῆλθον οἱ περὶ τὸν πατριάρχην Ἐπιφάνιον καὶ τὸν πάπαν (Πάπαν ed.) Εὐσέβιον καὶ τὸν ἐπίσκοπον Ἐφέσον Ὑπάτιον (ὑπαντήσαι αὐτῷ add. CV: om. ed. atque S). — C littera codicem Parisinum 502 notavi, cuius lectiones Cotelierius p. 626 ss. adtulit, P — Parisinum 1609, ad cuius fidem facta est editio Cotelieriana, S — codicem Graecum, quo interpres Slavus usus erat, V — Vindobonensem hist. Gr. 28 Lamb., 31 Ness., a memet ipso conlatum. — Hoc (alterum) s. Sabae iter Constantinopolitanum Le Quien *Or. Chr.* I, 681 B (v. supra p. XII) ad Iustini quidem aetatem rettulisse videtur, sed istud sane mero viri clarissimi lapsus debetur, quoniam alio eiusdem operis loco, illam s. Sabae Vitam enarrans Cyrillianam, hoc iter anno 532 factum esse ait, — *Or. Chr.* III, 191 B: «Porro senex horum episcoporum hortationibus parens Constantinopolim pergat ad mensem Aprilem Nonae (X.) Indictionis (an. Chr. 532. quo 94. aetatis agebat et etiam obiit, ut infra dicitur)», — quod tamen et ipsum

Ioannes Ephesius de monophysitarum persecutione ab Iustino inde a primo imperii sui anno facta refert, respexerimus, colligamus inde necesse est iam Iustino regnante (518—527) decessisse Theosebium.

Haec enim apud Michaellem Syrum de primis imperii Iustini annis agentem legimus, *Chron.* IX, 13 (vol. II p. 170 sq. col. I): «*Jean d'Asie dit: „Nous sommes incapable d'écrire sur les évêques qui furent persécutés à cette époque; car ils étaient de villes éloignées, et ils finirent leur vie en divers exils. Nous parlerons de ceux qui se sont rencontrés à Alexandrie et à Constantinople, dans la familiarité [p. 171 col. 1] desquels nous nous sommes trouvés⁸⁴).* — Après le départ de saint Severus d'Antioche⁸⁵), on chassa: [*enumerantur deinceps 52 episcopi, qui synodum Chalcedonensem Iustino regnante recipere noluerunt⁸⁶); in quibus X loco Con-*

quin falsum sit, dubitari nequit. Nec rectius ad annum 531 idem iter referunt Fr. Loofs (Leontius von Byzanz und die gleichnamigen Schriftsteller der griech. Kirche, I, Lpz. 1887, p. 288) atque Pargoire l. c. p. 96 (v. supra p. XVIII), quorum ille vir doctissimus Vitae s. Sabae loco supra adlato indictionis nonae mentionem fieri ait (p. 278, 8 a), — idque et codicibus omnibus et editionibus invitis, capite autem 74 p. 348 Cot. (p. 428, 16 sq. Pom.): *κατέπλευσεν* (s. Sabas) *ἐπὶ Παλαιστίνην μὴνὶ Σεπτεμβρίῳ τῆς ἐνάτης ἰνδικτιῶνος* (sic cum [C]V² lego, *ἰνδικτιῶνος* PV¹ ed.), hanc nonam indictionem per errorem pro decima indicatam esse contendit (p. 279), — nimirum utrumque perperam.

84) Cf. *Chron. Syriacum* „ad annum Domini 846 pertinens“, quod saec. VIII exeunte compositum posteaque ad a. 846 continuatum edidit E.-W. Brooks, interpretatus est I.-B. Chabot (*Corpus scriptt. christian. orientalium*, curantibus I.-B. Chabot, I. Guidi, H. Hyvernats, B. Carra de Vaux. *Scriptores Syri. Versio. Ser. III, tom. IV, Parisiis 1903*), p. 171, 25-31, quae ex eiusdem Ioannis Ephesii *Historia Ecclesiastica* sunt hausta iisdemque fere verbis atque apud Michaellem Syrum enarrata.

85) Cf. Michaelis Syri *Chron.* IX, 12 p. 170 col. 2: «*il partit en la première année de Justinianus (Justin), qui est l'an 832 [immo 829] des Grecs*», — atque Clinton *Fasti Romani*, I p. 737.

86) Cf. *Chron. Syriaci* supra laudati p. 171, 31—173, 16, quae ex eodem illo fonte hausta itidem ad Michaelis narrationem proxime accedunt (cf. adn. 87), atque Pseudo-Dionysii Tell-Mahrensii *Annalium* partem III (quam ex Ioannis Ephesii *Hist. Eccles.* libro II excerptam esse perspexit F. Nau, qui eandem in *Revue de l'Orient chr.*, II, 1897, p. 456—493, breviter enarravit) ad a. 829 [= a. D. 518] (Nau, l. c. p. 467 sq.; G. Krüger [adn. 33] p. 361 sq. ad Pseudo-Zachar. p. 158, 13; Chabot ad Michaelis *Chron.* IX, 13 p. 171—173).

stantinus ille Laodicensis (v. adn. 82), *XL autem loco commemoratur p. 172 col. 1*] Theosebius d'Éphèse, qui fut requis de monter à la ville impériale et d'accepter le Synode; il demanda trois jours, alla se prosterner devant l'autel et pria: le troisième jour, il mourut⁸⁷⁾. — Eandem igitur atque *Chron. IX, 30* hoc loco legimus de Theosebii obitu narrationem, nisi quod illa hac uberior est⁸⁸⁾.

Iam vero si quis scire voluerit, quonam tandem modo factum sit, ut secum dissentiret Ioannes Ephesius Theosebii mortem et ad Iustini, et ad Iustiniani aetatem referens⁸⁹⁾, ipsum audiat de huius-

87) Cf. *Chron. Syriacum*, p. 173, 9: „Theosebius Ephesi; is requisitus ascendere in urbem imperialem, ut acciperet synodum, se prostravit coram altari et die tertia mortuus est“.

88) Hanc de Theosebio fabellam secundum Pseudo-Dionysii interpretationem Kleynianam (H. G. Kleyn Bijdrage tot de Kerkgeschiedenis van het Oosten etc., Utrecht 1891, p. 8—12, quem librum nancisci nondum potui) breviter enarrans G. Krüger perperam opinatus est, „dass er nach Konstantinopel zur Synode (von 536) berufen worden und dort am dritten Tage gestorben sei“ (l. c. p. 361 ad Ps.-Zachar. 158, 13), — vix enim ipsi Pseudo-Dionysio istiusmodi errores tribuendi sunt. Immo Ephesi Theosebium decessisse ex uberiore illa de eius obitu narratione supra adlata (p. XIX) perspicitur, neque ullo mehercle modo ad concilium Constantinopolitanum a. 536 habitum evocari potuit, quippe quem iam Iustino regnante mortuum esse certissimum sit.

89) Quem errorem ne quis per meram Michaelis Syri neglegentiam ortum esse opinetur, eundem in Pseudo-Dionysii quoque Annalibus deprehendi notandum est. Haec enim apud Pseudo-Dionysium de Iustiniani tempore agentem leguntur (Krüger interprete, cui Nau Francogallicam huius loci suppeditavit interpretationem): „Folgende waren orthodox und verfolgt: Theodosios, Patriarch von Alexandrien, Sergius, Patriarch von Antiochien; in Konstantinopel Anthimos Patriarch; Theodosios [*immo Theosebios*] von Ephesos, Thomas von Damaskos“, cett. (G. Krüger l. c., praefat. p. XXXIX). — Similiter *Theosebios* genuinum in *Theodosios* per librarii neglegentiam corruptum est in Michaelis Syri *Chron. VIII, 11* codice (cf. Chabotii adnot. 9 ad vol. II p. 83), quo *Chron.* capite Ioannis episcopi Maiumensis *Πληροφορίας* q. d. Michael enarrat (p. 83 § LIV). — Pleniorem ipsius Ioannis de hoc Theosebio narrationem in *Revue de l'Orient chrétien*, III, p. 368 sq., a F. Nau ex *Πληροφοριῶν* (cap. LVII) versione Syriaca Francogallice redditam hic totam haud ab re adferre duco: «Le Père Paul, qui demeurait avec le Père André, alors vieillard et chef de monastère, racontait l'histoire suivante. Au temps du concile de Chalcedoine, je vivais en tranquillité avec mon frère Théosèbe. C'était un homme éloquent, et qui possédait les sciences profanes. Il était perplexe au sujet du dogme des deux natures, et

modi erroribus passim obviis semet semel excusantem, *Hist. Eccl.* part. III lib. II cap. 50⁹⁰).

Quonam anno Theosebius sub Iustino diem supremum obierit eique successerit Hypatius, certo quidem definiri non posse vix est quod moneam; verum tamen eius rei ratione habita, quod et dioecesis Asiana non longe abest a Constantinopoli, et persecutionem illam a primo imperii Iustini anno fieri coeptam esse constat⁹¹), veri simil-

demanda au Seigneur de lui témoigner ce qu'il devait croire à ce sujet, et qui il devait suivre de ceux qui refusaient d'admettre les deux natures ou de ceux qui les admettaient. Saint Jean l'Évangéliste lui apparut et lui dit: „Celui qui existe depuis le commencement et qui s'est révélé à nous, comme vous le savez, nous l'avons vu de nos yeux et nous l'avons touché de nos mains dans le Verbe de vie“ [cf. Ioann. *Ep.* I, 1, 1]. — Après ce témoignage, il n'eut plus d'hésitation et prêcha la vérité.» — Hic Theosebius monophysita haud scio an non diversus fuerit ab homonymo illo Ephesi episcopo, quem et ipsum monophysitam fuisse manifestum est.

90) „Weil aber vielleicht manche Hochgebildete, die zufällig diese Geschichten lesen, Tadel über den Verfasser verbreiten könnten, weil er die Erinnerung einer einzigen Thatsache in vielen Capiteln zerstreut und vereinzelt vorbringt, so sollen diejenigen, die sich darüber beklagen, wissen, dass die Mehrzahl dieser Geschichten zur Zeit der Verfolgung und Noth aller jener Feindseligkeiten geschrieben wurden und dass wir mit genauer Noth die in diesen Capiteln beschriebenen Blätter, sowie andere Urkunden und Schriften für verschiedene Hospize geflüchtet haben. Manchmal lagen sie gegen zwei oder drei Jahre hier und dort verborgen und es traf sich, dass wenn die Dinge an's Licht treten sollten, die der Verfasser zur Aufzeichnung in den Erinnerungen bringen wollte, er ihrer schon in früheren Capiteln gedacht hatte. Da aber die früheren Blätter nicht bei der Hand waren, um zu lesen und zu erfahren, ob es schon geschrieben war, so erinnerte er sich nicht daran, was oben schon beschrieben worden. Aus diesem Grunde findet sich auch ein und derselbe Gegenstand in (vielen) mehreren Capiteln erwähnt, da ihm die Zeit in der Folge nicht einmal mehr leicht und bequem deren Vergleichung gestattete“ (Die Kirchen-Geschichte des Johannes von Ephesus. Aus d. Syr. übs. von J. M. Schönfelder, München 1862, p. 88). — Hanc Ioannis excusationem non in tertiam tantum eius operis partem, sed in priorum quoque utramque quadrare opinor, cf. Land, Ioannes Bischof von Ephesos, der erste syrische Kirchenhistoriker, Leyden 1856, p. 57, atque Wright A short History of Syriac Literature, London 1894, p. 102 = Райтъ, Краткій очеркъ исторіи сирійской литературы, перев. съ англ. К. А. Тураевой, подъ ред. и съ дополн. проф. П. К. Коковцова, СПб. 1902, p. 71.

91) Cf. Michaelis Syri *Chron.* IX, 12 p. 169 sq., Ps.-Dionys. ad a. 829 (= a. D. 518), quae a F. Nau l. c. p. 467 enarrantur,

limum esse equidem existimaverim Theosebii mortem nec non Hypatii ordinationem episcopalem ad annos fere 518—519 vel 518—520 esse referendas⁹²).

Quae cum ita sint, iam Le Quienii quoque confirmari videmus priorem illam opinionem, ab ipso quidem viro clarissimo prorsus nullo fultam argumento, quin etiam ex ipsius errore, sane salutari, ortam⁹³), — scil. Hypatium iam sub Iustino Ephesi episcopatum obtinuisse.

Iam vero, cum huius Hypatii successorem Andream fuisse, quem Quinto concilio generali (a. 553) interfuisse notum est, Michael Syrus diserte testetur, utrum ante hanc synodum an post eam demum Ephesi episcopatum obtinuerit Abramius, inquiremus necesse est.

Quae quaestio quomodo solvenda sit, diserte docet Alexandri monasterii ab ipso Abramio Constantinopoli conditi archimandritae plenior ille titulus, qualem ipsius praebent subscriptiones anno 536 factae iamque supra (adn. 72) prolatae, — ἐλέω Θεοῦ πρεσβύτερος καὶ ἀρχιμανδρίτης μονῆς τοῦ ἐν ἁγίοις Ἀβραμίου⁹⁴), — unde aliquanto ante annum 536 diem supremum obisse Abramium elucet. Namque operae, opinor, pretium non est ineptam illam futillemque Henrici Matagne opinionem supra (p. XIV med.) commemoratam refutare, quippe quae altera eaque vel ineptiore eiusdem potissimum nitatur coniectura, cui plus iusto indulgens persuasit quidem sibi vir doctissimus, nequaquam tamen demonstravit, — ut ipse quoque libere confessus est (cf. adn. 60), — «*unum eundemque esse Abramium, Ephesinum postea archiepiscopum, . . . et Judaeum illum*», quem a Sergio archiepiscopo Constantinopolitano saeculo VII sub Heraclio baptizatum et presbyterum ordinatum fuisse fabulosa tradit narratio, quam publici fecit iuris Combefisius⁹⁵). Quod autem ad alterum illius opinionis columen firmamentumque attinet (Pseudo-Codinum dico), ad ea, quae supra (p. XIV sq.) monui, legentes relegare satis habeo.

Episcoporum Ephesi, qui quinto saeculo fuere, indice Lequieniano (p. X sq.) inspecto continuam eorum inde a Memnone usque

atque Joseph Lebon Le monophysisme Sévérien. Lovanii 1909, p. 66 sqq., nec non H. Gelzer Abriss der byzant. Kaisergesch. [in Krumbacheri Gesch. der byzant. Litt.²] p. 929.

92) Cf. praeterea L. Hallier Untersuchungen über die Edessische Chronik, Lpz. 1892, p. 125 sq.

93) Cf. supra p. XII atque adnot. 83.

94) Mansi, VIII, 986 D. 1007 C; cf. adn. 72.

95) Cf. supra p. XIII.

ad Paulum seriem videmus, unde colligamus necesse est aut inter Castinum et Memnonem Abramio nostro locum esse adsignandum, — nisi quidem Castinum Memnon exceptit, ut iam a Castino usque ad Paulum continuam episcoporum seriem fuisse statuamus, — aut post expulsam demum (anno 477) Paulum sedem Ephesi obtinuisse Abramium.

Sed inter Castinum et Memnonem neutiquam collocari potest Abramius, quippe quem post conditum demum in Palaestina s. Theodosii monasterium (a. 460—470), nec statim quidem, sed non paucis sane interiectis annis, Ephesi episcopum ordinatum fuisse certissimum sit. Nam κατ' ἐκεῖνον τὸν καιρὸν (ut Moschi verbis utar), quo fratrum alteri praedixit ὁ θεὸς Ἀβράμιος Dominum donasse illi alterius animam, quod et continuo confirmatum est (p. VI sq.), — quoque Stephanus ille Moabita in s. Theodosii coenobio degebat (adn. 2), — tunc quidem temporis condebat (ἔκτιζεν) Abramius ipsius monasterium τὸ ἐπιλεγόμενον τῶν Βυζαντιῶν, in quo aedificando fratres quoque illi cum aliis operis artificibusque ἔκαμνον ἐκεῖσε ἐργασίας (p. VI), — „ministrantes caementariis“, ut addit Ambrosiana interpretatio ⁹⁶).

Illud vero s. Theodosii τοῦ μεγάλου κοινοβιάρχου monasterium intra annos fere 460—470 conditum fuisse Vailhé docuit, sic ratiocinatus ⁹⁷): «Il est difficile de préciser la date de la fondation. Nous savons que saint Théognius, venu en Palestine en 454 ⁹⁸), se retira à Saint-Théodore ⁹⁹) après avoir habité quelque temps Gethsé-

96) Migne, P. G., LXXXVII, 3 col. 2955 D. — De Ambrosio Camaldulensi cf. supra adn. 7.

97) S. Vailhé, Revue de l'Orient chrétien, V, 1900, p. 287.

98) Rectius dicendum est *intra Aug. 25 anni 454 et Aug. 24 a. 455* venisse in Palaestinam s. Theognium, quippe quem Hierosolyma quinto imperii Marciani anno venisse Cyrillus testetur Scythopolitanus (Vita s. Theognii, cap. 1 p. 22, 5 sq. ed. A. Papadopuli-Keramei [Православный Палестинский Сборникъ, XI, 2, СПб. 1891]), cumque singuli imperii Marciani anni ab Augusti die 25 computari notum sit, cf. Clinton, Fasti Romani, I p. 648. — Eandem in computando indiligentiam apud van den Gheynium quoque deprehendi obiter moneo: J. van den Gheyn Saint Théognius, évêque de Bétélie en Palestine, *Revue de questions histor.*, N. S., VI, 1891, p. 565: «la cinquième année du règne de l'empereur Marcien, c'est-à-dire en 454». Hanc van den Gheynii laudans commentationem Vailhé (l. c. p. 290 adn. 2) illius ephemeridis paginas parum recte indicat — «p. 397 à 429» (ubi prorsus alia Caroli de Smedt legitur commentatio) pro «p. 559—576», quod data occasione adnoto.

99) Cf. Pauli Helladici Vitam s. Theognii, cap. 5 p. 4, 29 ss., ed. Papadopuli-Keramei (Правосл. Палестин. Сборн., XI, 2): κολλη-

mani ¹⁰⁰), puis à Calamon ¹⁰¹), et fonda enfin son couvent en 475 ¹⁰²). La fondation de Saint-Théodose doit donc se placer entre les années

Θεις τῷ Θεοφιλεστάτῳ καὶ δσιωτάτῳ ἀρχιμανδρίτῃ Θεοδοσίῳ, ἀνδρὶ διαβοήτῳ, συνώκησεν αὐτῷ ῥητοὺς ἐνιαυτούς, atque Cyrill. Scythopol. l. c., cap. 2, p. 23, 1 ss.: ἐρχεται πρὸς τὸν τρισμακάριον ἀββᾶν Θεοδοσίον. καὶ μείνας παρ' αὐτῷ ἱκανὸν χρόνον, καὶ βλέπων τὴν μονὴν τῆ τοῦ Θεοῦ συνεργία κατὰ μέρος πληθύνομένην καὶ πλουτιζομένην . . . ἀνεχώρησεν εἰς τοὺς περὶ τὴν αὐτὴν μονὴν τόπους καὶ εὐρὼν σπήλαιον κατέκησεν εἰς αὐτό.

100) I. e. in Flaviae monasterio, — *διπερ μοναστήριόν ἐστι (leg. ἔστιν) ἔξω τῆς ἀγίας πόλεως, ἐν τῷ τόπῳ τῷ καλουμένῳ Γεθσημανῆ (Paul. Hellad. l. c., cap. 4 p. 3, 29 sq. P.-K.). — Hoc monasterium circa a. 450 conditum esse Vailhé opinatur (Revue de l'Orient chrétien, IV, 1899, p. 535: «vers 450»), — videlicet eorum tantum ratione habita (cf. ibid. p. 535 sq.), quae Paulus Helladicus l. c., cap. 3 extr. atque 4 inc. narrat (p. 3, 22 ss.). Equidem Cyrillum Scythopolitanum sequendum esse reor, qui haec de s. Theognio refert l. c., cap. 1 p. 22, 5 ss.: ἐλθὼν δὲ ἐν Ἱεροσολύμοις τῷ πέμπτῳ ἔτει τῆς Μαρκιανοῦ βασιλείας, . . . ἐκολλήθη γυναικί τινι ἐναρέτῳ Φλαῖτᾳ (Φλαῖτα vel — conl. Paul. Hellad. l. c. p. 3, 23 — Φλαβία equidem praetulerim) . . . καλουμένη, . . . κτιζοῦσα τοτηρικαῦτα (scrib. τὸ τηρικαῦτα) περὶ τὸ ὄρος τῶν Ἐλαιῶν μοναστήριον καὶ ἐκκλησίαν τοῦ ἀγίου μάρτυρος Ἰουλιανοῦ ἧς αὐτὸν δεξαμένη καὶ ἐπὶ ἱκανὸν δοκιμάσασα χρόνον καὶ δόκιμον καὶ ἐνάρετον εὐρούσα διοικητὴν τοῦ αὐτοῦ κατέστησε μοναστηρίου, — unde cum colligendum sit ne annis quidem 454—455 (cf. adn. 98) peraedificatum fuisse Flaviae monasterium, hoc anno fere 453 condi coeptum, post annum demum 455 absolutum esse existimaverim.*

101) Hanc lauram (τοῦ Καλαμῶνος τοῦ ἐν τῷ ἀγίῳ Ἰορδάνῃ, cf. Mosch. *Prat.* cap. 163, col. 3029 C) intra annos 452—470 conditam fuisse Vailhé opinatur (*Revue de l'Orient chr.*, IV, p. 520), quod equidem potius ad annos fere 452—465 referendum esse putaverim, — cf. quae infra de tempore, quo s. Theodosii monasterium est conditum, accuratius definiendo agens profero. — Quam diu s. Theognius in laura τοῦ Καλαμῶνος manserit, non dicit quidem Paulus Helladicus (cf. eius *Vitam s. Theognii*, p. 5, 27 [adn. 102]), quoniam tamen Cyrillus huius laurae ne verbo quidem mentionem facit (cf. adn. 99), iusto sane iure inde collegit van den Gheyn (l. c., p. 570) non diu ibi mansisse s. Theognium.

102) Cf. Pauli Hellad. l. c. p. 5, 27 ss.: καὶ μετὰ ταῦτα χάριτι τῆς προνοίας τοῦ Καλαμῶνος ἀποστάς τόνδε τὸν τόπον κατέλιπε καὶ εὐρὼν σπήλαιον κατέκησεν αὐτῷ (immo αὐτὸ aut saltem <ἐν> αὐτῷ legendum; εἰς αὐτό dicit Cyrillus Scythopol. p. 23, 12 [adn. 99]) μόνος, (p. 6, 5) πεντηκοστὸν δὲ, νομίζω, τῆς ζωῆς ἧγεν τότε ἔτος. Quod intra Febr. 8 anni 474 et Febr. 7 anni 475 factum esse ex eiusdem Vitae cap. 23 extr.

460 et 470 », — legentes simul delegans in adn. 3 ad « *Acta S. Theognii* dans les *Anal. Bolland.*, t. X, p. 86 ». Paulo autem supra circa a. 465 conditum fuisse illud s. Theodosii monasterium dicit vir doctissimus¹⁰³), nimirum commoditatis causa hunc medium proponens numerum.

Vitae s. Theodosii a Cyrillo Scythopolitano conscriptae recensionem primariam, quam codex V(aticanus 1589) saeculi X servavit, si adierimus¹⁰⁴), vel anni, quo s. Theodosii monasterium

efficitur (p. 16, 12 ss.): τὸ δὲ πνεῦμα ὡσπερ χρυσὸν καθαρόν εἰς χεῖρας τοῦ Σωτῆρος παρέθετο, ἐπιτὰ καὶ ἐνετήκοντα ἐτῶν περιόδους τελέσας ἕως ὀγδόης ἡμέρας τοῦ τῆς πεντεκαίδεκάτης ἰνδικτιῶνος Φεβρουαρίου μηνός (i. e. Febr. 8 anni 522), unde anno 425 s. Theognium natum esse apparet, — cf. van den Gheyn l. c. p. 566 (ubi per calami sane lapsum haec scripsit vir doctissimus: „il mourut, comme nous l'apprend le moine Paul, le 15 février 522“; qui error etiam p. 560 deprehenditur, sed postmodo corrigitur, cf. p. 574 sq.). — Καὶ ὀλίγον χρόνον ἐκέισε ἡσυχάσας, τὴν ἐξ ὕψους δύναμιν ἐνδυσάμενος, χρόνια πάθη παραδόξως ἰάτω καὶ θαυματουργίας πλείστας ἐπέτελει. ὁθεν περιφημος γεγονώς, κίττει ἐναντῶ κατὰ πρόσβασιν κοινόβιον περιφανέστατον (Cyrilli Vita s. Theognii, p. 23, 12 ss.; cf. Paul. Hellad. l. c. p. 6, 6 ss. 22 ss.), — unde iam anno 475 fere exeunte aut 476 ineunte hoc s. Theognii monasterium conditum condive coepitum esse colligendum est.

103) Vailhé l. c. p. 286 («vers 465»).

104) Alteram eiusdem Vitae recensionem — eamque deterio-rem, utpote interpolationibus magis inquinatam (quod quidem Caroli Krumbacher omnino fugisse diligentiam miror) — codex L(aurentianus pl. XI, 9) saec. XI ineuntis (a. 1021 scr.) praebet, ad cuius fidem hanc vitam Usener edidit (Der heilige Theodosios. Schriften des Theodoros und Kyrillos, herausgg. von H. Usener, Lpz. 1890, p. 105—113). — Ad quam edendam utrumque codicem (VL) adhibendum esse libentissime quidem Krumbachero concedo adfirmanti (Studien zu den Legenden des hl. Theodosios — in *Sitzungsber. der philos.-philol. und der histor. Classe der k. b. Akad. der Wiss. zu München*, Jahrgang 1892, München 1893 — p. 254), verum tamen duce V(aticano) codice contextum Graecum constituendum esse utique contendo, licet ne hunc quidem codicem interpolatione prorsus carere illud μαρκιανόν genuino illi Μαρίνον (p. 107, 4 Usen.) sine dubio propter p. 107, 20 sq. Μαρκιανῶ τῶ ἀνωτέρω μνημονευθέντι male substitutum (cf. Krumbacher l. c. p. 255) nec non ὡς εἰπεῖν pro ὡσεὶ genuino (p. 106, 4) repositum diserte demonstrent.

Interpolationum autem, quae in L deprehenduntur, haec adferam exempla (cf. Krumbacher p. 251—253): p. 106, 20 χρόνου δὲ τινος διελθόντος L atque B(arberinianus Gr. IV, 74 saec. XVII ineuntis) ex V transscriptus, ubi cum V χρόνον δὲ διελθόντος

conditum est, certo definiendi facultatem ibi nobis dari videbimus. Nam haec praebet recensio modo laudata, quibuscum p. 111, 7—14 editionis Usenerianae conferendi sunt: χρόνον τοίνυν ἐτῶν πεντήκοντα¹⁰⁵) ἐν ταύτῃ ἀγωνισάμενος τῇ ἐρήμῳ καὶ ἀθλήσας καὶ στεφανίτης ἀναδειχθεὶς, καὶ πολλοὺς καὶ ἀναριθμήτους

scribendum esse reor (cf. ex. gr. Paul. Hellad. l. c. p. 6, 28), licet apud eundem Cyrillum in Vita s. Theognii p. 23, 17 plane eadem illa χρόνου δέ τινος διελθόντος legantur; 106, 22 αὐτὸς L: om. V; 106, 25 sq. ψηφίζονται Θεοδοσίον εἰς τὴν τοῦ Καθίσματος ἐκκλησίαν ἡγούμενον L, ubi τῆς — ἐκκλησίας ex V reponendum; 107, 6. 7 παρ' αὐτῶν ἐκμανθάνει, οὗς κτλ. L: ὑπ' (fort. ἀπ' legendum, conl. Malal. p. 77, 10 Bonn.) αὐτῶν ἐκμαθεῖν, οὐσινας V; 107, 9 ἐπὶ χρόνους τινὰς L: ἐπὶ χρόνον τινὰ V; 107, 12 σημείων L: μιλίων B, μηλίων V; (107, 15 ἔπειτα δὲ L: ἔπειτα V); 107, 23 ὑπ' αὐτοῦ L: om. V; (108, 11 πάσῃ τῇ L: om. V); 111, 2 πετρῶν L (cf. p. 3, 6): πετρεῶν V — nimirum pro Πευραίων, cum Πευρεὺς nusquam reperiri videatur; 111, 7 — v. infra adn. 105; 111, 12 — v. infra adn. 106; 111, 14 — v. infra adn. 109; 111, 26 ἐκάστου L: om. V; 112, 13 μάμαν δνόματι L: καλούμενον μάμαν δνόματι V; 112, 27 γὰρ L: δὲ V.

Nec Theodorea s. Theodosii Laudationi eundem interpolatorem pepercisse haec evincunt exempla: p. 14, 22 Usen. κατόκισεν L de suo male addit (cf. Krumbacher p. 285); 26, 16 ἐφάνη L pro εὐρέθη; 38, 5 οὐδὲ εἰς ὀβολός L pro οὐδὲ ὀβολός; 73, 25 ἀνάπλεων L pro ἀνάμεστον; 83, 7 πλείστον L pro πλείονα τῶν; 92, 7 εἰ δὲ μή, οὐ γένηται L pro καὶ ἐὰν μή, οὐ γένηται; 97, 7 τὰ δσα τῆς τούτου καταθέσεως L pro τὰ δσα τούτου καταθέσια; denique 16, 19 θεὸς ὄρων L notandum est, ubi Krumbacher p. 290 interpolationem quidem agnoscens («L hat θεὸς aus θεωρῶν herauswendiert») simul in omnium optimi codicis P(arisini 513, saec. X) librarium ab interpolandi studio prorsus abhorrentem invehitur, eius indolem sic per mirum sane in modum describens: „der Kopist P, der sich durchaus als einen unachtsamen, stumpfsinnigen Menschen erweist,“ Quae notasse, ut par est, satis habeo.

105) Pro his verbis — χρόνων (sic) τοίνυν ἐκατὸν πέντε L praebet, ubi χρόνους parum feliciter reposito haec Usener adnotavit p. 196: „χρόνους ἐκατὸν πέντε hat Th[eodosios] gelebt (s. 94, 23), aber nicht in der wüste verlebt, in die er nicht vor ende der 60er jahre des V jh. gekommen sein kann“. Nec quidquam aliud nisi haec adnotasse satis habuit Krumbacher p. 254 sq.: „Sehr beachtenswert ist auch die Lesart von V S. 111, 7; vgl. die Bemerkung von Usener zu dieser Stelle S. 196“, — ne subodoratus quidem videlicet profecto impudentissima eaque ineptissima inquinatum esse h. l. codicem L interpolatione — nimirum ab eodem falsario (adn. 104) Cyrillum illum Scythopolitanum Laudationis a Theodoro conscriptae (p. 94, 23 Usen.) ope corrigere auso.

εὐσεβείας ἀγωνιστὰς καὶ νικηφόρους ἀναδείξας, καὶ εἰς βαθὺ γῆρας ἐλάσας, ἀρρωστία σωματικῇ περιέπεσεν (s. Theodosius) καὶ ταύτη ἐπὶ χρόνον¹⁰⁶) εὐχαρίστως ἐγκαταρτήσας εἰς χεῖρας Θεοῦ τὸ πνεῦμα παρέθετο πρεσβύτης καὶ πλήρης ἡμερῶν¹⁰⁷), τὸν ἑκατοστὸν σχεδὸν τῆς αὐτοῦ¹⁰⁸) ἡλικίας φθάσας ἐνιαυτὸν¹⁰⁹).

106) ἐπὶ χρόνου V, quod correxi: περὶ χρόνον («dh. etwa ein jahr» Usener ad p. 111, 12) L, quod eidem interpolatori tribuendum esse reor, conl. Theodori p. 90, 1 ἐνιαυτὸν γὰρ ἐπὶ κραβάτου κείμενος κτλ.

107) Cf. Cyrilli Scythopol. Vita s. Sabae, cap. 70 p. 392, 18 ss. Pom. (p. 339 Cot.): ἀρχομένον τοῦ ἐνενηκοστοῦ πρώτου τῆς τοῦ ἁγίου πατρὸς ἡμῶν Σάβα ἡλικίας χρόνου, ὃ ἐν ἁγίοις ἀββᾶς (Ἀββᾶς ed.) Θεοδόσιος τέλει τοῦ βίου ἐχρήσατο, μηρὶ Ἰαννουαριῶ ἐνδεκάτη (ἐνδεκ. ed. atque CV), <τῆς ἐβδόμης (ἐβδ. V) ἰνδικτιῶνος (ἰνδικτιῶνος V¹) — ex CVS supplendum>, πρεσβύτης καὶ πλήρης ἡμερῶν.

108) αὐτοῦ sine ulla repono dubitatione, cum αὐτοῦ, quod VB praebere ait Krumbacher p. 252, per meram librarii negligentiam propter subsequentia illa ἡλικίας φθάσας ἐνιαυτὸν (sic VB, Krumbachero teste) dittographice ortum esse rear.

109) Verba τὸν ἑκατοστὸν — ἐνιαυτὸν om. L, quod quin ab eodem interpolatore de industria sit factum, vix quisquam, opinor, dubitabit, conl. adn. 105. — Apud Theodorum p. 94, 22 ss. haec leguntur: ἐτη δὲ ζήσας ρε μικρῶ πρὸς ἢ ἕλαττον προσετέθη μετὰ τῶν πατέρων αὐτοῦ, ubi — ut hoc primum dicam — προσετέθη traditum (94, 23) nequaquam ferri posse vel illa μετὰ τῶν πατέρων subsequentia, quae neutiquam pro τοῖς πατέρας accipi posse patet, ostendunt, ut mea quidem fert opinio. Immo vel κατετέθη restituendum est, conl. ex. gr. Vitae s. Danielis Stylitae supra (adn. 1 p. V) commemoratae § 230 extr. αὐτὸς δὲ εἰσαχθεὶς κατετέθη ὑποκάτω τῶν ἁγίων μαρτύρων, Vita s. Constantini M. a M. Guidi edita (in *Rendiconti della R. Accademia dei Lincei, classe di scienze morali, storiche e filol.*, S. V, vol. XVI, Roma 1907) p. 653, 6. 10 (egregie se fefellisse eo nomine Guidium, quod huius Vitae recensione antiquiorem (B littera ab ipso notatam) pro secundaria, recentiore autem (A) pro primaria habuit, data occasione adnoto, quo de mox alibi uberius agam), Leon. gramm. q. d. (ed. Bonn.) p. 104, 14. 111, 22. 114, 7. 130, 19, — vel ἐτέθη simplex, conl. eiusdem illius Vitae § 214 ἐαυτὸν δὲ θέλει εἰς τὰ κατώτατα μέρη τῆς γῆς τεθῆναι, Leon. gramm. p. 162, 6. 105, 15. 112, 22. 115, 19. 136, 19. 155, 20. 180, 18, — nisi forte (me quidem invito) ἀπετέθη praestare putandum est, propter quod conferri possunt Leon. gramm. p. 88, 4. 95, 12. 105, 11. 107, 22. 91, 16. 107, 21. 105, 17.

Iam vero, cum s. Theodosium annos fere 105 vixisse a Theodoro, fere 100 — a Cyrillo dici videamus, utri horum maior fides

Verum tamen, cum s. Theodosium anno 529 Ianuarii 11 diem supremum obisse constet, quin illa ἐτῶν πεντήκοντα falsa sint, dubitari nequit, quippe quae colligere nos cogant anno 479 ineunte illud s. Theodosii monasterium conditum fuisse, quod quidem concedi neutiquam potest, cum hoc coenobium vel ante annum 475, quo fere anno s. Theognius suum condidit monasterium, iam exstitisse certissimum sit.

Iam vero, quoniam id quoque pro certissimo utique adfirmari potest non ipsi Cyrillo Scythopolitano, sed merae librariorum negligentiae tam gravem tribuendum esse errorem, istum corrigere conemur necesse est.

Itaque sanando illi loco leniora sane medicamina circumspicientes, si quidem πεντήκοντα <πέντε> scribendum proponeremus, — eius scilicet rei ratione habita, quod ε̄ ante illud εν subsequens facillime intercidere potuisse nemo non videt, — profecto nihil fere inde proficeremus, cum, quominus anno demum 474, vel ineunte, Theodosianum illud coenobium conditum fuisse concedamus, praesertim Pau-

habenda sit, exoritur quaestio, — si quidem reapse ε̄, non ε̄ (illo ε̄ fere ex ε[τη] male incepto minusque accurate expuncto orto), Theodorus, ἐκατοστόν, non ἐκατοστόν <πέμπτον>, Cyrillus scripsisse putandi sunt. Equidem in hac quaestione solvenda Theodori testimonium Cyrilliano praeferendum esse existimaverim, quoniam et ipsius s. Theodosii discipulum Theodorum fuisse illius Laudationis ab hoc conscriptae ait titulus (p. 3, 7 Usen.), et admodum probabilis esse videtur Useneri coniectura (l. c., praefat. p. IX), qua credidit, iam anno 530 Ianuarii 11, i. e. anno tantum post s. Theodosii obitum transacto, hanc Laudationem a Theodoro pronuntiatam esse, et ceteroqui Theodorum magistri sui vitam accuratius quam Cyrillum narrare videmus, — veluti s. Theodosium Hierosolyma profectum esse ὑπὸ τὰ τελευταῖα τοῦ τῆς εὐσεβοῦς λήξεως Μαρκιανοῦ Theodorus p. 8, 20 refert, Cyrillum vero si audimus, — ἦλθεν εἰς τὰ Ἱεροσόλυμα ἐπὶ τῆς βασιλείας Μαρκιανοῦ τοῦ Θεοφιλοῦς (p. 105, 16); cf. praeterea Theodorea illa ἐνιαυτὸν γὰρ ἐπὶ κραβάτου κείμενος κτλ. (p. 90, 1 ss.) cum illo ἐπὶ χρόνον Cyrilliano (v. supra p. XXIX). Verum tamen, quoniam anno natus esset s. Theodosius, nec Cyrillum neque Theodorum certo novisse inde perspicitur, quod horum neuter quaestionem modo commemoratam attigit, cf. Theodor. p. 6, 8 ss., Cyrill. p. 105, 6 ss. atque supra adn. 107. — Ceterum notandum est, — id quod iam supra significavi, — per meram librarii negligentiam, nimirum homoeoteleuto favente, post illud ἐκατοστόν Cyrillianum πέμπτον, Cyrillianum et ipsum, facillime intercidere potuisse. Qua coniectura si verum tetigi, iam optime Cyrilli Theodorique testimonia inter se congruere apparet.

linum illud ῥητοῦς ἐνιαυτοῦς¹¹⁰⁾ obstare appareat, nec illud ἑκανὸν χρόνον Cyrillianum¹¹¹⁾ in annum ferme paucosque sane menses admodum apte quadrare videatur, per quos scilicet s. Theognius in monasterio mansisse Theodosiano putandus foret, si quidem hoc coenobium anno demum 474 — vel ineunte, inquam — conditum fuisse concederemus¹¹²⁾.

Quae cum ita sint, aliam ingrediamur emendandi viam oportet.

In illius Vitae s. Theodosii Cyrillianaе codice archetypo χρόνον τοίνυν ἐτῶν ξ̄ε̄ ἐν ταύτῃ κτλ. scriptum fuisse equidem existimaverim; quae cum postea in alium quendam codicem transscriberentur, huius librarium primum quidem χρόνον τοίνυν ἐτῶν ἐξήκοντα ἐν ταύτῃ κτλ. scripsisse, ommissa scilicet illa alterius numeri nota (ε̄), — quod propter illud ἐν subsequens perfacile accidere potuisse iam supra monui, — mox tamen errore perspecto πέντε supra versum, idque hunc fere in modum — ^{πέντε} ἐξήκοντα, addidisse suspicor, unde posteriorum librariorum neglegentior quidam genuinum illum numerum (ἐξήκοντα πέντε) iam in πεντήκοντα, quod V quoque praebet, corruptit. Ceterum si quis forte opinari maluerit illud πεντήκοντα fere ex πεντ[ε(α)]εξήκοντα ortum esse — sive per meram librariorum neglegentiam seu propterea, quod litterae uncis inclusae umore erant exesae, — sic quoque fieri potuisse non ibo quidem infitias, huic tamen priorem illam explicationem utique praefendam esse censeo.

Praeter illud quidem ἐξήκοντα πέντε (ξ̄ε̄) etiam de πεντήκοντα ὀκτὼ (ν̄η) atque adeo de ἑβδομήκοντα (ο̄) restituendo cogitari posse videtur, — quorum huius ope efficitur anno 459, illius — anno 471 coenobium Theodosianum conditum fuisse, — verum tamen harum utramque coniecturam, utpote subtilioribus quibusdam rationibus fulciendam, ut par est, missam facio.

Iam vero si in illo numero ἐξήκοντα πέντε adquiescimus, inde s. Theodosii monasterium anno 464 conditum aut saltem condi coeptum esse efficitur.

Vt tandem aliquando ad Abramium nostrum redeamus, hunc post annum demum 464 illud Byzantium monasterium aedificare coepisse apparet, idque fortasse non statim post illum annum, sed aliquanto temporis spatio interiecto factum est. Quoniam autem post conditum demum Byzantium monasterium

110) Pauli Hellad. Vita s. Theognii, p. 4, 31 (v. supra adn. 99).

111) Cyrilli Vita s. Theognii, p. 23, 2 (v. supra adn. 99).

112) Cf. supra adn. 102.

Abramium Ephesi episcopatum obtinuisse constat, iam intellegitur haud paucis annis post 464 eum Ephesi episcopum ordinatum fuisse.

Vt cumque res se habet, ante annum 477, quo Paulus monophysita sede Ephesi episcopali iterum expulsus erat, Ephesi episcopum fieri Abramium nequaquam potuisse certissimum est, quod continua illa Ephesi episcoporum inde a Memnone ad Paulum serie satis superque demonstratur.

S. Theognium, qui eodem ferme tempore suum ipsius condidit coenobium, quo Abramius Byzantium monasterium, annis demum non minus fere viginti post illud conditum Bethelii exigui Palaestinae oppiduli episcopum ab Elia patriarcha Hierosolymitano (a. 494—517) ordinatum esse constat¹¹³). Vix minore, opinor, temporis spatio interiecto Ephesi archiepiscopatum obtinere potuit Abramius. Quod si ita est, Abramius quoque, ut s. Theognius, sub Anastasio demum Augusto episcopus ordinatus esse existimandus est.

Postremis imperii Anastasii annis Ephesi episcopum Theosebium fuisse iam scimus, qui sub Iustino fere primo alterove huius imperii anno mortuus est. Huius vero Theosebii decessorem Abramium nostrum fuisse equidem existimaverim.

Haud ignoro quidem Aetherium quoque Ephesi archiepiscopum sub eodem Anastasio Augusto fuisse Michaellem Le Quien opinari. Quod si pro certo adfirmari posset, iam incertum sane foret, Abramiumne an Aetherium in episcopatu excepisset Theosebius. Verum tamen num profecto ille Aetherius umquam sedem Ephesi tenuerit episcopalem, equidem subdubito, quippe quem *anno 523* — scilicet fere quinquennio post mortem Anastasii — in Palaestinam ad loca sancta cum vivifica Cruce Domini veneranda venisse ibique s. Ioannem Silentiarium in s. Sabae laura visitasse ex illius s. Ioannis Vita a Cyrillo Scythopolitano conscripta perspiciatur¹¹⁴), quo quidem anno quin Ephesi iam Hypatius episcopatum gesserit, vix quisquam, opinor, dubitabit, conlato illo Michaelis Syri loco, quo Hypatium Theosebii successorem fuisse diserte testatur¹¹⁵). Ceterum de illo Aetherio uberius infra (in epimetro) acturus, hic iam missum eum faciam, ne scilicet iusto longius hoc commentationis meae caput fiat.

113) Cf. Cyrill. l. c. p. 23, 17 ss. atque Paul. Hellad. l. c. p. 6, 28 ss.

114) Acta SS. Maii, t. III, Antverpiae 1680, p. 19* D. E.

115) Cf. supra p. XIX.

Quonam anno Theosebius Ephesi episcopus sit ordinatus aut saltem quam diu fere hunc episcopatum gesserit, cum ignoretur nec iam ullo modo certo definiri possit, quonam anno Abramius noster Ephesi episcopatum obtinuerit, id quoque incertum esse per se intellegitur, quot fere annos Abramius Asianae praefuerit dioecesi. Quae cum ita sint, Abramii episcopatum aut in universum ad finem fere quinti saeculi et sexti initium, aut ad primos sexti demum saeculi annos referendum esse apparet.

Apud Henricum Matagne haec quidem legimus: «Abramii episcopatus, verisimilius nec diu duravit, nec rerum gestarum pondere aut difficultate satis enituit, ut ejus memoria scriptores Graecos non fugeret» ¹¹⁶⁾ — cuius viri doctissimi de episcopatus Abramii brevitate opinioni Pargoire quoque accedere videtur, si quidem tres tantum quattuorve annos illius episcopatus — exempli sane tantum gratia — adsignat ¹¹⁷⁾. Ego tamen rerum quidem gestarum pondere aut difficultate satis non enituisse Abramii episcopatum libentissime concedens, nihil omnino impedire putaverim, quominus vel duplicentur illi numeri Pargoiriani atque adeo fere decennium *boni* huius, ut Moschi verbis utar ¹¹⁸⁾, *et mitis pastoris* episcopatum durasse ponamus, quantum quidem licet coniectare.

Ceterum ultra primos sexti saeculi decem duodecimve annos Abramii nostri episcopatum durasse vix credendum est, cum intra primum fere quinti saeculi decennium Abramium natum esse veri sit simillimum, quod subsequenti capite conabor demonstrare.

IV.

Posteaquam de episcopatus Abramii tempore definiendo egimus, age nunc, ut par est, id quoque inquiremus, quonam fere tempore Abramius natus esse putandus sit.

Quae quaestio facilius verique similis ut solvatur, quonam fere tempore Abramitarum illud monasterium Constantinopoli conditum sit, necesse est indagemus.

Ac priores quidem viri docti (Du Cange, Matagne, Kondakov, Marin, Pargoire, Delehay) quidnam de hac re senserint, hic exponere nequaquam opus est, quippe quorum omnium opiniones a me iam

116) Matagne, Acta SS. Octobris, t. XII, p. 762 B, n. 18.

117) Pargoire l. c. p. 96 (v. supra p. XVIII).

118) *Prat.* cap. 97, col. 2956 C/D (v. supra p. VI).

supra (p. VIII—XVIII) adlatae atque refutatae sint, — nec pluribus verbis in illo Pseudo-Codini commento (p. IX) commorabor, sed ad sinceriora fideque longe digniora veterum testimonia progredior proferenda examinandaque.

In his autem principem obtinet locum testimonium pretiosissima illa s. Danielis stylitae Vita ¹¹⁹⁾ nobis suppeditatum, unde iam ante annum 477 Abramitarum monasterium conditum fuisse fit certissimum. Haec enim in illius Vitae § 166 legimus: τῇ δὲ ἐξῆς ἡμέρᾳ ἀπέστειλεν ὁ ἀρχιεπίσκοπος Ἀκάκιος τινὰς τῶν θεοφιλεστάτων ἀρχιμανδριτῶν, ἐν οἷς ἦν ὁ μακάριος Ἀβράμιος ¹²⁰⁾ ὁ τοῦ ἀγίου Κυριακοῦ [ἡγούμενος] ¹²¹⁾ καὶ Εὐσέβιος ὁ πλησίον τοῦ Ἐξακιο-

119) Cf. adn. 1 p. V.

120) ἀβράμιος A(S)D: ἀβράμιος B¹, ἀβραμίμος B², — ubi A littera significatur codex Parisinus Gr. 1451, saec. XI fere ineuntis, primariam illius Vitae s. Danielis praebens recensionem (A); S — cod. Graecus iam deperditus, quo interpres Slavus usus erat; B — cod. Vindobonensis hist. Gr. 28 Lamb., 31 Nessel., saec. XII, ab Augerio de Busbecke Constantinopoli emptus, a duobus exaratus librariis, quorum alter (B¹) maiorem codicis partem scripsit, alter (B²) correctoris quoque munere functus interpolationibus totum codicem male inquinavit. BS codices secundariam illius Vitae continent recensionem (B), ita tamen, ut S, qui ex limpidiore quam B fonte proflixit, haud raro cum A faciat ideoque medium quendam inter A et B locum teneat. — Quartam recensionem (D), quae solo, quantum sciam, cod. Parisino Gr. 1458, saec. XI, unde ipse s. Danielis βλον ἐν συντόμῳ nuperime transscripsi, servata est, nihil aliud nisi tertiae (C) epitomen esse opinor atque adeo reor, licet codicum, qui C servaverunt (Lipsiensis, biblioth. municipalis, 187 et Oxoniensis, biblioth. Bodleianae, Laudianus Gr. 69, — uterque saec. XI exaratus), neutrius conlationem nancisci potuerim eosque tantum codicis Lipsiensis locos noverim, quos in egregio Lietzmanni libro inveni, — Das Leben des heiligen Symeon Stylites, in Gemeinschaft mit den Mitgliedern des kirchenhistor. Seminars der Universität Jena bearb. von Hans Lietzmann, Lpz. 1908 (= Texte und Untersuchungen, XXXII, 4), p. 195 sq. 233. 244 adnot. 2.

121) ἡγούμενος B: om. AD. — Nequaquam necessariam esse hanc vocem inde perspicitur, quod ex praecedenti illo ἀρχιμανδριτῶν sine ulla omnino difficultate et hic, et infra ἀρχιμανδριτῆς subintellegitur (cf. Mansi Concil. VIII, 1054 A [a. 518]: Ἀκάκιος πρεσβύτερος καὶ ἀρχιμανδριτῆς μονῆς τοῦ [τοῦς ed.] ἀγίου Κυριακοῦ), — unde illud de suo supplevisse recensionis B auctorem in propatulo est. — Ceterum, si quis coniecero eundem esse hunc Abramium monasterii s. Cyriaci archimandritam atque Abramium nostrum, Abramitarum monasterii conditorem, equidem isti opinioni haudquaquam accedam: tunc enim temporis (a. 477) iam Hieroso-

νίου καὶ Ἀθηνόδωρος ὁ τῶν Στουδίου καὶ Δόμνος ὁ τῆς μονῆς τῶν Δίου ¹²²) καὶ Ἀνδρέας ὁ ¹²³) δευτεράριος τοῦ ἐξάρχου καὶ ὁ ¹²⁴) μακάριος Κύρος ¹²⁵) καὶ Καλανδίων τῆς μονῆς τῶν Ἀβραμίου ¹²⁶) καὶ οἱ λοιποὶ ἀποκρισιάριοι καὶ Ζηνόβιος διάκονος τῆς ἀγιωτάτης Μεγάλης ἐκκλησίας καὶ ῥεφερενδάριος ¹²⁷). Qui viri anno 477 ab Acacio archiepiscopo Constantinopolitano ad s. Danielem stylitam orandum atque obsecrandum missi erant, ut columna relicta ipse in urbem veniret fidemque orthodoxam a Basilisco tyranno impugnatam cum Acacio monachisque Constantinopolitanis defenderet.

Alterum testimonium vel maioris nobis quidem momenti est, quippe quod vel ante medium saeculum V Abramitarum monasterium conditum fuisse doceat, e minus tamen limpido illo hauritur fonte, quem primus Pargoire indicavit ¹²⁸) cuiusque iam supra (p. XVIII) mentionem feci, — Vitam dico s. Matronae (Constantinopolitanae), cuius Vitae recensionem antiquiorem nuper demum in lucem protraxit indefessa illa Hippolyti Delehaye diligentia ¹²⁹), cui recentioris quoque seu Metaphrasteae optima editio debetur ¹³⁰).

lymis degens Abramius noster aut condebat alterum suum monasterium (Byzantium appellatum), aut iam condito praeerat, cf. supra p. XXV—XXXI.

122) Verba καὶ Δόμνος — Διον (B) omissa sunt in AD, nimirum per meram librarii (A) negligentiam, favente sane homoeoteleuto.

123) ὁ A (fin. vs.) D: om. B atque S (ut videtur).

124) Pro verbis ὁ μακάριος — ῥεφερενδάριος, quae recensio B servavit, ἄλλοι τινές, nec plura, praebet A, nimirum contextum Graecum genuinum h. l. ad arbitrium, idque praeter suam consuetudinem, in brevius cogens. Ceterum notandum est recensionem D hoc quoque loco cum A facere, illa ὁ μακάριος — ῥεφερενδάριος omittentem; unde in tertia quoque recensionè (C) eadem verba omissa esse equidem existimaverim.

125) κῆρον B(S).

126) ἀβραμίου (S): ἀβραμίων B; cf. adn. 120.

127) ῥεφερενδάριος (B¹S) genuinum in ῥαιφερενδάριος male immutavit B².

128) Revue des quest. hist., N. S. XXI, 1899, p. 96.

129) S. Matronae Vita prima in Actis SS. Novembris, t. III, Bruxellis 1910, p. 790—813, ad fidem trium codicum edita, — Parisini Gr. 1519 saec. XI (= A), Vaticani Gr. 807, saec. X (= V), Vaticani Palatini Gr. 80, saec. XII (= P). — Ad contextum Graecum constituendum codicem A ducem sibi editor clarissimus elegit (cf. Acta SS. l. c. p. 788 A), quod tamen num recte fecerit, equidem valde dubito. Namque, ut mea quidem fert opinio, deteriore praebet iste A contextum, quippe qui codex interpolationibus sit inquinatus, plerumque amplificandi contextum genuinum ortis stu-

In illa autem recensione antiquiore, — qualem quidem Delehaye (cap. 6) edidit, — haec legimus ¹³¹): Ἀκάκιος δέ τις ἀνὴρ εὐλαβῆς

dio, veluti cap. 34^{1.2.3} ταῦτα ἀκούσασα [καὶ μαθοῦσα], ἡ Ἀντιοχίανη [ἡ τοῦ Σφαιρακίου σύζυγος καὶ] εὐχαριστήσασα [πλείστα] τῇ Εὐφημῖα, παρεκάλει αὐτὴν σὺν αὐτῇ ἀπελθεῖν πρὸς τὴν μακαρίαν [Ματρῶναν], ubi verba, quae seclusi, solus **A** praebet, omittunt **PVS** (**S** littera eum codicem Graecum, iam deperditum, notavi, quo interpretres Slavus usus est, — v. «Житие святыхъ Матроны» [col. 323] in Magno Menologio Macariano sub Nov. 9 editum, — Великия Минеи Четин, собранныя Всероссийскимъ митрополитомъ Макариемъ, ноябрь, дни 1—12, СПб. 1897, col. 295—336). Similiter cap. 12^{20.23} οὕτως [τοίνυν] ποιούσης αὐτῆς [καὶ πᾶσιν ἀφθόνως διαδιδούσης], — cap. 15⁶ ταῦτα ἔχουσα κατὰ διάνοιαν [καὶ λογιζομένη], — cap. 17⁶ καλῆ [τῷ εἶδει σφόδρα], — cap. 18¹² [Ὁ βία (immo ὦ βία· restituendum esse reor, conl. Vitae s. Danielis stylitae supra laudatae § 75 p. 33, 5. 11)] πολλοὺς νικήσας κτλ., — cap. 19^{15.19} καὶ σὺν τῇ πρώτῃ εἶχε καὶ αὐτὰς (, recte add. **SV**) γράμματα (δὲ add. **V** atque **S**, nisi quidem hic τε praebuit; unde utique γράμματά τε reponendum est) διδάσκουσα καὶ πᾶσαν γραφὴν (Γραφὴν sane scribendum) ἐπιστένονσα (sic **AV**; ἐπιστάλονσα equidem restituendum esse reor, — licet frustra in lexicis hanc vocem quaeras, — idque haud scio an **S** praebuerit; sic saltem interpretem Slavum intellegisse certum est: «на вся писаниа наставляющи», col. 313) [καὶ] μάλιστα (γὰρ add. **V**, om. **AS***; γε praetulerim) τὴν τοῦ μακαρίου Δαυίδ[, ἐποίησεν αὐτὰς τέκνα Θεοῦ γενέσθαι], — cap. 20⁹ [κωφὰ καὶ] ἀνάσθητα εἶδωλα, — cap. 20¹⁸ τὸ [μέταιον καὶ] πάρανομον τοῦτο, — cap. 22²³ ὑπέστρεφον [ἐν τῇ πόλει μετὰ χαρᾶς μεγάλης], — cap. 24^{1.2} οὕτως [δὲ εὐσεβῶς καὶ ἐντιμῶς] ζῶσα ἡ μακαρία [Ματρῶνα], — cap. 25²⁵ εὐχαρίστησε (ἠεὐχαρίστησε **PV**, quod est praefendum) τῷ Θεῷ (haec verba om. **PV**, non **S**) [τῷ δοτήρι τῶν ἀγαθῶν], — cap. 26⁹ [μεριμνώσης καὶ] φρονιζούσης, — cap. 26¹² [καὶ μετὰ τὸ ἰκανῶς συντηχεῖν] διηγῆσατο (δὲ add. **VS**, σὺν **P**), — cap. 27¹ [καὶ] ἐπιτραπέισαι, — cap. 27¹⁸ [καὶ μέλλετε εὐθύνας ὑπερ αὐτῶν δοῦναι τῷ Θεῷ ἐν ἡμέρᾳ κρίσεως], — cap. 27²⁵ τελείας [καὶ ἀπροσκόπους καὶ καθαρὰς], — cap. 28¹ αἱ ἐλευθεραὶ ἐκείναι [γυναῖκες], — cap. 28¹⁴ προσεκύνησεν αὐτὸν . . . [ἐπὶ τὴν γῆν], — cap. 31^{20.21} παραινέσας αὐταῖς πολλὰ [ἀπὸ τῶν θείων γραφῶν] πελθεσθαι κατὰ πάντα τῇ μακαρίᾳ Ματρῶνῃ καὶ φυλάττειν τὰς ἐντολὰς αὐτῆς [ἀπαρλείπτως], — cap. 32⁷ Θεοφιλῆς οὖσα [καὶ τιμῆ], — his omnibus locis, quibus vel longe plures perfacile addi possunt (cf. adn. 149 sq.), verba uncis inclusa solius **A** nituntur auctoritate; quae cum in (**P**)**VS** desint minimeque esse necessaria atque adeo interdum insulissimis hanc Vitam tautologiis onerare pateat, — quin cuncta interpolatori perperam contextum genuinum amplificanti debeantur, vix quisquam, opinor, dubitabit.

Nec modo male amplificatum, verum etiam temere corruptum esse huius Vitae contextum genuinum — nimirum ab eodem isto

καὶ αὐτὸς ἀρχιμανδρίτης¹³¹) ὑπάρχων¹³²) τῆς εἰς τὸ Τρίτον¹³³) μονῆς τοῦ θεόφρονος¹³⁴) Ἀβραμίου¹³⁵) τῆ αὐτῆ

interpolatore — notandum est, veluti cap. 17³⁵ ἀπεδίωξεν αὐτὴν κατησχυμένην (sic **A**, αὐτὸν κατησχυμένον **PVS**; quo capite, quomodo s. Matrona a daemone sub formosae mulieris specie tentata sit, narrari adnoto), — cap. 20²² οὐκ ἐνδυμῆ, οὐ ἐξουσίαν ἔχουσιν οἱ θεοὶ καὶ σὲ πατάξαι καὶ τὴν ἐπελθοῦσάν (sic ed. cum **A**, πενθοῦσαν **VS**, ἀναπειθοῦσαν **P**) σε διδάσκαλον; ubi genuinam lectionem **VS** servaverunt, quam cum **AP** non intellexerent, de suo quisque corrigere conatus est, et **P** quidem longe scitius, nisi quod ἀναπειθοῦσαν pro ἀναπειθουσαν dedit, — cap. 20²⁶ κατάλιπε τὴν ἀθλίαν (ἀθλ. om. **S**) διδάσκαλον καὶ τὸ πένθικόν (sic **A**, πένθιμον **PV** idemque vel πένθιμον **S**) αὐτῆς σχῆμα, — cap. 26³⁸ ὁμῶς ἡ μήτηρ τοῦ ἀπὸ ἐπάρχων Ἑλλία καὶ ἡ μήτηρ τῶν σχολαστικῶν (sic **APVS**; hic Delehayeo quidem iudice «nomina excidisse patet», ego tamen τοῦ σχολαστικοῦ *Κων<σταντίνου>* restituendum esse reor) ἀπέρχονται ἐν Κωνσταντινουπόλει πρὸς τὰ τέκνα αὐτῶν, [καὶ (om. **PVS**)] εἰ κελεύει ἡ ἀγιοσύνη σου, λαλοῦμεν αὐταῖς περὶ σοῦ καὶ διὰ τῶν [τιμῶν (om. **S**; διὰ — περισ. καὶ om. **V**, διὰ — σου καὶ om. **P**)] εὐχῶν σου καὶ αὐταῖς (αὐταῖς **P**, — cf. supra αὐταῖς) περισφύζονται (sic **A** et **P** [?], cf. supra περὶ σοῦ, — φθάνουσι(ν) **S**, <σῶαι> φθάνουσιν malim) καὶ ἡ Θεοφιλεῖα (immo aut Θεοφιλλία, aut Θεοφιλεῖα scribendum) σου ἀπέρχεται (καὶ σὺ αὐτῆ ἀπέρχῃ **S**, quod genuinum esse opinor) μετ' αὐτῶν.

Quae cum ita sint, satis superque apparere puto huius Vitae s. Matronae contextum genuinum ad fidem **SV(P)** codicum, **S** duce, constituendum esse (cf. adn. 149 sq.).

130) Acta SS. Novembris, t. III p. 813—822.

131) Ibid. p. 793 E. — Praemonendum est hoc quidem Vitae loco nos **V** codicis ope omnino destitutos esse, quippe qui ingenti in Vitae initio hians lacuna fere medio demum cap. 15 incipiat, a verbis (p. 798 B) ὡς δὲ οὐδένα εὔρεν ἢ εἶδεν, εἰσηλθὲν [πάλιν ἔνδον τοῦ εἰδωλικοῦ ναοῦ]. — Interpretationis autem Slavicae contextus hic est (col. 301 med.): Акакиось же нѣкто мужь, архимандритъ говѣинъ и той монастыря святаго Авраама, той же ноши того же мужа в' том' же образѣ видѣ.

132) Aliter haec verba **S** collocavit (ἀνὴρ, ἀρχιμανδρίτης ἐλλαβῆς καὶ αὐτὸς), codicibus **APM** invitis (**M** littera eum noto codicem, ad cuius fidem recensio Metaphrastea facta est).

133) Hanc vocem solus **A** praebet, om. **SP**, unde interpolatori eam deberi in propatulo est.

134) Verba εἰς τὸ Τρίτον (**APM**) om. **S**, nisi quidem ab interprete Slavo ea de industria praetermissa sunt, qui scilicet, quomodo haec intellegenda essent, haerere sane potuit.

135) Θεόφρονος **AP**: ἁγίου **S**, Θεοφόρου **M**.

136) Interpretis Slavi praebuisse crederes; verum tamen eius rei ratione vel Ἀβραάμου **S** praebuisse crederes; verum tamen eius rei ratione

νοκτι τὸν αὐτὸν ¹³⁷⁾ ἄνδρα ἐν τῷ αὐτῷ σχήματι ¹³⁸⁾ εἶδεν ¹³⁹⁾, — quae sic Symeon enarravit (cap. 8): κατὰ ταῦτόν δὲ καὶ Ἀκάκιος τις ἀνὴρ ἐπ' εὐλαβείᾳ περιφανῆς, ὃς καὶ τῆς εἰς τὸ Τρίτον μονῆς τοῦ Θεοφύρου Ἀβραμίου ποιμὴν ἐτόγγανε, τὴν αὐτὴν ὄρασιν εἶδεᾶτο ¹⁴⁰⁾.

Priusquam tamen ad explanandum transeam, quidnam hoc testimonium ad vitae Abramii nostri tempus definiendum conferat, inquiram necesse est, sitne omnino illi Vitae s. Matronae fides habenda.

Ac primum quidem ut priorum de hac re opiniones exponam, Tillemont, — quem Metaphrasteam tantum illam recensionem novisse praemonendum est, — hanc admodum suspectam esse censuit ¹⁴¹⁾, severiorem tamen sese quam iustiore praebens iudicem. Nam quinque illa argumenta, quae reliquis firmiora esse videntur quibusque innixus vir clarissimus hanc s. Matronae impugnat Vitam, si debita cum diligentia perpenderit, nequaquam tanti ea momenti esse facile videbis, ut nulla eam fide dignam esse inde colligere cogamur.

Etenim primum quidem illorum argumentum, quod ad idolorum Beryti medio fere saeculo V cultum spectat ¹⁴²⁾, — quod argumentum Delehayeum quoque repetere obiter adnoto ¹⁴³⁾, — minime firmum esse apparet, quoniam ne sexto quidem saeculo in Oriente paganae illius superstitionis certissima desunt exempla ¹⁴⁴⁾.

habita, quod Ἀβράμιος et Ἀβραὰμ nomina ab istis interpretibus inter se confundi solent, veri fit simillimum S quoque codicem Ἀβραμίου (ut APM) praebuisse (nam ne Ἀβρααμίου quidem in eo scriptum fuisse equidem existimaverim).

137) ἴδε (sic) — nimirum pro εἶδεν — addit h. l. P, codicibus AS invitis (cf. adn. 139).

138) ἐν τῷ εἶδει τῷ αὐτῷ P, hoc quoque loco AS invitis.

139) εἶδεν AS: om. P.

140) Acta SS. l. c. p. 815 B.

141) Lenain de Tillemont Memoires pour servir à l'histoire ecclesiastique des six premiers siecles, t. XVI, Paris 1712, p. 828 col. 2; ibid. p. 56. 672. 808.

142) Tillemont l. c. p. 808 col. 1/2: „Et enfin elle (St^e Matrone) ne trouve point de plus grande sureté que dans un temple d'idoles pres de Beryte, en un temps où il n'y avoit peutestre plus aucun temple dans l'Orient, bien loin que l'on y sacrifiast publiquement au demon, comme cette vie nous le represente“. — Cf. Vitae II cap. 22 p. 818 E (ed. Deleh.) atque Vitae I cap. 20 p. 800.

143) Acta SS. Novembris, t. III p. 789 col. 1, § 20.

144) Cf. Hergenröther-Kirsch Handb. der allgem. Kirchengesch., I⁴ (Freiburg im Breisgau 1902) p. 335 sq. — Ex. gr.

Alterum autem argumentum („cette histoire . . . n'ayant point d'autre autorité que celle de Metaphraste“, l. c. p. 808 col. 2) vel omnino cadere illa Vita antiquior satis superque demonstrat.

Tertium Tillemontii argumentum — notantis ea, quae in Vita s. Matronae de inventione capitis s. Ioannis Baptistae Emesae facta narrantur¹⁴⁵), cum narratione Marcelli de eadem inventione¹⁴⁶) minime congruere¹⁴⁷), — quod argumentum itidem a Delehayeo repetitur¹⁴⁸), — nimia eaque, ut mea quidem fert opinio, vix probanda fiducia illius narrationis Marcellianae nititur. At equidem utraque narratione diligentius examinata facere non possum, quin magis s. Matronae biographo quam Marcello credam. Hic enim archimandrita, — si quidem omnino fuit, — vel eo consilio magniloquas illas suas inflatasque visiones ceteramque (suam scilicet) inventionis historiam excogitare potuit, ut sibimet ipsi huius inventionis laudem vindicaret. Iamque cum istius fuco ea, quae s. Matronae biographus tradit, si quis contulerit¹⁴⁹) idque, ut par est, respexerit nequaquam primas in

gravissimam illam paganorum persecutionem notabo ab Iustiniano anno 529 factam, qua de cf. Procop. *Anecd.* 11 p. 76, Y Bonn. (54, 13 Kr.), Malal. p. 449, 3 Bonn., Theoph. p. 180, 9.

145) Vitae II cap. 14. 15; cf. Vitae I cap. 12.

146) „Historia secundae inventionis, Factae et scriptae à Marcello Archimandrita Spelaei“ in Act. SS. Iunii t. IV (Antverpiae 1707) p. 724—728 ex editione principe Ducangiana a Daniele Papebrochio repetita. — Ipsum Ducangii librum (Traité historique du Chef de S. Jean Baptiste, Paris 1665) nancisci me non potuisse valde doleo.

147) Tillemont l. c. p. 808 col. 2: «Sa vie (§ 14. 15) parle de la revelation du chef de S. Jean Battiste, arrivée en 453. Mais je ne voy pas que ce qu'elle en dit se puisse accorder avec la relation originale de l'Abbé Marcel.»

148) Acta SS. Novembris, t. III p. 790 A.

149) Vitae I cap. 12 (p. 796 D. E): *ἐπειδή δὲ τὴν τοιαύτην [μεγίστην ἀρετὴν καὶ add. A, om. SP] πολιτεῖαν ἔδει βεβαιοῦσθαι καὶ διὰ σημείων, οὐδὲ (om. P) τούτων [ἀπ]εστέρησεν αὐτὴν (ἔστ. αὐτὴν S, αὐτὴν ἐστέρησε P, ἀπεστέρησεν A omittens αὐτὴν) ὁ Κύριος. ἐν γὰρ τῷ καιρῷ ἐκεῖνω ἐφανερώθη ἡ τιμὴ κεφαλῆ [τοῦ ἁγίου add. AP, om. S] Ἰωάννου τοῦ Προδρόμου (προδρ. ed.) καὶ Βαπτιστοῦ (βαπτ. ed.; τοῦ βαπτ. καὶ προδρ. tr. P, invitis SA). ἐφανερώθη δὲ οὕτως. γεωργὸς τις τῶν ἐνοπιῶν ἐπὶ πολλὰς ἡμέρας ἐθεώρει πρὸ ἀνερχόμενον (sic SA, πυρὰν ἀνερχομένην P) ἐκ τοῦ τόπου, οὗ [ἦν, ἐν ᾧ καὶ add. A, ἦν καὶ add. P] εὐρέθη ἡ ἅγια κεφαλὴ τοῦ Βαπτιστοῦ (sic S, ἡ κεφ. ἡ ἅγια τοῦ βαπτ. P; ἡ ἅγια τοῦ βαπτ. κεφαλὴ A). οὗτος (δὲ add. S*, om. AP) μὴ δυνήθεις (sic SM, δυνάμενος AP) γινῶναι τὸ παράδοξον τοῦ σημείου, ἀπελθὼν διηγήσατο τῷ ἐπισκόπῳ, ὅπερ*

hac re partes ab eodem s. Matronae adsignari ¹⁵⁰), — quod quidem facere vix dubitasset, si falsarius fuisset, — haec omnia quin multo

έώρα. ὁ δὲ ἐπίσκοπος συνεῖς μυστηρίων τι διὰ τοῦ πυρῶς (sic S, τῆς πυρᾶς AP) μὴνύεσθαι, μὴδὲν ἀναβαλλόμενος (ἀναβαλλόμενος P [an A? cf. infra]) ἢ ὑπερθέμενος, παραλαβὼν τὸν πάντα κλήρον αὐτοῦ, ἐξείσων ἐν τῷ τόπῳ (ad hunc quidem locum illa δπερ — τόπῳ P omisisse Delehaye adnotat, ipse tamen illud ἀναβαλλόμενος P praeberere ait) καὶ ποιήσας εὐχὴν ἐπέτρειψεν ἀνορύττεσθαι τὴν γῆν. καὶ δὴ ἀνορυθθείσης, εὐρέθη (sic AM, ἠύρέθη P) στάμνος τις ἔχουσα τὴν ἀγίαν κεφαλὴν [τοῦ Προδρόμου (Βαπτιστοῦ M)] add. AM, invitis SP]. — M littera Metaphrasteam illam notavi recensionem.

150) Ibid. (p. 796 E — 797 A): τούτου δὲ (δὲ om. P, invitis SA) γενομένου, ἠκούσθη [μὲν add. AP] ἐν πάσῃ τῇ περιχώρῳ ἐκεῖνη, συνέδραμεν δὲ πᾶσα [ἢ add. A, om. P] ἡλικία σὺν τοῖς μοναστηρίοις ἐπὶ τῷ μετὰ ψαλμωδίας καὶ τῆς προεπούσης τιμῆς εἰσενεγκεῖν (sic S*, εἰσαγαγεῖν AP; εἰσάγεται M) αὐτὴν εἰς τὴν ἐκκλησίαν (sic P, ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ A). τότε δὴ [σὺν add. AP] ἡ δόξα αὐτῆ (sic S, αὐτῆ AP) καὶ ὄντως τοῦ Χριστοῦ [τελεῖα add. A, invitis SP] δούλη, ἐξεληθούσα ἐκ τοῦ μοναστηρίου σὺν ταῖς ἀδελφαῖς (συνεξεληθούσα ταῖς ἐκ τοῦ μον. ἀδελφαῖς AP), μία ἦν (ἦν AP: om. S*) τῶν συναθροισθέντων διὰ τὸ σέβας (τὸ σέβας AP: om. S*) τῆς τιμᾶς καὶ ἀγίας (sic S, τιμᾶς P, ἀγίας A) κεφαλῆς. μύρον δὲ βρόντος ἐξ αὐτῆς εἰς πίστωσιν (πίστῳ P, invitis SA) τοῦ συνδραμόντος ὄχλου καὶ βεβαλωσιν τῆς εὐρέσεως αὐτῆς, πάντων ἀρνομένων (sic S, ἀρδευομένων A; τῶν ἐρχομένων P, quo de cf. infra) ἐξ αὐτοῦ (αὐτῆς S*) εἰς (om. S*) εὐλογίαν (ἀρνομένων add. P), προσήλθεν καὶ αὐτῆ (sic S, αὐτῆ AP) ἀρυσασθαι. καὶ δὴ ἀρυσασμένη, διαδότις ἐγένετο, καὶ ἀκούσης αὐτῆς (sic A, quicum M facit — Vitae II cap. 15 p. 817 A μετὰδοσις [immo μετὰ δότις] αὐτοῦ, καὶ ἀκούσης ταύτης, πρὸς τοὺς παρόντας ἐγένετο, — διαδ. ἀκούσιος [ἀκουσίως P] ἐγένετο AP). τοῦ γὰρ ὄχλου μὴ συγχωροῦντος [αὐτῆ add. A, om. SP] τὴν διέξοδον, κατὰ μέσον αὐτῶν [ἀπειλημμένη add. A, ἀποληφθεῖσα M, κατελιμμένη P, om. S*] ἠραγαῶετο πᾶσιν ῥογεῦειν, πάντων πρὸς αὐτὴν (sic S, αὐτῆ AP) ἐκβοώντων· «δὸς (sic S, διάδος P, διάνεμε A) πᾶσιν (sic SA, ἡμῖν P), δούλη Χριστοῦ». οὕτως [τοῖνν add. A] ποιούσης αὐτῆς [καὶ πᾶσιν ἀφθόνως διαδιδούσης add. A] ἐλθῶν εἰς τυφλὸς ἐκ κοιλλᾶς μητρὸς αὐτοῦ (ἐκ — αὐτοῦ om. P), παραδραμῶν πάντας, τὸν τε ἐπίσκοπον καὶ τοὺς (sic AS, τοὺς τε P) ἱερεῖς (sic S, quicum M facit; κληρικούς AP), — πάντες γὰρ οὗτοι ἐρρόγεον, — ἀκούσας τε (τε om. P) τὴν μακαρίαν ῥογεῦειν (sic S, διδόναι P, ἀκούσας — ῥογεῦειν om. A), ἐρχεται πρὸς αὐτὴν ἱκετεύων [καὶ δεόμενος add. A] αὐτὴν (om. AP) ἐπιχρῖσαι αὐτῷ (sic S*, αὐτοῦ AP) τοὺς ὀφθαλμοὺς ἐκ τοῦ μύρου. ἡ δὲ μακαρία, ἀνατελῶσα τὰς χεῖρας αὐτῆς, ἐποίησεν αὐτῷ, ὡς ἐπέζητησεν; ὁ δὲ [τυφλὸς add. A] παραχρῆμα ἀναβλέψας ἤρξατο [δοξάζειν καὶ add. A] εὐλογεῖν τὸν Θεὸν τὸν δεδωκότα αὐτῷ διὰ τῆς μακαρίας [Ματρῶνης add. A] ιδέσθαι εἰκόνα ἀν-

simpliciora sincerioraque ideoque illis etiam probabiliora esse mihi concedat, nullus dubito.

Praeterea notandum est in Gelasii quod fertur Decreto de libris recipiendis et non recipiendis « scripturam de inventione capitis Iohannis Baptistae »¹⁵¹⁾ inter recipiendos quidem libros, ita tamen — una cum « Actibus beati Silvestri » atque « scriptura de inventione Crucis Dominicae »¹⁵²⁾ — commemorari, ut istiusmodi scripta potius apocryphis ab ipso illius Decreti auctore — idque rectissime — adnumerari intellegatur¹⁵³⁾.

Θρώπον [καὶ κατανοῆσαι κάλλος οὐρανοῦ (ἀνθρώπου A) add. AP], θυσάμενόν τε (δὲ P) αὐτὸν συνεχῶν πτωμάτων ἐκ (sic vel ἀπὸ S, καὶ AP) πολλῶν προσκομμάτων [ὧν πρόξενον (πρόξενος P) αὐτῷ ἦν τὸ σύντρογον σότος καὶ ὁ (ὁ om. P) ἀφεγγής βλος add. AP]. τοῦτο τὸ θαῦμα μεγάλην [μὲν add. A] αὐτὴν κατ' ἐκελευσὴν τὴν ὄραν ἀπέδειξεν (sic P, ἔδειξεν A). πάντες γὰρ ἀλλήλους ἐπεμβαίνοντες καὶ ἐπ' ἀκρῶν δακτύλων (sic S, ὀνόχων AP) ἰστάμενοι ἰδέσθαι [αὐτὴν add. AP] ἐσπούδαζον (sic SP, ἐσπευδον A). οὐκ ἔλαττον δὲ καὶ (καὶ om. S*) μετὰ ταῦτα [παρὰ πάντων add. AP] ἐθανμάζετο. πάντες γὰρ ἔλεγον· « αὕτη ἐστὶν ἡ μετὰ ἀνδρῶν μονάσσα [καὶ add. AP] λαθούσα ἐπὶ χρόνον » [καὶ add. AP] διὰ τοῦτο χάριν λαβούσα παρὰ [τοῦ add. A] Χριστοῦ ἱαμάτων (sic S, ἱαμ. παρὰ [τοῦ A] χριστοῦ tr. AP) μεγαλύνεται».

151) Mansi Concil. VIII, 163—164, col. 2.

152) Ibid., col. 1—3.

153) Ibid. 147 sq. cap. III: « tamen ad aedificationem nostram eadem sancta Romana ecclesia . . . etiam has suscipi non prohibet scripturas, id est . . . (cap. IV, col. 149 B. C) vitas patrum. Pauli, Antonii, Hilarionis, et omnium eremitarum, quas . . . scripsit Hieronymus cum omni honore suscipimus. Item Actus beati Silvestri Apostolicae Sedis praesulis, licet eius qui conscripsit nomen ignoretur, a multis tamen in urbe Romana catholicis legi cognovimus, et pro antiquo usu multae haec imitantur ecclesiae. Item script<ur>a de inventione Crucis Dominicae et alia script<ur>a de inventione capitis Iohannis Baptistae novellae quidem relationes sunt et nonnulli eas catholici legunt; sed cum haec ad catholicorum manus pervenerint, beati Pauli apostoli praecedat sententia: *omnia probate; quod bonum est, tenete* » (Thess. I, 5, 21), — ubi *scriptura* (col. 149 C) pro *scripta* utrobique ad fidem trium codicum reposui a Mansio VIII, 163—164 laudatorum (cf. praeterea Cappelli Lexicon Abreviaturarum, Lpz. 1901, p. 313 col. 1). — Papebrochio quidem iudice, « *Emesena . . . posterior Inventio, cuius relatio aliqua Latina ab incerto auctore fuerit in Italiam perlata, alia quam nunc habeamus, potuit commemorata fuisse a Gelasio, absque ullo ad Graeca respectu, et ab eo, propter mirabilia aliasque rationes nunc ignotas, censurari* » (Acta SS. Iunii, t. IV p. 719 E), ego tamen nullam aliam nisi istam Marcellianam a

Accedit, quod ea quoque omnia, quae isti narrationi proprie Marcellianae praemissa sunt ¹⁵⁴), quin temere conficta sint, dubitari nequit. «*Et primam quidem*» istius praemissae «*narrationis partem, absque praeiudicio secundae, posse rejici ut prorsus apocrypham*» ¹⁵⁵) nec Papebrochii sagacitatem fugit. «*Quomodo autem secundae partis veritas possit cum relatis à Sozomeno [quo de mox infra agetur] subsistere, id quod Baronio in Notis ad Romanum Martyrologium visum est impossibile, et Cangio*

Decreti auctore hic intellegi reor, quam Latine a Dionysio Exiguo abbate Romano redditam vel V saeculo exeunte Romam pervenire per facile potuisse, — si quidem illud Decretum re vera Gelasii (a. 492—496) esse constaret (cf. adn. 163), — vix quisquam, opinor, negabit, praesertim conl. ipsius Prologo, qui «*cuidam Gaudentio Abbati, Romano verosimiliter etiam ipsi, inscriptus*» (ut Papebrochii l. c. p. 721 E verbis utar) sic incipit: «*Carissimorum fratrum, quos per gratiam Christi regitis, cura studiumque compulit, ut relatio[nem] (relationem ed., quod correxerit), quae de inventione capitis B. Ioannis Baptistae Graeco sermone conscripta est, Latino per me redderetur eloquio, conveniens esse dicentes, ut in natali eius, quo maior in natis mulierum nemo surrexit, haec relatio, quae de illo traditur, populis fidelibus intimetur. Promptis igitur animis in spatio licet brevi, quod poscebatur, explicuit (immo explicui leg.), maxime et quia sanctitatem tuam hoc idem fieri velle cognovi*» (Acta SS. Iunii, t. IV p. 721 sq.). — Ac Papebrochius quidem «*Ex hoc*» inquit «*Prologo etiam istud discimus, quod supra insinuabam, talem historiam tunc primum Romanis manifestatam, diversam esse ab ea relatione cujus meminit Decretum Gelasii*» (l. c. p. 721 E), — verum tamen egregie falli virum clarissimum equidem reor, quoniam id, quod voluit, ex hoc Dionysii Prologo colligi nequaquam posse apparet; quin etiam, conlato illo Gelasii quod fertur Decreto, vel omnino diversa inde sequi statim videbimus. Ac primum quidem notandum est tunc temporis, quo Prologum suum scribebat Dionysius, nullam aliam de inventione capitis s. Ioannis Baptistae narrationem Romanis notam fuisse, quod et Prologi initium supra adlatum et ea, quae paulo infra ibidem leguntur (p. 722 A: «*idem Ioannes, sicut primitus se monachis ostendit, ita nunc officio monachorum, quamvis humilium, hanc de se Romanis historiam manifestare dignatus est*») satis superque, opinor, ostendunt. Nec minus certum est, ut mea quidem fert opinio, Decreti quoque illius auctorem unam tantummodo novisse de eadem re narrationem. Quae cum ita sint, ipsam illam „historiam“ Marcellianam in Decreto respici nemo non videt. Cf. Tillemont *Memoires*, I p. 524.

154) «*Primae*», quae fertur, dico «*inventionis et translationis capitis Emesam*» historiam a Ducangio *Traité hist.* p. 208—215 editam, in Actis SS. Iunii, t. IV p. 716—718 repetitam.

155) Papebrochius l. c. p. 719 F (n. 123).

perquam difficile ¹⁵⁶), cum idem p. 719 sq. conetur *<indagare conjectando>*, — et operam et oleum perperam perdere virum clarissimum vix est quod moneam.

Quae cum ita sint, iam prorsus nullam fidem isti historiae Marcellianae tribuendam esse censeo ¹⁵⁷).

156) Papebrochius *ibid.*

157) Nam ne ad annum quidem huius inventionis definiendum istam historiam esse adhibendam existimo, temporis scilicet notas istic indicatas (cf. infra) non pluris aestimans quam fere illa *ἔτους διακοσιοστοῦ τριακοστοῦ τρίτου* (cf. Biblioth. hagiogr. Graec., edd. socii Bollandiani, ² Bruxellis 1909, p. 57 s.), quibus narratio de S. Crucis inventione incipit, qua de cf. p. XLI. Et hercle iusto sane iure inde haec adaugetur suspicio, quod eodem illo nomine historiae Marcellianae auctor manifesto secum dissentit. Nam de secundae illius inventionis tempore tradens haec quidem ait (Act. SS. l. c. p. 724 E n. 144): *Ἐπεφάνη ὁ τρισόβλιος καὶ οἰκονομικὸς ἀπόστολος καὶ γνήσιος φίλος τοῦ Σωτήρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐν τῇ μέσῃ ἐβδομάδι τῶν ἁγίων νηστειῶν περὶ τοῦ Φεβρουαρίου μηνὸς ὀκτωκαιδέκατην* (immo *Περίτιου* [*Φεβρουαρίου*] μηνὸς ὀκτωκαιδέκατην scribendum esse puto, conl. Chron. Pasch. p. 591, 9 Bonn. *μηρὶ Περιτίῳ*) *ἔτους τρίτου ἐξηκοστοῦ ἑπτακοσιοστοῦ, ἐν χρόνῳ ἰνδικτιῶνος ἕκτης* (immo *πέμπτης* requiri iam Papebrochius, l. c. p. 713 F, perspexit), *βασιλεόντων Βαλεντινιανοῦ καὶ Μαρκιανοῦ τῶν εὐσεβῶν βασιλέων καὶ δούλων τοῦ Χριστοῦ, ἐπὶ τοῦ ὀσιωτάτου (ὀσιωτάτου ed.) ἐπισκόπου Οὐρανίου, καὶ ἀνηρέχθη εἰκάδι τετάρτη τοῦ αὐτοῦ μηνός*, — unde, si illum (Syromacedonum) annum 763 respicimus (Oct. 1 anni 451 — Sept. 30 a. 452), anno Domini 452, sin autem indictionis VI rationem habemus (Sept. 1 a. 452 — Aug. 31 a. 453), anno D. 453 illam inventionem factam esse efficitur. Hoc tamen «a vero omnino alienum» esse Du Cange demonstravit (Notae in Chron. Pasch. p. 418 sq. [ed. Bonn.] ad Chron. p. 591, 9 Bonn.) — nempe propter illa *ἐν τῇ μέσῃ ἐβδομάδι τῶν ἁγίων νηστειῶν*, quippe quae in annum 452, non in 453, quadrent. Iam vero cum et Marcellinus comes (Chron. min. ed. Mommsen, vol. II p. 85, 33) et qui Chronicon Paschale conscripsit (p. 591, 7 Bonn. = Chron. min. l. c. p. 84, 20) Vincomalo et Opilione consulibus, i. e. anno 453, Emesae venerabile illud caput inventum esse tradant, horum utrumque auctorem falsa illa indictionis VI indicatione in historia Marcelliana deceptum esse facile intellegitur. Aliter, vix tamen rectius, unde iste utriusque error ortus sit, Du Cange explicat, sic ratiocinatus (l. c. p. 419 sq.): «Quod vero Marcellino Comiti et Auctori Chronici Paschalis hallucinationis occasionem praebuit, id fuit, quod inventionem Capitis S. Ioannis Baptistae cum illius Translatione in Monasterium Spelaei confuderint, cum Inventio facta revera fuerit anno CDLII. Februarii XVIII. in Secretario vero depositio XXIV. ejusdem mensis, interim dum Ecclesia in qua deponeretur, esset aedi-

Eandem ob causam ne quarto quidem Tillemontii argumento ¹⁵⁸) ullam vim inesse intellegitur, — sive eundem esse istum Marcellum archimandritam atque illum diaconum cognominem in Vita s. Matronae commemoratum ¹⁵⁹), seu hunc omnino ab illo diversum esse opinamur.

Quintum denique argumentum cum adumbrasse vir summus satis habuerit ¹⁶⁰), id aptius commodiusque a me paulo infra exa minabitur.

Papebrochius, — cui et ipsi antiquiorem illam Vitae s. Matronae recensionem ignotam fuisse vix est quod moneam, — praemissa illa de capite invento enarratione Metaphrastea, « *Haec* » inquit « *ita simpliciter gesta si essent, oporteret confictas dicere revelationes*

ficata, quod demum anno proximo contigit sub mensem Octobrem.» — Num tamen hanc translationem (vel potius depositionem) re vera anno 453 factam esse pro certo adfirmari possit, equidem valde dubito, cum ne Marcellianam quidem istam historiam quidquam de hac re certi suppeditare censeam. Haud ignoro quidem haec ibi legi (l. c. p. 728 E, n. 157): *ἐγένετο δὲ τὰ καταθέσια τοῦ ἁγίου Προδρομίου καὶ Βαπτιστοῦ Ἰωάννου ἐν τῷ αὐτοῦ ναφὶ μηνὶ Ὀκτωβρίῳ εἰκάδι ἕκτη, τοῦ τρίτου καὶ ἐξηκοστοῦ καὶ ἑπτακοσιοστοῦ ἔτους, Ἰνδικτιῶνος ἕκτης, ἐπὶ τῆς εὐσεβοῦς βασιλείας τῶν φιλοχριστῶν ἡμῶν καὶ εὐσεβῶν καὶ ὁρθοδόξων βασιλέων Οὐαλεντιανοῦ τοῦ νέου καὶ Μαρκιανοῦ τῶν ἀειμνήστων, κτλ.*, sed cum haec similivae in versione Dionysiana frustra quaeras (cf. l. c. p. 729 C/D) nec veri sit simile haec de industria Dionysium praetermississe, interpolata ista esse equidem existimaverim — nimirum ab eodem illo homine, qui loco supra prolato illud *Φεβρουαρίῳ* a me seclusum addidit et forsitan illa *Περπιῖον* — *ὀκτωκαιδεκάτη* in *περὶ τοῦ* — *ὀκτωκαιδεκάτην* corruptit; quem hoc quidem loco interpolationis vel illud *Ὀκτωβρίῳ* coarguit, pro quo nomine sane *Υπερβερεταῖῳ* expectares. — Ceterum propter illa *τοῦ τρίτου* — *ἕκτης* hic e priore illo loco sine dubio repetita notandum est, hac quidem temporis notatione annum 452, illa — 451 significari.

158) *Memoires*, XVI p. 808 col. 2: «M. du Cange (p. 29) veut que ce Marcel Abbé à Emese, soit le mesme que Marcel Diacre à Constantinople, dont la vie de Sainte Matrone parle souvent (§ 13. 27. 34), ce qui seroit une nouvelle preuve de la fausseté de cette vie.»

159) Vitae I cap. 11 (p. 796 A). 28—31. 40. 43. 46.

160) Tillemont l. c.: «Il faut aussi remarquer que dans l'histoire de la translation d'un chef qu'on croyoit estre de S. Jean Battiste, faite sous Theodose I. l'an 391 (Soz. l. 7. c. 21. p. 737. 738.), il est parlé d'une Matrone vierge et Superieure de plusieurs vierges, assez pres de Constantinople. Mais elle estoit Macedonienne, et obstinée dans son heresie.»

eas omnes, quibus innotuisse dicitur cujus id Caput esset; et fictionis auctor fuisset vel Marcellus ipse, vel Spelaeotarum Monachorum aliquis. Neutrum praesumere nos patitur temporis ratio, quo vixit Matriona, annos non multo plures quam triginta numerans, aut ut summum quadraginta, quando res Acta est, ipsâ Emesae praesente et quae viderat audiveratque millies narrante Constantinopoli; quo citius rediit, et ubi usque ad annum vitae centesimum rexit Parthenonem à se conditum, praesente et in omnibus adjuvante eo ipso (nisi fallor) Marcello, cui praedictae Revelationes adscribuntur¹⁶¹), — et post alia haud pauca, — «Erat ergo tunc saltem quinquagenaria, cum rediit Constantinopolim, et annus Christi agebatur circiter CCCCLXX, Leone et Verina (Verena ed.) imperantibus, quibus carissima illa fuit; et siquidem ultra annum centesimum vixit; longe ultra quingentesimum Christi vivendo pervenit. Vivebat eo ipso tempore, quo historiam hanc [scil. Marcellianam], longe lateque vulgatam apud Graecos, Latinam fecit Dionysius Exiguus. Cum autem etiam Marcellus diutius ibidem vixerit, fieri non potuit, ut vel ipse (quavis non fuisset, ut erat, moribus integerrimus) alium sacri Capituli inventi modum propalaret scripto, quam cui attestabatur S. Matriona; nec ut alii sub ejus nomine quidquam fingerent, quod ille non continuo refutasset»¹⁶²).

His viri clarissimi argumentis opponendum est meris ea niti coniecturis, quarum potiores quidem diductis litteris significavi. Veluti pro certo quidem affirmari nequit (quod sane Papebrochium quoque concedere ipsius illa «*nisi fallor*» adiecta docent) eundem esse Marcellum monasterii Spelaei archimandritam atque Marcellum diaconum Constantinopolitanum; quin etiam hunc ab illo plane diversum esse existimemus necesse est, si Vitam s. Matrionae respexerimus, ubi diaconus tantummodo Marcellus ubique commemoratur. Quae cum ita sint, nec eas quidem Papebrochii rationes, quas in illa n. 130 clausula («*Cum autem etiam Marcellus*» et q. s.) exposuit, firmo niti fundamento apparet.

Praeterea vellem demonstrasset vir clarissimus vivente etiam tum s. Matriona reapse «*longe lateque vulgatam apud Graecos*» fuisse istam historiam Marcellianam. At vero tantum abest, ut haec pro certo affirmari possit, ut nihil omnino impedire mihi quidem vi-

161) Acta SS. Iunii, t. IV p. 720 sq. (n. 128).

162) Ibid. p. 721 col. I/II (n. 130).

deatur, quominus aut postremis demum vitae s. Matronae annis aut adeo post huius obitum istam historiam confictam esse censeamus, — quo de mox alibi uberius acturus sum, nunc quidem quominus agam, tempore exclusus ¹⁶³).

Quae cum ita sint, Papebrochii conclusioni — « *Maneat igitur inconcussa veritas Historiae* [Marcellianae] » ¹⁶⁴) — iam nullo modo me adsentiri posse patet ¹⁶⁵).

Pargoire, illam Henrici Matagne de s. Abrahami et Abramii nostri monasteriis Constantinopolitanis opinionem ¹⁶⁶) examinans, pro suspecta quidem et ipse Vitam s. Matronae habuit, cuius Vitae Metaphrasteam tantummodo novit recensionem, nequaquam tamen omnia, quae hac suppeditantur Vita, omnino reiicienda esse censet, sic ratiocinatus: « Sa [scil. Metaphrastae] Matrone, enfermée dans un couvent d'Émèse, y assiste en 453 à l'invention du chef de saint Jean-Baptiste, à l'invention de ce précieux chef caché depuis les temps d'Hérodiade et transféré cependant à Constantinople dès 390. Sa Matrone est mère de famille et catholique, mais elle porte le même nom qu'une vierge macédonienne dont les destinées se trouvent étroitement liées, sous Valens et Théodose, à la translation de la même relique de saint Jean-Baptiste. Sa Matrone s'habille en homme et prend à son compte une partie de ces faits dérivés d'une source commune que l'hagiographie orientale applique généreusement à près d'une douzaine de femmes transformées en moines. Ce sont là de mauvais sons de cloche. Leur écho se prolonge dans la phrase de Tillemont: « Je ne croy pas que cette Vie puisse faire aucune autorité » (*Hist. Eccl.*, XVI, 56). Ils ne permettent pas, toutefois, de rejeter en bloc la biographie tout entière. Si l'on ne peut dire: « Le

163) Hoc tamen interim notabo s. Matronam, quae « anno circiter 420 » nata esse, « anno 524 vel paulo prius » diem supremum obisse vulgo putatur (Delehaye, *Acta SS. Novembris*, t. III p. 789 B; cf. Papebrochius l. c. p. 721 C), etiam anno fere 412 nasci fereque 512 obire potuisse. — Illud autem Decretum, quod Gelasii esse fertur, anno fere 520, Hormisda pontificatum Romanum regente, conscriptum esse veri est simillimum, cf. Friedrich, *Sitzungsber. der philos.-philol. und der histor. Classe der k. b. Akad. der Wiss.*, 1888, vol. I p. 83.

164) *Acta SS. Iunii*, t. IV p. 721 D, n. 131.

165) Quae vero deinceps de Metaphrastae fide dicit vir clarissimus (n. 131), antiquiore illa s. Matronae vita reperta iam cadere per se intellegitur.

166) Cf. supra p. XIV med.

monastère de Saint-Abraham existait vers le milieu du Ve siècle, puisque la Vie de sainte Matrone l'affirme, > l'on ne peut dire davantage: < Le renseignement de cette Vie touchant le monastère Saint-Abraham est certainement erroné > ¹⁶⁷).

Ac primo quidem loco quantum illud Tillemontii argumentum hic repeti videmus, quo de mox infra uberius agetur. Quod autem ad alterum idque novum argumentum a viro clarissimo adlatum attinet, id nequaquam tanti esse momenti equidem existimo, ut Vitae s. Matronae fidem infringat ¹⁶⁸). Certe vix quisquam, opinor, adfirmare ausit semel solummodo nec saepius in Oriente factum esse, ut mulier maritum fugiens in virorum monasterio tamquam eunuchus delitesceret.

Delehaye, qui antiquiorem illam Vitae s. Matronae recensionem primus edidit eaque usus est, temporum computo primum instituto ¹⁶⁹), < Si sola > inquit < tempora respexeris, narrationis compagem non ita male sibi cohaerere fatendum erit > ¹⁷⁰). < Verum, > perguit vir clarissimus, < si singula narrata expendimus, non levia oriuntur dubia suspicionesque sinistrae > ¹⁷¹), quas deinceps enumerat, partim eas quoque repetens, quae iam a Tillemontio prolatae sunt ¹⁷²), partim novas addens ac potiores quidem, ut par est, uberius examinans.

Et in levioribus argumentis quod novum profertur ¹⁷³), vereor equidem, ut recte iudicet vir clarissimus; mihi saltem eadem illa antiquioris Vitae capita iterum iterumque perlegenti his nihil inesse videtur, quod iustam suspicionem excitare possit.

Sed ad < maiores difficultates > transeamus examinandas, quas < ex locis Sozomeni et Theophanis > exsurgere ait idem vir clarissimus, sic pergens ¹⁷⁴): < Et ut de hoc primum dicamus, merito mireris Matronae laudatorem ea minime tetigisse quibus, teste

167) Pargoire l. c. [adn. 69] p. 97.

168) Cf. Delehaye Die hagiographischen Legenden, übs. von E. A. Stükelberg, Kempten und München 1907, p. 99 sq.

169) De s. Matrona commentarii praevis cap. 19 in Act. SS. Novembris, t. III p. 789 col. 1.

170) Ibid. p. 789 B.

171) Ibid. p. 789 C, cap. 20.

172) Cf. supra p. XXXVIII sq.

173) Delehaye l. c. p. 789 C: < non ita (scil. probabile videtur), quod, eam ubique insectante Domitiano, perpetuo effugere potuerit, ea maxime ratione qua id Emesae (c. 13) et Hierosolymis (c. 14) contigisse narratur. >

174) Delehaye, ibid.

Theophane, maximam sibi laudem adeptam sit, eo magis quoa ceteris eius gestis recentiora essent, et ipse horum temporum procellas minime ignorasse videatur (ἡ γὰρ καταλαβούσα καὶ τότε καταιγὶς τοὺς τῷ Χριστῷ δουλεύειν ἐθέλοντας γνησίως καὶ τῶν ἀγιωτάτων ἐκκλησιῶν ὁ τάραχος . . . c. 50).»

Quae ut melius a legentibus intellegantur, ipsum Theophanis locum, quo de agitur, proferam necesse est, — p. 141, 19 τούτῳ τῷ ἔτει (scil. 499) Μακεδόνιος (archiepiscopus Constantinopolitanus) γνώμῃ τοῦ βασιλέως (Anastasii) ἐνώσαι τὰ μοναστήρια τῆς βασιλίδος ἐσπευδεν ἀποσχίζοντα διὰ τὸ Ἐνωτικὸν (ἐνωτικὸν ed. hic et infra) Ζήνωνος. ἀδυνατῶν δὲ τοῦτο ποιῆσαι, συνεβούλευσε τῷ βασιλεῖ τοὺς ἐνδημοῦντας ἐπισκόπους συνελθεῖν καὶ τὰ ἐν Χαλκηδόνι καλῶς δογματισθέντα ἐγγράφως βεβαιῶσαι· ὅπερ καὶ γέγονε δι' ἐγγράφου πράξεως. καὶ προετρέπετο τὰ μοναστήρια πρὸς ἐνωσιν, μάλιστα δὲ τὴν Διουμονήν καὶ Βασιανοῦ¹⁷⁵) καὶ τῶν Ἀκοιμήτων καὶ Ματρῶνης, ἅτινα (& τινα ed.) μᾶλλον καὶ ἀπέσχιζον τῶν δεχομένων τὸ Ἐνωτικὸν Ζήνωνος καὶ ἐξορίας προθύμως ὑπέμενον. ἐνοστάντων οὖν αὐτῶν, συνεῖδεν¹⁷⁶) Μακεδόνιος τῇ προαιρέσει αὐτῶν καταλιπεῖν αὐτοὺς ἢ διωγμὸν [p. 142] ἐγεῖραι κατ' αὐτῶν. Ματρῶνα δὲ ἡ ὅσα ἔτι ζῶσα καὶ μὴ κοινοῦσα σὺν ταῖς σὺν αὐτῇ ἀσκητρῆλαις διὰ τὸ Ἐνωτικὸν Ζήνωνος παράδοξα πολλὰ ἐνεδείξατο, Χρυσσαορίου διακόνου τῆς <Μεγάλης?> ἐκκλησίας αὐτὴν ἀναγκάζοντος¹⁷⁷). καὶ ἄλλη δέ τις, Σοφία καλουμένη, ἐπίσημος ἐν μοναζούσαις πολλὰ παθοῦσα μεγάλην ὑπομονὴν ἐνεδείξατο.

Delehayeo vero illud, quod notavit, miranti equidem eundem illum Vitae cap. 50 locum, quem ipse laudavit nec tamen totum protulit, opposuerim (p. 812 B): οὕτως οὖν ἡ [τιμὴ καὶ add. A] ὄσιωτάτη Εὐλογία χρόνους οὐκ ὀλίγους¹⁷⁸) μετ' αὐτῆς διαγομένη καὶ¹⁷⁹)

175) Hanc codicis c (Vatic. 155) praefero lectionem, quippe quo etiam optimus ille Theophanis codex (b — Vat. 154), βασιανοῦ praebens, ducere videatur; Βασιανοῦ ed.

176) Hanc optimi illius codicis lectionem perperam de Boor spremit, συνεῖδε reponens.

177) Data occasione perridiculum Caroli de Boor perstringam errorem, qui vir videlicet sagacissimus cum illud ἀναγκάζοντος (p. 142, 4) vexandí vim hic habere non intellexeret, haec in indice suo (vol. II p. 724) dedit: «Χρυσσαορίος: Diaconus, qui beatam Matronam miracula patrare cogit 142, 3.»

178) Sic AV: οὐκ ὀλίγους χρόνους tr. S*. — Codicis P ope iam destituti sumus, quippe cui totus Vitae s. Matronae finis inde a medio fere cap. 41 desit.

179) καὶ AV: om. S*.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходять съ 1893 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадаются на два отдѣла: официальный и научный.

Въ официальномъ отдѣлѣ помѣщаются годовыя отчеты Университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертацияхъ, обзорныя лекціи и т. п.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей Университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотою медалю.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Вудрявскій.**
